

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Филология. Социальные коммуникации”

Том 23 (62). № 3

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2010

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н., проф., академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф.-м. н., доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф.-м. н., проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н., проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н., проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н., проф.**Климчук С. В.** – д. э. н., доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф.-м. н., проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н., проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н., проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н., проф.**Шоркин А. Д. Д.** – филос. н., проф.**Юрченко С. В.** – д. полит. н., проф.**Редакционный совет серии "Филология. Социальные коммуникации":****Александрова А.В.**, д-р. филол.н., проф.**Богданович Г.Ю.**, д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Социальные коммуникации"),
(bogdanovich@crimea.edu)**Борисова Л.М.**, д-р. филол.н., проф.**Гуменюк В.И.**, д-р. филол.н., проф.**Егорова Л.Г.**, канд. филол.н., доц. (ответственный секретарь)**Ищенко Н.А.**, д-р. филол.н., проф.**Казарин В.П.**, д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Филология"), (crch@mail.ru)**Меметов А.М.**, д-р. филол.н., проф.

Новикова М.А., д-р филол. н., проф.

Орехова Л.А., д-р. филол.н., проф.**Петренко А.Д.**, д-р. филол.н., проф.**Прайд Ю.Ф.**, д-р. филол.н., проф.**Ризун В.В.**, д-р. филол.н., проф.**Селендили Л.С.**, канд. филол.н., доц. (ответственный секретарь выпуска)
(crimeantatarphilology@hotmail.com)**Сидоренко Н.Н.**, д-р. филол.н., проф.**Ященко Т.А.**, д-р. филол.н., проф.Печатается по решению Ученого совета факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 2 от 27.09.2010 г.

Подписано в печать 03.11.2010. Формат 70х100 1/16. 26 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 11/10-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Том 23 (62). № 3.

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2010

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

© Таврический национальный университет, 2010 г.

ТЮРКОЛОГИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК 81'373+811.512.145

ЛЕКСИКА ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА

Юсупова А. Ш.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия
E-mail: alyusupova@yandex.ru*

В данной статье подробно проанализирована лексика двуязычных словарей татарского языка XIX века, выявлены семантическое развитие и происхождение лексических единиц, зафиксированных в словарях. Автор так же прослеживает историю развития слов и уделяет особое внимание изучению взаимовлияния и взаимодействия разных языков.

Ключевые слова: двуязычные словари, лексика, татарский язык, XIX век, заимствованная лексика

Постановка проблемы. В XIX веке с целью обучения татар русскому, а русских - татарскому языку были составлены и изданы словари И. Гиганова Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе, учителем татарского языка Софийского собора, священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный (СПб., 1801, 1804), А. Троянского Словарь татарского языка и некоторых употребительных в немъ речений арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ (Казань, 1833, 1835), С. Кукляшева Словарь к татарской хрестоматии (Казань, 1859), К. Насыри Татарско-русский словарь (Казань, 1878, 1892), Н. Остроумова Татарско-русский словарь (Казань, 1876, 1892), Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом (Казань, 1880, 1882, 1886, 1888, 1891) Миссионерского общества, А. Воскресенского Русско-татарский словарь (1894), М. Юнусова Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений (Казань, 1900).

Тюрко-татарская лексика двуязычных словарей исследовалась по принципу, выработанному на основе существующих в современном языкознании тематических классификаций. Выделено 6 основных лексических групп слов: человек как живое существо; человек как чувствующее, желающее, мыслящее и говорящее существо; человек как общественное существо; страна, государство; человек и окружающий мир; общие категории.

Из общего числа (31) тематических подгрупп тюрко-татарской лексики так или иначе в семасиологических, ономасиологических описаниях было затронуто менее половины (11), причем 7 из них принадлежат первой группе – «Человек как живое существо»: «Термины родства», «Свадьба», «Одежда», «Наряды», «Еда и питье»,

«Строение», «Болезни, телесные недостатки». Представлен также лексический материал по таким группам, как «Хлеба, травы», «Плоды и овощи», «Названия деревьев», «Птицы», «Животные», «Вещи на гумне», «Суд».

Ориентируясь на схему, можно представить объем и детальность исследований по тематическим группам в виде конуса, причем максимум, или его вершина, соответствует наиболее изученной части лексики – «Человек как живое существо», а боковые углы символизируют уменьшение числа исследований и их глубины по мере удаления от центра к периферии, т.е. к областям «Общие категории» («Время», «Мера», «Цвета», «Числа») и т.д.

В татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в. в 75–80 % случаев отражена народно-разговорная лексика, которая активно употребляется в современном татарском языке.

В словарях зафиксирована также устаревшая лексика татарского языка. Многие лексические единицы в современном татарском языке не употребляются, они забылись или были заменены другими синонимами. Такие слова, как **тон** – изморозь [О., 1876, с.123], **кыярчы** – продавец огурцов [О., 1876, с. 97; О., 1892, с.138], **затташ** – соотечественник [О., 1876, с.78, О., 1892, с.91], **тачик** – близорукий [О., 1876, с.170; О., 1892, с.191], **кертляк** – развратная женщина [О., 1876, с.95, О., 1892, с.143], **мылтыкчы** – охотник [О., 1876, с.101, О., 1892, с.189], **буй** – запах [К., с.27], **адак** – нога [К., 1859, с.13], **жалау** – завязка у платья [Т., 1833, с.407], **ялау** – флаг [Т., 1835, с.314], **ياس** **яс** – траур [Т., 1835, с.295], **кон чячяге** – ногти [Т., 1835, с.192], **рыхим кошы** – пеликан [Т., 1833, с.543], **саз агачы** – ива [Т., 1833, с.575], **ышык балык** – треска [Т., 1833, с.42], **кавын агачы** – цитронное дерево [Т., 1833, с.49], **кавырга балык** – кит [Т., 1835, с.73], **берлин арбасы** – карета [Ю., 1900, с.33], **сяке** – лавка [Ю., 1900, с. 55], **وت قويماسى** **ут кюймасы** – пароход [Н., 1878, с.16], **ут арбасы** – паровоз [Н., 1878, с.120], **жилдырга** – лыжи [О., 1876, с.72], **сяндра** – полати [Ю., 1900, с.55], **түсьтүщеручи** – фотограф [Ш., 1893, с.7], **сувык темерчи** – слесарь [Ш., 1893, с.7] и т.д. в современном татарском языке как языковые средства не функционируют.

Некоторые слова, зафиксированные в татарско-русских и русско-татарских словарях, являются историзмами или архаизмами: **ләшкәр** – войско [Т., 1835, с.201], **ямин** – присяга [Т., 1835, с.326], **ту** – знамя [Т., 1833, с.379], **تنگه خانه** **тянкяханя** – монетный двор [Т., 1833, с.377], **биняк** – тысяча [К., 1859, с.26], **туман** – большое скопление людей [О., 1876, с.125; О., 1892, с.205], **тартым айыл** – ремень, которым подтягивают подушку на седле [Б., 1871, с.208], **Үмәр** – река Обь [Б., 1869, с.158], **танукъ** – свидетель [Ю., 1900, с.47], **табанча** – пистолет [Т., 1833, с.5], **айбалта** – секира [Н., 1892, с.11], **алай** – отряд [К., 1859, с.12] и т.д.

Многие татарско-русские и русско-татарские словари XIX в. составлены на основе литературного языка, но, несмотря на это, с точки зрения сегодняшнего дня в них имеются и слова, относящиеся к диалектизмам: **бакрачь** – мѣдный сосуд [Н., 1878, с.29; Ю., 1900, с. 23], **комшян суы** – ртуть [Т., 1835, с.194], **кукар** – плотник [О., 1876, с.93; О., 1892, с.130], **жомган** – художник [О., 1892, с.68; О., 1876, с.69], **алымсак** – взяточник [О., 1876, с.48; О., 1892, с.11], **кибрян** – наволочка [Б., 1871, с. 172], **кыз углан** – девочка [Н., 1878, с. 73], **чемэк** – гвоздь бочечный [Т., 1835, с.

152], **бистяр** – полотенце [Кр., 1880, с.6], **туйра** – дубняк [Кр., 1880, с.7], **эт бороно** – шиповник [Кр., 1880, с.8], **айбагыр** – подсолнечник [Кр., 1880, с.23], **гердя** – булка [Кр., 1880, с.4], **боголь** – стог сена [Н., 1878, с.33], **пичкя** – свекровь [Н., 1878, с.36], **шайке** – шайка [Кр., 1880, с.24], **чем** – ветвь [Кр., 1880, с.8], **бюк-кянь**, **кяльжемя** – пирог [Ш., 1893, 13 с.], **айравыкь** – пырей [Ш., 1893, 15 с.], **кяжянка** – чулань [Ш., 1893, с.20] и т. Причины этого явления можно объяснить следующим образом: авторы словарей зафиксировали слова, относящиеся к лексике той местности, откуда сами были родом (К.Насыри, С.Кукляшев, Ш.Габдельгаиз, М.Юнусов). Вероятно, они считали эти слова нормой литературного языка и сознательно стремились внедрить диалектную лексику в свои словари. Авторы-миссионеры (А.Троянский, Н.Остроумов, А.Воскресенский, составители словарей Миссионерского общества) использовали диалектную лексику вместо арабо-персидских заимствований. Они внедряли в литературную речь слова из лексики крещеных татар.

В словарях И.Гиганова большая часть лексики относится к восточному диалекту, что обусловлено местом жительства и работы автора. Словари были составлены на территории Сибири, где проживают сибирские татары. Все языковые особенности диалекта параллельно с литературной нормой нашли отражение в словарях И.Гиганова. Например: **тилбадан** [балан] [с.41], **кузук агаце** – кerd [с.41], **кунлук агаце** – ладан [с.41], **тирак** – сосняк [с. 41], **карагай** – сосна [с.41], **тетъ агачь** – лиственница [с.41], **күсүкь агачь** – кедр [с.42], **байлань** – пихта [с. 42], **мыщрь** – рябина [с. 42], **муиль** – черемуха [с. 42], **карагат** – смородина [с. 42], **астыхвань** – малина [с. 42], **етьбурунь** – шиповник [с. 42].

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX в. дают уникальную возможность представить диалектные особенности языка указанного периода, которые нашли отражение в современных диалектологических словарях. Сохранившиеся в татарском языке диалектизмы отражают исторические связи тюркских народов, племён, этнических групп, в целом древнюю эпоху. Со временем некоторые диалектные слова перешли в общенародный язык, затем, расширяя сферу своего употребления, они проникли и в литературный язык.

Заимствование иноязычных слов зависит от влияния культуры одного народа на культуру другого, от социальных особенностей словоупотребления, от наличия или отсутствия в родном языке эквивалента заимствуемого слова или понятия. Решающую роль в процессе восприятия иноязычной лексики играет то обстоятельство, что заимствованные из другого языка единицы не являются универсальными и отражают специфику видения мира, присущую соответствующей культуре.

Арабо-персидские заимствования составили большой пласт в татарском письменном и разговорном языке XIX в. Это обстоятельство сыграло большую роль в развитии лексики татарского языка.

Многие арабо-персидские заимствования, зафиксированные в исследуемых словарях, испытав фонетическое и грамматическое влияние татарского языка, укоренились в нем и стали восприниматься как исконно татарские, за исключением тех слов, которые зафиксированы по фонетическим законам арабского и персидского

языков: **калямъ** – перо [Ш., 1893, с.11; О.1892, с.144], **мядряся** – школа [Г.,1801, с19], **мяктапъ** – школа [Г.,1801, с19], **замана** – время [О., 1892, с.90; Т., 1833, с.559; Н., 1892, с. 21; Г., 1801, с. 57; О., 1876, с. 77; Ю., 1900, с. 69], **бяхеть** – счастье [Н., 1892, с. 21; Г., 1801, с. 57; О., 1876, с. 77], **дяряжя** – степень [Т., 1833, с.559], **сәфәръ** – путешествие [Ю., 1900, с. 69] и т.д.

Арабо-персидские заимствования, зафиксированные в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в., были разделены нами на 15 тематических групп: религиозные слова, научные термины, общественно-политические термины, военные и медицинские термины, слова, относящиеся к области быта, растительному и животному миру, еде, напиткам, понятию времени и т.д. Самыми насыщенными группами оказались следующие: **религиозные слова** (пигамбяр, ходай, пярештя, алла, шайтан, тенгри, Алла, Тягали, Тянре, Ходай, Хак тэяля – Раббъ, ризван, зубани, хуръ); **слова, обозначающие абстрактные понятия** (намус, омот, сыр, азаб, багадя, гыйшык, дярт, жан, зиген, кодрят, мирад); **научно-педагогические термины** (джаграфия, няхунамя, гыйлме мантийк, гыйлме хикмэт, филсүфия, фелсүфия, исем зат), **юридические термины** (хокем, хябес, гаделият, канун, ихтыяр, дары, хэбесханә); **бытовые названия** (дастурган, суфра, шәм, шамдан, нардебан, сандала, айна, амбар, анбар, пулат); **термины родства** (жефт, жанэккэ, гәурэт, гэммвэт, дэйэ, жэддэ, ахун); **части человеческого тела** (чынаг, корна, ряхм, йэд, жэсэд, сәббәбә, бинасыр, жисем, мигьдә, чәшем, дәһлән); **названия профессий** (табибъ, сягтялямя остасы, сяргяскарь, сеххафъ, джадучы, хөкөмъ йәсе, хазиняче, галимъ, сяддагиръ) и т.д. В остальных тематических группах количество слов значительно меньше.

Подавляющее большинство арабо-персидских заимствований, зафиксированных в двуязычных словарях XIX в., употребляется в тех же значениях и в современном татарском языке, они претерпели лишь фонетические изменения.

Арабско-персидские заимствования в разных татарско-русских словарях XIX в. зафиксированы в разном объеме. Если в словарях И.Гиганова, К.Насыри, Л.Будагова, А.Троянского, С.Куляшева их достаточно много, то в словарях Н.Остроумова, А.Воскресенского, в словарях Миссионерского общества они встречаются значительно реже. С орфографической точки зрения, арабские заимствования в словаре С.Куляшева представлены в оригинальном виде, т.е. соблюдается принцип арабского правописания. В словарях А.Троянского также сохраняется арабское правописание корня слова, но авторы довольно часто употребляют эти лексемы, добавляя татарские словообразовательные и модальные аффиксы. К.Насыри и Ш.Габдельгазиз придерживаются принципов старотатарского письма на основе арабской графики того времени.

Н.Остроумов, А.Воскресенский, М.Юнусов, авторы словарей Миссионерского общества не пользовались арабской графикой. Татарские слова в их трудах зафиксированы по алфавиту, составленному Н.Ильминским.

Арабо-персидские заимствования, зафиксированные в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в., являются результатом длительного исторического взаимодействия языков и культур. Многие заимствования подчинены фонетическим законам татарского языка, а некоторые из них не изменились. Часть заимствований

до той степени приспособилась к системе татарского языка, что их иноязычное происхождение не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа.

Начиная с XVI в. татарский язык особенно тесно контактировал с русским. Между тем торгово-экономические и иные связи между татарами и русскими начали устанавливаться ещё в древности. После присоединения в XVI веке Казанского ханства к Русскому государству они ещё более окрепли. В процессе общего развития слова, относящиеся к различным областям жизни (власть, суд, военное дело), проникали из русского языка в татарский.

В татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в. русские и европейские заимствования представлены в незначительном количестве. По нашим подсчетам, в словаре И. Гиганова (1801) всего 1700 слов, из них 14 – русские заимствования, в словаре А.Троянского – около 10 000 единиц, из них заимствований – 35; в словаре С.Кукляшева русских заимствований очень мало, так как он составлен на основе арабских и персидских текстов: в данном словаре всего 3546 слов и только 5 из них заимствованы из русского языка; в словаре Н. Остроумова (1876) – 5040 слов, из них 184 – русские заимствования; а в словаре 1892 – 2728 слов, из них 187 – русские слова, в словаре К.Насыри (1878) – 2970 слов, из них 51 русское слово, в словаре Миссионерского общества (1880) – 983 слова, а из них 83 – русские заимствования, в словаре Ш.Габдельгазиза – 1781 слово, из них 33 – русские заимствования, в словаре М. Юнусова – 4448 слов, из них 22 – русские заимствования. Общий объем русско-европейских заимствований составляет лишь 1,13% всей лексики исследованных словарей.

Исследование русских заимствований показало, что часть такой лексики претерпела различные фонетические изменения, другая же, не изменяясь, сохранила русское написание и произношение. Поэтому эти слова подчиняются орфографическим и орфоэпическим нормам русского языка.

Подавляющее большинство русизмов можно лишь этимологически считать заимствованиями. Фактически они уже давно освоены татарским языком и не воспринимаются как иноязычные элементы. Уже в двуязычных словарях XIX века они приводятся наряду с татарской лексикой. На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что часть из них осела в татарском языке в результате устного общения татар с русскими, а другая часть могла проникнуть в процессе приобщения татар к русским письменным текстам.

Обогащение татарской лексики русско-европейскими заимствованиями в XIX в. было обусловлено переменами в общественно-политической, экономической и культурной жизни татарского народа. Исходя из семантики русско-европейской лексики, мы разделили собранный материал на 17 тематических групп: 1) **названия посуды и домашней утвари**: кукшинъ, паднушь, тярlinkя, самавыръ и т.д.; 2) **предметы быта и домашнего обихода**: мунчала, понаръ, плита, ёстял и т.д.; 3) **орудия труда**: лумъ, шпалеръ, шотка, ыстанъ и т.д.; 4) **единицы меры**: лоть, геръ, биршукъ, пот и т.д.; 5) **названия строений**: матча, мичъ, жюшкэ, застунъ и т.д.; 6) **названия растений, продуктов питания**: кябестя, крянъ, анис, грёздя, упунка и т.д.; 7) **названия одежды и материала**: эшлэпэ, картушь, материя, плись и т.д.; 8)

предметы сельского хозяйства: сука, камыть, буряня, буразна, саламъ и т.д.; 9) **учебные принадлежности:** карта, каникул, компас, линейка и т.д.; 10) **военная лексика:** друшка, пулын, штик, пристул и т.д.; 11) **названия профессий:** апикунь, писеръ, патриотъ, пассажиръ и т.д.; 12) **лексика, относящаяся к финансовой сфере:** касса, сума, банка, панкрутлыкъ и т.д.; 13) **юридические термины:** штрау, суть, контрактъ и т.д.; 14) **медицинские термины:** аптека, ликеръ, чакутка и т.д. 15) **музыкальные термины:** срипка, арганъ, гбсья, гитаръ и т.д.; 16) **названия полезных ископаемых:** лазурь, магнить, избись, лабастыр ташы и т.д.; 17) **религиозная лексика:** манастирь, группъ, пупъ, порфира, сочельникъ и т.д.

В татарском языке XIX в., по сравнению с современным периодом, русских слов употреблялось намного меньше. Количество русских заимствований увеличилось в течение XX в. Лишь в начале 1990-х гг. стало проявляться стремление восстановить в татарском языке вытесненную до этого лексику, правда, при постоянном использовании устоявшихся заимствований.

Список литературы

1. Галиуллин К.Р., Сафиуллина Ф.С. Тематический русско-татарский словарь / К.Р. Галиуллин, Ф.С. Сафиуллина – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 287 с.
2. Мәхмүтов М.И. Татар әдәби теленә кергән гарәп-фарсы элементлары / М.И. Мәхмүтов // Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – Б.793–853.
3. Юсупова А.Ш. Лексикографическое и методическое наследие татарского языка (XIX век) / А.Ш. Юсупова. – Казань: Ихлас, 2010. – 104 с.

Юсупова А. Ш. Лексика двомовних словників татарської мови XIX століття / А. Ш. Юсупова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 3-8.

У даній статті докладно проаналізовано лексику двомовних словників татарської мови XIX століття, виявлено семантичний розвиток і походження лексичних одиниць, зафіксованих у словниках. Автор так само простежує історію розвитку слів і приділяє особливу увагу вивченню взаємовпливу і взаємодії різних мов.

Ключові слова: двомовні словники, лексика, татарська мова, XIX століття, запозичена лексика

Yusupova A. Sh. Vocabulary of bilingual dictionaries Tatar language of the XIX century / A. Sh. Yusupova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 3-8.

In the given article the lexicon of bilingual dictionaries of the Tatar language of the XIX century is analysed in detail, the semantic development and origin of the lexical units fixed in the dictionaries are revealed. Author also traces history of development of words and pays particular attention on studying of interference and interaction of different languages.

Keywords: bilingual dictionaries, lexicon, the Tatar language, the XIX century, the borrowed lexicon

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 81'373+811.512.145

LEHÇE-I TATARÎ'NİN SÖZ VARLIĞI ÜZERİNE BİR DENEME

Öner M., Kaya M. Y., Özşahin M.

Эгейский университет, Турция
E-mail: moner@edebiyat.ege.edu.tr

The article presents an attempt to thematic classification language Tatar language. Vocabulary is considered in the lexical-morphological and etymological aspects.

Keywords: Turkish languages, Tatar language, vocabulary, borrowing thematic bundle lexicon, lexicology, morphology, etymology.

Amaç ve Yöntem. Bu çalışmada Kayyum Nasırî'nin ünlü klasik sözlüğü *Lehçe-i Tatarî*'nin madde başları bilgisayar ortamına aktarılmış ve bütün söz varlığı aşağıda verilen ölçülere göre incelenmiştir. Madde başları, eserin 1935'te Türk Dil Kurumu'nda Abdullah Battal Taymas tarafından yapılan fakat hiç basılmadan kalan çevirisine [7] dayansa da asıl metinle [1] karşılaştırma ve denetlemesi yapılmıştır. Lehçe-i Tatarî'nin söz varlığı, XIX. yüzyılın sonunda Kazan merkezli bir yazı dili olarak gelişen İdil-Ural Türkçesinin niteliği hakkında tam bilgi almak üzere incelenmiş ve sonuçları değerlendirilmiştir.

Kayyum Nasırî. Türk topluluklarında sözlük yazarlığının kimlik oluşumu ile doğrudan bağlantısı olduğundan hareket ederek, özellikle eski bir sözlükçülük geleneği olan Tatarlar arasında XIX. yüzyıldaki aydınlanma hareketinin (*megrifetçilik*, *usul-i cedid*) Tatar sözlüklerinin niteliklerine de yansıdığını düşünüyoruz.

Çağının reformcularının en önde gelenlerinden olan Abdül-Kayyum el-Nasırî 15 Mart 1825'te Kazan'ın batısında Yukarı Şırdan köyünde doğar. Kayyum önce molla olan babasının okulunda Farsça, Arapça ve biraz da Rusça öğrenmeye başlar. Sonra da Buhara gibi Türkistan din merkezlerinden birine değil Kazan'daki medreseye devam edip klasik eğitim ile Rusçayı yan yana geliştirir [4, 4]. Burada Nasırî'nin ulema tarafından hoş karşılanmayan Rusçayı gizlice öğrendiğini ve bunun da kendi çalışmalarında çok yararı olduğunu belirtmek gerekir. Nitekim Rusçayı benimseyen ve öğrenen ilk bilginlerden olan Nasırî 1855-1871 arasında Rus Seminerinde Kazan lehçesini okutmuş ve ünlü misyoner İlminski'nin isteğiyle buradan uzaklaştırılmıştır. İki yıl sonra Rusların açtığı Öğretmen Okuluna (*Učitelskaya škola*) Radlov tarafından atanmıştır. 1876'da Ufa'ya giden Nasırî'nin ölünceye kadar serbest çalıştığı anlaşılmaktadır. Kazan Üniversitesi'ne bağlı Tarih, Arkeoloji ve Etnografya Cemiyeti'nin aslı üyesi olan sözlük yazarımız Rus türkolojisinin de her zaman değer verdiği çalışmalar yapmıştır [2, 147].

Çağının Tatar toplumunda öğretmen ve bilgin olarak yer eden Kayyum Nasırî, toplam 40'a yakın eseri arasında, çeşitli alanlara ait 20 kadar ders kitabı yayımlamıştır. Bunlar arasında; *Kratkaya tatarskaya grammatika - Nehv Kitabı*- (1860); *Kıraat-ı Rus* (1889); *İstilahat-ı Cografye* (1890); Rus dil bilgisi için *Nümune yeki Enmüzece* (1891); İmla kuralları için *Kavaid-i Kitabet* (1892); Ekincilik ve bahçecilik hakkında *İlm-i Zira'at* (1892); mutfak kültürü için *İrşadü'l-Etbiha* (1893); insan vücudunun yapısı hakkında *Menafi-i a'za ve kanun-ı sıhhat* (1892); *Cografye-yi Kebir* (1894); *Ahval-i Sekran* gibi

çok çeşitli kitaplar vardır. Bu eser çeşitliliği, Batı’da örnekleri bilinen ansiklopedist bir aydının hemen her konuda bilme ve öğretme arzusunu göstermektedir [4, 8-11; 2, 148-149].

Ayrıca Nasırî’nin yayımladığı halk kitapları vardır. Bunlar Osmanlıcadan aktarılmış ve halka kitap okuma zevki aşılayan popüler edebiyat eserleridir: *Kırk Vezir* (1868); *Kırk Bakça* (1880); *Ebu Ali Sina* (1881); *Kabusname* (1882); *Gülizar ve Çemenzar* (1894).

Ancak Nasırî’nin asıl Kazan dilcilik ekolünü kuran sözlük ve gramerleri çok önemlidir: *Tatarça-Rusça Lugat* (1875); *Lugat-ı Rus Kitabı* (1892); *Enmüzece* (1895); *Kavaid-i lisan-ı arab* (1896) ve nihayet *Lehçe-i Tatarı* (1895-1896).

Lehçe-i Tatarî

Nasırî’nin sözlüğü, Kazan ağzına dayanan Tatar konuşma dilinin bir yazı dili olma sürecine katkısıdır. Tatar adını özellikle Rusların tarih boyunca olumsuz bir yükü kullanmış olmaları, eski Müslüman kimliğinin XIX. yüzyılda millileşmeye başladığı zaman biraz sıkıntı doğurmuş görünüyor. Ancak buna rağmen Şihabeddin Mercanî’nin topluma tarih bilinci vererek yaptığı bu yerelleşme veya millileşme, Nasırî’nin sözlüğü ile yazı dili düzleminde de gelişmiştir. Bu ilk reformcuların (*megrifetçilerin*) öğrencisi olan Abdullah Tukay kuşağı artık Tatarların romantik millî edebiyatını geliştirecektir.

Sözlük, bu adına rağmen, klasik Osmanlı ve Çağatay yazı diliyle bağını koparmış saf bir Kazan ağzı sözlüğü değildir. Nitekim yazı diliyle konuşma dili farkını kendisi Kavaid-i Kitabet’te şöyle belirtmektedir: “Medeni insanın iki tür dili olur, birisi anasından süt emdiği sürece öğrendiği dildir. İkincisi de bir öğretmenin yanına eğitim-öğretim için verilince bilim ve teknik terimleri ile açılan dildir” [2, 150].

Lehçe-i Tatarî gerek adının verdiği ilhamla gerekse yerel söz kadrosunu klasik yazı dilini geliştirmek üzere toplayıp sunmasıyla XX. yüzyıl başlarında gelişen Çağdaş Tatar yazı dilinin geleneğini kuran etkili bir dil anıtıdır.

İki ciltte toplam 332 sayfa tutan sözlük (226+106) çift sütun halinde dizilip basılmıştır. Arap alfabetiğine göre harf-al-alif, harf-al-ba, harf-al ba al-fârisî... biçimindeki başlıklarla klasik biçimde düzenlenen sözlükte gerek görüldükçe halk türkûleri, bilmeceler ve atasözlerinden örnek verilmiştir. Anlam karşılıklarında ise açıklama ve tanım yönteminin yanı sıra Arapça veya Farsça sözler verilmiştir. Nasırî’nin madde içlerinde sık sık ve rahatça Osmanlıca ve Çağatayca karşılıklar vermesi, her iki yazı diline ne kadar bağlı olduğunu göstermektedir [2, 151].

Lehçe-i Tatarî tam bir Tatar sözlüğü sayılmamış veya çağdaş sözlük yazarlığı bakımından eksik görülmüş olabilir [7]. Ancak bu, XIX. yüzyıl Tatar toplumunda, tam da bir millî kimliğin oluştuğu çağda, geniş halk kütlesini aydınlanma sürecine katan Nasırî’nin sözlüğüdür. Bu bakımdan Türkiye’de Ahmed Midhat veya Şemseddin Sami’nin etkisine benzer bir konumu olan Nasırî’nin yazdığı sözlük de çağının yazı dilinin sözlüğü olma hakkını taşır. Bu düşünceyle Lehçe-i Tatarî bizim tarafımızdan XX. yüzyıl başında gelişen Kazan esaslı Tatar yazı dilinin bir anıtı olarak kabul edilmiştir.

Genel Söz Varlığı

1. Toplam söz varlığı :7043

2. Alıntılar :1601

- **Arapça Alıntılar :1089** (ahir, bereket, beşaret, beyaz, beyit, bina...v.b.)

Sözlük yazarı alıntı sürecinde bazı sözlerde ses ve anlam değişmelerini de belirlemektedir: *abız* “avam arasında asıl âlim ma’nasında müstameldir, ul bik abız kişi dirler ki âlim kişi ma’nasındadır.”; *içmasa*: asılda *hiç imese*; *piyala* : aslı *piyale*; *dirbiya* “ter-biye’den muhaffettir; heyalem (veya hayyü’l-alem) “bir devaî ottur ki yara otu dahi tesmiye olunur”.

- **Farsça Alıntılar :488** (abad, abdest, abruy, ahund, arzan, asman, aşifte
- **Rusça Alıntılar :21** (astane cibs çahol çarka çumdan gruş...v.b.)
- **Rumca Alıntılar :3** (atrilal :“kuzgunayağı” denilen bir devaî nebattır, feris-mus :arabça nuuz derler (hastalık), kuti :kutu...v.b.)

3. Fiiller :2496

-mak/-mek ekli : 2460

abalanmak
abdıramak
açmak
açulanmak
adaşmak
.....v.b.

-v ekli : 36

aşav
aşkınuv
ayrıluv
azuv
bağlanuv
.....v.b.

4. İsimler :4547

Özel Adlar : 25	Kavram Adları :52	Sayılar :106	Sıfatlar :552	Renkler :39	Soru Sözleri:23	Zamirler :4	Edatlar- Bağlaçlar:93
Adem	cinaklık	altı	bereketli	ala –	acaba	anda	birle
Aderbaycan	çatlak	altmış	bürmeli	kula	acep	munda	birlen
Cevahir	irkinçilik	altmış	caylı	alaca	kaç	mundagi	bilen
tavu	katılık	ming	cilenli	alatanli	kaçan	mundan	çaklı
Çenک	kavdırlık	bir	çıraylı	ciren	kaçangı		çünkü

Konulara Göre Söz Varlığı

1. Evren, zaman :95

ahşem	behar	dakika	kün	şems
atna	biçin yılı	duşenbe	meh	takvim
atnakün	ceygi	irte	nevruz	tang
ay	çak	ıyyül	nisan	uç cevher
ayazlık	çarşenbe	ıyyün	rebiul-evvel	zühre yulduzu
bars yılı	çupan yalduzu	kiçe	seher	zülhicce

2. Dünya, gökyüzü, hava olayları :145

açı buran	dala	kün çıkışı	şevle	upkun
açı cil	derya	küreî arz	tag	zelzele
ayaz	dingiz	kürfez	tavlık	
bahr	kasırğa	ruşen	tire	
bulut	kün batışı	salkın	tuprak	

3. Madenler, mineraller : 84

abkar	billür	hamız	kükürt	taş
açı taş-açutaş	bura taşı	incü-yincü	kümüş	timir
ak altun	cevher	ine taşı	mercan	tufrak
ak kurgaşın	çinko	kalay	mıknatıs	zeberced
alçı	estirhan kınası	kan taşı	nift	
almas	firuze	krom	piruze	
bakır	fosfor	kurgaşın	sadef	

4. Bitkiler: 361

açı alma	arslan tişi	cülнар	ir tamırı	üç yafrak
açı kıyar	artış çileği	çemen	it tigenegi	üküz küzü
âdânu'd-dub	at kuzgalığı	davul çiçeği	öksürük otu	ürme gül
âdânu'l-erneb	ayu küpşesi	defne	papadya	zeytun
agu otu	ayva	hasır out	piçen	
ağaç	benefsec	ısrıgan otu	reyhan	
anduz	biberiye	ilek-çilek	sünbül	
arslan avzı	ceviz	ineli ağaç	turunç	

5. Hayvanlar : 219

alabalık	aygır	bürü	saka	toygır
alakarga	ayu	camus	sandugaç	tülkü
arı	baka	deve	sıçkan	uglak
arslan	balkurtu	ebabil	tana	ügüz
as	barıs	fil balığı	tavşan	
at	buga	kanari	tavuk	
av iti	bulbul	kaplan	tavus	
av kuşu	bürküt	koç	tay	

6. İnsan vücudu : 139

arka süyegi	baş süyegi	çeşm	mide	tiz
avız	bazu	dimag	muyun	ürek
azu tiş	bilek	hançere	tamak	
bağır-bavur	büyük	kabırğa	til	
bağırsak-bavursak	ciger	kalca	tirnak	
	çaç	mıyık	tirsek	

7. Doğum, hayat, hayatın çağları, ölüm : 40

arusak	hanım	kiş	ömrü tabibi	üç nevbet
balalık	hatun	kişi-kara	şebab	ülük
bebek	karçık	kişilik	tabut	ülüm
can	kartymış	kün	tifl	ümür
çaş-çilikincik	keleş	maaş	tiriklik	ümürlük
cigit-cilen	kıska ayak	maişet	tirik-tiri	vefat
ferzend	kız	naz	tütünsüz avul	velâde

8. Hastalıklar : 115

bevlid-dem	çeçek	humma	kızamık	ta'un
bürü sırhavı	çuban	it imçeği	kuş kirpik	tavuk küz
büsür	ferismus	(memesi)	küz avruvu	verem
cüzam	harkatül mide	kısırlık	nezle	zatul-cenb

9. Hekim, eczacı, cerrah : 73

agu	cerrâh	habbe	iç kitergüçü de-	işekkulağı
babasır üleni	cünd bidester	hakim	valar	kozahane
balvuzlu mey	çare	hamile	iç tuktatkuçu de-	merhem
belile	çir	haml	valar	neşter
belsen mayı	dari şifa	harmel	iç yumuşarkucu	perhiz
besbase	daru	hasta	devalar	ravend(revend)
bizgek otu	daruhane	hecamet	im	tiryak
cerahat	hab	husyetus-saleb	incibar	tuyta

10. Besinler : 135

ab	buza	içimlik	paça	talkan
açı bal	cuvaça	incir	persmeç	tutmaç
açı kebişti	çağır	kahve	piyaz	tuy aşı
alarud-armud	çekçek	kak	rızık	tüterme
arış ikmeği	çelppek	kakalagan	salma	un-çeç
arpa suvu	çurpa	kaymak	sarkut	uyutku
bal	çüçpere	kebab	sebze	yuka
behram aş	çürek	keşkek	süşü	yumurka
bulamaç	düğü	kuş tili	süt	zahire
buruç	helva	kümeç	şeker	
butka	hoşab	mey	şurpa	

11. Giyimler, süs, takı : 154

alka-bucura	bilezik	fes	itik ükçesi	takıya
aster	biyeley	hırka	kaftan	takke
ayak kiyimi	cırtık keviş	ıçlık	kalpak	uka
barmakça	cifek(yifek)	ıştan	kara tun	yüzük
baş kiyimi	cün(yün)	itek	papuş	
bez-büz	çabata	itik	sırğa	
bilekçe	çaçaklı yavlık	itik konuçu	şalvar	

12. Ev : 59

açkıç	çaçak	işik	kuyunma hane	tennûr
ambar	çıbıldık	kapka	kübük	tereze
aşhane	çıtırmanlık	kaşaga	kügen	uçak
balâhane	çulan	kecenke	mahzen	uçaklık
busaga	der	kenif	matbah	utunluk
bülme	dervaze	kurum	nerdiban	yuzak

13. Mobilya, kap kakak : 272

alet	çamçak	eşya	minder	tarak
aşavlık	çanak(çınayak)	hokka	namazlık	tastımal
bakraç	çıbırkı	ışkaf	palas	tencere
baskıç	çirak	ine	perde	tirek
bav	çişme	kap	pıçak	urunduk
bilev	çumdan	karga burnu	sabun	ütü-ütük
camedan	defter	kayış	saz	üstel
curgan(yurgan)	desterhan	kazma	sibirki	üzengi
çahol	destmal	kemend	tabak	yüksük
çakma	durbin	kuti	takta	zenbil

14. Şehir : 25

abad	belde	belde	imaret	mahalle
abadanlık	cabılka	cabılka	kala	medine
avul	cabılsa	cabılsa	kal'e	semt
baçın	cadde	cadde	kasaba	tıkırık
bargah	cay	cay	kend	uram

15. Evlilik, aile, akraba: 47

aşiret	bin (ibn)	irli-hatunlu	kaynata	piçke
baba	cizne(yizne)	işli-kuşlu	kiyev	pir
baca	cizney, ciznekey	iyal	kuldaş	puser
bala	cür	karındaş	künye	tete
bala-çaga	dede	karındaşlık	nebire	tugan
bala-çagalı	hale	kayı	neseb	tugma
baldırı kara	igeç	kayın ini	nesebteş	tuta
baldız	imçekteş	kayın singil	nesil	tutay, tutakay
bike	ir	kaynaga	nesildaş	
bikeç		kaynana	peder	

16. Ticaret, iş, para, maliye işleri : 93

akçe	bazar	harclık	müşteri	tavar
alış-biriş	dirhem	hazne(hazine)	panayır	terazu
altun	dükân	hisab	pul	ticaret
arşun	erzani	hisse	satucu	uçuzluk
arzan	esnaf	imane	sermaye	ülçev
atlas	fidyе	kefillik	sevdeger	zarar
batman	harac	kesadlık	tacir	

17. Meslekler : 96

abız	buyavcı	hokkabaz	medda	tunçu
altuncu	casus	ikmekçi	mutrib	unçu
arbaçı	ci	ilçi	nasihatçı	utunçu
attar	çıptacı	kâhin	pişikçi	uyukçu
avçı	çölmekçi	kasab	pustavcı	üstelçi
bala beguçu	hadim	kayrakçı	sihir	yul karavcı
balçı	hafız	kozacı	terbiyecі	yumurkacı
baltaçı	hammal	kümeççi	tercüman	yurgancı
başmakçı	hizmetçi	kütüçü	tilmaç	

18. Tarım, bahçecilik :71

aç buğday	bakça	bustan	kibek	tütel
arpa	bakıle-bakle	çabagaç	küşül	urakçı
aşlık	bakra	çeçü vaktı	prinç	urluk
aşlık-taru	bastırık	galle	sabak	üzerklik tohumu
badam	berengi	ındır	saban	ziraat
badıncan	bugday	igin	tarlav	
bag	burçak	kantar	taru	

19. İnşaat : 71

ahur	burguç	kale divarı	kurgah	seki
aratalık	çadır	kazılma	küllіye	sıva
bagana	çişme	kibit	künküre	tabakals
balta	hamam	kirte	küpür	taş yurt

bina	hanikah	kubbe	kürsi	tünglük
burav	hücre	kural	salaş	

20. Dil bilgisi, yazma sanatı, edebiyat : 81

azım	fihris	isim	masdar	rivayet
bab	harf	ismi sıfat	mazmun	sernam
beyit	hat	ismi zat	mecmua	sühan
bitik	hikâyet	kafiye	mısra	süz
çapahane	ilmi lûgat	kâtiblik	mizah	takrir
dastan	ilmi lûgatiarabiye	kavl	muharrir	tasnif
ebced	imlâ	kıssa	name	tozkire
elif	inşa	kinaye	nevrüz kitabı	vezn
eytiş		makal	peşin-pişin	

21. Bilimler : 43

atlas	hututu hendesiye	medrese	rüşdiye medre-	ukuçu
cisim	ilim	mekteb	sesi	ukugan
celeb(çalab)	ilmi resmil-hat	mektub	sebak	ukutucu
celebî	ilmi tefeir	mesaha	sufastaiye	ulumi nakliye
ders	isab	müctehid	şakird	ulumi akliye
eşkâl	kimya	mükaşefe	tahsil	ulumi rıyaziye
fen	kitab	pergar	talim	üç ilmi
fillasof	kitabeta	pişkadem	talimhane	ügrençik-ürençik
funun	maarif	rasadhane	tarh	

22. Güzel sanatlar : 16

baraban	erganun	kukla	nagme	urnay
cır	eserli	kuray	peyker	tanbur
dünbere	kubuz	mizahçan	sa'nat	zurna

23. Toplum ilişkileri, oyunlar, sporlar:169

adaş	devlet	ipdeş	kürşü	uyun
argan	düşman	ittifak	kürşülük	vasi
arkadaş	efendi	kara halk	meclis	veda
asırdaş	ermagan	kavim	meclisteş	yuksul
başçı	fakir	kazak	nikâh	yul ayağı
bendelik	fırka	kethuda	saban tuyu	ziyafe
cavçı	hizmet	körüngücü	tuy	
cümle	hoca	kumaçav	urtak	
cünbüş	ıçki meclisi	kunaklık	urus-ulak	

24. Yolculuk : 31

arba	harita	mesafe	tuşe	yul esbabı
canib	karvan	müsafir	uzuçu~uzgunçu	yulavcı
castub	kervan	müsafirlik	vecih	yuldaş
fersah	kulaguz	piyade	yukarı	yuldaşlık
garb	kunak	sakak	yukarıklık	yüksek
gurbet	magrib	timur yul	yul	

25. Toplum, hükümet : 54

bayrak		paye	tarhan	ülke
buyuruk	kaan (kagan)	saltanat	tuğra	vatan
ferman	milk,mülk	sultan	türe	yurt
fermani	nişan	şehzade	urun	

hümayun	padişah	taht	urunsuz	
26. Yasama, hukuk : 25				
ata hakkı	davalı	ısbat	kuştan	nizamname
bidayet mahkemesi	habishane	kaçkın	mahkeme	tanık
dagdaga	hidiv	kanun	müddai	terenk
daragacı	hükûmet	kanunname	müddai aleyh	türme
	hüküm	kazi	nizam	zindan
27. Ordu, savaş : 44				
asker	buluk	çeri(çerik)	mıltık	tüfek
atlı asker	cebe	darb	sefer	uk
aybalta	cebehane	derbe	sençki(çençki)	ukçu
baranger	cevşen	gazi	sıpahi	uruş
barut	cihad	ilgar	silahşör	
barut tuzu	cihadi ekber	kaçak	suguş	
baruthane	cuvanmerd	kalkan	terte	
başlık	çavuş	mancinik	tuphane	
28. Dinler, inançlar : 159				
abdest	bed dua	dünya imanı	keşiş	şeytani
abruy	belâ	evliya	kurban	tamug
ahiret	but	farz	makulati aşir	tekye
ahiret dostu	camî	fatihe	mescid	tengri
ahremen	cehennemlik	haram	nas	tesbih
ak yul	cennet	ibadet	perverdîkar	ucmak
albastı	dindar	iblis	peygamber	ugan - ugun
arkılı	diyanet	igiz	rak'at	uyle namazı
ateşkede	dua	imam	şehadet	vahy
ateşperest	duzeh	izi	şeyh	
29. Soyut terimler : 227				
akıl	dari dünya	katı kişi	mizac	yüz suvu
ar	dev	kismet	mücerred	zarafet
asatlık	fayda	kızık	sır	
aşnalık	fusun	maslahat	şum	
ateşi hicran	hatir	mel'un	tin	
bilgi	hayat suvu	meleke	tüş	
30. Vücudun duyuları, beş duyu : 25				
açı	ap-açı	kuku	netnül-enf	tem
açığ	buy	kulak	sakal	temli
açılık	çın cufar	küz	sangrav	tiş
açlık	his	küz kişisi	tat	uyku~yuku
açu	iştiha	küz kuyruğu	tatım	
31. Düşünce, irade, hareket, duygu : 124				
amel	çakçak	hareket	muhabbet	umanıç
ameliyat	çirgen	hatim	nisyan	uşşak
asana	eda	ihtilâc	revan	vakıa
aşığıç	epin-tüpün	kaytış	sevda	vesvese
ava-tüne	fikir	kıyu	şübhe	yügürük
barış	gıpta	korkak	tavuş	

32. Değerler, eksiklikler, erdemler, kusurlar : 361

aldagıç-aldavuç	bed	erem	ipli	terbiye
aşamsak	bilemçi	haris	irinçek	ulugluk
aşıgıçlık	bilikli	hased	istegücü	usta
ataklı kişi	bulguluklu	haşmet	itlik	ustad
avare	cingillik	hırs	saran	ustalık
ayaklı kaza	çapeklik	hile	şatalak	uyat
azgın	çeçen	hürmet	şirin	ümid
başsız	dana	ıçkücü	tecibe	ürkek
batır	danişmend	ıspay	tekebbür	üşenç
batırlık	emel	içten	temizlik	

Sonuç. *Lehçe-i Tatarî'deki toplam 7043 olan söz varlığının yüzde 22 oranı alıntıdır. Sözlüğün neredeyse çeyreğini oluşturan bu 1601 alıntının 1089 tanesi Arapça kökenlidir, yani alıntıların yüzde 68 oranı Doğu'nun klasik dilinden yapılmıştır. Medrese kökenli Nasırî'nin söz dünyasında bu oranda Arapça alıntı olması anlamlıdır. Ancak bu, sözlüğün 1937 yılında Türkiye Cumhuriyeti'nin dil devrimi için bir kaynak olsun diye Türk Dil Kurumu tarafından çevirilmiş olmasına rağmen basılmadan kalmasına da yol açmış olmalıdır. Çeviri tarafımızdan gözden geçirilerek Türk Dil Kurumu'nun tarihsel sözlükler projesi kapsamında yakında basılacaktır.

*Doğu'nun ikinci büyük dili Farsça alıntılar ise bütün alıntılar içinde yüzde 30 oranı tutar. Bu sözlerin edebiyatın yanı sıra dilin her alanına ait örnekler olması, Genel Türkçenin Farsça ile bin yıldan eski olan yoğun ilişkisine bağlanabilir.

*Sözlükte sadece 21 tane Rusça alıntının yer bulması da Nasırî'nin klasik bir edebî kaynak yazdığını ispat eder. Daha XIX. yüzyıl sonunda bile Kazan gibi gelişkin bir üniversite şehrinin hayatında daha fazla Rusça alıntının Tatarcaya geçtiği tahmin edilebilir. Nitekim başka bir çalışmada ortaya koyduğumuz üzere, Nasırî sözlüğünden sadece 10 yıl sonra Tatarcanın en ünlü edebî anıtlarını veren Abdullah Tukay'ın şiirlerinde şu yaygın Rusça alıntılar göze çarpmaktadır:

<i>abrazavnıy</i> "kültürlü, aydın"	<i>guleyt</i> "âlem yapıp keyfetme"	<i>semye</i> "aile; cemiyet"
<i>afisiant</i> "garson, sâki"	<i>huligan</i> "bozguncu"	<i>sobranıye</i> "toplantı; meclis"
<i>barin</i> "zengin insan; kibirli"	<i>kaloş</i> "kauçuk ayakkabı"	<i>şkol</i> "okul; eğitim sistemi"
<i>bilet</i> "bilet"	<i>klub</i> "kulüp, eğlence yeri"	<i>şpion</i> "casus, gangester"
<i>bilyar</i> "bیلardo"	<i>kontorşçik</i> "memur; yazıcı"	<i>talant</i> "karakter, yetenek"
<i>briliant</i> "pırlanta"	<i>koral</i> "silah"	<i>tansa</i> "dans, oyun"
<i>buhgalter</i> "muhasibeci"	<i>parohod</i> "vapur"	<i>troyka</i> "üç at koşulu araba"
<i>çenzur</i> "sansür; sansürcü"	<i>piçet</i> "mühür, damga"	<i>trantas</i> (tarantas) "fayton"
<i>deputat</i> "milletvekili"	<i>pivnoy</i> "bira"	<i>ukaz</i> "hüküm; fetva"
<i>donos</i> "ihbar, ispiyon"	<i>poçtavay</i> "posta"	<i>zakaz</i> "ısmarlama, sipariş"
<i>fontan</i> "su fiskeyesi"	<i>podnos</i> "tepsi; sepet"	<i>zakuska</i> "soğuk yiyecek, meze"
<i>galstuk</i> "kravat"	<i>poezd</i> "vagon, tren"	<i>zal</i> "salon"
<i>garmun</i> "akordeon"	<i>pojar</i> "yangın"	<i>zapas</i> "yedek azık, malzeme"

Yine medrese kökenli bir şair olan Tukay'ın şiirlerinde yer alan ve Tatar konuşma dilinde yaygın olan bu tür Rusça alıntıların Nasırî'de hiç görülmemesi muhafazakârlıkla açıklanabilir. Klasik sözlük yazarımızın bu tutumuna rağmen, Sovyet döneminde büyük

bir hızla Rusça alıntı tabakasının arttığını yüzde 20 oranını aştığını gözlemliyoruz. En nihayet Yeniden Yapılanma ve Sovyetler Birliği'nin çözülmesi döneminde egemenlik (*suvernitet*) ilan eden Tataristan Cumhuriyeti'nin köylüleri bile iki dilli olmuş ve ne yazık ki ana dili kaybı da çok yüksek oranlara varmıştır [5].

*Söz varlığının yüzde 35 oranı fiildir. Yazarın 2496 fiil maddesinin 2460 tanesini –*mAK* eki ile (infinitif) vermesi ilgi çekicidir. Burada Nasırî'nin yine eski Çağatay ve Osmanlı sözlüklerinden ilhamla bu eki kullandığı fakat 36 fiil maddesini ise kendi konuşma dilinin etkisiyle –*v* ekli yazdığı görülmektedir.

*Sözlükte yüzde 65 oran tutan 4547 isim vardır. Bunun 552 tanesi sıfattır (yüzde 12). Bu sıfatlar arasında 92 tanesi –*II* ekli, 36 tanesi de –*slz* ekli 128 türetme sıfat göze çarpmaktadır. Sayı adlarına ve sayılardan türemiş sıralama veya üleştirme sıfatlarına dayalı 106 söz vardır. 93 tane bağlaç ve edat oranca zengin bir kadro oluşturmuştur.

*39 tane renk adı da klasik bir sözlükte ilgi çekici bir kadro oluşturmaktadır: ala-çuvar, alaça, ala – kula, ciren, çal, kügülcim, sargılt, turu, zenger..

*23 soru sözü: *kaçan, kaçangı, kaç, kaçaru, kaçça, kanda, kangı, kandan, kay, kayda, kayısı, kim, nite, nitek, niçe, niçik, ni, kay çağında..* örneklerinde görüldüğü gibi hem Kazan Tatarcasının yaşayan soru sözlerinin (*kaçan, kayısı, niçik, kay çağında*) hem eski yazı dilinin (*kaçaru, kanda, kangı, kandan, nite, nitek*) izlerini taşımaktadır.

*Lehçe-i Tatarî'nin isim soylu bütün söz varlığı, konularına göre (tematik) şu dağılımı göstermektedir: **bitkiler** : 361; **değerler, eksiklikler, erdemler, kusurlar** : 361; **mobilya, kap kacak** : 272; **soyut terimler** : 227; **hayvanlar** : 219; **toplum ilişkileri, oyunlar, sporlar** : 169; **dinler, inançlar** : 159; **giyimler, süs, takı** : 154; **dünya, gökyüzü, hava olayları** : 145; **insan vücudu** : 139; **besinler** : 135; **düşünce, irade, hareket, duygu** : 124; **hastalıklar** : 115; **meslekler** : 96; **evren, zaman** : 95; **ticaret, iş, para, maliye işleri** : 93; **madenler, mineraller** : 84; **dil bilgisi, yazma sanatı, edebiyat** : 81; **hekim, eczacı, cerrah** : 73; **tarım, bahçecilik** : 71; **inşaat** : 71; **toplum, hükümet** : 54; **ordu, savaş** : 44; **doğum, hayat, hayatın çağları, ölüm** : 40; **ev** : 59; **evlilik, aile, akraba** : 47; **bilimler** : 43; **yolculuk** : 31; **yasama, hukuk** : 25; **vücudun duyuları, beş duyu** : 25; **şehir** : 25; **güzel sanatlar** : 16.

*Coğrafya, ziraat, mutfak kültürü, insan vücudunun yapısı, içki kültürü gibi çok değişik alanlarda kitap yazmış olan Nasırî'nin sözlüğünde bitki, hayvan, alet ve kap kacak, toplum ilişkileri, din terimleri, hastalıklar, besinler, meslekler gibi konulardaki adların önde gelmesi şaşırtıcı olmamalıdır. XX. yüzyılda Çarlık Rusyasının 300 yıllık dinî asimilasyonundan modern bir millî kimlikle çıkan Tatar toplumu, Sovyet döneminden önce de bir okuma kültürü geliştirmişti. Kayyum Nasırî tam da bu ihtiyaçlara karşılık veren ve klasikten çağdaşlığa kapı açan bir halk bilgini olmuştur. Bu sözlüğü de ünlü Kazan dilcilik okulunun çığır açıcı bir temelini oluşturmuştur. Onun izinden giden Cemal Velidî, N. Yunusov, Sultan Rahmankulı, M. Kurbangaliyef, J. Kuliyef, R. Gazizov, N. İsenbet gibi sözlük yazarları Sovyet dönemi öncesinde Tatar sözlükçülüğüne hizmet etmiş ve nihayet K. S. Abdrazakov, G. H. Ahuncanov, Ü.Ş. Bayçura, Ş. B. Vahitova, F.M. Gazizova, F. A. Ganiyev, G. İ. İshakov, M. G. Möhemmediyev, M. M. Osmanov, F. S. Faseyev, G. G. Fahretdinov, K. H. Hemzin, E.Ş. Hemidullin, Ş. S. Hanbikova, G. S. Emirov, A. Ş. Esadullin gibileri de çağdaş Tatar sözlüklerini hazırlamışlardır. En sonunda, bunlar arasından Kayyum Nasırî geleneğinin doğrudan devamcısı olan Cemal Velidî'nin,

yazdığı sözlük dolayısıyla, Stalin dönemindeki düzmece mahkemelerde suçlanarak en ünlü repressiya kurbanlarından biri haline geldiğini de üzülererek belirtelim.

Kaynaklar

1. Abdü'n-nasır oğlu, Abdü'l Kayyum. Lehçe-i Tatarî, cild-i evvel.- Kazan, 1895, 226 s.; cild-i sâni, Kazan, 1896, 106 s.
2. Çağatay, Saadet, Abd-ül-Kayyum Nasırî // (15.II.1825 – 2.IX.1902) AÜ. Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Dergisi.- Cilt X.-sayı:3-4, Eylül-Aralık 1952.- S.147-160.
3. Gaynullin, M. Kayum Nasıyri, Tuvuvına 120 yıl tuluv uñayı bñlen.-Kazan, 1945
4. Lemerrier-Quelquejay, Chantal, Abdül Kayyum el-Nasırî, 19 Yüzyılda Bir Tatar Islahatçı /çev. Deniz Bozer // ODTÜ Asya-Afrika Araştırmaları Grubu yay.- No: 13.- Ankara, 1984.
5. Öner, Mustafa. Türkçe-Rusça İlişkilerine 1552 Dönüm Noktasından Bir Bakış // 1552 ve Sonrası: Kazan'ın İşgali ve Türk Toplulukları Bilgi Şöleni Bildirileri, 15 Ekim 2002.- Ankara, 2004.- S.27-37.
6. Öner, Mustafa. Tatarlarda Sözlük ve Kimlik // İstoçniki i issledovaniya po istorii tatarskogo naroda. Materialı k učebnım kursam. V čest yubileya akademika AN RT M. A. Usmanova.- Kazan: Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 2006.- S.288-296.
7. Taymas, Abdullah Battal. Lehçe-i Tatarî, TDK / tercüme, basılmamış daktilo metni, 1937.

Онер М., Кая М., Озшахин М. Спроба розгляду словникового запасу татарської мови / М. Онер, М. Кая, М. Озшахин // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 9-19.

У статті наводиться спроба тематичної класифікації лексики татарської мови. Лексика розглядається в лексико-морфологічному і етимологічному аспектах.

Ключові слова: тюркські мови, татарська мова, лексика, запозичення, тематичне розшарування лексики, лексикологія, морфологія, етимологія.

Онер М., Кая М., Озшахин М. Попытка рассмотрения словарного запаса татарского языка / М. Онер, М. Кая, М. Озшахин // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 9-19.

В статье приводится попытка тематической классификации лексики татарского языка. Лексика рассматривается в лексико-морфологическом и этимологическом аспектах.

Ключевые слова: тюркские языки, татарский язык, лексика, заимствования, тематическое расчленение лексики, лексикология, морфология, этимология.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 81'366.54+811. 512.122

АНАЛИТИЧЕСКОЕ СКЛОНЕНИЕ В СИСТЕМЕ СПОСОБОВ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

Мухамади К.

*Университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан
E-mail: mirzoeva@list.ru*

На примере казахского языка рассматривается проблема изучения аналитического склонения в системе способов словоизменения, синонимичность синтетических и аналитических форм, синтетико-аналитические словоформы, категория падежа.

Ключевые слова: тюркские языки, казахский язык, категория падежа, падежная парадигма, склонение, словоизменение, служебные слова.

В последние годы в лингвистике, особенно – в сопоставительной ее отрасли, уделяется особое внимание аналитическим формам, которые не нашли еще полной лингвистической интерпретации применительно ко многим языкам. В статье А.А.Колесникова «К проблеме парадигматико-компенсирующих свойств аналитических форм в системе современного русского языка» указывается: «Таким образом, аналитизм в языках флективно-синтетического типа, в русском языке в теоретическом плане до сих пор мало исследован: здесь нет системно обоснованных решений ни относительно характера значения служебного компонента, ни относительно процессов и причин становления аналитического образований, нет и единства в установлении фактов морфологизованного аналитизма и аналитизма членов предложения» [1, с. 72].

О важности данной проблемы свидетельствует также работа Т.Б.Астен «Аналитизм в системе морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты», автор которой утверждает: «Само понимание аналитизма зачастую бывает неправомерно суженным; из-за чего морфологическому аналитизму имени, то есть несклоняемым существительным и прилагательным, не уделяется, должного исследовательского внимания» [2, с.5]. Для тюркских языков эта проблема является одной из самых актуальных в настоящее время.

Стало общеизвестным, что в языках значение падежа передаются не только через аффиксы, (окончания). Об этом пишет в своих трудах Е.П.Мартынова: “Поскольку в современном французском языке у имен существительных нет падежных флексий, синтаксические отношения выражаются посредством артикля, предлогов” [3, с.8].

В тюркских языках, как известно, служебные слова играют большую роль, образуя аналитические формы падежей. О том, что в тюркских языках значение падежа передают послелоги, впервые стало известно из трудов И.Гиганова, И.Хальфина, А. Троянского и др. ученых. Это факт отмечен у В.А.Богоридицкого. Он высказал мнение о том, что падежные значения передаются с помощью

последлогов [4, с.147]. Остается непонятным, почему ученые долгое время не интересовались данной проблемой.

В 70-х годах проблему аналитической формы падежа в тюркских языках поднимает профессор Ф.А.Ганиев. В 1970 году он опубликовал статью “О синтетических и аналитических падежах в татарском языке”. В данной статье говорится, что аналитическая форма падежа образуется при сочетании именного слова в нулевой форме со служебным словом (последогом). Ученый выявил 8 аналитических форм падежей в татарском языке, определил способы их образования и значения [5]. По мнению ученого, стало известно что, аналитическая форма падежа образуется с помощью служебных слов. Профессор А.Ганиев пишет: “Следовательно, выражение падежа служебными словами для некоторых языков представляет обычное явление. К таким языкам относятся и тюркские языки, где падежи выражаются не только аффиксами, присоединяющимся к основе, но и послелогоми” [6, с.25].

Теоретические идеи профессора А.Ф.Ганиева об аналитических падежах в тюркских языках нашли отражения в трудах и других известных ученых. Исследователь узбекского языка К.Т.Ахтамова в своей кандидатской диссертации “Последложные аналитические формы в современном узбекском языке” (1981) пишет: “Мы считаем, что аналитические и смешанные синтетические формы категории падежа в узбекском языке составляют одну систему. Об этом свидетельствует материал, анализируемый в настоящей диссертации, на это указывает и Ф.А.Ганиев” [7, с.3]. Таким образом, по мнению К.Т. Ахтамовой, в парадигму падежей также входят аналитические формы, образованные с помощью послелогов. Ученый всесторонне рассмотрел значения аналитических и синтетико – аналитические формы, ею проанализированы 25 послелогов участвующих в образовании аналитических падежных форм.

В казахском языке исследования аналитических форм категорий падежа затронуты в исследованиях профессора Н.Оралбаевой. 1986 году в она соавторстве с А.Калыбаевой издает учебное пособие “Морфемика современного казахского языка”. Свои выводы в отношении аналитических падежей в казахском языке она написала в главе “Служебные слова в современном казахском языке”. Ученый обосновывает мысль, что служебные имена образуют аналитические формы падежей [8, с.164]. В учебнике “Морфология современного казахского языка” (2007) в разделе “Аналитические формы склонения” Н.Оралбаева по способу образования различает две аналитические формы склонения: одна из форм образуется с помощью служебных имен, а вторая формируется с помощью послелогов [9, с.114-115]. Мысль о том что, служебные слова образуют, аналитическую форму склонения, Н.Оралбаева высказала еще в 1986 году. Идею профессора Н.Оралбаевой об аналитической форме склонения продолжил М.Оразов в своих трудах касающихся вспомогательных и служебных слов. Ученый, исследуя служебные слова, собрав достаточное количество материала, 1997 году опубликовал 2 книги с названием “Служебные слова”. Последователь Н.Оралбаевой по исследуемой теме М.Оразов в книге “Служебные слова” высказал мысль о том, “что некоторые из служебных слов необходимо рассматривать в морфологическом аспекте, нужно приять их как один из компонентов аналитического форманта и исследовать как показатель граммати-

ческих категорий” [10, с.5]. Он считает, что служебные имена образуют аналитический формант склонения.

В казахском языке в настоящее время считается что, служебные имена и послелоги являются признанными единицами категории склонения, в которой образуются аналитические формы падежей. Поэтому статья предназначается одной из аналитических единиц склонения - служебному имени. Служебное имя - одна из языковых единиц, усложняющих, дополняющих, конкретизирующих значение категории падежа. В языке встречаются такие обороты: **уйдін ішін тазалады (в доме убрались)** - **устелдін устінде журнал жатыр (журнал лежит на поверхности столе)** и т.д. Значение падежей в приведенных примерах выражают синонимичные значения с синтетическими формами. Например, **уйдін ішін тазалады (в доме убрались)** - **уйді тазалады (в доме убрались)**, **устелдін устінде журнал жатыр (журнал лежит на столе)** - **устелде журнал жатыр (журнал лежит на столе)**, и т.д. Синонимичность синтетических и аналитических форм доказывают, что служебные имена по своему смыслу соответствуют падежам, и усложняют значение данной категории. Говорящий может использовать обороты в зависимости от цели коммуникации, заменяя одно сочетание с другим. Очевидно что, служебное имя передает грамматическое значение падежей и является грамматическим показателем данной категории. А также соответствуют теории определения аналитической формы, что наряду с этой формой, должна быть синтетическая форма.

Вышеперечисленные употребления близки и синонимичны по своему значению, наряду с этим дополняют и определяют падежную категорию. По мнению некоторых исследователей, сочетания со служебными именами являются не аналитическими, а смешанными, то есть синтетико-аналитическими словоформами. Так М.Оразов пишет: “Кажется, что в казахском языке имеется третья грамматическая форма. Это смешанная синтетико-аналитическая форма. В смешанной форме присутствуют и аффикс, и служебное слово. Например, **оқып отыр, айта бастады, уйге карай** (кетті), **таудын басына** (шыкты) и. т.п. ” [10, с.46]. Мы согласны с мнением ученого, так как в приведенных примерах используются служебные слова и аффиксы. Поэтому эти употребления можно назвать смешанными аффиксами. Многие ученые высказавшие свои мнения в отношении аналитической формы, полагают, что эти формы состоят из трех элементов. **Таудын басына** (шыкты)-на вершину горы (взобрался). Первый элемент- это слово тау. (основное слово полностью сохранившее свое лексическое значение). Второй элемент- окончание родительного падежа, басы-служебное имя-уточняет значение слова тау. Таков порядок слов в вспомогательных глаголах (в аналитической форме), называются не аналитическо-синтетическими, а именуются аналитической формой глагола. Примеры, приведенные автором **оқып отыр, айта бастады**, ученые называют аналитической формой. А в примере **уйге карай кетті** наблюдается присутствие падежного окончания и послелога, и они образуют окончание дательного падежа, имеют синтетико-аналитическую форму. **Уй-ге**-данное окончание падежа передает значение направления, **карай**-служебное слово-уточняет это значение. Имеются различия в значениях словосочетаний **уйге кетті, уйге карай кетті. Уйге карай**

кетті - акцентируется внимание на направленность действия, **уйге кетті** – на значения места, **уйге** - на значение общего местоположения.

Встречаются такие факты когда, значение, передаваемое служебным именем, не может быть передано ни одним падежным окончанием. Например, **Аттарын алыска тізген кок арбага байлап тастап, Омар асыга барып уй сыртында конкайып турган жалгыз Игілікке келді. (Омар поспешил к стоявшему в одиночке снаружи дома Иглику).** Здесь сочетание **уй сыртында**-нельзя заменить – уйде. Или в выражении **“Есік алдынын карын тазалады” –“Почистил снег перед дверью”**, и основное слово **есіктін** –двери не взаимозаменямы. На это явление указывают многие ученые. Например, об этом высказывает М.Оразов: “Иногда в языке вместо служебного имени с падежным окончанием может использоваться только основное слово с тем же окончанием и поэтому некоторые ученые считают, что значения служебного имени и падежных окончаний одинаковы. Сравните: **уйдін ішіне кірдім- уйге кірдім, таудын басына (шыктым) - тауга шыктым, киіздің устіне отыр-киізге отыр** и.т.д. Но синонимичная замена используется не всех случаях. Например- **уйдін алдын сыпырды**- подмел перед домом не равнозначно значению –**уйді сыпырды**. **Уйдін сыртынан дыбыс шыкты** (послышался голос снаружи дома)-**уйден дыбыс шыкты** -это не означает что в доме послышался голос” [10, с.51]. В связи с этим многие ученые высказывают мнение о том что, только служебные имена дополняет значение падежного окончания, а падежное окончание выполняет синтаксическую функцию. И потому название сочетания служебного имени и существительного - аналитическая форма, не используется и отсутствует в трудах многих ученых. На наш взгляд, закономерно, что есть существенное различие между синтетической и аналитической формами падежей. Если не было различий в их значениях, то один из форм выпала бы из употребления. Это доказано в науке, и благодаря этим различиям обе формы входят в активную функционированную речь, и не выйдут из употребления, что убедительно доказано в использовании речи аналитических форм глагола. Например значение **“жығыла жаздады-чуть не упал”** и слова **“жығылмады-не упал”** не одинаковы.

Служебные имена не только уточняют значение падежного окончания, но и усложняют значение, передают смысловые оттенки, которые не передаются синтетической формой падежа. И в этом его суть. Служебные имена могут уточнять пространственные, временные значения существительных. А эти значения присущи и для категории склонения. «Казахской грамматике»(2002) указано, что значения категорий склонения различаются как грамматические и пространственные. “Одним словом, пространственные падежи указывают, направленность действия, (барыс септік-дательного-направительный падеж), источник действия (шығыс септік-исходный падеж), место и образ действия (жатыс, көмектес септіктер-местный и предложный падеж)” [11, с.456]. На эти значения могут указывать служебные имена, также они служат для уточнения и дополнения падежных значений пространства, времени. Выражают дополнительные значения, которые не могут передаваться падежными окончаниями.

Служебное имя уточняет у существительных временное значение. Например: Табигатынан нәзік еді, **сонгы бір жыл ішінде** мүлде арып, шунірейген кос жанары

гана калган. (Он с рождения был нежным, **но на этот год** страшно похудел) (А.Тарази). Уй иесінін таныркаганына карамастан **тун ішінде** ат жегіп, елге тартып отырды. (Несмотря на удивление хозяина дома, он **ночью** запряг коня, и был таков) (Ж.Молдагалиев). Шаруаларды куйзелте бурістірген ауыр **кыстын аягы** осы болатын (Это был **конец зимы** когда дело в хозяйстве пошло на убыль) (М.Ауэзов). Аналитические падежные формы **бір жыл ішінде, тун ішінде, кыстын аягы**, определяют временное значение. В приведенных примерах временное значение конкретизируется с помощью служебных имен.

Употребление служебного имени с падежами со значением пространства соответствуют их семантике. В “Казахской грамматике” изданной в 2002 году написано, что употребление служебных имен с падежами пространственными значениями определено следующим образом: “Ярко выраженное определение пространственного значения соответствующих служебным именам, использовано наряду с употреблением падежей обозначающими пространственное значение барыс (дательно-направительного падежа), жатыс (местного), шығыс - исходного падежа, и согласовано в предложении” [11, с.448]. Однако это не обозначает, что служебные имена употребляются только лишь с падежными формами пространственного значения. Например, Бірак Жиренше **Абайдын артынан** өкшелей калмай отырып, сөйлей берді. (Жиренше не отставал **от Абая**, все время не замолкая разговаривал) (М.Ауэзов). Сондыктан алысты койып, **ағайын ішінде** муны білетін жан аз (и без чужих людей, **среди близких** не знают эту тайну) (М.Ауэзов).

Остановимся на том, какие научные основы имеются для распознавания служебных имен как языковых единиц, образующих аналитическую форму склонения.

1. Служебные имена чаще всего используется в сочетании с основным (знаменательным словом) словом, отдельно не употребляются. Это одна из признаков аналитической формы. Аналитическая форма образуется с помощью сочетания основного и служебного слова.

2. Служебные имена результат грамматического развития, при котором приобретенном грамматическое значение. Языковые единицы образующие аналитическую форму должны иметь грамматическое значение. Этим требованиям соответствуют служебные имена.

3. Грамматическое значение служебного имени образующего аналитическую форму является значением грамматической категории склонений. Служебные имена означают разные пространственные значения.

4. Служебные имена в языке являются устойчивым показателем категории склонения. Потому что, служебные имена в языке не употребляются без категории склонения. Использование служебных имен в сочетаний с основным словом, является сложившейся закономерностью.

5. Аналитическая форма существует только лишь в категориях имеющих синтетическую форму, такой теории соответствуют служебные имена. Потому что служебные имена образуют аналитическую форму склонения. А категория склонения имеет синтетическую форму.

6. Служебные имена, присоединившись к основному слову, выполняют функцию одного члена предложения.

7. Служебные имена являются языковой единицей аналитической формы падежа, это доказывается тем, что окончания падежа присоединяются к основному слову через служебные имена.

Например:

А. (именительный п-ж) ауыл+дын жаны

І. (родительный п-ж) ауыл+дын жаны**нын**

Б. (дательно-направительный п-ж) ауыл+дын жаны**на**

Т. (винительный п-ж) ауыл+дын жаны**н**

Ж. (местный п-ж) ауыл+дын жаны**нда**

Ш. (исходный п-ж) ауыл+дын жаны**нан**

К (творительный п-ж) ауыл+дын жаны**мен**

Выводы и перспектива. Приведенные примеры показывают, что грамматические значения падежей выражены аналитическим формантом состоящим из окончаний родительного падежа + служебного имени + притяжательного аффикса + окончания падежа. Члены данного аналитического форманта в совокупности выражают сложное значение падежа. Здесь аффикс родительного падежа выполняет роль связывающей единицы со служебным именем, в такой же роли вступает в составе служебного имени и аффикс притежательности. Таким образом, лексическое слово в своем составе имеет первый грамматический показатель т.е. аналитический формат. Это структура аналитических форм падежей.

Список литературы

1. Колесников А.А. К проблеме парадигматико-компенсирующих свойств аналитических форм в системе современного русского языка / А.А. Колесников // Филологические науки.- 1994. - №1.
2. Астен Т.Б. Аналитизм в морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты. Монография/ Т.Б. Астен.- Ростов-на-Дону, 2003.
3. Мартынова Е.П. Французские предлоги и их соответствие в русском языке / Е.П. Мартынова. - Харьков, 1964.
4. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание / В.А. Богородицкий. - Казань, 1957.
5. Ганиев Ф.А. О синтетических и аналитических падежах в татарском языке / Ф.А. Ганиев // Вопросы в тюркологии, - Казань, 1970. С. 74-84.
6. Ганиев Ф.А. Вопросы морфологии татарского языка / Ф.А. Ганиев. - Казань, 1980.
7. Ахтамова Х.Т. Послеложные аналитические формы в современном узбекском литературном языке / Х.Т. Ахтамова.- Автореф. канд. дисс – Ташкент, 1981
8. Калыбаева А., Оралбаева Н. Морфемика современного казахского языка / А. Калыбаева, Н. Оралбаева. - Алматы, 1986. (на казах. языке)
9. Оралбай Н. Морфология современного казахского языка / Н. Оралбай. - Алматы, 2007 (на казах. языке)
10. Оразов М. Служебные слова / М. Оразов. - Ташкент, 1997(на казах. языке)
11. Грамматика казахского языка. - Астана, 2002. (на казах. языке)

Мухамаді К. Аналітичне відхилення в системі способів словозміни / К. Мухамаді // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 20-26.

На прикладі казахської мови розглядається проблема вивчення аналітичної відміни в системі способів словозміни, синонімічність синтетичних та аналітичних форм, синтетико-аналітичні словформи, категорія відмінка.

Ключові слова: тюркські мови, казахська мова, категорія відмінка, відмінкова парадигма, відмінювання, словозміна, службові слова.

Muhamadi K. Analytical variation in the ways of inflection / K. Muhamadi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 20-26.

On the example of the Kazakh language study addresses the problem of the analytical methods of inflection in the inflection, synonymy of synthetic and analytic forms, synthetic-analytic word forms and the category of case.

Keywords: Turkic languages, Kazakh language, the category of case, the case paradigm, declination, inflection, function words.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 811.512.145. (477.75)

ЮСУФ БОЛАТНЫНЪ ЭСЕРЛЕРИНДЕ ЭМОЦИОНАЛЬ-ЭКСПРЕССИВ ЛЕКСИКАНЫНЪ КЪУЛЛАНЫЛУВЫ

Меметова Э. Ш.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: edie70@mail.ru*

Мезкюр макъале Ю.Болатнынъ эсерлеринде эмоциональ-экспрессив лексиканынъ къулланылувына багъышлангъандыр. Сёзнинъ эмоциональ-экспрессив ренки, мананынъ озюнде кыймет кесювнинъ олмасына багълыдыр Ю.Болатнынъ эсерлеринде эмоциональ-экспрессив ренкли лексиканынъ учъ чешити расткелип къулланыр.

Эсас сёзлер: эмоциональ-экспрессив ренк, мусбет ренк, менфий ренк, чокъманалы сёзлер

Меселенинъ къоюлмасы. Эр бир яызджы озъ макъсадына догъру кельген сёзни бегенгени киби озюнинъ «ольчеви»нен келиштирсе, окъуйджынынъ тюшюмеси де къолайлаша, сёзнинъ тасвирий къувети де арта. Сёз услюпке келишип, лексик ве грамматик тарафларындан догъру къулланылувы шарт. Тильдеки сёзлер мана ифаделегенлерине, чешит сааларда къулланылгъанларына коре, тюрлю группаларгъа болюнелер.

Ишимизнинъ **актуаллиги** услюбиет фени керек дереджеде огренильмейип, услубий имкянларгъа энъ зенгин олгъан лексикологиянынъ чешит тарафлары, яни эмоциональ-экспрессив къысмы тедкъикъ этильмегенине багълыдыр.

Ишимизнинъ макъсады: Юсуф Болатнынъ эсерлеринде эмоциональ-экспрессив лексикасыны бельгилемек. Мезкюр макъсадымызгъа иришмек ичюн огюмизге ашагъыдаки **вазифелер** къойдыкъ: услюбиет акъкъында умумий малюмат берип, Юсуф Болатнынъ эсерлеринде эмоциональ-экспрессив лексиканы бельгилемек.

Тедкъикъатнынъ методологик ве назарий базасы – Иште къоюлгъан макъсат ве вазифелерге коре фактик малюматы талилининъ лингвистик усулларнынъ комплекси къулланылды, энъ эсасы исе тасвирий усул.

Тедкъикъатнынъ объекти Ю. Болатнынъ «Анифе», «Садакъат» романларында, «Табиатым ойле» икяелер джыйынтыгында къулланылгъан эмоциональ-экспрессив ренкли сёзлердир.

Тедкъикъатнынъ ильмий янъылыгы Ю. Болатнынъ эсерлериндеки къараманларнынъ ички дюньясы, ичтимаий алы, табияты, япкъан ишлери ве къайгы-къасеветлерини тасвирлеген эмоциональ-экспрессив ренкли сёзлернинъ классификациясы япылгъанындан ибареттир.

Асырлар девамында лексикологиянынъ огренилюви чокъ алимлерни, тедкъикъатчыларны меракъландыра. Бу меселеге, яни лексиканынъ терен огренильмесине, багъышлангъан тедкъикъатчылар сырасында К.М. Мусаевни [8, 9],

А. Меметовны [4], В.В. Виноградовны [1] ве бир сыра башкъа алимлерни къайд этмек мумкюн.

Услужбиет – тильшынаслыкънынъ айрыджа бир пытагъы олып, тильнинъ чешит услюплерни, лакъырды ве эдебий тильнинъ чешит жанрларында къулланылгъан сёзлерни огрене. Лингвистик термини оларакъ, бу сёз эр бир тильде къулланыла биле. Услужбиетнинъ эсас тюшонджелери вазифесинде: тильнинъ услубий къурулушы, услюп, услубий ренк, манадашлыкъ, тиль нормасы ве онынъ функциональ-услужбий чешитлери чыкъалар.

XX асырдан башлап шу меселелернинъ терен огренилюви башлана. Къырымтатар тилинде услубиет меселелерининъ огренильмесинен Э.Ш. Меметова [5, 6] огъраша. Славян ве тюркий тиллерде бу меселенен бир сыра алимлер огъраштылар [1, 2, 3, 10, 11, 12, 13].

Бедий эсернинъ тили, энъ биринджи оларакъ, озюнинъ аэнклиги, образлыгъы, джанлыгъынен айырылып тура. Демек, бедий эсерде башкъа услюплер къулланылса да, олар эписи эстетик идеаль джеэтинден джулялланып кирсетиле.

Бедий нутукъ озюне лакъырды нутугъынынъ лексика ве фразеологиясындан гъайры синтаксисини де къаплап ала.

Бедий эсер тили ве, хусусан, белли къырымтатар шаир ве яызджыларымызнынъ тили, миллий эдебий тиль шекилленмесинде эмиети гъает буюктир. Мезкюр макъалемизде Юсуф Болатнынъ икеяелерине айрыджа дикъкъат айырмагъа истер эдик.

Эмоциональ-экспрессив лексиканынъ къатламы эсасен лакъырды тилинден алынгъан сёзлернен зенгинлеше. Шунунъ ичюн шу лексикагъа экспрессивлик, эмоционаллик, къыймет кесюв киби хусусиетлери малик.

Лакъырды услюпте экспрессивлик муим роль ойнай. Бедий эдебиятта шу эмоционаллик ве экспрессивлик чешит тюрлю ишаретлернен, эсасен нида ве суаль ишаретлеринен, интонациянен ифаделене. Чешит интонациянен ифаделенюви эмир, ясакъ этюв, айрет, тааджип, чагъырув, риджа киби дуйгъуларыны косътере.

Сёзнинъ эмоциональ-экспрессив ренки онынъ манасында къыймет кесюв элементи олувындан гайры, субетлешкен инсанларнынъ адландырылгъан адисеге мунасебетинен, экспрессивлигинен ве шу инсанларнынъ бильги дереджелеринен де муреккеплеше. Экспрессив-эмоциональ ренкли лексика тюрлю чизгилерге эсасланып базы чешитлерге болуне:

а./ Ашагъыдаки сёзлер: *будала, зевзек, керата, баиштакъ, музафер, эдие, аким-дар* — озъ башына экспрессив-эмоциональ ренкни ташый ве онынъ ичюн тасвирий ренкли деп эсапланыр. Бу группаны тешкиль эткен сёзлер, адети узьре, бирманалылар, эм де оларнынъ манасы ойле бир ачыкъ-айдын ифаделенгени шу сёзлерге башкъа маналарда къулламанмагъа имкян бермей.

Месея: Лякин бираздан бу да ярашмады:

– Чокъ тикилип бакъма, *будала*, – деди мерданем, – назарынъ тиер (14; 65); Даа кеченлерде анавы *зевзек* Зибиде эвиме сюрип кельди (14; 28); *Керата*, козюнъни санъдан ал, я да алдырырым! – деди мерданем бал киби татлы тилинен. (14; 68).

Бошбогъаз, мунафыкъ, серсем, анъкъав, ачыкъагъыз, джарис в.б. сёзлер эксерий алдда лакъырды тильде, алчакълаштырылгъан нутукъата къуллааналар;

акъикъий, даий, кинае, магърур, сарсылмаз, джазибе, джуръат в.б. сёзлер исе, аксине, китап-тантаналы услубине аиттирлер.

Меселя: Беллей эдим амма, къабаат менде дегиль, анавы *джарис* шейтанда олгъаныны къомшуларым анъламакъ биле истемейлер. (14; 28); Агъырмагъан башыма явлыкъ багълап мен *ахмакъыммы*, ёкъса (14; 71).

б./ Бу группаны догъру манада услубий битарафлы олгъан, лякин кочюрийлме манада кучлю экспрессив ренкни къабул эткен чокъманалы сёзлер тешкиль этелер.

Меселя: - *Джанавар!* – деп айкъырды Сейтибрам уста. – Бала къулагъы созмагъа пек авес экенсинъ (14; 65); – Сумюк бурун *къабакъбашилар*, – дей оларгъа Нефисе, – *эшек* къадар олсангъыз да, ана демеге огренмедингъыз (14; 15).

в./ Учюнджи группаны -чыкъ/-чик ялгъамасы ярдымынен эмоциональ, экспрессив ве умумий услубий ренкни къабул эткен сёзлер тешкиль этелер: *балачыкъ, аначыгъым, сюзгюччик, тегерчик, достчыгъым*.

Меселя: – Багъышла, *огъулчыгъым*, инсанларгъа эйилик тилемектен гъайры бу дюньяда башкъа истегим ёкътыр (14; 4); Балалардан учъ яшары «*къозучыгъым*», дёрт яшары «*тосунчыгъым*», беш яшары «*тонгъучым*» олды (14; 65).

Эмоциональ-экспрессив ренкнинъ чешит тарафлары, адети узьре эки буюк — мусбет ве менфий — болукке айырылалар.

1. Мусбет мунасебетли сёзлернинъ бойле чешитлери айырылыр: **алгъышлав ренкли:** Джанына рамет эйлесин, бу кир-кифас *сабийлерни* шимди догъмуш аналар коръсе де, танымас. (14; 16); Сен, Сейтмурат, беджерикли ве *эвджюмен* бир адамсынъ, джеми-джемаат сени тракторджы деп макътай. (14; 13); **охшав:** – Ах меним сырлы козь *къозучыгъым, томалагъым-томпузчыгъым*, – деп энъ кучюгини оплады. [14; 15]

2. Менфий тасвири сёзлернинъ сайысы эм де чешити чокъчадыр: **алгъышсызлы:** Онынъ алтынгъа чевирилмесинде *яланджы* Эдиенен ошекчи Вера да буюк роль ойнадылар (14; 76); Истесенгъиз, язып алынгъыз: биринджи къайде *шаплавуз* олма, янгылып тилинни ютарсынъ; экинджиси – къатыкъны да уфюрип аша, барыр да агъызынъны якъарсынъ; учюнджиси – кунешли авада галошсыз юрме, барыр да сепелеп ягъмур ягъар; дёртюнджиси папирос ичеджек олып денгъиз ялысында серник чертме, итимал денгъиз янъар. (14; 80); **нефрет:** – *Ачкозь* обюрге барып айтыгъ, меним аккордеонимны къайтарып берсин, деген (14; 30); **опъкели:** *Яланджы* Эдиенинъ айткъанына коре, «дюньянынъ беш кошесинде беш университет битирип, докъсан докъуз тильни сув-тильмач огренген къадынгъа сенинъ Балтабаевинъ къач капик! (14; 76); **мыскъыл:** Аферин, *акъылданем*, профессорнынъ агъызына да шап къыстырдыгъ (14; 65); **киббарлы:** – Джемаат, биз мында дженазеге кельмедик, тойгъа кельдик, – деди *ялтакъ* бир эриф (14; 74); **сёгюш:** – *Зампара!* – деди бир данем къайтадан когерип (14; 65).

Нетидже ве перспектива. Бойлеликнен, Юсуф Болатнынъ икяелеринде эмоциональ-экспрессив лексикасы зияде къулланылыр. Мында озъ башына экспрессив-эмоциональ ренкни ташып, онынъ ичюн тасвирий ренкли деп эсаплангъан сёзлер; догъру манада услубий битарафлы олгъан, лякин кочюрийлме манада кучлю экспрессив ренкни къабул эткен чокъманалы сёзлер; -чыкъ/-чик ялгъамасы ярдымынен эмоциональ, экспрессив ве умумий услубий ренкни къабул эткен сёзлер

айырылалар. Булардан гайры Ю.Болатнын икялеринде кьулланылгъан эмоциональ-экспрессив ренкли сёзлернин мусбет мунасебетли ве менфий тасвири сёзлерге болюнмеси де кьайд этильгендир.

Къулланылгъан эдебият

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М. – 1963 г. – 256 с.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
3. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения: учеб.пособие для вузов; Моск. гос. заоч. пед. ин-т. – М. : Просвещение, 1972. – 110 с..
4. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 288 с.
5. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилининъ услубиети. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. – 144 с.
6. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилининъ услубиети ве нутукъ медениетининъ эсаслары Учебное пособие. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2002. – 82 с.
7. Мусаев К.М., Меметов А.М. Крымскотатарский язык//Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т.2. – М.: 2001. – С. 162–171.
8. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (Западнокрыпчакская группа). – М.: Наука, 1979. – 480 с.
9. Мусаев К. Лексикология тюркских языков. -М.: Наука, 1984. – 328 с
10. Хаков В.Х. Современный татарский литературный язык. Стилистика (Хэзерге татар эдэби теле. Стилистика). – Казань: Тат.книжн.изд-во, 1999. – 304с.
11. Хаков В.Х. Стилистика и искусство слова (Стилистика һәм сүз сэнгате). – Казань: Тат.книжн.изд-во, 1979. – 158 с.
12. Хаков В.Х. Введение в стилистику татарского языка (Татар теле стилистикасына кереш). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 168 с.
13. Хамидова Л.В., Шахова Л.А. Практическая стилистика и культура речи. Учебное пособие. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2001. – 34 с.

Бедий эдебият

14. Болат Ю. Табиятым ойле. (Икяелер) – Ташкент: Гъафур Гъулам адына бедий эдебий нешрияты, 1977. – 137 с.

Меметова Э. Ш. Использование эмоционально-экспрессивной лексики в произведениях Ю.Болат / Э. Ш. Меметова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 27-31.

Данная статья посвящена исследованию использования эмоционально-экспрессивной лексики в произведениях Ю.Болат. Эмоционально-экспрессивная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. В произведениях Ю. Болат имеется немалый фонд слов с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской. Чисто номинативная функция осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а следовательно, экспрессивностью. Здесь можно выделить следующие группы слов с эмоционально-экспрессивной окраской: однозначные слова с заключенной в их значении явной и определенной оценкой; многозначные слова, которые в переносном значении наделяются яркой оценочностью и экспрессивной стилистической окраской; слова, в которых стилистические коннотации достигаются аффиксацией.

Ключевые слова: эмоционально-экспрессивная окраска, положительная окраска, негативная окраска, многозначные слова

Меметова Е. Ш. Використання емоційно-експресивної лексики в творах Юсуфа Болат / Е. Ш. Меметова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 27-31.

Дана стаття присвячена дослідженню використання емоційно-експресивної лексики в творах Ю. Болат. Емоціонально-експресивна забарвлення в слова виникає в результаті того, що само його

значення містить елемент оцінки. У творах майстра слова Ю. Болата виділяються три групи слів із стійким емоційно-експресивним забарвленням.

Ключові слова: емоційно-експресивне забарвлення, позитивне забарвлення, негативне забарвлення, багатозначні слова

Memetova E. S. Use of emotional-expressive vocabulary in works of Yusufa Bolata / E. S. Memetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 27-31.

This article is devoted research of the use of emotional-expressive vocabulary in works of Yu. Bolata. Emocional'no-ekspresivnaya colouring at a word arises up as a result of that his value is contained by the element of estimation. In works of master of word Yu. bolata three groups of words are selected with the steady emotional-expressive colouring.

Keywords: emotional-expressive colouring, positive colouring, negative colouring, multiple-valued words

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК: 811.512.145'373.4

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДРАЖАНИЙ СВИСТЯЩИМ И ЖУЖЖАЩИМ ЗВУКАМ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аджимуратова З. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: zarema@crimea.edu*

Проведя сравнительно-типологический анализ звукоподражательной подсистемы крымскотатарского и других языков, мы выделили следующие звукоподражания свистящим звукам: *сыз-*, *выз-*, *дыз*. Основную звукоподражательную функцию выполняют свистящие *с/з*.

Ключевые слова: звукоподражания свистящим и жужжащим звукам.

В глубокой древности, наши далекие предки, широко использовали свист. Во время охоты, охраны своей территории или когда кто-то вдруг терял путь в первозданных лесах, на помощь всегда приходил свист, который может звучать гораздо сильнее человеческого голоса (даже крика). Вероятно, уже тогда был образован первый язык, основанный на свисте. Позднее свист стал использоваться пастухами.

С помощью несложных сигналов, пастух подавал сигналы сторожевым собакам, которые помогали ему контролировать и управлять движением большого стада. Интересно то, что свист использовался для общения не только для общения не только птицами, но и даже рыбами. У многих животных на основе свиста строятся самые сложные коммуникационные комбинации.

Однако общение на языке свистов – это привилегия не только животных, но и людей. В некоторых странах сохранились даже специально разработанные языки свиста. В настоящее время свист утратил свое первоначальное смысловое значение, однако мы очень часто используем его в повседневной жизни.

У многих народов со свистом связано много суеверий. Например, древние арабы утверждали, что свистнувший оскверняет свой рот на целых 40 дней.

А европейские матросы могли тут же отправить свистуна за борт, так как он мог накликать бурю. В наши дни у многих народов бытует мнение, что свистом можно накликать беду или призвать темные силы.

В русском языке существует немало крылатых фраз, связанных со свистом, например: он все свое состояние просвистел, только свистни и я появлюсь, свистать всех наверх.

Если бы свист не играл большой роли в человеческой жизни, он вряд ли вошел в (словарный) аппарат многих народов. По-видимому его тайный смысл теперь скрывается в человеческом подсознании.

У многих народов в древности существовала высокоразвитая коммуникационная система, в основе которой лежал свист.

Жужжание – звук, подобный растянутому произношению буквы *ж* или *з*, как делают пчелы, шмели и пр. или какой слышится от негромкого, слитного говора

толпы. Производить однообразно дребезжащий звук, свистящий шум. Рассмотрим подражания свистящим и жужжащим звукам в крымскотатарском и других языках.

Сыз-, выз-, дыз-, зув- подр. свистящим и жужжащим звукам, быстрому действию. Ср.: ктат. *сыз-гъырмакъ* 'свистеть', *сыз-гъырыкъ* 'свисток', *сыз-гъырув* 'свист', *выз-ылдамакъ*, *выз-выз этмек* 'жужжать, визжать', *выз-нен кечмек*, *выз-ыр-выз-ыр этмек*, *дыз-ылдамакъ* 'визжать, проезжать со свистом, с визгом'; *выз-ылдамакъ* 'жужжать, подр. звуку проезжающего автомобиля'; *зув* 'подр. быстрому действию'; *зув-улдамакъ* 'подр. звуку быстро проезжающих машин'.

Например: *Ель сызгъыра*. – (*Ветер свищет*).

Сол копчек бош къаранлыкъ ичинде баты, сагъ копчек исе буз устюнде вызлы-вызлы айланып баилады. – (*Левое колесо скрылось в пустой темноте, а правое визжа закрутилось на льду*). (Черкез Али «Сабалар къучагында» («В объятиях утра»), Т., 1973 г., с.15.).

Андаки телевизор энди бир шей косьтермесе де, аля даа иштей, экранында сызыкълар ойнай, давушы дызылдай эди. – (*Тот телевизор, который уже ничего не показывал, всё ещё работал, на экране были чёрточки, звук жуужжал*). (Э. Умеров «Къаза» («Несчастный случай»), Т., 1988, с.211).

Звукоизобразительность основы *сыз-*, обозначающего звук свиста основана на акустической характеристике анлаутного глухого щелевого *с*, при произнесении которого поток воздуха, проходя через узкую щель между кончиком языка и альвеолами, за счет трения производит шипящий звук и ауслаутного звонкого зубного *з*, передающего жужжащий, визжащий звук. Узкий негубной *ы* дополняет подражательный эффект, так как по признаку вертикального положения языка он более близок к щелевому *с*, чем широкие гласные.

Происхождение варианта *сызгъырмакъ* 'свистеть' легче объяснять, сопоставляя его со звукоизобразительными обозначениями свиста в других тюркских языках. Ср.: каз. *ысылда-* 'шипеть', *ыскыр-* 'свистеть, шипеть (о змее)', *ысқырык* 'свист', *ысқырган боран* 'завывающая вьюга', *ысқырган аяз* 'трескучий мороз', *сызрыр-* 'свистеть (например, о ветре)', *сызгырыкъ* 'свист, стрекот' [220, 123]; кирг. *ышкыр-* 'свистеть, шипеть (о змее)', *ышкырык* 'свист', *ышылда-* 'шипеть (о змее)'; туркм. *сыгыр-* 'свистеть', *сыкылык* 'свист'; як. *ишиир-*, *кыскый-* 'свистеть', *кыһыыр-* (от *кыс*) 'производить тонкий свист'; узб. *виз-виз* подр. резкому свисту (например, ветра), *визилла-* 'свистеть, издавать свистящий звук, жужжать', *гиз* подр. свисту, свистящему звуку, *гизилла-* 'лететь со свистом, свистеть, визжать, быстро двигаться, мчаться', *хуштак* 'свист, дудка, свистулька, свисток', *хуштак чал-* 'свистеть, насвистывать'; хак. *сыыли-* 'шипеть, издавать шипящие звуки (например, о змее)', *сыылааны* 'шипение', *сыыласты согласнайлар* 'шипящие согласные'; тат. *сызгыр-* 'свистеть', *ыс* подр. шипению гусей, змей и так далее, *ыш* подр. свисту плети; алт. *сыгыр-* 'свистеть'; тур. *Şekşek, ğiz, fiç-* 'свистеть'; чув. *шахар-* 'свистеть вообще, на свистульке или с помощью языка, нёба и зубов' и так далее.

В результате метатезы в звукоподражательном корне *выз*, передающего звук визга, жужжания в крымскотатарском языке образовался корень *зув*, передающий звук быстрого действия. В крымскотатарском языке производными от данного корня являются слова: *зувудламакъ*, *зувуды*. Например: *зувудлап кечмек* 'быстро про-

нестись, промчаться'; в английск. *zip* 'проноситься со свистом; быстро нестись, лететь; свист', *zap* 'мчаться', *zoom* 'гул, рев; жужжание' ~ казахск. *zip yet-* 'гудеть, свистеть; быстро мчаться, лететь стрелой', *zımp ber-* ~ *zip ber-* ~ *sıp ber-* ~ *sıp yet-* ~ *jıp yet-* 'быстро двигаться', *jäp yet-* ~ *jäpilde-* ~ *jıpilda-* 'быстро говорить', *zimira-* (< корень *zim-*) 'мчаться, быстро нестись, стремительно лететь', *zatğa-* (корень *zat*) 'стремительно нестись, мчаться' (варианты корня: *zip* ~ *sıp* ~ *zımp* ~ *zim* ~ *zat* ~ *jıp* ~ *jäp*). Ср. узбекск. *zum* 'мгновение' в выражении *bir zum'da* 'в один миг', *zim-ğoyıb bul-* 'бесследно скрыться', казахск. *zim-qayım* 'бесследно' ~ *zim-zıya joq bol-* 'бесследно исчезнуть'. В данных примерах основную звукоизобразительную функцию выполняет звонкий зубной з, передающего кроме жужжащего, визжащего звуков моментальность действия.

Например:

- *Я озьлери къайдалар?*

- *Зувгъанлар.* – (Где же они сами? «Испарились» (быстро ушли, убежали)). (Черкез Али «Сабалар къучагъында» («В объятиях утра»), Т., 1973 г., с.20.).

Сокъакъта машиналар акъымы зувлдай эди. – (На улице жужжал (визжал) поток машин). (Э. Умеров «Умют» («Надежда»), Т., 1988 г., с.47).

В тюркских языках мы встречаем два типа звукоизобразительных форм: ГС и СГС. Вероятно, первый тип восходит к СГС, при этом качественный состав данной структуры, как отмечалось в первой главе, в древности функционировал в одном или нескольких тюркских языках в форме равноставных фоносемантических единиц с перемещенными согласными анлаута и ауслаута.

Следовательно, як. *кыс* > *кыскый* - 'свистеть' и туркм. *сык* > *сыкылык* 'свист' необходимо рассматривать как фоносемантические / звукоизобразительные варианты одного корня. В свою очередь, это означает, что ктат., каз., тат. *сыз*; тур. *ğiz*, узб. *гиз*, представляют собой поздние модификации древней формы. Тур. *fîç* в подражательном плане является обозначением одного из видов свиста.

При сравнении звуков свиста, визга в крымскотатарском и русском языках мы также наблюдаем определённое сходство. В подражании свисту в качестве анлаута выступает глухой щелевой *с*, производя шипящий звук, передающий звук свиста. Узкий негубной *ы/и* (по принципу вертикальной вариации звуков) дополняет подражательный эффект, так как по признаку вертикального положения языка он более близок к щелевому *с*, чем широкие гласные. Звук визга передаётся подражательным корнем *выз* в крымскотатарском языке и подражательным словом *визг* в русском языке. Здесь в анлауте используется губно-зубной *в*, в инлауте широкий негубной гласный – *ы/и*, переднеязычный зубной *з* в ауслауте, усиливающий звукоподражательный эффект.

Значения приведенных форм отражают неоднородность самого свиста: свист человека губной и губно-зубной, свист ветра, свист предметов, разрывающих воздух и так далее.

Объясняя причину вариативности звукоизображений свиста в различных языках, А. М. Газов-Гинзберг пишет: «Свист бывает двух родов (что и нарушает в некоторой мере единство изображений его): с помощью языка, нёба и зубов или реже с помощью губ. В обоих случаях звук производится путем продувания струи возду-

ха сквозь крайне узкую щель. Вследствие крайней узости щели звук предельно высок. Обычно в языке не существует отдельных глаголов для обозначения двух родов свиста. Воспроизведение язычно-губного свиста зафиксировано, естественно, при помощи свистящих (включая шипящие), образуемых именно данными органами, и способом, о котором говорит само их название. Аффрикаты часты здесь потому, что, представляя собой последовательное соединение смычки и щели, они более, чем обычные свистящие, родственны свисту, осуществляющемуся<...> при помощи щели, предельно примыкающей к смычке» [34, 46].

Опираясь на материалы чувашского языка, Г. Е. Корнилов считает, что «в чувашском языке нашло выражение два вида имитативов и два типа отдельных глаголов для обозначения двух родов свиста» [2, 125].

Таким образом, в крымскотатарском языке звукоподражательные *сыз-* (*сызгыр-*), *выз-* (*вызыр-*) в сопоставлении с семантически близкими словами других языков характеризуется определенным формальным сходством: в анлауте переднеязычный свистящий глухой щелевой *с*, при произнесении которого поток воздуха производит шипящий звук *и*, переднеязычный твёрдый *д*, губно-зубной *в*, в инлауте широкий негубной гласный – *ы/и*, переднеязычный зубной *з* в ауслауте, усиливающий звукоизобразительную функцию. Ср.: *сыз-*, *выз-*, *дыз-* (к.тат.), *сы-г-ыр-* (алт.), *сыз-г-ыр-* (к.-калп.), *сызрыр-* (каз.), *сыгыр-* (туркм.), *виз-виз*, *гиз-* (узб.).

В результате метатезы в звукоподражательном корне *выз*, передающего звук визга, жужжания в крымскотатарском языке образовался корень *зув*, передающий звук быстрого действия. В крымскотатарском языке производными от данного корня являются слова: *зувудамакъ*, *зувудды*. Ср.: к.тат. *зувудан кечмек* 'быстро пронестись, промчаться'; англ. *zip* 'проноситься со свистом; быстро нестись, лететь; свист', *zap* 'мчаться', *zoom* 'гул, рев; жужжание'; каз. *zip yet-* 'гудеть, свистеть; быстро мчаться, лететь стрелой', *zim ber-* ~ *zip ber-* ~ *sip ber-* ~ *sip yet-* ~ *jip yet-* 'быстро двигаться'. В данных примерах показателем силы звучания является выступающий в качестве анлаута звук *з*, передающего моментальность действия жужжащий, визжащий звук.

В плане же мотивированности основного значения свистящих, визжащих, жужжащих звуков главная роль принадлежит переднеязычным свистящим (*с/з*), выполняющим звукоподражательную функцию.

Список литературы

1. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / Газов-Гинзберг А. М. – М., 1965. – 183 с.
2. Корнилов Г. Е. Теория имитативов и данные чувашских диалектов / Г. Е. Корнилов // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1977 – 1981. – № 5-9. – С. 35-39.
3. Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке: Монография / Хусаинов К. Ш. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232 с.
4. Русско-алтайский словарь / [Под ред. Н.А.Баскакова] – М.: Сов. Энциклопедия, 1964. – 875 с.
5. Русско-киргизский словарь / [Ред. К.К.Юдахин] – М.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1957. – 991с.
6. Русско-татарский словарь для начальной школы / [Состав. Жирицкий Л.В., Ислямов А.И., Баккал А.И., Куркчи Я.С.] – Симферополь, 1940. – 136 с.

7. Русско-турецкий словарь / [Сост.; Мустафаев Э.М., Щербин В.Г.] – М.: Сов. Энциклопедия, 1972. – 1028 с.
8. Русско-туркменский словарь / [Сост. А.Н.Баскаков; ред. М.Я.Хамзаев] – М.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1956. – 880 с.
9. Русско-узбекский словарь: В 2-х т. / [Сост.: С.М.Халдарова, Р.Данияров, А.А.Усманова] – Ташкент: Изд-во Узбекской Советской энциклопедии. – Т.1. – 1983. – 808 с; Т.2. – 1984.–800 с.

Аджимуратова З. Н. Порівняно-типологічний аналіз наслідувань свистячим та дзижчащим звукам в кримськотатарській мові / З. Н. Аджимуратова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 32-36.

Провівши порівняно-типологічний аналіз звуконаслідувальної підсистеми кримськотатарського і деяких інших мов, ми розділили наступні звуконаслідування свистячим та дзижчащим звукам: *сиз, виз, диз*. Головну звуконаслідувальну функцію виконують свистячі *с/з*.

Ключові слова: звуконаслідування свистячим та дзижчащим звукам.

Adzimuratova Z. N. Comparative-typological analysis of imitations to the whistling sounds in a crimeantatar language / Z. N. Adzimuratova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 32-36.

Conducting comparatively the typologic analysis of onomatopoeical subsystem of crimeantatar and other languages, to the connection of sound denotation we selected the followings onomatopoeias whistling sounds: *syz, vyz, dyz*. In the plan of explained of basic value a leading role belongs to whistling sounds, executing an onomatopoeical function.

Keywords: imitations to whistling sounds.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК. 811.512.162

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ, СФОРМИРОВАВШИЕСЯ НА ОСНОВЕ КУЛЬТОВ ДЕРЕВА И ГОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Таптыгов А. С.

*Институт языкознания Национальной Академии наук Азербайджана, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Статья разъясняет лингвистическую интерпретацию древних поверий тюркских народов, дающих знать о нашем современном мире, в котором уже национализированы культ дерева и горы. Исследуется происхождение мифологии географических названий.

Ключевые слова: мифология, культ горы, культ дерева, топонимы

Постановка проблемы. В мифологической системе тюркских народов горы занимают одну из главных мест. В представлениях древних тюрков гора, приобретаемая сакральную ценность в VI веке, в китайских источниках называлась «богом земли» (дух). По М. Сейидову, опирающимся на эти факты, «гора считается святым началом, а так же земля и особенно связанное с ними солнце принимается отцом и матерью всех живых существ, жизни, богов, людей, создателем ценностей [1, 304]. Эти мысли, по М. Сейидову, одновременно представляются в тюркских мифологиях, связываются с горой, как обобщение мировой модели горы в структуре отцоматери, в которой мы видим чуждый элемент, внедренный со стороны матери. В таком случае небо и связанные с ним космогонические элементы относятся к отцовским компонентам, а земля и связанные с ним элементы, в том числе гора относятся к материнским комплексам. Наличие сакральных родителей у многих героев опирается на факты выступление горы в роли матери в тюркской мифологии. В эпосе «Огуз Хаган» имя одного из сыновей Огуза - Царь Горы (Dağ han). Значить одним из предков 24 племен Огуза является гора.

В дастане «Китаби Деде- Коркуд» гора упоминается несколько раз в виде спасателя святого существа например: “Aqan türk sularından xəbər keçsə, arqurı yatan Ala tağdan dəbər aş, xanlar xanı Bayandıra xəbər varsa” , “Oğlan anda yıqıldıqda Boz atlu Xızır oğlana hazır oldu. Üc qatla yarasın əlilə sığadı: “sana bu yaradan, qorxma, oğlan, ölüm yoqdur. Tağ çiçəyi annan südlə sənin yarana məlhəmdir”- dedi, qaib oldu [2, 81].

В шаманских молитвах и обрядах гора описывается как тотемическое существо, которое является святым и ограждающим людей от зла. Даже в настоящее время некоторые тюркские народы, живущие в Сибири, называют гору «отцом», а некоторые обращаются к горе как к «матери». Ф. Халыгов отмечал что, Алтай, горы Бога, Алатан, Таратай и другие название гор связано именно с верой тюрков в горы[3, 9].

Во всех тюркских народах гора и связанные с его частями различные сказания говорят, об онгоническом спасителе, что является одной из главных черт. Например: у азербайджанцев «величественный как гора», « гордый как гора», «сын гор»,

«во имя Гашгара», «во имя Кяпаза» и другие выражения с древних времен занимают основное место в культе горы тюркских народов. Одной из характерных черт является то, что культ горы и ее частей занимает главное место у тюрков и является широко распространенным в названиях местности, например: Карадаглы- два села в Агдамском районе. Название населенного пункта районов Акдаш, Бейлаган, Барда, Геранбой, Ходжалы, Ходжавенд, Тертер, Уджар, Физули, Хачмаз, Шеки.

Образование населенных пунктов произошло в результате заселения племени Карадаглы Кызылбашов, сыгравших важную роль в борьбе за власть Сефевидов. Племя берет свое название от области Карадаг, располагавшейся в Южном Азербайджане. После вступления во власть Сефевидов племя Карадаглы населяло разные территории. Деревни с названием Карадаглы отображают этническую принадлежность семей к этим племенам [4, 131-132].

Ни у кого не вызывает сомнения то, что ойконим Карадаглы происходит от этнонима и в посвященной этому вопросу части ономастики азербайджанского языка, а также в различных произведениях о существовании данного этнонима было дано достаточно информации. Однако эта информация не содержит научных сведений об этимологии названия Карадаглы и Карадаг

А. Джавадов отмечал что слово «гара» в старину использовалось в значение большой и это появлялось в связи с горами [5, 107].

Слова - «гара» в дастане «Китаби Деде – Коркуд» имеет значение большой и интерпретируется с горами, это подтверждает предположения А. Джавадова. Например: «Qarlı qara tağların, yıqılmasın!» [5, 109].

Kölgəlicə qaba ağacın, kəsilməsin!» [5, 109].

Данный пример из дастана «Китаби Деде – Коркуд» подтверждает, что у древних тюрков гора является культом поклонения.

Мифологические топонимы, связанные с культом дерева. У древних тюрков образом священного культа является дерево в мифологических представлениях. Интересно что, «дерево-это универсальный образ древней мифологии во всем мире». Нужно отметить тот факт, что если культ лошади характерен в основном для кочевых тюркских племен, то культ дерева – это универсальный образ, характерный для всех тюркских народов. У древних тюрков дерево-это символ жизни, это мать – тотем, прародительница всех людей, племен и народов. Не случайно, что во многих регионах Азербайджана существует пиры (священные места) связанные с культом дерева. Пир – это очаг, а пиры дерева символизирует веру в дерево, поклонение дереву и надежду.

Для древних гуннов красивая береза служила как зооморфный онгон, защищающий Родину, в ее честь делались жертвоприношения.

В некоторых мифах туркоязычного племени говорится, что во Вселенной существовали бог Гудиал, один мужчина и вода. Бог сначала создал Гудиал, затем сосну. Из каждой ветви дерева, созданного богом, вырос человек и каждый стал прадедом одного племени или рода [4, 29].

В мифах многих народов, в том числе и тюркских имеются представление о том, что дерево является прародительницей детей.

Эта мысль находит свое эксплицитное отражение в эпосе «Огузнаме». Древние тюрки считали что, Создатель – бог является им в различных обликах и одно из них это «древо жизни» или «древо мира». В «Огузнаме» в дастанах «Китаби-Деде-Коркуд» и в образцах фольклора, а особенно в сказках и мифических дастанах отражается то, что тюрки – азербайджанцы считали дерево священным. Верования, связанные с культом дерева, присущи только азербайджанцам. Но это вовсе не означает, что у древних тюркских народов не было верований связанных с деревом, данный вопрос еще ждет своего исследователя. Суть вопроса в том, что у других тюркских народов, по сравнению с азербайджанским народом, не сохранились в столь систематической форме верования, связанные с тотемом (обожествлением) дерева. В монументальном письменном памятнике туркоязычных народов, дастане «Китаби-Деде-Коркуд», в словах одного из главных героев Басата очень интересно отражается вера в дерево. Сравните:

Qalarda –qoparda yerim Günortac!

Qaranqu dün içrə yol azsam,ümmü allah!

Qaba aləm götürən xanımız –Bayandır xan!

Qırıq günü ögdin dəpən alpımız – Salur oğlu Qazan!

Anam adın sorar olsan,- Qaba Ağac!

Atam adın dersən,- Qağan Aslan!

В этом примере показано, что Басак считает дерево своей матерью и говорит, что если вы спросите как зовут мою мать, я скажу Дерево. Этот факт наглядно демонстрирует, что ДЕРЕВО у древних тюрков считалось онгоном, обожествлялось.

Б.Огел отмечает, что в мифологии тюркских народов южной Сибири, в легендах абаканских татар, его представление (т.е. происхождение людей от дерева - Т.А.) несколько изменилось. По их верованиям, в центре Земли находится большая железная гора, которая возвышается до небес, и на этой горе растет береза с семи ветвями. Качские татары считают, что это береза имеет золотые ветви, восемь-девять теней и она святая. Береза играла важную роль в повседневной жизни древних тюрков. Древние тюрки изготавливали из березовой коры самые крепкие и длинные стрелы. Самые лучшие ленточки так же изготавливались из березы [1].

Во время исследования выяснялось что, у каждого тюркского народа имеется свое священное дерево служащее тотемом. У древних тюрков очень часто единое начало всего и представление в систематической форме отражено во многих сторонах их жизни. Один из главных фактов, подтверждающих эту мысль, является наличие целого ряда географических названий, связанных с культом дерева в топонимической системе тюркских языков. Б.Огел отмечает, что в средней Азии имелись такие географические названия (связанные с культом дерева- Т.А) как Bay ağac, Ala ağac, Qara ağac и т.д.

Рассмотрим и интерпретируем мифотопонимы, связанные с культом дерева. Ağacəgi – ароним в Товузском районе Азербайджана. Название горы связано с именем тюркского племени Ağacəgi. Агачири (Ağacəgilər) входили в состав гуннских племен, которые в раннем средневековье жили в полях Юго-Восточной Европы. Из Византийских источников 5-6вв известно, что агачири жили на территории Азербайджана, и они упоминаются как akstir \ akalsir. В последующие века большая

часть агачиров, активно участвовавшая в политической жизни в период сельджуков, монголов и гарагоюнлы, поселилась на разных территориях Ирана. Исследуя, древние тюркские этносы Ф. Джалилов отмечает «Геродот показывает, что Агафирсы жили в полях Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа среди скифов и они по происхождению татары».

Следует отметить что, Геродот считал скифов татарами (тюрками). Г. Гейбуллаев, рассматривая топонимы *Ağasəgi* \ *Ağasəgi* в Южном Азербайджане, истолковывает их как «живущие в лесистой местности» и отвечает что Агачири одно из огузских племен и возможно в 11 веке они вместе сельджуками пришли на нынешнюю территорию проживания [6, 182].

Историки, исследовавшие наиболее древние государства древнего Востока и Азербайджана, считают, что Агачири пришли на территорию Азербайджана вместе с гуннами в 5 веке.

Ф.Шумер так же истолковывает этот этноним как, *ağas əgi* - мужчина дерево. Этот автор характеризует эту ономастическую единицу следующим образом: «Это имя дается тюркскому сословию, который вместо того, чтобы заниматься животноводством и земледелием, занимается рубкой дерева и изготовлением бревен» [7, 432]. Они являются внуками туркмен – агачиров, следуют верованиям кызылбашей, очень трудолюбивые люди их деревни находятся, как правило, в чаще лесов.

З. Хасиев, исследуя топонимию Товузского района Азербайджана, подробно интерпретирует ороним *Ağasəgi* и пишет, «исследователи отмечают что, до 15 века это племя проживало на территории Азербайджана». Во время правления Карагойунлу (1410-1468) агачили входили в составе правительственных войск. После распада государства каракойунлу 1468 г. это племя разделилось на две части. Одна из них поселилась в Северном Азербайджане, а другая в Южном Азербайджане. Но виду того, что агачили были малочисленны, они ассимилировались в составе племен, в которое они входили» [8, 112]. Учитывая вышесказанное, можно прийти к выводу что *Ağasəgi*- агачили – это этноним и ономастические единицы связаны с этим компонентом тотемом древних тюрков «дерево земли» «дерево жизни» и т.д. Таким образом, *Ağasəgi* - это не «проживающие в лесу», а «происходящие из дерева», «рожденное деревом» и это истолкование, на наш взгляд, более приемлемое. Вместе с тем, надо отметить, что *Ağasəgi* состоит из компонентов *ağas* (дерево) и *əgi* (человек, мужчина) и означает мужчина–дерево, человек-дерево и оформлено по модели атрибутивного словосочетания 2-го типа.

Qalaqayın - ойконим в Сабирабатском районе Азербайджана. Село находится на территории Муганской равнины. Ойконим состоит из слова *qala* и из самоназвания тюркского племени *qayın* (*qayın*), имеет значение «*qayınların qalası*»-гора племени гайын, т.е. гора, принадлежавшая племени гайын. Представители племени *qayın* – кайын на сегодняшний день проживают в Южном Азербайджане. Племена с этим именем имеются и в составе других тюркоязычных народов. Дерево *qayın* (береза), в древности считалось у тюркских народов священным и тотемизировалось. А. Шукюров отмечает: «*Qalaqayın*- это гора онгона *qayın* (береза), место, которое береза оберегает, населенный пункт» [9, 232]. Но следует оговориться, что тотем *qayın* не сразу перешел в топоним, сначала он функционировал как антропоним - этноним, а

затем сформировался в составе топонима. Qağağas-Ойконим в Кубатлиском, Зака-тальском, Тертерском, Сабирабадском, Джалилабадском районах Азербайджана и гидроним в Закатальском районе. Имеются две попытки интерпретации данного топонима. Согласно первой, название деревни Qağağası. В некоторых исследовани-ях имеются сведения об описательном характере Qağağası. Но эта мысль представ-ляется нам неправомерной. Так, территория, на которой расположена деревня Qağağas не изобилует деревьями карагачи. Вместе с тем, населенные пункты с этим названием имеются и в разных регионах нашей республики и на территории прожи-вания других тюркоязычных народов. Эти факты подтверждают, что эта ономасти-ческая единица, связанная с этнонимом, а этот этноним в свою очередь связан с ве-рованием древних тюрков в дерево. Qızılağas - ойконим в Гейчайском, Масаллин-ском и Сальянском районах Азербайджана. По мнению некоторых исследователей, топоним отражает самоназвание тюркского племени qızılağas – кызылагачи. Одни из племен (родов), проживающих на территории провинций Анталии, Будура и Ис-парты в Турции, называется кызылагачи. Согласно народной этимологии, деревня названа так потому, что на этой территории было много ольховых деревьев, она бы-ла расположена недалеко от ольхового леса. Позже лес был, полностью вырублен и исчез. Qızılağas – название села в Масаллинском районе, низменность Ленкоранско-го района. Один из древних населенных пунктов Азербайджана. В средние века Qızılağas поддерживало торговые связи с Каспийскими портами. Население, в ос-новном, занималось судоходством и рыболовством. Караванная дорога в Гилан и Мизандаран пролегла через Qızılağas.

Выводы и перспектива. Сформировавшиеся результаты научного исследова-ния мифологических топонимов в связи с культом «дерева» показывают, что рас-смотренные названия населенных пунктов связаны с древними тюркскими этниче-скими группами, а ареал их распространения довольно широк и многие вопросы этой тематики до сих пор не изучены. Этим и определяется перспективность иссле-дований в вышеуказанном направлении.

Список литературы

- 1.Огел Б. Тюркская мифология [Текст] / Б. Огел. – Баку, 1997
2. «Китаби Деде-Коркут» [Текст]. – Баку, 1988
- 3.Халигов Ф. Ономастика фольклора. 2-часть [Текст] / Ф. Халигов. – Баку, 2000
- 4.Азербайджанские топонимы (Энциклопедический словарь) [Текст]. – Баку, 1999
- 5.Джавадов А.М. Слова «qız, qur, quz» не имеют связи с огузским этнонимом [Текст] / А.М. Джа-вадов // Проблемы Азербайджанской ономастики. – Баку, 1993
- 6.Гейбуллаев Г.А. Топонимия Азербайджана / Г.А. Гейбуллаев // Энциклопедический словарь [Текст]. – Баку, 1986
- 7.Шумер Ф. Огузы [Текст]/ Ф. Шумер. – Баку, 1992
- 8.Хасиев З.А. Мир топонимии Товуза [Текст] / З.А. Хасиев . – Баку, 1997
- 9.Шукюров А.И. Мифология книга-6 [Текст] / А.И. Шукюров . – Баку, 1997

Таптигов А. С. Міфологічні топоніми, що сформувалися на основі культів дерева і гори на території Азербайджану / А. С. Таптигов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 37-42.

Стаття роз'яснює лінгвістичну інтерпретацію давніх повір'їв тюркських народів, що дають знати про нашому сучасному світі, в якому вже націоналізовані культ дерева і гори. Досліджується походження міфології географічних назв.

Ключові слова: міфологія, культ гори, культ дерева, топоніми

Tapdigov A. S. Mythological toponyms forming on the basis of cults of mountain and tree on Azerbaijan territory / A. S. Tapdigov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 37-42.

Article explains linguistic interpretation of ancient popular beliefs of the Turkic people letting know about our modern world in which are already nationalized a tree and mountain cult. The origin of mythology of place names is investigated.

Keywords: mythology, a mountain cult, a tree cult, toponyms

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 811.512.161

**УНІВЕРСАЛЬНЕ ТА НАЦІОНАЛЬНО-СПЕЦИФІЧНЕ
ТУРЕЦЬКОЇ БОТАНІЧНОЇ НОМЕНКЛАТУРИ
(ОНОМАСІОЛОГІЧНИЙ ТА СЕМАСІОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТИ)**

Пішеніна М. В.

*Институт филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко, г. Киев, Украина
E-mail: pishenina@mail.ru*

У статті розглядаються універсальність та специфічність процесів мотивації назв рослин на матеріалі турецької та української мов.

Ключові слова: внутрішня форма, назви рослин, мотивація, універсальність, специфічність.

У другій половині XX століття розвинулася когнітивна лінгвістика. Когнітивна лінгвістика – дисципліна, яка займається вивченням людської свідомості. Її складовими частинами є ономасіологія і семасіологія. В наш час розробкою цих теоретичних питань займаються О.О.Селіванова, О.С. Кубрякова, Ж.П.Соколовська, А.Вежбицька. Питанням вивчення національно-культурної семантики ботанічних назв присвячені роботи Корнілова, Подолян тощо. Незвичайну актуальність набувають дослідження етнокультури окремого народу, відображену в його мовній картині світу (А.А.Зальовська, В.Р.Костомаров, З.Р.Тер-Мінасова, Ю.Н.Караулов, А.Вежбицька, В.В.Воробйов та ін.). Кожен народ має свої особливості в соціальному, трудовому досвіді, що й знаходить відображення у виборі ознаки найменування, або внутрішньої форми слова (В.фон Гумбольдт, О.О.Потебня, Е.Сепір, Л.П.Іванова, Н.І.Сукаленко та ін.). Вивчення цих проблем сучасна наука бачить у підходах, що базуються на теоретичних засадах В. фон Гумбольдта та О.О.Потебні про національну специфіку мови, про особливості відображення в ній об'єктивної дійсності.

Відповідно до тверджень Ф. де Соссюра природного зв'язку позначувального з позначуваним не існує, тобто мовний знак є немотивованим [6, 101]. Однак така думка вченого, основана на його концепції вчення про мову як іманентну систему, вважається помилковою: "зв'язок між позначуваним і позначувальним не довільний; навпаки, він є необхідним" [1, 92]. Під час процесу вибору ознаки найменування рослини, мовець прагне відобразити у назві рослини певні властивості, а отже, це свідчить про вмотивованість назви. Запозичення вважаємо немотивованими назвами, оскільки мовець не усвідомлює раціональність зв'язку між змістовним і формальним мовного знака.

Також, взаємодія між внутрішньою формою і мотивованістю виявляється ще і в тому, що при утворенні назви рослини шляхом переосмислення ознака вторинного найменування є водночас мотиваційною ознакою. Таким чином, внутрішня форма і

вмотивованість – це основні засоби зв'язку об'єкта дійсності, що відображається, з його назвою, які служать точності передачі поняття через слово [7, 59].

Відповідно до А.І.Гудавічуса, пізнання людиною дійсності має інтернаціональний характер, в ньому немає ніяких національних обмежень. «При фіксації результатів пізнання в мові ... відбувається «спрощення» пізнання, оскільки в одиницях мови відображається не повний його результат, не всі ознаки поняття, що утворилося» [2, 40].

Результатом такого «спрощення» дійсності є універсальні за своєю природою семи, індивідуальність комбінацій яких в кожній мові утворює національний характер їх значень. «Специфіка лексичних систем мов ... обумовлена реальною дійсністю – матеріальними і суспільними умовами життя народу» [2, 41]. І.Е.Козлова визначила структуру національної специфіки мови, яка містить культурно-соціальний досвід, національну психологію, мовну традицію та мовну систему, індивідуальну та колективну мовну свідомість. Вона стверджує, що «національна специфіка мови може досліджуватися як у поєднанні всіх своїх елементів, так і на рівні кожного з них» [4, 9–10].

Наше дослідження присвячене вивченню національно-специфічних особливостей ботанічної номенклатури. В ботанічній номенклатурі зафіксовані як реалії повсякденного життя, так і уявлення народу, який її створив. У системі народних назв відображається мовне відчуття звичайної людини, яке виявляється в утворенні і тлумаченні назв рослин. В процесі номінації проявляються асоціації, що обумовлені культурою, релігією, географічними особливостями. Також в назвах рослин відображені способи оцінки світу, що виражається в актуалізації особливостей зовнішнього вигляду та господарського призначення, лікарські властивості. Окрім фізичних рис, таких як зовнішній вигляд, колір, цвітіння, збір насіння та плодів, велику роль відіграють символічні конотації та релігійні асоціації, тобто віра в магичні властивості рослини.

Актуальність обраної теми зумовлена тим, що до цього часу не проводилось дослідження турецької ботанічної номенклатури, семантика і словотвір якої і досі є недостатньо вивченими.

Метою нашої розвідки є аналіз процесу номінації назв рослин, виявлення універсального та специфічного у характері мотиваційних процесів в турецькій мові.

Об'єкт нашого аналізу – національно-специфічні риси ботанічних назв у контрастивному аспекті.

Предмет дослідження – назви рослин в турецькій мові, які порівнюються в певних моментах з українськими ботанічними назвами.

Майже кожна рослина має дві назви – народну та наукову. Наукові в свою чергу складаються з родової та видової назви. Остання з них присвоєна рослині штучно і тому не може віддзеркалювати національну специфіку. Тому в нашій роботі ми проаналізуємо лише родові назви, які, на нашу думку, є найкращим прикладом відображення національної культури народу.

Досліджувати національну специфіку ботанічних назв необхідно на прикладах назв як культивованих, так і диких рослин, оскільки і ті й інші зафіксували в своїх

назвах певні ознаки національної культури, що дав їм народ в процесі пізнання різних властивостей цих рослин.

Розв'язання поставлених завдань здійснювалося зіставним *методом*, за допомогою якого виявляються специфічні ознаки окремих мовних явищ. Для доказовості й точності зіставлення застосовувалася *методика компонентного аналізу*, спрямована на виявлення спільних і відмінних семантичних ознак у значеннях слів у порівнюваних мовах. При порівнянні слів-відповідників використовувався також *описовий метод*.

Матеріалом роботи є іменники турецької та української мов на позначення назв рослин. Основні джерела дослідження – тлумачні, двомовні, етимологічні словники аналізованих мов, мовленнєві ілюстрації тощо.

Усвідомлення семантичної двосторонності образних назв рослин відбувається на рівні однакових асоціацій, в результаті чого в свідомості носіїв мови виникають однакові образи. Це відбувається з наступних причин. По-перше, в основі образних назв рослин лежать такі номінаційні ознаки рослин, які яскраво характеризують рослину, додають їй індивідуальність і неповторність. Ці ознаки, які найчастіше починають зовнішній вигляд рослини, одразу помічаються мовцем і обираються в якості основи для найменування. По-друге, в мовній свідомості людей, що розмовляють однією мовою, присутні асоціативно-образні стереотипи бачення деяких предметів. Наприклад, *повитиця*, рослина, яка у носіїв української мови асоціюється зі способом росту/існування цієї рослини (мотиваційне значення: рослина, яка *повиває, обвиває*). Повитиця – однорічна, паразитна рослина з нитковидним, витким, розгалуженим стеблом [5, 354]. Носії турецької мови, таку характеристику повитиці визначили як «*волосся диявола*» (*şeytansaçı*), оскільки *şeytansaçı* тлумачиться як «*ince uzun ipliksi saplarıyla, asma, baklagiller ve bazı meyve ağaçlarına sarılarak onları sötüren, klorofilsiz, asalak bir bitki*» (рослина, яка, обвиваючи бобові рослини, деякі фруктові дерева, паразитує на їх поверхні) [8, 143]. Розглянемо ще декілька прикладів, пов'язаних з асоціативним сприйняттям: укр. *Біс дерево* (дурман, бодяк), тур. *Boruçiçeği* (букв. *Квітка-труба*). Як бачимо в українців дурман, за однією із своїх назв асоціюється з бісом, оскільки ця рослина є надзвичайно отруйною – «*Дурман – отруйна рослина. Після роботи з ним треба старанно мити руки*» [5, 145]. Турки порівняли рослину, а точніше її плід, за зовнішнім виглядом з трубою. Укр. *оплітка* (букв. *та, що обплітає*), тур. *kaplumbağa otu* (букв. *черепаха-трава*). Такі асоціативно-образні стереотипи зумовлені специфікою національного світобачення, особливостями мислення мовного колективу.

Універсальною для турецької та української мов є наявність наступних ознак найменування: зовнішній вигляд рослин; дотикові властивості; смак; запах та властивості, що пізнаються при одночасному функціонуванні різних органів чуття. Специфічною є невелика кількість у турецькій мові назв рослин, мотивованих властивостями, що пізнаються на слух. Основу мотивації більшості подібних назв складає ознака, яка виникає внаслідок каузативного впливу. При мотивації назв рослин слухові відчуття відіграли досить незначну роль і представлені лише звуконаслідувальними словами. Це пояснюється, здатністю рослин відтворювати звуки лише під впливом зовнішніх чинників – таких як вітер, дощ, дотик людини тощо.

Процес вибору ознаки найменування свідчить про прагнення мовця закріпити у назві певні властивості, а, отже, про мотивацію вибору назви рослини. Таким чином, переважаюча більшість ботанічних назв є, на нашу думку, мотивованою.

Аналіз ботанічних назв був проведений за наступною класифікацією ознак найменування: 1) зовнішній вигляд рослини; 2) смакові, нюхові та дотикові відчуття; 3) дія рослини на організм; 4) біологічні властивості; 5) місцезростання; 6) застосування рослини; 7) антропоніми; 8) властивості, що пізнаються водночас перцептивно і когнітивно.

Дослідження показали, що кількість назв рослин, пов'язаних з їхнім зовнішнім виглядом, є переважаючою порівняно з іншими, оскільки людина отримує велику кількість інформації про зовнішній світ у процесі зорового сприйняття. У цій групі назв виявлено такі закономірності: 1) домінантною ознакою найменування є форма рослини, зокрема, форма, яка привертає до себе увагу людини своєю подібністю: кругла форма плоду або квітки: тур. *top (incir), baştop, altın top* (букв. *золотий м'яч (грейпфрут)*) укр. *глючики*; незвичайна форма квітки або листя: тур. *kurtkulağı* (досл. *вухо вовка*), *şap çiçeği* (досл. *şap – дзвін, çiçek – квітка*) або *çingirak çiçeği* (досл. *çingirak – брязкальце*), укр. *півники, дзвоники*; видовжена форма рослини: тур. *iğnelik otu* (досл. *iğne – голка, ot – трава*), укр. *косарі*; 2) також важливою ознакою, яку покладено в основу назви рослини є колір. Найпродуктивніші кольори в турецькій мові: жовтий, білий, червоний та синій. Наприклад, тур. *sarıbaş* (букв. *жовта голова*) *Centaurea macrocephala*, *sarı kokulu* (букв. з «жовтим» запахом) *Eranthis Hiyemalis*, *sarı boya Gentiana lutea*, укр. *жовтець*; тур. *kızıl ağaç* (букв. *червоне дерево*) *Alnus*, *kızılçık* (букв. *червоненький*) *Cornus*, *kırmızı kedi otu* (букв. *червона котяча трава*) *Centranthus ruber*. В українській мові червоний колір в найменуваннях рослин зустрічається переважно у видових назвах, наприклад, *ромашка червона* або *маруна червона* *Pyrethrum coccineum*, де *ромашка* – родова, а *червона* – видова назва.

Смакові, нюхові та дотикові відчуття – важлива ознака найменування, яка присутня як в українській так і в турецькій мові. Смак: кислий: тур. *ekşi yonca* (букв. *кисла конюшина*) *Oxalis acetosella*, *ekşimelek* (букв. *кислий янгол*), укр. *кислий щавель* *Rumex acetosella*, *кислянка*; гіркий: тур. *acı çiğdem* (*acı – гіркий*) *Colchicum*, *acı badem* (букв. *гіркий мигдаль*), *acıdölek* *Ecballium elatarium*, порівн. укр. *асідюлек – скажений огірок*, укр. *гіркий корінь, гірчиця*; солодкий: тур. *tatlı kök* (букв. *солодкий корінь*) *Glycyrrhiza*, *ballıbaba* (букв. *медовий тато*) *Lamium*, укр. *солодковий корінь*. Оцінка мовцем запаху рослин: тур. *kokağ ağaç* (букв. *пахуче дерево* (може бути як в позитивному так і в негативному значенні) *Ailanthus altissima*, *kokulu kiraz ağacı* (букв. *пахуча черешня*) *Cerasus mahaleb*, укр. *вонечник*. Сприйняття на дотик: колючий: тур. *sivri kekik* *Satureja thymbra*, *sivri kökü* (букв. *гострий корінь*) *Gentiana lutea*, *kesme* (букв. *різаний*) *Phyllyrea latolia*, укр. *будяк*. Ботанічні назви, мотивовані властивостями на слух зустрічаються рідко. Найчастіше це звуконаслідувальні назви, на відтворення звуків, які видають рослини під час дії на них зовнішніх чинників – вітру, дощу, дотику. В турецькій мові все ж зустрічаються рослини з назвами, мотивованими слуховими властивостями. Наприклад, *kahkaha çiçeği* (букв. *kahkaha – наслідування сміху, сміх*) *Irotomea*. В українській – це перш за все, назви, які передають

ознаку звучання насіння, або рухів рослини під час вітру, напр., *бреничка, гремок, шелест*, дія вітру на сухі рослини: *тріскавець, хлопанці* [3, 215].

Також універсальною ознакою для турецької та української мов є дія рослини на організм людини – найчастіше за ознаку брались лікувальні характеристики. З давніх часів людина знала про важливість рослин для свого здоров'я, тому майже у всіх культурах у ботанічних назвах зафіксовано лікувальні якості рослин. Наприклад, тур. *hekimana* (*hekim* – лікар, *ana* – мати) *Sambucus ebulus*, укр. *живокіст*;

Розвиток рослини тісно пов'язаний з сезонними явищами, тому однією з продуктивних ознак є її фенологічні властивості: тур. *bahar otu* (букв. *весіння трава*) *Primula*, *güz çiğdemi* (букв. *осінній крокус*) *Colchicum* (*son baharda çiçek açan bir bitki* [8, 126], укр. *веснівка*).

Специфічними рисами у турецькій мові є ознака, що базується на видільних властивостях рослини: *sütleğen* (досл. *молочна миска*) *Euphorbia*, *süt otu* (досл. *молочна трава*) *Polygala*. Досить продуктивною для турецької мови є ознака місце проростання певної рослини (*dere otu, kaya kekiği, deniz teresi* *Crithmum maritimum*). В турецькій ботанічній номенклатурі таких назв досить багато. В українській мові кількість рослин, що отримали назву за місцем зростання менша, ніж в турецькій. Наприклад, *подорожник*. В українській мові специфічна риса – це ботанічні назви, мотивовані способом розмноження (*перекотиполе*). Серед розглянутого нами пласту ботанічних назв турецької мови, ми майже не виявили рослин, мотивованих такою ознакою.

Якщо звернутись до ботанічних назв, мотивованих застосуванням рослин у практиці, то помічаємо, виражену специфічність, яка обумовлюється діяльністю певного народу. Так, в турецькій мові досить велика кількість ботанічних назв, які зумовлені використанням рослин у виробництві (тур. *tarak otu* або *fesçitarağı* (букв. *трава-гребінь*) *Dipsacus laciniatus* – '*2m kadar bir boya erişebilen, iki yıllık , otsu, dikenli, beyaz veya soluk bembe çiçekli bir bitkidir. Kurutulmuş çiçek durumu tarak olarak kullanılır.*' [8, 106]. В українській мові переважають назви, з ознакою застосування рослин у побуті (*напило*). Також в турецькій мові велика кількість рослин, в назві яких зафіксовано харчові властивості, а саме: трави, які використовуються для заварювання чаю (*dere çayı, dağ çayı* *Dorystoechas hastate* – *Antalya bölgelerinde yaprakları çay yerine kullanılır*) [8, 81]. При чому в наведених прикладах передається також і ознака місце проростання рослин (букв. *гірський чай*).

Універсальними для турецької та української мови є назви рослин, в основі яких імена вчених-ботаніків або відомих людей. Наприклад, укр. бегонія, тур. *begonya - isim, bitki bilimi (begonya)* (*Michel Begon özel adından*) [9].

Найбільша кількість ботанічних назв, зумовлених властивостями рослин, що пізнаються одночасно і перцептивно і когнітивно, зафіксована в турецькій мові. Це пояснюється її схильністю до словоскладення (композирування).

Аналіз ботанічних назв з погляду вмотивованості виявив її високий рівень в турецькій та українській мовах, що пояснюється розвинутою системою словотворення в них. Щодо типу мотивацій, то перевага прямо мотивованих назв зафіксована в турецькій мові.

Найбільш численними виявилися такі, що мотивовані зовнішньою ознакою. Це пояснюється тим, що ця ознака насамперед впадає в очі й викликає відповідні уявлення про денотат. Закономірним є той факт, що з певними рослинами в різних мовах виникають розбіжні асоціації, покладені в основу назв.

Дослідження ботанічних назв, зумовлених властивостями рослини, що одночасно пізнаються перцептивно і когнітивно, показало, що в процесі пізнавальної діяльності людини найбільше значення мають органи зору. Про це свідчить той факт, що найпродуктивнішими комбінаціями в досліджуваних мовах є поєднання ознак зовнішній вигляд і місцезростання рослини.

Таким чином можна зробити висновок, що ботанічні назви займають важливе місце у термінологічній системі сучасної турецької мови, а їх детальне дослідження сприяє виокремленню національно-специфічних рис мовної картини світу турецького народу.

Список літератури

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика: Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Гудавичус А.Й. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.
3. Калько В. Предикатна мотивація назв лікарських рослин в українській мові. Вісник Львів. Серія філол. 2004. Вип. 34. Ч. 1. С.214-218
4. Козлова И. Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Томск, 1999.
5. Лікарські рослини: Енциклопедичний довідник/Л-56 Відп. Ред. А.М.Гродзінський.-К.: Голов. ред. УРЕ, 1990. – 544с.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С.31-285.
7. Чинок Е.И. Номинация ягод и ягодных растений в современном русском языке: Дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01. – К., 1985. – 209 с.
8. Türkçe Bitki Adları Sözlüğü/Turhan Baytop. – 3.bsk. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007 – 401s.
9. www.tdk.gov.tr – Інтернет сайт Турецького Лінгвістичного товариства

Пишенина М. В. Универсальное и национально-специфическое турецкой ботанической номенклатуры (ономасиологический и семасиологический аспекты) / М. В. Пишенина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 43-48.

В статье рассматриваются универсальность и специфичность процессов мотивации названий растений на материале турецкого и украинского языков.

Ключевые слова: внутренняя форма, названия растений, мотивация, универсальность, специфичность.

Pishenina M. V. Universal and nationally-specific the Turkish botanical nomenclature (onomasiological and semasiological aspects) / M. V. Pishenina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 43-48.

The article deals with universal and specific ways of motivation of the plant names on the material of the Turkish and Ukrainian languages.

Key words: inner form, plant names, motivation, universal, specific.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК – 81. 411. 21' 367. 625' 373. 7

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Бекиров Р. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: rbekirov@mail.ru*

В статье делается попытка рассмотреть грамматические особенности глагольных фразеологизмов арабского языка. Ставятся следующие задачи: собрать, систематизировать и классифицировать группу фразеологизмов, имеющих в своём составе глагольный компонент.

В ходе исследования установлено, что фразеология как древняя и обширная часть состава арабского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем арабского языкознания.

Ключевые слова: фразеологизм, грамматический, глагольный, сказуемое, арабский язык.

Постановка проблемы. Глагольные фразеологизмы арабского языка относятся к числу малоисследованных областей арабского языкознания. Это связано с тем, что глагольная фразеология рассматривалась лишь как вспомогательный раздел стилистики, риторики и других наук. Однако роль фразеологических единиц в арабском языке трудно переоценить.

Актуальность. История развития арабского языка насчитывает не одно тысячелетие. Уже в VI – VII веках н.э., арабский язык представлял собой достаточно развитую систему [1, с. 22]. В наше время арабский язык является одним из шести рабочих языков ООН. В течение довольно длительного периода арабский язык характеризуется определенным постоянством в фонетической, морфологической, лексической, грамматической и других областях. Это обстоятельство делает возможным достаточно полно и четко изучать и осмысливать как современные, так и средневековые источники. Тем не менее, мало изученной остается область фразеологии, несмотря на то, что было сделано немало попыток в ее классификации. Актуальность исследования определяется неразработанностью проблемы и недостаточной изученностью арабских фразеологических единиц. В современной арабистике изучение фразеологии и дополнение на этой основе словарей, пособий, других лексикографических изданий является актуальным направлением в арабском языкознании.

Цель статьи - собрать, систематизировать и классифицировать группу глагольных фразеологизмов. Особое внимание, по нашему представлению, следует уделить:

- 1) сбору, изучению, обобщению и систематизации сведений из разных источников по арабскому языкознанию;
- 2) выявлению сферы употребления и распространения данной фразеологии в письменных источниках;
- 3) исследованию грамматических особенностей глагольных фразеологизмов;

Для научных изысканий в этой области, материалом могут послужить данные первоисточников (произведения доисламской поэзии, Коран, материалы классического и современного арабского литературного языка и живых народных говоров и другие письменные источники), а также сведения арабских средневековых авторов, доводы современных исследований в области арабского языка.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Из которой, прежде всего, мы бы выделили: сравнительно - исторический, описательный, сопоставительный, функциональный и типологический приемы и методы исследования [2, с. 5].

Обоснованным, в методологическом отношении, является исследование фразеологии арабского языка в сравнительно-историческом, семасиологическом, этимологическом и других планах [3, с. 8].

Говоря о грамматических особенностях фразеологизмов, в целом, и глагольных, в частности, необходимо отметить их парадигматические формы. Арабский литературный язык является флективно-агглютинативным, синтетическим языком, что, в типологическом плане, роднит его с русским языком, синтетическим языком флективного строя [4]. Парадигматические формы – особенность фразеологизмов флективного строя. Они служат для формального выражения отношений и связей фразеологизма со словами в предложении. Как правило, они отмечаются не у всех фразеологизмов, так же, впрочем, как и не у всех слов.

Наличие или отсутствие парадигматических форм у того или иного фразеологизма находится в прямой зависимости, с одной стороны, от связи его со словами в предложении, с другой, от лексико-грамматической характеристики самого фразеологизма (именной ли он, глагольный ли и т.д.). К примеру, если фразеологизм согласуется со словом, он должен иметь парадигматические формы для выражения этой связи; если фразеологизм примыкает к слову, то в этом случае парадигматические формы не нужны, и т.д. Но из этого не следует, что каждый фразеологизм может и согласовываться, и примыкать, и управлять, и быть управляемыми. Возможность того или иного вида связи фразеологизмов со словами в предложении, так же как между самими словами, определяется законами лексической и грамматической сочетаемости этих единиц в языке, то есть в данном случае лексико-грамматической характеристикой как фразеологизма, так и того слова, с которым фразеологизм сочетается в предложении [5, с. 12]. Соответственно этому, парадигматические формы есть у глагольных и именных фразеологизмов, однако и они строго ограничены минимумом таких форм, которые достаточны для выражения отношений и связей фразеологизма со словами в предложении. Как правило выражение этих связей закрепляется за определенным компонентом фразеологизма, а именно: в глагольном фразеологизме – за глагольным компонентом, в именном – за именным компонентом [6, с. 13].

Следует отметить, что наиболее богатыми и продуктивными в арабском языке являются глагольные фразеологические обороты. Это такие фразеологические обороты, стержневыми компонентами которых выступают глаголы, составляющие большую часть арабской фразеологии. Их изучение представляет несомненный интерес при овладении арабским языком.

Как было отмечено в предыдущих исследованиях, фразеологический оборот выступает в предложении синтаксически неразложимым в качестве того или иного его члена. Преимущественное употребление того или иного фразеологизма в функции именно этого, а не какого-либо другого члена предложения полностью зависит от его соотносительности с определенной частью речи, т.е. от его лексико-грамматического значения. Например:

«مات في جلده» - (дословно) Умереть в своей коже. – Перепугаться до смерти.

«حط الأمر الى الخرج» - (дословно) Положить дело в хурджун (переметную суму). – Отложить дело в долгий ящик. Положить дело под сукно.

В предложениях они могут выступать в качестве сказуемого.

В глагольных фразеологических оборотах арабского языка, глагол выступает в качестве стержневого слова. Этот глагол обладает всеми формами словоизменения (парадигмами), присущими этой части речи.

В арабском языке глагольные фразеологические единицы следует рассматривать как единое целое, как один член предложения. Глагольным фразеологизмам присущ неизменный порядок слов, в котором именная часть является семантической частью выражения. Смысловое значение фразеологического оборота заключено в имени существительном, иначе говоря, имя существительное – семантическая основа выражения. Именно существительное, а не глагол позволяет нам отличить данное действие от других действий, которые могут быть выражены этим же глаголом. Например, глагол أكل – есть, кушать, в сочетании с разными по своему значению существительными образуют глагольные фразеологические обороты, обозначающие различные действия:

«أكل لحمه» - (дословно) Есть его мясо. – Поносить его.

«أكل حقه» - (дословно) Съесть его право. – Нарушить его право.

Большое распространение в арабских фразеологических единицах находит глагол, употребляющийся в отрицательном значении.

«لا تسقط خردلة من يده» - (дословно) Из его руки не упадет и горчичное зерно. – Он очень скуп.

«لا يفرق بين قبيله ودييره» - (дословно) Он не отличает того, что перед ним и позади него. – Он набитый дурак.

«لم تتقلب الدنيا» - (дословно) Мир не перевернулся. – Ничего не случилось.

«لم يبق منه حجرا على آخر» - (дословно) Он не оставил от него камня на камне. – Камня на камне не оставит от чего-либо.

Также широкое отражение имеют формы глагола изъявительного наклонения прошедшего и настоящего-будущего времени 3 лица единственного числа. Например:

«دار على ألسنة الناس» - (дословно) Вращаться на языках людей. – Быть у всех на устах. Быть притчей во языцах.

«يأكل هو الحصرم» - (дословно) Он ест незрелый виноград. – Он остается на бобах.

Подобное явление свойственно и для глаголов страдательного залога.

«يحصى عددهم على أصابع اليد» - (дословно) Их количество считается пальцами руки. – Их можно пересчитать на пальцах руки.

«يباع كالحلاوة» - (дословно) Продается как сладости. – Продается нарасхват.

В определенных случаях глагольный компонент фразеологических оборотов может иметь парадигму спряжения, но и она имеет ряд ограничений [7, с. 477]. Например, в следующих фразеологизмах глагольный компонент может иметь парадигму спряжения:

«يَأْكُلُ هُوَ الْحَصْرَمَ» - Он остается на бобах (глагол в форме настоящего-будущем времени, 3-м лице, мужского рода); «أَكَلَ هُوَ الْحَصْرَمَ» - Он остался на бобах (глагол в форме прошедшего времени, 3-м лице, мужского рода).

«دَارَ عَلَى السَّنَةِ النَّاسَ» - Он был у всех на устах (глагол в форме прошедшего времени, 3-м лице, мужского рода); «يَدُورُ عَلَى السَّنَةِ النَّاسَ» - Он у всех на устах (глагол в форме настоящего-будущего времени, 3-м лице, мужского рода).

Наиболее употребительные в арабском языке, типичные модели построения фразеологических оборотов с глагольным компонентом таковы:

1) Глагол + имя в винительном падеже:

«ضَرَبَ عَصْفُورَيْنِ بِحَجَرٍ وَاحِدٍ» - (дословно) Ударить двух птичек одним камнем. – Убить одним выстрелом двух зайцев [8, с. 24].

«أَضْرَبَ أَخْمَاسًا لِأَسْدَاسٍ» - (дословно) Выдавать химсы за сидсы. – Хитрить [9, с. 60].

2) Глагол + имя в винительном падеже + слитное местоимение:

«أَكَلَ وَجْهَهُ» - (дословно) Есть его лицо. – Пенять кому-либо; упрекать кого-либо.

«أَقَامَ أَخْدَعِيَهُ» - (дословно) Ударить по двум шейным венам. – Сбить спесь с кого-либо.

3) Глагол + предлог + имя со слитным местоимением:

«أَعَادَ عَقْلَهُ إِلَى رَأْسِهِ» - (дословно) Вернуть его ум в его голову. – Образумить кого-либо.

«إِسْوَدَّتِ الدُّنْيَا فِي وَجْهِهِ» - (дословно) Мир почернел в его лице. – В глазах у него потемнело.

Выводы и перспектива. Нельзя не отметить, что моделей построения глагольных фразеологизмов гораздо больше. Но остальные будут более подробно рассмотрены в последующих исследованиях.

Исходя из сказанного выше, очевидна актуальность проблемы, связанной с **перспективами** исследования глагольной фразеологии арабского языка, ее классификации, моделями построения, а также исследованию и систематизации арабской фразеологии.

Список литературы

1. Фильштинский И. М. История арабской литературы V - начало X века/И.М. Фильштинский. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 525 с.
2. Иванова Л.П. «Методы лингвистических исследований»/ Л.П. Иванова. - Киев: ІСДО, 1995, - 87 с.
3. Иванова Л.П. «Методы лингвистических исследований»/ Л.П. Иванова. - Киев: ІСДО, 1995, - 87 с.
4. Мишкурое Э.Н. Основы теоретической грамматики современного арабского языка: Курс лекций/Воен. Институт./ Э.Н. Мишкурое. – М.: Военный институт, 1978.
5. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1978. – 543с.
6. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1978. – 543с.
7. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении/Б. М. Гранде. – М., 1963. – 594 с.
8. 2000. ريمون فلاور. مصر منذ قدوم نابليون حتى رحيل عبد الناصر. المجلس الاعلى للثقافة. القاهرة.
9. Ушаков В. Д. Фразеология Корана/ В.Д. Ушаков. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 204 с.

Бекиров Р. О. Граматичні особливості дієслівних фразеологізмів арабської мови (на матеріалі арабської мови) / Р. О. Бекиров // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 49-53.

У статті робиться спроба розглянути граматичні особливості дієслівних фразеологізмів арабської мови. Ставляться наступні завдання: зібрати, систематизувати і класифікувати групу фразеологізмів, що мають в своєму складі дієслівний компонент.

В ході дослідження встановлено, що фразеологія як древня і обширна частина складу арабської мови є інтересом для вивчення ряду проблем арабського мовознавства.

Ключові слова: фразеологізм, граматичний, дієслівний, присудок, арабська мова.

Bekirov R. A. Grammatical features of verbal phraseological units of Arabic (on material of Arabic) / R. A. Bekirov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 49-53.

An attempt to consider the grammatical features of verbal phraseological units of Arabic is done in the article. The followings tasks are put: to collect, systematize and classify the group of phraseological units, having a verbal component in the composition.

It is set during research, that phraseology as ancient and vast part of composition of Arabic is interest for the study of row of problems of Arabic linguistics.

Keywords: phraseological unit, grammatical, verbal, predicate, Arabic.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК [37.02:81-13]=512.19

ДИАЛОГ МУНАСЕБЕТИНИНЪ ШАРТЛАРЫ

Яяева Н.

*РВУЗ “Крымский инженерно-педагогический университет”, г. Симферополь, Украина
E-mail: akay99@aol.com*

Меселенинъ къоюлмасы. Диалог эки адам арасындаки лакъырды демектир. Эки ве экиден зияде иштиракчи шахыс арасындаки лакъырдыгъа диалог дейлер. Башлангъычтаки бильги аланында айырылышув, мунасебет ихтияджы, себеп-нетидже багъларынынъ уюмы, умумий афыза талабы, умумий тиль бильгилери, диалогнынъ семантика багълылыгъы – булар эписи диалог мунасебетининъ шартларыдыр.

Диалогнынъ эки тюрлю чешити бар: бильги диалогы ве интерпретация диалогыдыр. Мунасебет башлангъычынъда субетдешлер арасындаки бильги айрылышувы олгъаны вакъыт, бу вазиет бильги диалогына хастыр. Интерпретация диалогында исе, субетдешлерде бильги севиеси ашагъы-юкъары айны, амма олар фаркълы интерпретация алалар.

Башкъа тарафтан диалог мунасебетининъ эки севиеси тасдыкъ этильди: адисе ве ресмий севиелери. Адисе севиеси эр тюрлю мунасебет саасынен багълы ола биле: турмуш, ресмий, зенаат саалары. Ресмий севиеси исе роллернинъ ачыкъ айырылма-сынен хусусиетленир.

Диалогнынъ макъсадына коре, субетдешлернинъ роллери ве мунасебетнинъ ачыкъ-айдын адисесине коре, диалог коммуникациясынынъ темель чешитлерини айырмакъ мумкюндир: турмуш иле багълы лакъырды, ресмий субети, интервью, музакере иле.

Диалогнынъ тизилиши: себеп – эсас къысым – нетиджеден ибареттир.

Субетдешнинъ лаф сонъу ве башкъанынъ лаф башы ады олгъан, бир-бирини денъиштирген реплика, диалогнынъ нутукъ тешкилятыдыр. Реплика – субетдешнинъ сёзюне джевап, итираз я да фикирдир. О диалогнынъ спецификасыны айдынлаткъан тильнинъ вастасыдыр.

Диалогнынъ репликалары функциональ, тертип ве интонация джеэтинден багълыдыр. Озь коммуникатив функциясына коре реплика риджа, эмир, бильдирюв, хабарни сорав, шубе бильдирюв ве иляхре ола билир.

Биринджи реплика диалогда, адет узьре, башлайыджы ола. Невбеттеки репликалар биринджисининъ теркибине бакъып, онынъ хусусиетлерини текрарлайлар. Озь синтактик тертибине коре биринджи реплика кениш (саде, я да муреккеп) джумле ола. Невбеттеки репликаларгъа исе кениш олмагъан джумлелер хастыр. Биринджи репликалар даа чокъ икяе, суаль, эмир джумлелери ола. Оларгъа да теркибининъ етерли олмагъаны къадар синтактик ачылмамазлыгъа хастыр. Эм бир составлы, эм де эки составлы джумлелер кенъ къулланыла.

Невбеттеки репликалар да – диалогик мунасебети шараитинде мейдангъа кельген ве эвель кельген айтылмаларнен багълы олмагъандже къулланылмагъан синтактик конструкциялардыр.

Диалогик нутукъкъа энъ чокъ хас олгъан сёз ве ибарелерини анъдыкъ. Ондан да гъайры, диалогик нутукъны шекилленмесине 2 янашма, яни **индуктив** ве **дедуктив** янашмаларыны бакъып чыкътыкъ.

Дедуктив янашмасында огретюв эснасы там бир диалогик орьнегинден башлана. Орьнек диалогы – бир къач диалогик бирикмелерден ибарет олгъан диалогик коплекстир, о бир къач диалогик бирлемден ибареттир.

Огретюв диалогны бютюнлей динъленмесинен ве эзберленмесинен башлана. Сонъра онынъ лексик мундериджеси денъиштириле, компонентлери бакъыла ве ниаат талелелерни огренген диалог мевзусында дигер бир диалогны алып бармагъа огретелер. Экинджи – **индуктив** янашуву, диалог компонентлерини менимсемесинден башлап, окъув-нутукъ ситуациянынъ эсасында диалогны мустакъиль алда алып бармасына къадар ёлуны козьде тута.

Эр бир диалог бири биринен багълы олгъан айры айтылмаларындан ибареттир. Денъишмеси иле сынъырлангъан айтылмаларгъа диалог репликасы дейлер. Реплика бир я да бир къач ибарелерден ола. Диалогнынъ репликалары интонация, тертип ве функциялары иле багълы. Озь коммуникатив функциясына коре реплика риджа, эмир, бильдирюв, хабер соравы, тамамлаштырув, шубелерини бильдирюв киби ола билир.

Диалог репликаларгъа грамматик джеэтинден там олмамазлыкъ хастыр. Чокътанмы; эки йылгъа якъын. Бу исе сербест ве динамик мунасебетининъ грамматик ве услубий нормалары сайыла.

Шубесиз ки, анъылгъан конструкциялар тек базы репликаларгъа хастыр. Шеклине коре олар даа саде кениш джумлелер, эсас джумлеси дереджеликлер, хитап, модалъ сёзлери иле муреккеп табили джумлелер, ве дигер синтактик конструкциялары иле ифаделене билир [1, с.163-164].

Диалогик нутукъта сёз – джумлелер сыкъ-сыкъ къулланыла. Джумлелернинъ бу хусусий чешитини не бир составлы не де эки составлы джумлелер сырасына кирсетмек мумкюн. Сёз – джумлелер дереджелик, модалъ сёзлер, нидалар иле ифаде олуна.

Функциясына коре сёз – джумлелер бир къач группаларгъа айырыла:

- тасдыкъ: э, эбет, таби, догъру, яхшы, тамам, ве иляхре;
- инкяр: ёкъ, аксине, ич бир шей, догъру дегиль ве иляхре;
- суаль: ойлеми? ёкъмы? яхшымы? догърумы? керчектенми? ве иляхре;
- эмир: арекетке чагъырув, эмир, риджа (адет узъре, нида джумлелернен ифаде олуналар): – Етер! Сус! Токъта! ве иляхре.

Нутукъ этикетини бильдирген сёз – джумлелери айры группаны тешкиль этелер: Селям алейкум! Мераба! Сагъ олунъыз! Риджа этем! Багъышла! Гедженъиз хайыр! Сагълыкънен къалынъыз! [2, с.328].

Базы дигер типик диалог конструкцияларыны менимсемек талелелерге файдалы олур. Субетдешнинъ даветине разылыкъ джевабыны бильдирмек ичюн бойле

ибарелер бар: ярамай олмаз эди, мен пек истер эдим, пек мемнюн олур эдим, тешеккюр этем, мемнюниетнен, кършы дегилим ве иляхре.

Даветини ред этювге дигер ибарелер мевджут: къркъам ки, барамам (япамам, лаф этип оламам); языкъ ки, бош оламам, галиба, мешгъуль олмайджагъыма эмин дегилим; пек гузель фикир, амма мен мешгъулим ве иляхре.

Репликалар арасында мана ве синтактик мунасебетлерни косътермек ичюн интонациянынъ буюк эмиети бар. Интонация вастасынен ифаде олуна: суаль-джевап; суаль-кършылыкъ суаль (биринджи репликаны даа конкрет олмасы ичюн керек олгъан кършылыкъ суаль); бильдирюв, тасдыкъ, икяе, биринджи репликанынъ мундериджеси боюнджа суаль ве иляхре. Суаль, нида, тасдыкъ джумлелернинъ сыкъ къулланувы, бир сёзлю ве аз сёзлю конструкцияларнынъ ишлетилюви диалогик нутукъкъа хусусий интонацион ренкини къоша [3,с.164].

Диалогик нутукъкъа огретювни там теркип нисбетлешюви репликалары олгъан дидактик бирлемлерден башламакъ керек. Бойле янашув талелелер тарафындан менимсевини къолайлаштыр.

Репликаларнынъ функциональ багъланувына коре диалогда дидактик бирлемлернинъ бир къач чешити айырыла. Дидактик бирлемлерни тасниф этювининъ чешит принципери мевджуттыр. А.В. Грейсер [4] тарафындан теклиф этильген коммуникатив-мантыкъий принципине коре дидактик бирлемлернинъ таснифи диалогъа огретювининъ тешкиль этюви бакъымындан энъ келишликли сайыла. Бу таснифке коре, дидактик бирлемлернинъ чешитлери биринджи репликанынъ табиятына бинаен учъ группагъа айырыла:

- биринджи группагъа дидактик бирлемлернинъ бойле чешитлери кире: бильдирюв-бильдирюв, бильдирюв-суаль, бильдирюв-эмир;
- экинджи группагъа: эмир-разылыкъ, эмир-инкяр, эмир-суаль;
- учюнджисине исе: суаль-джевап, суаль-контрсуаль.

Бундан да гъайры, дидактик бирлемлернинъ даа эки чешити бар: «селямлашув-селямлашув ве тешеккюр бильдирюви- тешеккюрге кършы реакция». Буларны да диалогик нутукъкъа огретювде козьде тутмалы.

Диалогик нутукъкъа огретювини адет узъре информацияны алмакъ ве сорамакътан, яни соров диалогындан башлайлар. Бойле диалог бир тарафлы (яни субетдешлерден бириси хабер сораса, башкъасы бу хаберлерни айта) ве эки тарафлы (яни информациянен пайлашуву эки тарафтан келе) ола биле. Сонъкиси реалъ мунасебетке якъынджа, олгъаны ичюн онъа чокъча дикъкъат айырмалы.

Диалогнынъ функциональ чешитинден талелелер ичюн энъ къолайлы диалог-анълашма сайыла. Бойле диалог девамында субетдешлер умумий план ве ниетлерини музакере этелер. Диалог-соров ве диалог-анълашманы менимсеген окъуйдыжыгъа диалогнынъ кършылыкъ чешити – соров-анълашма огретиле.

Муреккеплигине коре невбеттекиси – диалог-теэссурутлар иле пайлашув. Бойле диалогнынъ девамында субетдешлер бир де бир меселе, адисе, вакъианы музакере этип, озъ фикирлерини бильдирелер. Субетдешининъ нокътаиназарыны къабул я да ред этелер. Бойле диалогда субетни алып бармакъ тешеббюси эки тарафлыдыр. Менимсемек ичюн энъ агъыр сайылгъан музакере диалогында, субетдешлер бир де бир кърар алмагъа, нетиджелер чыкъармагъа тырышалар.

Мезкюр диалог чешитлерини огренип, талебелер оларны бирлештирип, диалогнынъ къарышыкъ чешитини де менимсемеге башлайлар.

Диалогнынъ функциональ чешитининъ эр бирине дидактик бирлемлернинъ белли бир такъымы уйгъундыр. Диалог чешитлерининъ эписинде «бильдирюв-бильдирюв» киби дидактик бирлиги кенъ къулланыла. Диалог-теэссуратларнен пайлашув ве музакере диалогында о, биринджи ерде тура. Анълашма диалогыны исе «эмир-разылыкъ (инкяр)» дидактик бирлемсиз къурмакъ мумкюн дегиль.

Бойле этип, муайен мевзугъа багъышлангъан дерслерде оджа диалогик нуткъуна огретювини башлагъанда диалогнынъ функциональ чешитлеринден къайсы бирисине огретеджегини пек айдын тасавур этмели. Бунъа коре оджа, келишкен орнек диалогларыны тапа, я да тизе, талебелер къайсы дидактик бирлемлерини ве азыр ибарелерини бильгенлерини ве къайсыларыны даа огренмек керек олгъаныны бельгилей [5, с.17-21].

Нетиджеде, талебелер невбеттеки энъ саде тиль мешгъулиетлерини беджермек кереклер:

1. Этикет табиатыныны ташыгъан диалогларны алып бармакъ ичюн:

- селямлашмакъ ве селямгъа джевап бермек;
- озюни ве дигер адамны таныштырмакъ;
- селямлашмакъ, тилегини бильдирмек ве тилекке джевап бермек;
- сагълыкълашмакъ;
- тешеккюр бильдирмек ве тешеккюрге джевап бермек;
- бир шейнен разы олмакъ я да разы олмамакъ;
- къуванч ве кедерни бильдирмек.

2. Сорав-диалогыны алып бармакъ ичюн:

- джевап-суаль (ве аксине) девамындан сорамакъ ве хабер бермек;
- бир тарафлы шекильде ким? не? къайда? не вакъыт? ве дигер суллернинъ ярдымынен хабер сорамакъ.

– Разылыкъ я да наразылыгъыны бильдирмек [6, с.152-154].

Ондан да гъайры, бешинджи сыныфларда бир де бир мевзуны сайлагъанда къулланмасы мумкюн олгъан диалогик нуткъуны шекиллendirмек ичюн бир талимдир.

Нетидже ве перспектива. Бойледже, ильмий макъалемизде диалог сёзюнинъ умумий тарифлемеси, диалог акъкъында тюшюндже, диалогнынъ тизилиши, диалог мунасебетнинъ шартлары, диалогнынъ чешитлери, диалог алып бармасынынъ билюв тешеккюль косътериджисини музакере эттик. Биз, диалог акъкъында бир къач фикирлерни анълаттыкъ, амма диалогны энъ толу тасвир эткен, шу фикирдир: Диалог – эки я да бир къач субетдешлернинъ мунасебети, бу себептен сёз арекетнинъ даиресинде эр субетдеш невбетнен я динълей, я да лакъырды эте.

Къулланылгъан эдебият

1. Пустовалов П.С., Сенкевич М.П. Пособие по развитию речи: Учеб. пособие для учащихся пед. училищ. – М.: Просвещение, 1987. – 288с.
2. Новий довідник: Українська мова та література.- К.: ТОВ КАЗКА, 2005. – 659с.
3. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Под. ред. Н.И. Гез, М.В. Ляховицкого, А. А. Миролюбова. – М., 1983. – 373с.

4. Грейсер. А.В. Методика обучения устной речи на начальном этапе в школе с преподаванием ряда предметов на английском языке: Автореф. дис. канд. пед. наук. – М, 1964. – 21с.
5. Роман С.В. Методика навчання англійській мові у початковій школі. Навчальний посібник.- К.:Ленвіт, 2005. – 2008с.
6. Ягьяева Л.С. Уроки развития речи по крымскотатарскому языку в 3-х классах // Образование, проблемы, перспективы, 2006. – Вып. 1. С. 15-24.
7. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / Сост. С.М. Усеинов.– Симферополь: Издательский дом «Тезис», 2007. – 640с.

Яяева Н. Условия диалогических отношений / Н. Яяева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 54-58.

В статье поднимаются вопросы подхода в обучении учащихся диалогической речи. Рассматриваются условия и виды диалога, приводится понятие индуктивного и дедуктивного подхода в обучении крымскотатарской диалогической речи.

Ключевые слова: интерпретация, спецификация диалога, синтаксическая конструкция, индукция, дедукция.

Яяєва Н. Умови діалогічних відносин / Н. Яяєва // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 54-58.

У статті піднімаються питання підходу в навчанні учнів діалогічній мові. Розглядаються умови і види діалогу, а також дається поняття індуктивного і дедуктивного підходу в навчанні кримськотатарської діалогічної мови.

Ключові слова: інтерпретація, специфікація діалогу, синтаксична конструкція, індукція, дедукція.

Yayaeva N. Terms of dialogic relations / N. Yayaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 54-58.

In the article the questions of teaching to dialogue speech are opened. Terms and types of dialogue are examined, and also the concept of inductive and deductive approach in teaching to Crimean tatar dialogue speech is given.

Key words: interpretation, specification of dialogue, syntactic construction, induction, deduction.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 811.512.145

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНИНЪ ЭЛИФБЕСИ ВЕ ИМЛЯСЫНЫ ЛАТИН ГРАФИКАСЫНА КЕЧИРЮВ КУРЕШИНДЕ АТЫЛГЪАН АДЫМЛАР

Берберова Р. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: bra.berberova@yandex.ru*

Меселенинъ къоюлмасы. Ана тилимизни илерлетюв, огренюв ве огретюв огрундаки куреш гъайрыдан джанлан-макътадыр. Сонъки алты ай девамында ана тилимизнинъ элифбеси, имля ве пунктуация къаиделерини латин графикасына чевирюв адымлары атылмакъта, шу себептен алимлер, оджалар, шаир ве языджыларымыз арасында къызгъын мунакъашалар девам этмекте.

Тедкъикъатымызнынъ актуаллиги. Латин графикасына кечюв меселеси гъайрыдан джанланды ве аллель-аджеле чезильмеси узеринде дефаларджа мунакъашалар девам этмектедир. Атылгъан адымларгъа бакъмадан меселе даа чезильгени ёкъ. Аксине, айны меселе бир сыра проблемалар догъурмакъта.

Тедкъикъатымызнынъ макъсады. Мезкюр макъалемизде огюмизде пейда олгъан проблемаларны огренип, оджалар, алим-лер, языджылар тарафындан теклиф этильген фикирлерни талиль этерек, кенди фикир-леримизнен пайлашмакътыр.

Тедкъикъатымызнынъ методологик ве назарий темели. Кенди макъсадымызгъа иришмек огърунда къырымтатар тилининъ темели огренилип, та-лиль этиле ве бу иште чешит лингвистик яни талиль, къыяслав, тасвирий усуллардан файдаландыкъ.

Тедкъикъатымызнынъ объекти. Земаневий эдебий къырымтатар тилининъ элифбеси, имля эм де пунктуация къаиделеридир.

Тедкъикъатымызнынъ ильмий янъылыгъы. Айны меселенинъ чезильмеси-не кенди иссемизни къошаракъ, озъ фикирлеримизнен пай-лашув.

Ана тилимизнен багълы меселернинъ чезильмеси узеринде алып барылгъан бойле къыз-гъын куреш кечкен асырнынъ 20-40 сенелери де юзь берип, о девирдеки нешир этильген газета ве меджмуаларнынъ саифелеринде озъ аксини тапкъандыр. Юкъарыда айтылгъан фикирлерни исбатламакъ макъсадынен базы бир муэллифлернинъ макъалелеринде коте-рильген проблемаларнен таныштырмакъны лязим коръдик.

«Къырымда эдебий тилимизнинъ муайён бир къалыпкъа чекилюви хусусында бир та-къым мейиллер кельди. Шуны да къайд этмек керек ки, сонъ вакъытларгъа къадар пан-тюристлер, миллетчилер, буржуазия инсурлары. Къырымда эдебий тиль меселесини аль этювде шиве чубарлыгъыны озъ макъсатлары ве менфаатларына уйгъун оларакъ чезмеге чалыша кельдилер», – деп, асыл сёзлер (аслы татарджа олгъан тамыр сёзлер савтий эсас-къа, ялгъамалар исе шеклий эсаскъа бинаён язылырлар), муреккеп тамырлар (эки муста-къиль тамырларнынъ бирлешмесинден мейдангъа кельген исимлер битишик язылырлар), ярым ялгъамаларнынъ(ярым ялгъамаларнынъ бир такымлары тамыр сёзлерге къошукъ, бир такымлары исе не-

ден себеп бильмем айры язылырлар), эджебий сёзлернинъ язылу-вы (биз билемиз авропа тиллерининъ имлясы чокъ къолайсыз, консерватив бир алдыр); сес шекиллерининъ етишмемезлиги (меселя, *lakin, imla, universal, Vasa* сёзлеринде олгъа-ны киби индже «а» сеси шеки ёкътыр, русчада «ъ-я» шекиллери иле алманджада исе «а» шеклинде узеринде эки нокъталы «ä»шеки къулланылып), (бизде русчада «Центр, Цен-тральный» макъамында къулланылгъан сёзлер ерине ялынъыз «merkezij» тарзында бир шекильде къулланыла), *к-г, къ-гъ* сеслерининъ тилимизден чыкъарылувы («*k-q, g-ğ*» сес-лери бири-бирине чокъ якъынсеслердир), рус сёзлерининъ язылувы ве терминология ме-селелери акъкъында къайд этип кече Э. Къуртмоллаев [4].

«Тиль, орфография, имля ве пунктуация меселелери ичтимаий, сынфий, бир адисе ол-ып, ичтимаий, икътисадий ве сиясий денъишюв иле реконструкция девриндеки япыджы-лыкъ темпине ве эмекарларнынъ ихтияджларына коре даима денъишир, инкишаф этер-лер. Пунктуациянынъ бизим язы тили ве зеин окъувдаки эмиетини анъламакъ ичюн онынъ тарихий къысмы узерине чокъ-аз токъталып, принципаль ве конкрет эсаслары узерине токъталмакъны мунасиб коръдим.» - деп яза Р. Муллина [10].

III-джи ильмий конференция къарарлары эсасында У. Куркчи тарафындан имля къаи-делери джыйынтыгъында тертип этилип, къырымтатар эдебий тилининъ савтияты, шек-лияты, имля принципери, имля эсаслары, асыл тамырларнынъ, ялгъа-маларнынъ, ярым сёзлернинъ, араб ве фарс сёзлери, рус ве авропа сёзлерининъ имлясы такъдим этильгендир [6]. Эльбет, юкъарыдаки проблемалар аль олунылувында эм де къабул этильген къаиде-лерде де баягъы етишмемезликлер мевджуттыр. О девирдеки тиль проблемалары бугунъ де актуаль ве гъайрыдан котерильмектедир.

Шимдики заманда элимизде олгъан грамматикалардаки имля къаиделери базы денъиш-мелернен эвельки къаиделер эсасында такъдим этильгендир.

А. Меметов да озъ грамматикасында земаневий къырымтатар тилининъ къаиделерини тиль конференцияларынынъ къарарлары эсасында ишлеп чыкъаргъандыр [9]. Яни 25-30 сенелери олып кечкен тиль конференцияларында къабул этильген къарарлар, олар тили-мизде олгъан сеслер ве элифбе, созукълар ве тутукълар, сингармонизм, тар ве кенъ созукъ -лар, сагъыр ве янъгъыравукъ сеслер, бурун сеслери, апостроф ишарети, сеслернинъ би-ри-бирине тесири, саде ве къошукъ тамырлар, там сёз ве ярым сёз, там ве ярым ялгъама-лар, къырымтатарджасынынъ имля эсаслары, ярдымджы сёзлер буюк ве кучюк арифлер киби меселелер айдынлатыла. Демек, тилимизде латин графикасына кечильген ве онен къуллангъан эдик; шунинъ ичюн де айны меселени къолай чезмек мумкюн.

Мегер ки, бугунъки кунъде латин графикасына кечюв меселеси котериле экен, о девир-деки элифбени гъайрыдан тиклеп, имля къаиделериндеки етишмемезликлернинъ узеринде чалышаракъ, тилимизде сонъки йылларда юзь берген денъишмелерни козь огюне алмакъ ве къаиделерни мукемеллештирмек зарурдыр. Латин графикасына кечюв меселесини биз таа 1991 сенеси котерип, 1992 сенеси Акъмесджитте отъкерильген ильмий-амелий конфере-нцияда онен багълы къарар къабул этильген эди. 1997 сенеси «Къырымтатар элифбеси акъкъында» серлевалы №1139-1 санлы къарарны Къырым Юкъары Шурасы къабул этти. Лякин афсус ки, бу къарарда алимлиримиз теклиф эткен вариант къабул этильмеди яни къырымтатар тилининъ

элифбеси латин графикасына кечирилип, онда 31 эсас ве бир ариф шекли иляве оларакъ къабул этильмеси теклиф этиле эди: Aa, Bb, Cc, Çç, Dd, Ee, Ff, Gg, Ğğ, Ii, Iı, Jj, Kk, Qq, Ll, Mm, Nn, Ññ, Oo, Öö, Pp, Rr, Ss, Şş, Tt, Uu, Üü, Vv, Xx, Yy, Zz ве Hh иляве оларакъ. Албуки къарарда ашагъыдаки элифбе къабул этильди: Aa, Bb, Cc, Çç, Dd, Ee, Ff, Gg, Ğğ, Ii, Iı, Jj, Hh, Kk, Qq, Ll, Mm, Nn, Ññ, Oo, Öö, Pp, Rr, Ss, Şş, Tt, Uu, Üü, Vv, Yy, Zz . Бу вариант да тилимизге зарар кетирджектер, бир сыра сёзлеримизнинъ телюфузы кене де денъишеджек (X x ве Hhнен багълы сёзлер).

Бу йылнынъ майыс айында эльязма эсери акъкъы иле Къырым муэндислик ве педагоги-ка университетининъ къырымтатар ве тюрк филология факультетининъ бир сыра оджалары тарафындан тизильген «Qırımtatar tiliniñ imlâ ve punktuatsiya qaideleri» лейхасы теклиф этильген эди. Музакере материалы оларакъ, бу лейхада такъдим этильген къаиделер де эвель къабул олунгъан вариантлар эсасында тертип этильген ве муэллифлер ана тилимизнинъ муим меселесини чезмеге тырышкъанлар, лякин онда да бир сыра етишмемезликлер мевджуттыр [8].

Лейха профессор А. Эмированынъ кириш сёзюнен башлана ве къырымтатар язысы акъ-къында умумий малюмат: графиканынъ исляхлары, къырымтатар элифбеси, имлянынъ эсас принципери, къырымтатар тилининъ имлясы ичюн муим олгъан базы хусусиетлери (къырымтатар тилининъ фонемалары, созукъ фонемалар, тутукъ фонемалар, сингармо- низм) ве имля (дудакъ бенъзешмеси къаиделери, ялгъамаларда тутукъларнынъ имлясы, вариантсыз ялгъамалар ве ялгъама типине ярдымджы сёзлернинъ имлясы, эки вариантлы ялгъамаларнынъ имлясы, дёрт вариантлы ялгъамаларнынъ имлясы, базы сёзлер ве сёз шекиллери группаларынынъ имлясы, араб ве фарс тиллеринден алынгъан сёзлернинъ имлясы, рус ве европа тиллеринден алынмаларнынъ имлясы; айры, къошулып ве дефиснен язылыш къаиделери; хас исимлернинъ имлясы, джографий адларнынъ имлясы; буюк арифлернинъ къулланылувы; пунктуациянен багълы къаиделер такъдим этиле.

Лейханен танышып, оны талиль этерек, ашагъыдаки хулясаларгъа келип чыкътыкъ. Ана тилимизнинъ язысыны латин графикасына кечирюв вакъты чокътан кельди эм де бу ишни беджермек шарттыр. Бу иш кимседе шубе догъурмаз, эльбетте.

Нетиджелер ве перспектива. Айны лейханы козьден кечиргенде бойле эсас етишмемезликлерге расткельдик:

1. Элифбемизнинъ варианты. 1992 сенеси отъкерильген конференцияда бельгиленильген ве чалышкъан комиссия тарафындан теклиф этильген элифбени къабул этмек лязим ве бу ишни беджермеге бугунъки кунъде даа имкянымыз бар, чюнки лейхада теклиф этильген элифбе варианты къалдырылса, тилимизнинъ спецификасы ве уникаллигини гъайып этер-миз эм де илериде имлямыздаки чубарлыкъларны даа да арттырармыз.

2. Араб ве фарс, рус ве европа тиллеринден алынгъан сёзлерининъ тамырындаки сеслерни тилимизде укюм сюръген сингармонизм къаиделерине бойсундырмакъ олмаз, чюнки тилимизде чалышкъан къаиде боюнджа сингармонизм къаиделери бу тамырларгъа къошулгъан аффикслерде укюм сюрер, меселя: *musbet* – *müsbet* дегиль, *mümkün* – *müm-kün* дегиль я да *Gollandiya* – *Hollandiya* дегиль.

3. Фииль тамырлары ве негизлериндеки дудакълы сеслернинъ имлясы шубе догъура, меселя: *sūs, tūt* ве илях. киби.

4. Терминлер меселеси. Лейхада расткельген *beñzeşme* терминининъ грамматикагъа кирсетильмеси ве я да тилимизде къулланылгъан тырнакълылар – *tınaşılqar* ерине *tınaqşa* озыбекче вариантынынъ къулланылмасы шартлы экен.

5. Дефис иле язылгъан сёзлерни де бир принцип эсасында язмалы я да истисна оларакъ анылатмалыдыр, меселя: *Dar-ur-rahat - Alem-i nisvan* киби.

6. Кырымтатар тилинде адет узьре алынма сёзлернинъ сонъки янгъыравукъ тутукъ сеслери сагъырлаштырыла, лякин занымызджа, *араб* сёзюндеки сонъки туткъны сагъырлаштырмакъ олмаз, чюнки миллет ады олгъан сёзни денъиштирмек янгълыштыр.

Юкъарыда къайд этильген етишмемезликлер узьринде даа да чалышмалы ве музакерелер отъкерип, бир шекильге кельмелидир.

Къулланылгъан эдебият ве менбаалар:

1. Берберова Р. А. Кырымтатар тилининъ латин графикасына кечюв даиресинде муреккеп сёзлернинъ имля меселелери [Текст] //Йылдыз.- № 4.-Симферополь, 2000; // Культура народов Причерноморья.-№ 15, 2000. – С. 99-101.
2. Гафаров Б. Г. Алфавит крымскотатарского языка. // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. [Текст]. – М., 1972. – С. 99-107.
3. Гафаров Б. Г. Орфография крымскотатарского языка. // Орфография тюркских литературных языков СССР. [Текст]. – М., 1973. – С. 153-160.
4. Къуртмоллаев Э. Бизде эдебий тиль ве имля меселеси. [Текст] – Симферополь. – Большевик ёлу, № 13, 1930. – С. 39-44.
5. Кырым татар эдебий тилининъ имля къаиделери (II-джи бутюн кырым ильмий-орфография конференциясы къарарларына уйдурьлып тертип этильгендир) [Текст]. – Симферополь: Кырым девлет нешрияты, 1930. – 27 с.
6. Кырым татар эдебий тили орфографиясы. [Текст].– Акъмесджит: Кырым АССР Девлет нешрияты, 1934. – 27 с.
7. Кырым татар эдебий тили Бутюн Кырым III ильмий конференция-сынынъ къарарлары. [Текст].– Симферополь: Кырым АССР Девлет нешрияты, 1935. – 74 с.
8. Кырымтатар тилининъ имля ве пунктуация къаиделери (лейха-проект). [Текст].– Акъмесджит, Кырым, Украина. – КИПУ, 2010. – 68 с.
9. Меметов А. М. Земаневий кырымтатар тили. [Текст].– Симферополь: Кырымдевокъувпеднешир, 2006. – 320 с.
10. Муллина Р. М. III-нджи ильмий орфография конференциясы мунасибети. [Текст].– Симферополь. – Большевик ёлу, № 14, 1930. – С. 27-31.
11. Юкчи Ю. Татар тилинде сингармонизм къануны. [Текст].– Симферополь. – Большевик ёлу, № 13, 1930. – С. 50-51.
12. Рустем Муедин. Кырымтатар эдебий тилини огренеджеклерге ярдым. [Текст].– Симферополь: Кырымдевокъувпеднешир, 2008. – 68 с.

Берберова Р. А. Крымскотатарский алфавит и попытки перехода на латинскую графику / Р. А. Берберова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 59-63.

В статье анализируются проблемы современного крымскотатарского языка в связи с переходом на латинскую графику. Изучается и анализируется правила крымскотатарской орфографии и пунктуации (рукопись проекта) подготовленный рабочей группой КИПУ.

Ключевые слова: литературный крымскотатарский язык, переход на латинскую графику, кириллица, алфавит, орфография, пунктуация.

Берберова Р. А. Кримськотатарський алфавіт і спроби переходу на латинську графіку
/ **Р. А. Берберова** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 59-63.

У статті аналізуються проблеми сучасної кримськотатарської мови у зв'язку з переходом на латинську графіку. Вивчається і аналізується правила кримськотатарської орфографії і пунктуації (рукопис проекту) підготовлений робочою групою КПУ.

Ключові слова: літературна кримськотатарська мова, перехід на латинську графіку, кирилиця, алфавіт, орфографія, пунктуація.

Berberova R. A. Crimean Tatars alphabet and trying to transition to the Latin alphabet
/ **R. A. Berberova** // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 59-63.

In the article the problems of modern crimean tatar language are analysed in connection with passing to the Latin graphic arts. Studied and analysed rules of crimean tatar orthography and punctuation (manuscript of project) geared-up a workinggroup STACK.

Keywords: literary crimean tatar language, passing to the Latin graphic arts, cyrillic alphabet, alphabet, orthography, punctuation.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК – 811.512.145'33

ГЛАГОЛ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ НА *ИМЯ* + *ЭДИ* В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л. И

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: bekirova.79@mail.ru*

В статье исследуются формы прошедшего времени глагола изъявительного наклонения на *имя* + *эди* в современном крымскотатарском языке. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре систему.

Установлено, что форма прошедшего времени на *имя* + *эди* относится к аналитическим формам прошедшего времени.

Ключевые слова: морфология, глагол, функция, прошедшее время, крымскотатарский язык.

Актуальность. Среди малоизученных проблем категория прошедшего времени изъявительного наклонения глагола современного крымскотатарского языка, исследование которой является первоочередной задачей крымскотатарского языкознания. В статье, исследуется функционирующая форма глагола прошедшего времени изъявительного наклонения на – *имя+эди*.

Цель статьи - изучить форму прошедшего времени изъявительного наклонения глагола - *имя+эди*, существующую в современном языке, определить ее функциональные формы;

- показать основные семы, характерные для выявленной формы, ее употребление в языке;

- показать аналитизм данной формы в грамматической структуре крымскотатарского языка;

Аналитические формы функционируют в крымскотатарском языке главным образом в сфере прошедшего времени. Каждая из аналитических форм обладает своим, только ей присущим значением или оттенком значений, не совпадающими со значением других форм. При этом специфическое значение формы может проявляться сильнее или слабее, колебания может быть очень значительным - «от резкой специфики формы до почти полной утраты ее, следствием чего бывает возможность употребления одной формы вместо другой» [1, с. 119 - 120].

Модель *имя+эди*, где отсутствует основной глагол, его место занимает имя, это – интересный случай грамматической самостоятельности служебного глагола *эди*, когда он выступает как элемент, самостоятельно образующий прошедшее время. В этой конструкции *эди* сохраняет древнее полноценное глагольное значение древнего глагола *эр*- ‘быть’ в форме прошедшего категорического принимая

современный аффикс *-ди*, и обозначая глагол в личной временной форме - 'был' [2, с. 212 - 218].

Обычно эта модель не рассматривается в грамматических исследованиях как форма прошедшего времени изъявительного наклонения.

Глагол в этой форме образует прошедшее время со значением незавершенности действия. Основное значение формы - констатация наличия или отсутствия предмета в прошлом. Время квалифицируется как определенное, его значение идет от формы глагола *эди*, исторически выступающего в форме прошедшего категорического времени.

В качестве первого элемента - имени в этой форме употребляются:

1) Предикатив *бар*, это главное слово, которое сочетается с *эди*, оно имеет обычно самостоятельное значение 'есть, имеется'.

2) Его антонимом является предикатив *ёкъ* 'нет, отсутствует', которое также употребительно в этой модели.

3) Имена существительные, как нарицательные, так и собственные, в основном падеже: *инсан бар эди* 'был, присутствовал человек', *эвде Эльмаз бар эди* 'В доме была Эльмаз'.

Все имена в основном падеже, в том числе слова *бар* и *ёкъ*, без служебного элемента *эди* имплицитно соотнесены с настоящим временем.

4) Имена существительные в местном падеже: *о эв+де эди* 'он был дома', *о шеэр+де эди* 'он был в городе'.

5) имена прилагательные: *о кучли эди* 'он был сильным'.

Наиболее употребительным словом в этой модели оказался предикатив *бар*, который в чистой форме – *бар эди* выражает настоящее типичное время - 'есть, имеется, существует', напоминая представителя глагольной части речи. Элемент *эди* образует от него, как и от других имен, прошедшее время.

При этой модели спряжению подвергается лишь вспомогательный глагол *эди*, а имя остается неизменным. По единому образцу спрягаются все имена с *эди*: *бар+эди*, *ёкъ+эди*, существительные в местном падеже+*эди* и имена прилагательные+*эди* [3, с. 212 - 218].

Парадигма спряжения модели *имя+эди*

Единственное число Множественное число

1л. *бар, эвде, кучли эди+м бар, эвде, кучли эди+к*

2л. *бар, эвде, кучли эди+нъ бар, эвде, кучли эди+нъиз*

вежл. бар, эвде, кучли эди+нъиз бар, эвде, кучли эди+нъиз

3л. *бар, эвде, кучли эди бар, эвде, кучли эди(+лер)*

От формы на *бар эди* не образуется отрицательная форма. Для придания предложению отрицательного значения *бар* заменяется другим словом – его антонимом *ёкъ* в сочетании с *эди*: *ёкъ эди* '(он, оно, она) не был, отсутствовал'.

Вопросительный аспект образуется присоединением к имени аффикса с переднерядным гласным –*ми* *о бар+эди+ми?* 'был ли он?'

Сочетания *эди* с именами существительными в основном и местном падежах и с именами прилагательными образуют отрицательную форму посредством частицы *дегиль* 'не'.

Имя существительное в основном падеже+бар эди

Модель *имя существительное+бар эди* – наиболее употребительная именная модель. Глагол в этой форме выражает действие, которое указывает на состояние предмета в широком понимании в прошлом – на его наличие до момента речи: *Иште онынъ тюкяны огюнде, бириси бар эди* [4, с. 9]. ‘Таким образом, возле его магазина кто-то находился (бар эди)’.

Онынъ устюнде янъы, къыскъа енъли, кыйметли басмадан тикильген антер бар эди [5, с. 199]. ‘На ней было новое платье, с коротким рукавом, сшитое из дорогого материала. *Онынъ устюнде без костюми, якъасынынъ садефи иликленмеген портакъл тюсте камзолы бар эди* [6, с. 265]. ‘На нем был белый костюм и оранжевый камзол, с не застегнутой пуговицей’. В данных примерах показана картина-состояние внешности человека в момент не выраженного другого действия - встречи его говорящим. В этих примерах *бар эди* указывает на наличие конкретного предмета.

Форма *бар эди* может указывать и на наличие в прошлом действий, абстрактных понятий и всего, что происходит в жизни человека. *Сен кельмезден эвель, иштен сонъра достларнен корюшкен адетимиз бар эди* [7, с. 210]. ‘До твоего прихода у нас был обычай, (традиция) после работы встречаться с друзьями’. В этом примере форма выражает также продолжительность действия до момента другого действия.

В некоторых случаях данная модель выражает обычно совершающееся действие, которое может быть соотнесено с обычным настоящим временем или иметь вневременное значение. *Бу эки-учъ сёзнинъ тюбюнде бинълернен суаллер бар эди* [8, с. 216]. ‘Под этими двумя – тремя словами подразумевались тысячи вопросов’.

Имя существительное в основном падеже + ёкъ эди

Модель *имя существительное + ёкъ+эди* представляет собой, выраженный аналитическим способом отрицательный аспект формы *бар эди*. Она выражает событие в прошлом, в котором отсутствовали предмет, действие или состояние. *Бугунъ плотинагъа таш-топракъ ташыгъан машиналарынынъ ады-сабы ёкъ эди* [9, с. 236]. ‘Сегодня не было счета машинам, бесконечно везущим камень и песок на плотину’. *Юкъары койлерден иш араштырып кельген адам, ёкъ эди* [10, с. 13]. ‘Теперь не было людей, спустившихся с верхних сел, в поисках работы’.

Имя в местном падеже + эди

Из всех падежных форм имен существительных употребительным в сочетании с *эди* является имя в местном падеже. Эта модель обозначает местонахождение предмета в прошлом в определенном пространстве. В качестве первого компонента структуры в местном падеже выступают обычно имена существительные, как правило, - названия с пространственными значениями, а также пространственные служебные имена. *Айше кинода эди* ‘Айше была в кино’, *Асие койде эди* ‘Асие была в селе’, *О, къыр устюнде эди* ‘он был на горе’.

Отрицание выражается посредством вставки отрицательной частицы *дегиль* между элементами структуры: *Нузет шеэрде дегиль эди* ‘Нузет не в городе был/он отсутствовал в городе’.

Имя прилагательное + эди

Эта модель указывает на свойство, которое было присуще определяемому именем прилагательным предмету, лицу, событию в прошлом. Указанное свойство является как бы непостоянным, а временным, приуроченным к прошлому. Возможно, это свойство изменилось после – в настоящем времени или изменится в будущем. *Онынъ башында насыл фикирлер долангъаныны, юрегинде нелер олып кечкенини чересинден бильмек зор эди* [11, с. 13]. 'Трудно было распознать, какие мысли кружились в его голове, и что творилось на сердце'. *Эмине яшлыкътан тикиш тикмеге авес эди*. 'Эмине с молодости любила шить'.

Форма отрицательного аспекта этой модели также образуется вставкой отрицательной частицы *дегиль* между компонентами модели: *зор дегиль эди* 'не трудно было'. *Адамларгъа, бу ишни япмакъ зор дегиль эди* [12, с. 19]. 'Людям не трудно было выполнить эту работу'. *Нефисе анна ве бабасыны къандыргъан ве куньлерден бир кунь, ич кимсе дуйдырмадан, шеэрге кеткен эди* [13, с. 24]. 'Нефисе уговорила родителей и однажды, не предупредив никого, уехала в город'.

Выводы и перспектива. Анализ модели *имя + эди* показывает, что эта модель вполне может занять свое место в системе прошедших времен крымскотатарских временных форм изъявительного наклонения наряду с другими формами прошедшего времени.

Список литературы

1. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М., 1965.- С.119 – 120.
2. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч.І. Общие сведения о языке. Ч. ІІ. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь, 2003.- С.212-218.
3. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч.І. Общие сведения о языке. Ч. ІІ. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь, 2003.- С.212-218.
4. Ипчи У. «Куреш»=Борьба: Рассказ // Достлукъ.- 1991. 12 декабря.
5. Эдемова У. «Юрек атеш» = Пламя души: /Повестлер/. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1987.-336 с.
6. Эдемова У. «Юрек атеш» = Пламя души: /Повестлер/. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1987.-336 с.
7. Эдемова У. «Юрек атеш» = Пламя души: /Повестлер/. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1987.-336 с.
8. Эдемова У. «Юрек атеш» = Пламя души: /Повестлер/. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1987.-336 с.
9. Эмин С. «Ираде деръясы»: Роман. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1917.- 376 с.
10. Ипчи У. «Куреш»=Борьба: Рассказ // Достлукъ.- 1991. 12 декабря.
11. Ипчи У. «Куреш»=Борьба: Рассказ // Достлукъ.- 1991. 12 декабря.
12. Ипчи У. «Куреш»=Борьба: Рассказ // Достлукъ.- 1991. 12 декабря.
13. Ипчи У. «Куреш»=Борьба: Рассказ // Достлукъ.- 1991. 12 декабря.

Бекирова Л. І. Дієслово минулого часу дійсного способу на *ім'я + эди* в сучасній кримськотатарській мові / **Л. І. Бекирова**// Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 64-68.

У статті досліджуються форми минулого часу дієслова дійсного способу на *ім'я + эди* в сучасній кримськотатарській мові. В ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові є складною і багатобразною по граматичній структурі системою.

Встановлено, що форма минулого часу на *ім'я + эди* відноситься до аналітичних форм минулого часу.

Ключові слова: морфологія, дієслово, функція, прошедшее час, кримськотатарську мову.

Bekirova L. I. Verb of past tense of indicative on *the name* + *edi* in a modern crimean tatar language /L. I. Bekirova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 64-68.

In the article the forms of past tense of verb of indicative are investigated on *the name* + *edi* in a modern crimean tatar language. It is set during research, that a category of past tense of indicative in a crimean tatar language is the difficult and varied on a grammatical structure system.

It is set that form of past tense on *the name* + *edi* behaves to the analytical forms of past tense.

Keywords: morphology, verb, function, passing time, crimean tatar language.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 811.512.145

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСКУТСКОГО ГОВОРА

Мурахас М. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

Ускупский говор, будучи уникальным явлением крымскотатарского языка заслуживает пристального внимания и тщательного изучения. Наряду с общеюжнобережными диалектными тенденциями, он вобрал в себя большое количество фонетических и лексических особенностей, которые дифференцируют его в общелингвистическом поле южнобережья. В данной статье исследованы некоторые грамматические особенности ускупского говора.

Ключевые слова: южнобережный диалект, ускупский говор, грамматические особенности.

Постановка проблемы. История формирования тюркских языков, а также соответствующих диалектов, систем, характеризуется последовательным развитием различных родоплеменных объединений, из числа которых наибольшее влияние на формирование современных тюркских языков и диалектов стали иметь болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский и уйгурский союзы. Каждый из этих племенных союзов оставил в языках и диалектах следы своих специфических особенностей, согласно которых в настоящее время и производится членение всех тюркских языков на соответствующие группы и географические ареалы. Наиболее устойчивые и характерные системы сочетания этих специфических особенностей или признаков сохранили языки и диалекты болгарского, кыпчакского, карлукского, уйгурского и огузского ареалов [1].

Огузский ареал границы, которого охватывают Малую Азию, часть Балканского полуострова, Южную Молдавию, Азербайджан, Туркмению, Северные районы Ирана, некоторые районы Ирака и Сирии представлен языками: Азербайджанским, турецким, гагаузским, туркменским, диалектами балканских тюрков, диалектами азербайджанцев и туркмен Ирана, Ирака и Сирии, (южнобережным диалектом крымскотатарского языка-М.М.), огузским диалектами узбекского языка. Он также характеризуется и специфическими общими для указанных языков чертами [1].

Происхождение слова огуз и связанных с ним собственных имен до сих пор не нашло единого решения. Одной из первых попыток объяснения этого собственного имени - названий одной из крупнейших родоплеменных объединений было предложено И.Н. Березиным и позднее поддержано французским исследователем П. Пеллио сближение названия племен огуз с огуз – молозиво[2]. Многие из исследователей видели в составе названий огуз словопонятия ок – стрела, переносн. «род племени» и уз – «человек» или аффикс множественного числа, т.е. «роды племена»[2].

Не менее популярным является также этимологизация огуз из огуз – «бык» т.е. «племя имеющие своим тотемом быка». В частности жители селения Ускуп в экс-

тремальных случаях божеству Танры приносят в жертву черного быка, а также элементы с упоминанием черного быка сохранились в пословицах и приданиях деревни [5].

В поздней классификации тюркских языков Н.А. Баскаков южнобережный диалект крымскотатарского языка относит к огузской семье языков, тогда как в своих ранних исследованиях огузскому компоненту в формировании крымскотатарского литературного языка отдавал более существенную роль. Данное замечание действительно имело основание в развитии крымскотатарского языка.

Как разновидность южнобережного диалекта крымскотатарского языка, ускутский говор обладает всеми основами фонетическими и морфологическими особенностями «ялы бою шивеси». Но необходимо отметить, что наряду с общими для всех южнобережных говоров фонетическими явлениями налицо признаки, дифференцирующие его в общелингвистическом поле.

Исторически обусловленное взаимовлияние южнобережных говоров крымскотатарского языка и долгое время соседствующих с ними урумского и румейского говоров новогреческого языка, было неизбежным. Оно нашло отражение не только в лексическом строе, но и в фонетико-морфологической структуре двух языков [3].

Ранние греческие заимствования подверглись значительным фонетическим изменениям и были адаптированы фонетической системой крымскотатарского языка. Грецизмы адаптированы крымскотатарским языком не только фонетически, но и морфологически [4].

Урумские населенные пункты в Крыму занимали преимущественно северо-западные склоны Крымских гор, а поселения где жили, румеи занимали их южнее юго-восточные и восточные склоны. На северо-востоке румейского диалектного массива в окружении других румейских говоров находились «чекающие» говоры, составившие основу приазовских румейских говоров, с урумскими (т.е. «текающими» - М.М.) говорами тесно не контактирующими.

Данное явление констатируется зафиксированной в ускутском говоре и локализованной в некоторых майле заменой Г на Ч и ДЖ перед переднеязычными гласными в системе консонантизма. Н – р.: кельдим – джильдим.

Келин - джилин Керек
– джирек Кеди - чиди
Кенеф–чинеф
Кирамет–чирамет
Ким - чим

Необходимо отметить, что данное фонетическое явление абсолютно для носителей близлежащего арпатского говора.

В ускутском говоре наблюдается так же обратный переход Ч в К. Н – р: не ичюн–некин, ичне–икири, чешме–кишме.

Чередование Ч>Ш имеет место в нескольких словах: шаршаф- чаршаф.

Факт замены (возможно случайный) начального К на урумский Т зафиксирован в варианте кешме – тишме: «Сабах тишмие вардым».

Общеогузским в области консонантизма является соответствие огузского звонкого начала слова кыпчакскому глухому началу К/Г и КЪ/Х и огузско-кыпчакского противопоставления о/Й в анлауте: илан – йилан, йип – ип.

Примером перехода К в Г перед гласными переднего и заднего ряда являются слова:

Келин – гилин
Кетмек – гитмек
Козь – гозь
Керек – гирек
Кучь – гучь;

Начальный К отличается стойкостью (т.е. не замещается звонким Г) в позиции перед И, Е в таких словах как: кестане, кирамет, кир, кучук, кучелек, кирез, киев. Хотя возможность перехода в Ч остается актуальной, причем как в анлауте, так и в инлауте: чирамет, чирез, ичмет (в значении благодать), чирли

Чередование Б/П присутствует в словах:

Пармакъ – бармах, пытакъ – будах, пахла – бакъла.

Чередование Д/Т фиксируется в словах: терек – дирек, терен – дирен, тамыр – дамар, тегиз – дигиз, тиль – диль, хотя остаются стойкими в словах: тахия, тикаран, таях, тупрах, ташымах, тапмах, тупламах, татлы.

Кроме того, в системе консонантизма происходит замена отдельных специфических тюркских звуков на звуки на другие. Н-р увулярный Н замещен переднеязычным Н: синин, диниз, динле и др.

В области вокализма наблюдается наличие следующих фонетических субституций.

Первая из них (а > и, ы), имеющая аналогию в крымскотатарской песенной речи, а также урумском говоре новогреческой речи Н-р:

Юксек минаре кашлеринъ къаре.

В ускутском говоре хашлири (къашлары):

Ханитлири (къанатлары)

Ахчылары (акъчалары)

В области вокализма наиболее наглядным является переход О первого слога в У. Н-р: омюр – умур, комюр – комур, тола – тула, оджакъ – уджах, ода – уда,. Если в сильной позиции о сохраняет свои основные характеристики: топ, козь - то с присоединением к нему аффиксов верхнерядный О переходит в среднерядный У. Н-р: тупум – гузум, утлады – тузланды (запылился), (дифференция же значений тозланды и тузланды происходит контекстуально).

Кроме того абсолютной является замена Е>И в безударной позиции: кельдим – гильдим, кеттинъ – гиттин – в первом слоге, так и в последующих безударных слогах: береджен – вириджен, етеджек – йитиджих, енгелер – ингилер, манелер – манилер, текнелер – тикнилер.

Н-р: Кельсин меним догъмушларым. / Гильсин миним дугъмушларым.

Замена Ы огубленным У в словах къарпыз – харпуз, къапы – хапу.

Замена притяжательного аффикса Ы в словах с огубленными предшествующими слогами на У: догъмушы - дугъмушу , къапысы –хапусу, тузлыгъы - тузлугъу , къартопы- хартубу.

Замена А огубленным У в словах хораз – хуроз.

В некоторых словах происходит замена гласного Е на О, а при последующем присоединении аффиксов на У, аналогично с вышеназванными примерами: джеп – джоп – джублерим, киев – кийов – кийувларым.

Фонетико-морфологические противопоставления охватывают формы именного и глагольного словоизменения, огузские и кыпчакские показатели которых различаются фонетически, восходя к одним и тем же морфемам, а именно: родительный падеж на – ын – ин / - нынъ – нинъ (диригин япрахлары сарарды, бабамын халпагъы хумшуя халды).

Винительный падеж на – (й)ы -(й)и –ю / -ны –ни: гулю хупардым, суфрайы дунатым, хумшую юллаттым.

Дательный и местный падежи на – (й)е / -гъа и –да, –де соответственно: динизе вардым, скимлийе утурдум, яны иве яшай, туркуе ишиттим.

Форма инфинитива на –ма(й)а, –ме (й)е /-магъа, –меге: хафтан алмая варды, суичмие истиди, шурбайи иситмие хуйду.

Соответствие – н / - нъ в аффиксах 2-го лица: итиштин, гутурдун (алып бардынъ), алыштын.

Причастие на – (й)ан, –(й)ен/ - гъан, –кен: агълайан, ушуен бала.

Деепричастие на – (й)а – (й)е / - ип –ып: гулийе –гулийе хаттых, уйнайа – уйнайа яптых.

Форма глагола прошедшего времени на – мыш–миш–муш/ гъан–кен: гильмиш, учмуш, алмыш.

Наличие огубленных форм почти всех аффиксов.

Примером же фонетическо-морфемного выпадения из общелингвистического поля является форма настоящего простого времени 1-го лица на безударные –рим, –рым: ухурум, ишлерим, арарым, итерим.

Выводы и перспектива. Таким образом, мы приходим к выводу, что причины фонетико-морфологического противостояния ускутского говора далеко неоднозначны и требуют тщательного анализа каждого конкретного случая. Но факт того, что языковое койне, имеющее как лексическую, так и фонетико-структурную природу, сыграло определенную роль, в обособленности ускутского говора от южнобережных лингвистических традиций очевиден.

Список литературы

1. Баскаков, Н. А. К этимологии слова OGUZ, OGUZ – QAGAN // Советская тюркология, 1982.- № 1.- С. 88-90.
2. Баскаков, Н. А. Задачи составления тюркских ареальных исторических диалектологических атласов // Советская тюркология, 1982.- №3.- С. 3-9.
3. Гаркавец, А. Н. Тюркские языки на Украине (Развитие структуры) // А. Н. УССР.- Киев: Наукова думка – 1988.
4. Меметов, А. М. Греческие заимствования // Лексикология крымскотатарского языка.- Симферополь: Крымчпедгиз, 2000.
5. Куртиев, Р. Календарные обряды крымских татар.- Симферополь: Крымчпедгиз, 1996.

Мурахас М. С. Деякі граматичні особливості ускутського говору / **М. С. Мурахас** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 69-73.

Ускутський говор, будучи унікальним явищем кримськотатарської мови заслуговує особливої уваги та ретельного вивчення. Поряд з загальнопівденнобережними діалектними тенденціями, він вобрав в себе більшу кількість фонетичних і лексичних особливостей, які диференціюють його в загальнолінгвістичному полі південнобережжя. У даній статті досліджені деякі граматичні особливості ускутського говору.

Ключові слова: південнобережний діалект, ускутський говор, грамматические особенности.

Murahas M. S. Some grammatical features of uskut of manner of speaking / **M. S. Murahas** // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 69-73.

Uskutskiy dialect, being unique phenomena of crimeantatar language deserves, rapt attention and close examination. Alongside with whone south dialectal trend he вобрав in itself big amount phonetic and lexical particularities, which differentiate him(it) in a lingvistic field of south seaside. In given article explored some grammatical particularities of uskut dialect.

Keywords: south idiom, uskut dialect, grammatical particularities.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК.811.512.162

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФ. ГАСАНА МИРЗОЕВА, ПОСВЯЩЕННЫХ КАТЕГОРИИ ПЕРЕХОДНОСТИ И НЕПЕРЕХОДНОСТИ ГЛАГОЛА

Гусейнова М. Н.

*Азербайджанский государственный педагогический университет, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В данной статье предпринимается попытка выявления научного отношения к категориям переходности и непереходности в Азербайджанском языкознании в целом, и в научных трудах профессора Гасана Мирзоева в частности.

Ключевые слова: глагол, переходный, непереходный, категория

Постановка проблемы. Современный научный уровень Азербайджанской тюркологии, которая обладает огромной исследовательской практикой, делает возможным изучение многочисленных грамматических категорий языковой системы в структурно-семантическом плане. Отношение в широком диапазоне к изучению языковых фактов, их исследование на всех ярусах, несомненно, исходит из внутренней структурно-семантической цельности языка. По этой причине в научных исследованиях необходимо комплексное отношение к единой языковой системе, каждая категория должна изучаться в связи с другими категориями и вопросами.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Категория переходности и непереходности глагола долгие годы находилась в центре внимания языковедов-тюркологов. Н.А.Баскаков, Л.А.Покровская, А.А.Палмбах, К.М.Мусаев, Д.Г.Тумашева, М.А.Хобичев исследовали вышеуказанную категорию глагола в каракалпакском, ногайском, гагаузском, тувинском, караимском, татарском, карачаево-балкарском языках, Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Н. Н. Джанашиа, В. Г. Егоров, А. К. Гуламов, Е. Н. Наджип, Е.Турсунов, Ж. Мухтаров, Б. Чарыяров, А. К. Хасенова, Н. Г. Сауранбаев, А. Г. Кайдаров, А. Я. Базиев, А. М. Щербак затронули эту тему в своих отдельных исследованиях посвященных изучению башкирского, турецкого, узбекского, чувашского, уйгурского, туркменского, карачаево-балкарского языков.

Цель и задачи. Основной целью данной статьи является выявление научного отношения к категориям переходности и непереходности в Азербайджанском языкознании в целом, и в научных трудах профессора Гасана Мирзоева в частности. Для исследования были избраны **методы** теоретического подхода и сравнительно-сопоставительного анализа.

Основной материал. В диссертации на соискание научной степени доктора филологических наук на тему «Глагольная категория переходности- непереходности в современном Азербайджанском языке» профессора Гасана Мирзоева были отражены все качества, указанные во введении данной статьи. Известно что, национальные черты части речи, называемой в морфологии глаголом, обуславливаются сохранением следов развития древних времен. Эта группа слов, выражающих дей-

ствие, процесс или состояние, коренным образом отличаются от других частей речи. Глагол, это та часть речи, которая менее других была подвержена посторонним воздействиям. Исследователи показывают, что в этой области категория переходности – непереходности обладает особенной ролью.

Категория переходности-непереходности, а также показатели вида исторически сильно повлияли на развитие лексико-грамматической семантики глагола. Этот процесс продолжается и по сей день. Глаголы с окаменевшими показателями напоминают древние памятники, те памятники, которые прошли через тысячелетия, которые обладают устойчивой и крепкой основой. Глаголы и его показатели также постепенно окаменели, и поднимая окаменевшие слои раскрывается и определяется основа-корень, состоящая из трех, двух, а иногда даже из одного звука. И мы становимся свидетелями и знакомимся с архаическими средствами речи древних тюрков, наших предков.

Понятия переходности и непереходности также были свойственны древним простым глагольным корням. В простых корнях слов эти категории были выражены семантическим или же морфологическим путем, с использованием морфологического способа, иногда на протяжении тысячелетий показатели-суффиксы теряли свою подвижность, в некоторых случаях даже заменялись другими. Эти слои, напластованные со временем, не составляет труда разделить в настоящее время. По сравнению с другими частями речи, глагол привлекает внимание богатством вышеуказанных особенностей. С преобладанием исследований, посвященных глаголу, увеличивается потребность изучения его особенностей. В Азербайджанской лингвистике многие особенности глагола все еще остаются не изученными. Это относится не только к азербайджанскому языкознанию, но и к общей тюркологии [1, 3].

С этой точки зрения, профессор Гасан Мирзоев, долгое время, собирая материалы про категорию переходности и непереходности глагола, вел наблюдения на основе этих материалов, и в результате смог фундаментально исследовать различные грамматические особенности глагола, обусловленные национальными качествами. В монографии профессора «Переходные и непереходные глаголы в современном Азербайджанском языке» [2] были всесторонне исследованы первичные и вторичные явления категории переходности и непереходности глагола, также было привлечено к исследованию роль сложных глаголов в этой области. В этой монографии профессор анализировал глаголы с различными структурными особенностями, и в особенности остановился на некоторых особенностях этих глаголов. Исследователь на обширных языковых фактах изучил возможности образности, фигуральности, многозначности, омонимии и синонимии этих глаголов. В монографии особое внимание уделяется понятию переходности на основе производных глаголов, выделяются словообразующие показатели производных глаголов. Автор выясняет отношение глаголообразующих суффиксов к категориям переходности и непереходности, классифицирует суффиксы по некоторым критериям, уделяет внимание генезису этих суффиксов, предлагает в последовательности суффиксы одного корня, а также суффиксы, связанные между собой. Безусловно, классификация глаголов, проведенная профессором Г.Мирзоевым, заслуживает внимание, и обладает

особой значимостью в изучении возможностей развития, генезиса, размножения и дифференциации глаголообразующих суффиксов.

Профессор Г. Мирзоев исследовал эту актуальную проблему в синхронном аспекте. В научном труде некоторая часть суффиксов была анализирована в форме, соответствующей настоящему времени. Тогда как, в диахроническом исследовании эти показатели с легкостью могли бы представляться как различные суффиксы. Решительные и категорические обобщения профессора дают основания сказать, что Г. Мирзоев мог полностью охватить отношения производных и сложных глаголов к категориям переходности и непереходности.

В этом монографическом исследовании автор совершенно правильно определил что, одна часть глаголов, образованных одним и тем же суффиксом, могут быть переходными, а другая часть непереходными. «Выражение непереходности переходными глаголами, и наоборот выступление переходных глаголов как непереходных, занимает в языке определенное место. В таком процессе для определения точных причин событий, вместе с наблюдением семантического развития отдельных слов, автор также в многих случаях выделил особое внимание генезису-этимологии глаголообразующих суффиксов, сгруппировал высказывания в этой области, выразил свое отношение и мнение. Не обращаясь к прошлому, было бы невозможным направить общий ход исследования в объективное русло» [1, 4].

С целью расширения научных знаний в этой области, профессор Г. Мирзоев двадцать лет систематически исследовал тему «Категория переходности-непереходности глаголов в современном Азербайджанском языке», которая обладает огромным теоретическим и практическим значением, в точности и в достоверности анализируя малоизученные и мало затрагиваемые области глаголов и категорий глагола, в особенности категории переходности-непереходности глагола, которые с трудом осваиваются студентами и становятся причиной дискуссий и полемик, также, анализируя особенности вышеуказанной категории, достиг решения одной из основных проблем современной тюркологии.

Автор столкнулся со многими трудностями в решении каждого вопроса, потому что эта тема до этого не была привлечена к отдельному исследованию в Азербайджанском языкознании, в том числе и в тюркологии. Автор сам пишет по этому поводу: «Одним из таких трудностей является то, что эта тема охватывает широкий круг, и тесно связана с отдельными темами и предметами языкознания. Для выяснения категории переходности-непереходности было необходимым выяснение многих вопросов связанных с такими учениями лингвистики как семасиология, морфология, синтаксис, стилистика, определение связи философско-логических законов с грамматическими законами, в аспекте действие-воздействие, объект- субъект, выявление идентичных и отличительных черт. Так как, в переходности и непереходности глагола играет роль его омонимия, каким семантическим значением он обладает во фразеологическом словосочетании, из какого слова и с помощью какого морфологического показателя он был образован, какой синтаксической структурой и стилистическими чертами он обладает, активность и пассивность логического и грамматического субъекта и т.д. Поэтому в процессе исследования необходимо было собрать многочисленные факты о каждом из вышеуказанных вопросов в отдельно-

сти. Если бы, вопросы, связанные с вышеуказанными областями были бы исследованы в нашем языкознании заранее, то это немного облегчило бы работу. Но, из-за отсутствия таких исследований, автор вынужден был изучить некоторые вопросы, связанные с указанными областями. Одна причина работы автора над проблемой на протяжении двадцати лет, заключается в этом» [3, 5].

Категорию переходности-непереходности глагола проф. Г. Мирзоев считает особой категорией и показывает что, суффиксы этой категории также служат формированию спрягаемых и неспрягаемых форм глагола. В первой части своей докторской диссертации, профессор используя лексико-семантическое значение, морфологические признаки, синтаксические возможности глагола, на обширном языковом материале раскрыл суть категории переходности-непереходности глагола, впервые в Азербайджанском языкознании изучил эту категорию в отдельности от категории вида, доказал на логических основах независимость этой категории.

Во второй части диссертации, под названием «Переходность-непереходность простых глаголов», ученый более обширно исследовал вопросы переходности-непереходности простых глаголов. В этой части диссертации профессор считает важным затронуть некоторые вопросы, напрямую связанные с проблемой – структура простых глаголов, фонетические и морфологические особенности, семантика, этимология простых глаголов и т.д. Несомненно, профессор прав решая проблему таким образом. Потому что, как отмечала Т. Эфендиева «... каждый из этих факторов обладает особым значением в выражении переходности-непереходности, и ее уточнении» [4, 304]. Профессор, систематически исследуя превращения переходных глаголов к непереходным, или же наоборот, показал, что в современном азербайджанском языке для образования переходных глаголов от непереходных используются суффиксы *-it, -it, -ut, -üt, -t; -dir, -dir, -dur, -dür; -dar, -dər; -ir, -ir, -ur, -ür; -ar; -iz, -iz, -uz, -üz; -ğuz; -izdir, -izdir, -uzdur, -üzdür*, а для образования непереходных глаголов от переходных используются суффиксы *-il, -il, -ul, -ül; -in, -in, -un, -ün, -n; -iş, -iş, -uş, -uş; -aş, -aş, -ş; -ik; -ux, -ük* [5, 70].

Выводы и перспектива. Таким образом, профессор Гасан Мирзоев многоаспектно изучил глаголы в Азербайджанском языке, в точности и в достоверности проанализировал малоизученные и малозатрагиваемые области глаголов и категорий глагола, в особенности категории переходности-непереходности глагола, которые с трудом осваиваются студентами, и становятся причиной дискуссий и полемик, также исследовал особенности вышеуказанной категории, достиг решения одной из основных проблем современной тюркологии. Проблемы усвоения категории переходности-непереходности глагола студентами остается до сих пор открытой, что указывает на перспективность исследований в указанном направлении.

Список литературы

1. Кязимов, Г. От редактора [Текст] // В кн: Мирзоев, Г. Переходные и непереходные глаголы в современном Азербайджанском языке. – Баку, 1979 (на азерб. языке)
2. Мирзоев, Г. Переходные и непереходные глаголы в современном Азербайджанском языке [Текст]. – Баку, 1979 (на азерб. языке)
3. Мирзоев, Г. Категория переходности-непереходности глаголов современного Азербайджанского языка: Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук [Текст]. – Баку, 1986 (на азерб. языке)

4. Мирзоев, Г. Избранные произведения. том 5. [Текст]. – Баку, 2006 (на азерб. языке)
5. Мирзоев, Г. Глагол в Азербайджанском языке [Текст]. – Баку, 1986(на азерб. языке)

Гусейнова М. Н. Про дослідження проф. Гасана Мірзоева, присвячених категорії перехідності і неперехідності дієслова / М. Н. Гусейнова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 74-78.

У даній статті прийнято спробу виявити наукове ставлення до категорій перехідності і неперехідності в Азербайджанському мовознавстві в цілому, і в наукових працях професора Гасана Мірзоева зокрема.

Ключові слова: дієслово, перехідний, неперехідний, категорія

Huseynova M. N. About researches of prof. Hasan Mirzoev devoted to a category of transitivity and intransitivity of a verb / M. N. Huseynova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 74-78.

This article is an attempt to identify the scientific attitude towards categories of transitivity and intransitivity of a verb in linguistics in general and in scientific works of prof. Hasan Mirzoev in particular.

Keywords: verb, transition, intransitive, category

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 811.222.1'373

АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ГАЗЕТЫ «ИРАН» КАК ПОКАЗАТЕЛЯ ПУРИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Сухоруков А. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: sankafd2004@mail.ru*

В данной статье рассматривается степень использования утверждённых Академией персидского языка и литературы лексических эквивалентов европеизмов и американизмов в современной иранской прессе на примере правительственной газеты «Иран», определяются пути введения в оборот неологизмов, призванных заменить проникшие в персидский язык западные лексические заимствования, анализируется уровень успешности нововведений.

Постановка проблемы. С 1991 года в Иране начала действовать Академия персидского языка и литературы (АПЯЛ). В соответствии с уставом, одной из главных задач данной Академии является осуществление деятельности по укреплению персидского языка и сохранению его самобытности. Среди задач, которые Академия поставила перед собой, можно выделить проведение контроля над созданием новых слов и введением соответствующих эквивалентов к проникающей в персидский язык иностранной лексике [1, с.9]. Благодаря усилиям действующего в рамках АПЯЛ Отдела Словоотбора (گروه واژه گزینی) было подготовлено и опубликовано 6 сборников слов, утверждённых Академией и рекомендованных к употреблению. Каждый из сборников перед выходом был утверждён лично президентом страны. Кроме того, 26 июня 2006 года М.Ахмадинежад, президент ИРИ, издал указ, в котором в категорической форме призвал отказаться от использования слов западного происхождения, в государственных учреждениях рекомендовал подвергать административному наказанию лиц, которые проигнорировали данный указ. Это ещё более ускорило начавшийся ранее процесс очищения персидского языка от иностранных, в первую очередь западных, лексических заимствований. Наиболее отчётливо данная тенденция стала заметна в периодической печати. Как известно, публицистика и вообще газетный стиль быстро реагируют на любые изменения в лексическом составе и являются хорошим индикатором основных тенденций в языке. По этой причине, а также учитывая краткие сроки, прошедшие после введения большинства неологизмов, мы решили остановить свой выбор на анализе лексики именно органа периодической печати.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является рассмотрение степени использования европеизмов и американизмов в современной иранской печати на примере правительственной газеты «Иран». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Собрать материал и произвести лексический анализ газеты «Иран» за достаточно длительный временной период;

2. Систематизировать полученные результаты, сделать выводы;
3. Определить перспективы дальнейших исследований.

Основной материал. Нами было проведён анализ лексики газеты «Иран», издаваемой в Тегеране и являющейся одним из главных периодических изданий Исламской республики Иран. Указанная газета выходит ежедневно и представляет официальную позицию правительства страны по всем вопросам. Изданием её занимается IRNA (Islamic Republic News Agency) – ведущее информационное агентство страны.

Материалом для исследования послужили номера газеты «Иран», опубликованные в период с 1 тира по 31 мордада 1387 г.с.х., что соответствует 21 июня – 21 августу 2008 г. Всего за указанный период вышло 50 номеров. Объём номера не является фиксированным. В рассматриваемый период материал размещался обычно на 60-70 страницах. Тематика газеты включает 15 разделов, таких, например, как общественные новости, внутренние события, Иран и культура, международные события, спорт и т.п. В целом, тематику газеты можно разделить на 4 категории: политика, экономика, культура, общественная жизнь.

Для решения поставленной задачи, был проведён лексический анализ избранных статей, причём общий объём обработанного материала по всем тематическим направлениям составил около 215 тысяч лексических единиц. Из них 45% связано с вопросами политики, 23% - общественной жизни, 18% - экономики и 14% - культуры. В целом, было выявлено 2680 лексем западного происхождения, что составляет 1,25 % от общего числа слов рассмотренного материала. Если в соответствии с данными 6-ти томного «Словаря утвержденных Академией слов» [2-7] все обнаруженные европеизмы и американизмы разделить на дозволенные и недозволенные, то в процентном отношении ко всему объёму они составят 1,12 % - утверждённые и 0,13 % - неутверждённые (2411 и 269 единиц соответственно). Иначе говоря, из 100 % употреблённых западных заимствований, лишь 10,3 % слов оказались в списке не рекомендованных к употреблению. В то же время, доля неологизмов и слов, пришедших на замену западным лексическим заимствованиям, составила 0,16 %; 57 различных лексем, утверждённых в качестве эквивалентов к соответствующим европеизмам и американизмам, были употреблены в статьях 345 раз, т.е. каждое слово, в среднем, было использовано около 6 раз. Наиболее употребительными из их числа оказались следующие: خودرو - «автомобиль» (72 употребления) вместо اتومبیل , یارانه , تعلیمات نظامی или مائور نظامی «учения (воен.)» (55 употр.) вместо «субсидия», заменившее собою сразу несколько слов (37 употр.), گردشگر / ی - «турист/туризм» (35 употр.) вместо توریست / رایانه «компьютер» (23 употр.) вместо کامپیوتر , همایش «конгресс» (22 употр.) вместо کنگره. Вместе с тем, основная часть слов, пришедших на замену западным лексическим заимствованиям и использованным в рассмотренных газетных статьях, было употреблено, в среднем, не более 3-4 раз. 21 слово было задействовано журналистами всего один раз, это такие слова, например, как تراش - «чип», اژدرافکن - «торпедный катер, миноносец», تیررس - «портал», میل گرد - «арматура», پرتاب گر - «пусковая установка», «расстояние выстрела» и т.д.

В проанализированном публицистическом материале из числа nereкомендованных к употреблению ЗЛЗ с высокой степенью использования стоит выделить следующие: تروریسم – «терроризм», вместе с تروریست، تروریست (47 употр.), استراتژیک – «стратегический» (37 употр.), کاندیدا – «кандидат» (34 употр.) и др. Данные заимствования широко и давно распространены в речи и с трудом подвергаются замене недавно введёнными к ним эквивалентами.

То обстоятельство, что прежние ЗЛЗ до сих остаются употребимы в речи, при том, что их эквиваленты тоже получили широкое распространение, в некоторой степени

можно объяснить ещё и личной пристрастностью отдельных журналистов и направленностью их политических взглядов. Кроме того, на это влияют такие факторы как глубина проникновения и распространения заимствования, степень участия его в словообразовании, точность подобранного к нему эквивалента среди существовавших уже слов, а также ясность и лёгкость восприятия созданного неологизма.

Внедрению и закреплению в речи эквивалентов для ЗЛЗ способствует использование копулятивных сочетаний, в которых одна из его частей представлена нововведением, а другая заимствованным словом. Употребление копулятивных сочетаний вызвано желанием авторов ввести в оборот новое слово, но при этом они не уверены в том, что читатель легко воспримет нововведение в контексте, где более естественным было бы прежнее западное заимствование. Благодаря этому в сознании читателя создаётся устойчивое представление о семантическом значении нового слова и формируются границы его употребления. В отдельных случаях по очерёдности слов в копулятивном сочетании можно сделать вывод относительно того, какое из двух употреблённых слов является более употребительным. Обычно, знакомое слово, для облегчения восприятия, ставится на первое место. Однако, имеется два фактора, которые могут повлиять на очерёдность. Первый – это стремление автора к красоте слога, которое может привести к тому, что для большей изящности выражения словосочетания он поменяет слова местами. Подобное утверждение подкрепляется ещё и тем обстоятельством, что в персидском языке традиционно высоко ценится ритм повествования и последовательность чередования долгих и кратких гласных. Второй фактор – степень политической сознательности автора, в условиях, когда на государственном уровне проводится политика очищения языка от иностранных (читай «западных») заимствований. Использование копулятивных сочетаний, состоящих из ЗЛЗ и его эквивалента, также широко применяется и авторами статей газеты «Иран». Несколько примеров подобных сочетаний из номеров газеты за рассмотренный период: سفال و سرامیک – «керамический», ایدئولوژیکی و عقیدتی – «идеологический», کنترل و نظارت – «контроль», پروتکل و ضوابط – «протокол (*dipl.*)» (букв. «протокол и правила, порядок») и т.д.

Употребление в пределах одной статьи ЗЛЗ и утверждённого его эквивалента не всегда осуществляется исключительно в рамках копулятивного сочетания. Зачастую авторы одновременно используют и неологизм, и его иностранный аналог, закрепившийся в персидском языке, но в разных местах своей статьи для избегания тавтологии. Подобных примеров немало, ниже предлагаются некоторые из подобных лексических пар: پتانسیل – قابلیت – «биотехнология», نو ترکیبی – بیو تکنولوژی – «потенциал», نیروگاه هسته ای – نیروگاه اتمی – «атомная электростанция». При этом, в большинстве случаев иноязычные заимствования используются реже, чем введённые к ним эквиваленты. Так, в приведённых примерах соотношение прежней и новой лексики было, соответственно, следующим: 2-4, 2-6, 2-3.

Определённую сложность в персидском языке представляет собой передача с иностранного языка сложносокращённых слов (аббревиатур) и, если для получивших широкое распространение ещё в прежние времена, были найдены решения, то многие аббревиатуры последнего времени в письменной речи продолжают передаваться посредством латиницы. Однако, после первого введения в тексте аббревиатуры на латинице,

зачастую, в скобках раскрывается его значение на персидском языке. Далее предлагается несколько примеров из газеты «Иран»: ISC (رتبه و ضريب), MMS (پیام کوتاه چند رسانه) и GPRS (اینترنت تلفن همراه). Примечательно, что, к двум последним аббревиатурам Академией были предложены эквиваленты (خدمات عمومی ارتباطات داده ای), (پیام چند رسانه ای), но автор статьи позволил себе несколько отойти от утверждённых вариантов. В случае с аббревиатурой MMS он расширил перевод, а во втором случае вообще изменил трактовку, упростил её, в результате чего получилось «интернет мобильного телефона», вместо «общий пакет радиосервиса». Стоит отметить, что в обоих рассмотренных случаях при расшифровке иноязычной аббревиатуры как автором статьи, так и сотрудниками Академии, были использованы новые эквиваленты к ЗЛЗ (چند رسانه ای – «мультимедиа» и تلفن همراه – «мобильный телефон»).

Несмотря на довольно высокую степень участия неологизмов в процессе вытеснения иноязычных заимствований, последние продолжают пользоваться популярностью у авторов статей газеты «Иран». В отдельных случаях вызывает некоторое удивление факт использования иноязычных слов тогда, когда они имеют распространённые и широкоупотребимые эквиваленты, прочно занявшие своё место в современном персидском языке. Например تاییست – «секретарь (канц.)» вместо منشی, گارانتی چاپ شدن – «печататься» вместо پرینت گرفتن, فیلم نامه – «сценарий» вместо سناریو, ضمانت или تضمین – «гарантия».

Кроме того, некоторые ЗЛЗ, использованные в статьях газеты «Иран» за указанный период, до настоящего времени не оказались в числе рассмотренных Академией, в связи с чем не представляется возможным сделать вывод о дозволенности их употребления или недозволенности. تلیکس – «телекс», رومینگ – «роуминг», برند – «бренд», اسکنر – «сканер» – несколько примеров слов подобного типа со страниц газеты «Иран». Подавляющая часть слов, нерассмотренных Академией, отличается низкой степенью употребления в речи. Учитывая решение Совета АПЯЛ отдать предпочтение работе со словами широкого употребления и постепенно переходить к более редкой иноязычной лексике в персидском языке [9, с.165], можно сделать предположение о том, что вскоре оставшиеся вне поля деятельности Академии слова также будут рассмотрены.

Выводы. На основании проведённого исследования с использованием достаточного объёма материала можно сделать следующие выводы: 1) Новая лексика, утверждённая к использованию Академией, уверенно входит в употребление в газетном стиле; 2) введение в употребление новых эквивалентов к ЗЛЗ осуществляется несколькими путями: а) прямой заменой; б) участием в копулятивном сочетании с ЗЛЗ; в) совмещением новой и заимствованной лексики в рамках одной статьи; г) размещением пояснения к новому слову после его употребления в тексте; 3) продолжает иметь место использование нереконмендованной лексики западного происхождения;

Перспективы дальнейших исследований. Полученные результаты лексического анализа газеты «Иран» представляют несомненный интерес для исследователей современных тенденций в лексике персидского языка, дают возможность определить эффективность борьбы за очищение его от иностранных заимствований и предоставляют ма-

териал для дальнейшей исследовательской работы по сравнительному анализу лексики современного персидского языка в свете новейших пуристических тенденций.

Список литературы

1. Аشنای با فرهنگستان زبان و ادب فارسی / گردآوری متن: شیرین عاسمی، ناهید حجازی. - تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1383. - 68 ص.
2. فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر اول/ تدوین گروه واژه گزینی. - تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1384. ISBN 978-964-7531-37-0. - 250 ص.
3. فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 2/ تدوین گروه واژه گزینی. - تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1384. ISBN 978-962-7531-36-2. - 370 ص.
4. فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 3/ تدوین گروه واژه گزینی. - تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1385. ISBN 978-964-7531-31-2. - 247 ص.
5. فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 4/ تدوین گروه واژه گزینی. - تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1386. ISBN 978-964-7531-59-1. - 456 ص.
6. فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 5/ تدوین گروه واژه گزینی. - تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1387. ISBN 978-964-7531-76-4. - 625 ص.
7. فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 6/ تدوین گروه واژه گزینی. - تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1388. ISBN 978-964-7531-37-0. - 532 ص.
8. اصول و ضوابط واژه گزینی، مصوب 58مین جلسه ی شورای فرهنگستان زبان و ادب فارسی // نامه فرهنگستان، فصلنامه فرهنگستان زبان و ادب فارسی. - 1374. - شماره اول. - ص 152-153.
9. سپیده نوروژی. واژه های مصوب فرهنگستان زبان و ادب فارسی. واژه های عمومی - 1 / نوروژی سپیده // نامه فرهنگستان، فصلنامه فرهنگستان زبان و ادب فارسی. - 1376. - شماره 2 (10). - ص 165-174.

Сухоруков О. М. Аналіз лексики газети "Іран" як показника пуристических тенденцій у сучасній перській мові / О. М. Сухоруков // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 79-84.

У наданій статті розглядається ступінь використання затверджених Академією перської мови і літератури лексичних еквівалентів європейським та американським запозиченням у сучасній іранській пресі на прикладі урядової газети "Іран", визначаються шляхи введення в обіг неологізмів, покликаних замінити західні лексичні запозичення, що проникли у перську мову, та аналізується рівень успішності нововведень.

Ключові слова: пуризм, лексичні запозичення, сучасна перська мова.

Sukhorukov O. M. The analysis of the newspaper «Iran» lexicon as indicator of puristic tendencies in modern Persian language / O. M. Sukhorukov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 79-84.

The present article deals with the degree of use of lexical equivalents to European and American loan-words confirmed by Academy of the Persian language and the literature, in a modern Iranian press on an example of the governmental newspaper "Iran", with the ways of introduction into practice of the neologisms, called to replace the western lexical loans penetrated into the Persian language, and with the level of success of innovations.

Keywords: purism, lexical loans, modern Persian language.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 811. 35

**К ЧТЕНИЮ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ (АЗЕРБАЙДЖАНА)
(ПАМЯТНИКИ ИЗ МИНГЕЧАУРА)**

Алиев Я. В.

*Гянджинский государственный университет Азербайджана, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье исследуются эпиграфические памятники, по традиции именуются «албанскими» письменными памятниками. По сведениям источников в IV в. до нашей эры - VII в. нашей эры на территории современного Азербайджана существовала Кавказская Албания.

Ключевые слова: памятник, эпиграфия, албанские надписи

Постановка проблемы. Согласно имеющимся данным в IV в. до нашей эры - VII в. нашей эры на территории современного Азербайджана существовала Кавказская Албания. Поэтому эпиграфические памятники Азербайджана до VII–VIII вв., традиционно именуются «албанскими» письменными памятниками. Это выражение не только не дает никакой информации о языке письменных памятников, об алфавите албанских надписей, но даже и не подразумевает какую-нибудь связь с древним Азербайджаном, с его тюркскими корнями. Поэтому ученые, исследовавшие албанскую письменность, традиционно рассматривали связь албанских надписей со многими другими языками: армянским, грузинским, удинским, лязгинским и т.д., но только не с тюркскими, в частности, Азербайджанским языком. Это определяет **актуальность** нашего исследования.

К. В. Тревер отмечает: «Вопрос об эпиграфических памятниках Кавказской Албании находится на первичной стадии своей разработки. Объясняется это, с одной стороны, вышеприведенным состоянием наших знаний об албанском языке и письме, а с другой – крайней малочисленностью имеющихся в нашем распоряжении албанских надписей, только за последнее время обнаруживаемых при раскопках в Мингечауре и исчисляемых, судя по изданиям, единицами. Очень невелико также число исследователей, подготовленных, к изучению албанских эпиграфических памятников» [5, 335]. В археологических раскопках Мингечаура, проведенных 1948-1952 гг. во время строительства Мингечаурского ГЭС-а, были обнаружены каменные плиты, глиняные подсвечники с албанскими надписями. Связь с древним Азербайджаном (в источниках: Кавказская Албания) демонстрирует слово алб//алп, албан//алпан, которое на староазербайджанском означало «герой», «храбрый воин». Кроме того, в Кубинском районе Азербайджана находится селение под названием Алпан. Несомненно, но чтение их при помощи албанского алфавита, найденного с Ечмиадзинского фонда Матенадарана (Фонд рукописей Армении) на одном из армяноязычных рукописей – учебника XV в. оказалось невозможным. В разные времена разными исследователями были выдвинуты гипотезы об армянском, грузин-

ском, удинском, даже и лезгинском происхождении этих надписей, однако исследование текстов на материале вышеназванных языков не дали положительных результатов. Всякие единичные соответствия носили случайный характер.

Г.А.Климов не скрывает явного влияния армянской письменности на албанский алфавит. Дошедшая до нас армяноязычная рукопись XV в. передает следующую информацию: «Список алфавита содержит пятьдесят две буквы, выполненные не без стилизации под армянское уставное письмо, с подписями их названий, проливающими свет на их фонетическое значения» [3, 69]. Кроме того, автор замечает, что рукописные списки агванского алфавита, отстоящие от наиболее поздней эпохи употребления самой письменности (т.е. от VIII столетия) на несколько столетий (точнее семь веков - Я.А.), оказались существенно деформированными в ходе неоднократной переписки средневековыми писцами. И именно они должны быть верифицированы на эпиграфическом материале [4, 110]. А.Г.Шанидзе считал, что все найденные мингечаурские надписи были бы одинакового стиля, то этим значительно было бы облегчено их чтение. Что же касается албанского алфавита с армянской рукописи XV в., то он оказался не очень подходящим для прочтения мингечаурских надписей [2, 54]. А. Г. Абрамян, пытаясь дешифровать албанские надписи, не пользовался каким-либо методом с точки зрения теории дешифровки. Поэтому большинство его сравнений и сопоставлений знаков надписей и алфавита (в армянском списке XV в.) носили чисто случайный характер [2, 54].

Некоторые факты, например, как отсутствие некоторых графем из эпиграфических находок Мингечаура в албанском алфавите армянской рукописи (XV в.), а также отсутствие в данном алфавите некоторых звуков кавказских языков, генетически отождествляющимися с «кавказско-албанским» языком, ставил исследователей перед новой дилеммой.

Исследователи нередко высказывали мнение о формальной близости графем албанского алфавита с грузинской и армянской письменностью, а Г.А.Климов считает албанское письмо грецизированной вариацией одного из несемитических ответвлений арамейской графической основы [3, 76]. По средневековым армянским источникам албанский алфавит был создан Месропом Маштоцом в V в. Чтение албанских памятников на материале удинского языка тоже основано на традиционно армянском представлении о отождествлении исторических албан с удидами [3, 68-69].

Основная часть графических знаков албанских эпиграфических памятников имеет прямое сходство с иным фонографическим письмом – с древнетюркским руническим алфавитом. Часть знаков древнетюркского рунического письма с разных ареалов древнетюркских рунических письменных памятников Азии, Европы, Приволжья и Дона, Северного Кавказа совпадают с графическим составом албанской письменности полностью или в деформированном виде. Этот факт свидетельствует о том, что албанские эпиграфические памятники ни что иное, как древнетюркское руническое письмо Азербайджанского ареала. Поэтому, мы считаем все албанские эпиграфические памятники древнетюркским руническим письмом, созданным древними тюрками в Азербайджане, а также в регионах, где и ныне живут азербайджанцы, в частности в Грузии и Дагестане. С этой точки зрения, чтение албанских

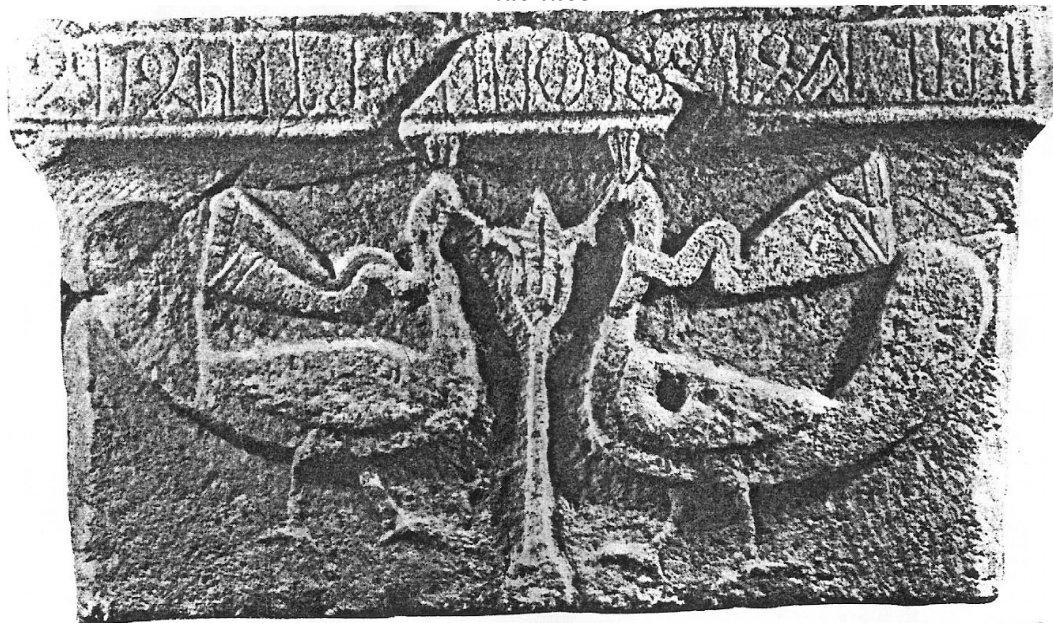
письменных памятников на основе фонетического, лексического и грамматического строя тюркских языков вполне возможно.

Надписи на каменных плитах являются наиболее объемными среди других эпиграфических находок. По широко распространенным предположениям, плиты могли быть постаментом для креста. Не соглашаясь с этим мнением К.В.Тревер считал, что, судя по сквозному отверстию в вертикальном направлении, этот камень мог служить капителью, на лицевой стороне, которой высечен рельеф [5, 336].

Буквы высечены на одной строке высотой в основном 5-5,5 см.

Надписи на каменных плитах

I надпись

По фотоснимку (снятая вероятно в близком расстоянии, что считается очень важной деталью для дешифровок), представленной К.В.Тревером в выше упомянутой книге (Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л., 1959, с. 336) отчетливо (четко) видны изображения 28-и графических знаков. Графемы в основном одинакового размера расположены по одной строке между двумя высеченными линиями. Внизу надписи изображены две птицы.

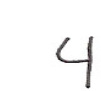
В. Гукасян считает возможным чтение текста слева направо и определяет фонематическое значение графических знаков немного отличным от графического состава оригинала следующим образом:

аи йпс... э ейнинпр (к-?) ащя... неен

Он не мог переводить текст, но опознал в нем окончание родительного падежа на **-нун** и местного падежа на **-е** удинского языка[2, 70].

На фотоснимке каменной плиты, приведенного К. В. Тревером, между 17-ой и 18-ой графемами ясно видно трещина, что мешает прочтению графических знаков в

том месте и соответственно слово, которое включает в себе 16-й и 17-й графем. В тексте графические знаки соответствуют графемам древнетюркских рунических письменных памятников Европы, Приволжья-Дона, Северного Кавказа и Азии (Орхон-енисейские надписи):

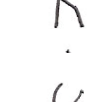
-

- в Азиатском ареале древнетюркских рунических письменных памятников, в надписи на серебряной чаше с долины реки Или, датируемой VI-V вв. до нашей эры, обозначает гласные фонемы [o]/[y];
-

- встречается в тюркских рунических текстах Северного Кавказа; напоминает графические знаки в орхонских и в Енисейских письменных памятниках, обозначает согласную фонему [л];
-

- обозначает согласную [р] в Енисейских памятниках;
-

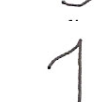
- является графической формой «назального н» («сагыр нун»);
-

- является графическим знаком согласного [б], употребляемого с переднеязычными гласными;
-

- обозначает согласную [т] с переднеязычными гласными;
-

- напоминает графический знак в тюркских рунических текстах Приволжья-Дона, а также графему в текстах Северокавказского ареала, обозначающего согласного [н];
-

- подобно этому знаку наблюдается графема в тюркских рунических памятниках Европы и в Енисейских памятниках в качестве согласного [з];
-

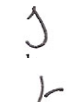

- графема, означающая гласные [o] / [y] встречается в Орхонских надписях, а также широко употреблены в Енисейской письменности, а также в тюркских рунических памятниках Европы, Приволжья-Дона и Северного Кавказа;
-

- варианты этого графического знака в перевернутом виде - обозначает согласную [й] в енисейской рунике;
-

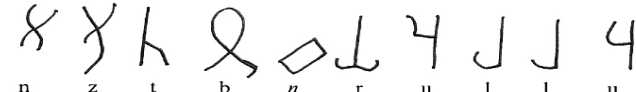
-[т] - считаем одним из специфических графических знаков, характерных для азербайджанского ареала, в иных ареалах распространения древнетюркской руники не наблюдается;
-

- в тюркских рунических надписях Европы (надписи на золотых сосудах из Надсентмиклоша; Венгрия, V в. н.э. – см. 1) обозначает согласную [л];
-

- графема, обозначающая [р] употреблена в Орхонских, Енисейских и Таласских письменных памятниках;

- - обозначает звук [ч] также в Орхонских, Енисейских и Таласских письменных памятниках;
- - особо интересная форма, близкая к графеме, обозначающая гласные [a] ([я] [е]) в Енисейских, Таласских и в Рунических письменных памятниках Европы, Северного Кавказа;
- - употребляется во всех ареалах распространения древнетюркских надписей, обозначает согласного [с] (и [ш] в енисейских надписях);
- - форма употребляется в Орхонских и в Енисейских надписях и обозначает согласный [б] с заднерядными гласными;
- - графема, обозначающая гласные [a] ([я] [е]), встречается в Енисейских памятниках;
- - форма близка к графемам Северокавказской Рунической письменности, обозначающим согласную [р];
- - специфический графический знак Азербайджанского ареала тюркской Рунической письменности, обозначает согласную [к].

Выявленные нами фонематические значения графем позволяет прочтение текста следующим образом.

 n z t b n r u l l u

 k r s r a b t s c ç l s s r l t y o

Текст:

Уллу ярин бятизин ойтулар сс..., ол ече еш Ыт Барс ырак

Перевод:

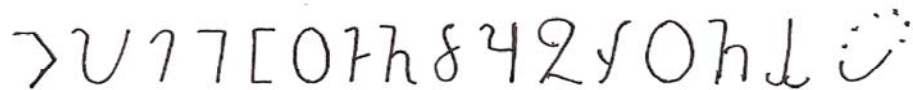
Вырезали (т.е. писали) [надгробный] **камень старшего воина. Вот старший товарищ Ыт Барс уже вдалеке** [от нас] (т.е. скончался).

II надпись

По фотоснимку каменной плиты с надписью на близком расстоянии, приведенном в книге К. В. Тревера [5, 336], было выбито 16 букв. Буквы одиноковой высоты изображены между двумя линиями. На этой стороне капители наблюдается много трещин. Линии на камне, образуемые трещинами, иногда затрудняют чтение некоторых графических знаков. Это наблюдается особенно в изображениях II, IV, VI, VIII графических знаков. Некоторые графемы из предыдущих надписей (на I каменной плите) выбиты и здесь.

По В.Гукасяну надпись имеет следующий вид:

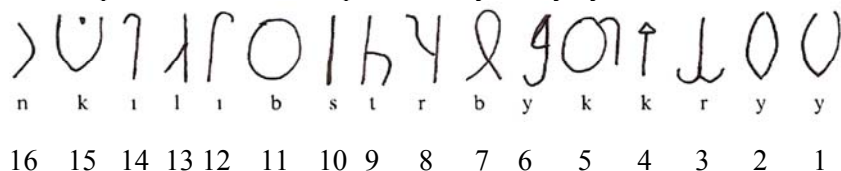

И соответственно, надпись прочитана как **Щ о й г у с е н а х о с р (к-?)** – «в году Хоср(к-?)о...» [2, 70]. А.Г.Абрамян читал текст **г у с ь а т о с р о а**, т.е. «дом молитвы» [3, 78].

Г.А. Климов предложил чтение таким образом: **2 3 у с е н а Х о с р о (у)** «В 23-м году Хосрова» [3, 78].

Здесь так же, как в предыдущей надписи из Мингечаура, выбит текст не на удинском, армянском, а на тюркском (староазербайджанском) языке.

Точное изображение текста по фотоснимку следующее:

Выводы и перспектива. Таким образом, из представленных здесь 15-ти графических знаков, только один не встречается в тюркских рунических надписях. А остальные знаки в одном порядке участвуют в древнетюркских рунических надписях разных ареалов:

1 и 2 – обозначают согласную [й] в Енисейских надписях;

3 – обозначает [р] в Енисейских памятниках;

4 – обозначает согласную [к], употреблен в Енисейских рунических надписях, имеется вариант в Орхонских надписях на перевернутом виде;

5 – является специфической графемой для Азербайджанского ареала, полагаем, что буква обозначала согласную [к] ;

6 – немного в измененном виде в Енисейских и Орхонских надписях обозначает [й];

7 – обозначает [б], встречается в Северокавказских, Енисейских надписях и в тюркских рунических памятниках Приволжья-Дона (I, с. 90-91, см. табл. 72);

8 – обозначает [р], в Орхон-енисейских надписях имеет подобную форму;

9 – обозначает [т] в немного измененном виде в орхон-енисейских памятниках;

10 – употребляется во всех ареалах распространения древнетюркских надписей, обозначает согласный [с];

11 – обозначает согласный [б], в Енисейских надписях обозначал сонорный [м];

12 и 14 – обозначает гласный [ы] / [и] в Енисейской руники.

13 – по тексту обозначает согласный [л], похожая форма в Енисейских надписях выражает согласный [ч] ;

15 – обозначает [к], встречается в перевернутом виде в памятниках Приволжья-Дона, обозначающим согласный [ш] ;

16 – обозначает согласный [н], встречается в Енисейских надписях и в письменных памятниках Европы.

Текст: **Йайырук ак ой бар тас былыкын**

Перевод: Разбрасываем (пишем) священное письмо имеющим камнем, раствором. Многие вопросы рассматриваемой темы остались неисследованными, что определяет актуальность и перспективность исследований в избранном нами направлении.

Список литературы

1. Байчоров, С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы [Текст]. -Ставропольское книжное издательство, 1989
2. Гукасян, В. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана [Текст] // Известия АН Азербайджанской ССР, серия литературы, языка и искусства, 1969. - №2
3. Климов, Г.А. К состоянию дешифровки агванской (Кавказско-Албанской) письменности [Текст] // Вопросы языкознания, 1967. - №3
4. Климов, Г.А. К чтению двух памятников агванской (Кавказско-Албанской) эпиграфики [Текст] // Вопросы языкознания, 1970. - № 1
5. Тревер, К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании в IV до н.э. - VII в. н. э. [Текст]. - М.-Л., 1959

Алієв Я. В. До читання епіграфічних пам'ятників Кавказької Албанії (Азербайджану) (пам'ятники з Мінгечаура) / Я. В. Алієв // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 85-92.

У статті досліджуються епіграфічні пам'ятники, за традицією іменуються «албанськими» письмовими пам'ятками. За відомостями джерел у IV ст. до нашої ери - VII ст. нашої ери на території сучасного Азербайджану існувала Кавказька Албанія.

Ключові слова: пам'ятник, епіграф, албанські написи

Aliyev Y. V. By reading the epigraphic monuments of Caucasian Albania (Azerbaijan) (Monuments of Mingechaura) / Y. V. Aliyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 85-92.

The article investigates the epigraphic monuments, traditionally referred to as the "Albanian" written records. According to sources in the IV. BC - VII century. AD on the territory of modern Azerbaijan Caucasian Albania existed.

Keywords: monument, motto, Albanian inscriptions

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК: 81'246.3'373.7

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ “ВОСПРИЯТИЕ” В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Джелилов А. А.

*РВУЗ “Крымский инженерно-педагогический университет”, г. Симферополь, Украина
E-mail: pikas@front.ru*

В статье рассматриваются фразеологические единицы, характеризующие процесс восприятия в крымскотатарском и английском языках. Приводится классификация фразеологических единиц в соответствии с видами восприятия.

Постановка проблемы. Изучение когнитивной фразеологии крымскотатарского языка представляется чрезвычайно важным, поскольку именно фразеология является ценнейшим источником сведений о культуре, менталитете, стереотипах народного сознания, отражающих представления того или иного народа о морали, привычках, восприятии окружающего мира и т.д., становясь достоянием языкового сознания.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Вопрос о восприятии во фразеологии когнитивной деятельности человека, рассматривался в работах А.М. Эмировой, Ю.Ф. Прадида, Г.А. Багаутдиновой [1 – 3]. Фразеосемантическое поле “восприятие” на материале крымскотатарского языка не было предметом специального исследования.

Цель и задачи статьи: выявить фразеологические единицы крымскотатарского и английского языков, характеризующие восприятие; распределить их по фразеосемантическим группам.

Объектом исследования являются фразеологические единицы идиоматического характера, обозначающие различные виды восприятия. Анализируемые фразеологические единицы представлены в следующей иерархии: фразеосемантическое макрополе “Когнитивная деятельность человека”, фразеосемантическое микрополе “Восприятие” и фразеосемантические группы и подгруппы, характеризующие различные виды восприятия.

Восприятие (кр.тат. менимсев, англ. perception) – это субъективный образ предмета (явления, процесса), непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов, в совокупности его свойств, в его объективной целостности. Это отличает восприятие от ощущения – также непосредственно чувственного отражения, но лишь отдельных свойств предметов и явлений [6, с. 59].

Фразеологические единицы, характеризующие процессы восприятия, дают субъективный образ зрительного и слухового предмета (явления, процесса), а также отражают предмет в совокупности его свойств. Восприятие также характеризуется со стороны полноты, целенаправленности, осмысления и др. [3, с. 72 – 74].

Фразеологизмы крымскотатарского и английского языков, отражающих процессы восприятия, можно разделить на следующие семантические группы:

Фразеологические единицы, обозначающие зрительное восприятие человека. В состав этой фразеосемантической группы входят следующие подгруппы:

Идиомы, характеризующие целенаправленное зрительное восприятие:

1) в крымскотатарском языке – козьден къачырмакъ кимни, нени (букв. не пропускать мимо глаз кого, что) ‘не упускать из виду’; козюни алмамакъ кимден, неден (букв. не брать глаз с кого-л., чего-л.) ‘смотреть внимательно, не отрываясь от кого-л., чего-л.’; козьлерини тикмек неге (букв. поднимать глаза на что) ‘смотреть в одну точку, сосредоточить свой взгляд на чём-л.’; козюне илишкем кимге, неге (букв. попасть в поле зрения) ‘остановить свой взгляд на ком-л., чём-л.’; козюни айырмамакъ кимден, неден (букв. глаз не отрывать от кого, чего) ‘уставиться на кого-л., чего-л.’; козю ёлда къалмакъ кимнинъ (букв. глаз остался на дороге у кого) ‘пристально, долго или часто всматриваться куда-либо, с нетерпением ожидая появления кого-л. или чего-л.’ и др.;

2) в английском языке – to have eyes at the back of one’s head (букв. иметь глаза на своём затылке) ‘всё видеть, всё замечать’; to have eyes to see (букв. иметь глаза, чтобы видеть) ‘быть наблюдательным, осмотрительным’; to have one’s eye on the ball (букв. иметь глаза на шаре) ‘не упускать из виду’; to have one’s eyes glued on smth. (букв. иметь глаза приклеенными на что-л.) ‘не отрывать взгляда от спускать глаз с кого-л., чего-л., любоваться’; to look smb. in the eye (букв. смотреть в глаза, в лицо кому-л.) ‘смотреть в глаза, в лицо кому-л.’; to be on one’s mind (букв. быть на уме у кого-л.) ‘поглощать чье-л. внимание взглядом’; to do smth. with a (fine) tooth comb (букв. делать что-л. с хорошей зубной щёткой) ‘очень тщательно, внимательно осматривать, обследовать кого-л, что-л.’; to look alive (букв. смотреть бодро) ‘быть бдительным, осмотрительным, следить тщательно’; to see [watch] smb. [smth.] out of the corner of one’s eye (букв. видеть кого-л., что-л. краем своего глаза) наблюдать украдкой, исподтишка, искоса посматривать и др.

Фразеологические единицы с антонимичным значением, выражающие зрительное восприятие:

1) в крымскотатарском языке – козьден [къачырмакъ] (букв. сбежать с глаз) ‘упустить что-л. по невнимательности, не успеть увидеть’; талдада къалмакъ (букв. остаться в тени) ‘не бросаться в глаза, быть не видимым’; козю корьмез олмакъ (букв. быть не зрячим) ‘не замечать, игнорировать’ и др.;

2) в английском языке – to think little of smb. (букв. думать мало о ком-л.) ‘не придавать значение кому-л, чему-л., считать пустяком’; to slip smb.’s attention (ускользнуть от чьего-л. внимания) ‘не увидеть, не обратить внимание’; to have [got] a film over one’s [the] eyes (букв. иметь фотоплёнку вокруг глаз) ‘кто-л. плохо различает, не ясно видит что-л.’; to cast [throw] a mist before smb.’s eyes (букв. бросать, раскидывать туман перед глазами) ‘целенаправленно вводить кого-л. в заблуждение, показывая неправду’; to let smb. out of one’s sight (букв. позволить уйти кому-л. от своего взгляда кого-л.) ‘упускать кого-л., что-л. из виду, постоянно смотреть’ и др.

Кратковременность зрительного восприятия, обозначают фразеологизмы: 1) в крымскотатарском языке – козь къыйыгъындан бакъмакъ кимге, неге (букв. краем глаза смотреть) ‘видеть совсем недолго’; бир бакъкъанда (букв. с первого взгляда)

‘взглянуть быстро, в одно мгновение ока’; бир козьнен корьмек (букв. одним глазом увидеть) ‘быстро посмотреть, взглянуть’ и др.;

2) в английском языке – to catch a glimpse of smb. (букв. поймать чей-л. взгляд) ‘увидеть мельком кого-л.’; in a flash (букв. в спышке) ‘увидеть в один миг, сразу, моментально’; to see out of [with] the tail of one’s eye (букв. увидеть из-за края [краем] своего глаза) ‘увидеть украдкой’; like winking (букв. как моргнув) ‘1) увидеть моментально, в мгновение ока, в один миг’; to steal a glance [glimpse, look] at smb., smth. (букв. украсть взгляд на кого-л., что-л.) ‘украдкой бросить взгляд на кого-л., что-л., исподтишка посмотреть на кого-л. или что-л.’ и др.

Зрительное восприятие со стороны осмысления, выражается идиомами:

1) в крымскотатарском языке – козюнен корьгенине инанмамакъ (букв. не поверить увиденному своим глазом) ‘предельно удивляться увиденному’; козюни ачмакъ неге (букв. открыть глаз на что) ‘быть бдительным, осмотрительным’; артынаогюне бакъмакъ (букв. смотреть позади себя и спереди) ‘быть бдительным, внимательным, осмотрительным’ и др.;

2) в английском языке – to get [take] smb.’s measure (букв. получить, взять чей-л. размер) ‘1) присматриваться, приглядываться к кому-л., 2) распознать, раскусить кого-л. и др.

Фразеосемантическая группа “восприятие при помощи органов слуха” представлена следующими семантическими подгруппами:

Фразеологизмы, отражающие целенаправленное слуховое восприятие:

1) в крымскотатарском языке – озь агъызындан эшитмек (букв. услышать из уст кого-л.) ‘услышать из первых уст, от своего собеседника’; джан къулакънен [къулагъынен] (букв. с душой и ухом) ‘слушать внимательно, с интресом’; [эки] къулагъы онда [анда] кимнинъ, кимде, неде (букв. два уха там) ‘одновременно слушать кого-л., что-л. и смотреть’; къулакъ тикмек [къабартмакъ] кимге, неге (букв. шить [раздувать] уши к кому-л., чему-л.) ‘прислушиваться к кому-л., чему-л.’ и др.;

2) в английском языке – to keep one’s ears open (букв. держать свои уши открытыми) ‘быть настороже, начеку, быть настроенным слушать внимательно’; to tickle smb.’s ears (букв. ласкать чьи-л. уши) ‘ласкать слух, льстить кому-л.’; to strain one’s ears (букв. напрягать свои уши) ‘напрягать слух, стараться услышать что-л., кого-л.’; to fall on [upon] smb.’s [the] ear(s) (букв. упасть на чье-л. ухо (уши)) ‘услышать, привлечь чье-л. внимание’; to come to smb.’s ear(s) (букв. дойти до чьих-л. ушей) ‘услышать, стать известным кому-л.’; to be open to reason (букв. быть открытым к причине) ‘быть готовым выслушать разумные доводы’ и др.

Отсутствие слухового восприятия характеризуется следующими ФЕ:

1) в крымскотатарском языке – топ атсанъ, эшитмей ким (букв. ядро бросишь, никто не услышит) ‘совсем глухой, не восприимчивый (человек)’; сагъыр мелек (букв. глухой ангел) ‘человек, который плохо слышит’, дюнъя янса, гъамы ёкъ (букв. мир сгорит, не опечалится) ‘плохо слышащий человек’ и др.;

2) в английском языке – as deaf as an adder [a post, a stone] (букв. глухой как гадюка [столб, камень]) ‘совершенно глухой, не слышащий, этим. Библия. Psalms [VIII, 4]’ и др.

Слуховое восприятие со стороны осмысления, передаётся идиомами:

1) в крымскотатарском языке – озь кьулакъларына [инанмамакъ] ишанмамакъ (букв. своим ушам не верить) ‘не верить услышанному, тому, что произошло’; бир кьулагъындан кирип, экинджи ден чыкъмакъ (букв. вошедши в одно ухо, вышло из другого) ‘кто-л. невнимателен, не обращает внимание на то, что было сказано’; эшек кьавал динълеген киби (букв. слушать как ишак свирель) ‘сидеть и слушать ничего не понимая’; кьулакъ асмамакъ кимге (букв. не вешать ухо) ‘не реагировать на то, что говорится’ и др.;

2) в английском языке – to fall on deaf ears (букв. падать на глухие уши) ‘не находить отклика, не слушать, не воспринимать’; to close [shut, seal] one’s ears to smth. (букв. закрыть, [захлопнуть, запечатать]) свои уши к чему-л.) ‘не прислушиваться к чему-л., слушать не придавая значения’; to turn a deaf ear to smth. (букв. повернуть глухое ухо к чему-л.) ‘делать вид, что не слышишь, быть глухим к чему-л.’ и др.

Отдельную группу составляют фразеологизмы, характеризующие восприятие человека человеком. Восприятие человека человеком – это комплексный тип восприятия. В основе него лежит процесс психологического познания людьми друг друга в условиях непосредственного общения. Этот процесс включает в себя все уровни психического отражения, начиная от ощущения и заканчивая мышлением, и подчиняется общим закономерностям психического отражения. При восприятии нового для себя человека главное внимание субъект уделяет таким особенностям внешности, которые наиболее информативны в отношении психических свойств [6, с. 61].

Комплексный процесс “восприятие человека человеком” нашёл отражение в следующих фразеологических единицах:

1) в крымскотатарском языке – кыйыш козынен бакъмакъ кимге (букв. смотреть кривыми глазами на кого-либо) ‘относиться настороженно к кому-либо’; чуфутнынъ келини киби, артыны чевирмек [айланмакъ] ким, кимге (букв. повернуться [обернуться] спиной, как еврейская невестка) ‘целенаправленно избегать контакта с людьми’ [7, с. 2323]; кореджек козю олмамакъ кимнинъ (букв. не иметь видящего глаза) ‘не иметь желание видеть кого-либо, ненавидеть кого-л.’; чокъ туз-отмек ашамакъ кимнен (букв. съесть вместе с кем-л. много соли и хлеба) ‘быть долго в близких отношениях вместе, знать кого-л. очень хорошо’; эсамесини окъумамакъ кимнинъ, ненинъ (букв. не читать справку (ист. выдаваемую пехотинцу с указанием его имени и положенного ему жалования)) ‘не оказывать кому-л. должного уважения и внимания, не считать кого-л. человеком’; эвден чыкъмам, кимседен къоркъмам (букв. из дому не выйду, никого не боюсь) ‘человек не любящий часто общаться, встречаться с другими людьми’; козюне яхшы олып корюнмек кимге (букв. к чьему-л. глазу хорошо приглядеться) ‘заслужить чьё-л. уважение, любовь, надежду’ и др.

2) в английском языке – to give somebody the back (букв. давать кому-л. спину) ‘отвернуться от кого-л., игнорировать кого-л.’; to entertain an angel unawares (букв. развлекать ангела непредумышленно) ‘принимать человека, не зная о его высоком положении, больших заслугах или достоинствах, этим. Библия. Hebrews XIII, 2’; an angel of light (букв. ангел света) ‘дорогой, всеми любимый человек, этим. Библия. [Corinthians XI, 14]’; to lose castle (букв. потерять замок) ‘потерять своё положение в обществе, упасть в общественном мнении’; to gain a foot hold [footing] (букв. ступать

твёрдо) ‘занять твёрдое положение в обществе, утвердиться, укрепиться’; to sit at smb.’s feet (букв. сесть на на чью-л. ступню) ‘внимать чьим-л. словам, преклоняться перед кем-л.’; to rise in smb.’s estimation (букв. подниматься в чьём-л. мнении) ‘изменить свой социальный статус, положение, стать лучше’; doctor Fell (букв. доктор Фелл) ‘человек, вызывающий к себе невольную антипатию, сатирик Т. Браун 1663 – 1704, написал об увольнении его докторе Фелле’; to give [show] smb. the cold shoulder (букв. дать, [показать] кому-л. холодное плечо) ‘оказать холодный приём кому-л., проявить неприязнь, пренебрежение к кому-л., избегать кого-л.’ и др.

Выводы. Таким образом, в данном семантическом микрополе рассмотрено около 60 ФЕ в крымскотатарском и 66 ФЕ в английском языках, характеризующих восприятие и его виды.

Наиболее представительной группой, по количеству единиц является фразеосемантическая группа, характеризующая зрительное восприятие, насчитывающая в своем составе 29 ФЕ в кр.тат. яз и 38 ФЕ в англ. яз.

Самой многочисленной по количеству ФЕ, является фразеосемантическая подгруппа целенаправленного зрительного восприятия (17 ФЕ в кр.тат. яз. и 22 ФЕ в англ. яз.). Значительно меньшим количеством ФЕ представлены подгруппы характеризующие кратковременность зрительного восприятия (6 ФЕ в кр.тат. яз. и 7 ФЕ в англ. яз.), зрительное восприятие со стороны осмысления (3 ФЕ в кр.тат. яз. и 2 ФЕ в англ.яз.) и подгруппа фразеологических единиц с антонимичным значением, выражающая зрительное восприятие (3 ФЕ в кр.тат. яз. и 7 ФЕ в англ. яз.).

Семантическая группа “восприятие при помощи органов слуха” (14 в кр.тат. и 6 ФЕ в англ. яз.) представлена следующими фразеосемантическими подгруппами: слуховое восприятие (4 ФЕ в кр.тат. яз. и 9 ФЕ в англ. яз.), отсутствие слухового восприятия (4 ФЕ в кр.тат. яз. и 2 ФЕ в англ. яз.), слуховое восприятие со стороны осмысления (6 ФЕ в кр.тат. яз. и 4 ФЕ в англ. яз.).

Отдельно стоит выделить семантическую группу “восприятие человека человеком”, которая насчитывает в своём составе 12 ФЕ в кр.тат. яз. и 14 ФЕ в англ. яз.

Из полученных данных видно, что большинство крымскотатарских и английских фразеологических единиц содержится в подгруппах, относящихся к зрительному восприятию. Это обусловлено тем, что большую часть информации о внешнем мире человек получает при помощи зрительного восприятия.

В семантико-грамматическом отношении, значительная часть рассмотренных ФЕ крымскотатарского и английского языков относится к глагольным единицам и посторена по семантической модели “кто-л. видит, слышит и воспринимает кого-либо, что-либо”.

Перспективы дальнейших исследований. Полученные результаты идеографического анализа фразеологии когнитивной деятельности человека крымскотатарского и английского языков представляют несомненный интерес для когнитивной лингвистики, этнопсихолингвистики и лексикографии, в плане составления специальных тематических и переводных фразеологических словарей.

Список литературы

1. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии (антропоцентрический и аксиологический аспекты): автореф. дисс. на соискание научн. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20

- “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание” / Г. А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – 35 с.
2. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / НАН України, Ін-т української мови. / Ю. Ф. Прадід. – К.; Сімферополь, 1997. – 252 с. – Бібліогр.: с. 230 – 250.
 3. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / Эмирова А. М. – Ташкент: ФАН, 1988. – 86 с.
 4. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц / [авт.-сост. Кунин А. В.]. – 6-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 2005. – 944 с.
 5. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / [авт.-сост. Эмирова А. М.]. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.
 6. Современный психологический словарь / [ред. Б. Г. Мещерякова и др.]. – СПб.: Прайм-Евро-Знак, 2007. – 490 с.
 7. Фразеологический словарь крымскотатарского языка У. Курчки [Рукопись], (архив Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского).

Джелілов А. А. Фразеосемантичне мікрополе “сприйняття” в кримськотатарській та англійській мовах / А. А. Джелілов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 93-98.

У статті розглядаються фразеологічні одиниці, що характеризують процес сприйняття в кримськотатарській та англійській мовах. Приводиться класифікація фразеологізмів відповідно до видів сприйняття.

Ключові слова: сприйняття, фразеологія когнітивної діяльності людини, фразеосемантичні групи, що характеризують зорове та слухове сприйняття, сприйняття людини людиною.

Dzhelilov A. A. Semantic microfield of phraseological units denoting perception process in the Crimean Tatar and English languages / A. A. Dzhelilov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 93-98.

The article deals with phraseological units, characterizing perception process in the Crimean Tatar and English languages. It shows the classification of phraseological units according to the types of perception activity.

Key words: perception, phraseology of person's cognitive processes, semantic groups of phraseological units describing visual and auditory perception, interpersonal perception.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 81'367.7=811.512.19

ОБРАЩЕНИЕ: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Селендили Л. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье рассматриваются семантические, структурные и функциональные особенности крымскотатарского обращения. Приводятся типы предложений, для построения которых используются обращения. Рассматриваются обращения-субъекты, обращения-вокативные предложения, обращения в междометной функции.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, синтаксис, обращение, функции, структура, семантика.

Постановка проблемы. Описание каждого элемента языка задается его СИНТАКСИСОМ и СЕМАНТИКОЙ. Синтаксические определения устанавливают правила построения элементов языка. Семантика определяет смысл и правила использования тех элементов языка, для которых были даны синтаксические определения [1]. Рассматривая конструкты крымскотатарского предложения, мы обращаем внимание на блоки, участвующие в построении предложения, синтаксическая роль, структура и значение которых до сих пор на материале крымскотатарского языка не изучены. К таким можно отнести обращения, вводные конструкции, приложения и т.д. Не секрет, что синтаксические функции указанных конструктов на примере многих языков до сих пор не регламентированы. Ученые не пришли к единому мнению о том, считать или не считать их членами предложения, отдельными предложениями или самостоятельной частью внутри предложения. Однако никто из них не отрицает факта их участия в построении предложения, их определенной позиции, функции и коммуникативной предназначенности. Это дает нам право рассматривать их конструктами – строительным материалом предложения.

Анализ последних исследований по проблематике работы Обращения неоднократно являлись объектом различных научных исследований. Так, В.Е. Гольдин рассмотрел теоретические проблемы обращения [2].

При сопоставительном описании роли обращения в английском и татарском языках О.В. Ромазанова обращает внимание на синтаксический статус обращения, его функциональную структуру; приводит параметры и ситуации речевого общения, обуславливающие выбор обращений; классифицирует обращения исходя из грамматико-семантических особенностей в коммуникативно-прагматическом аспекте; характеризует функции и способы обращений в различных ситуациях речевого общения [5]. А.С. Сафаев, изучая семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке, выделяет грамматически лексикализированный комплекс слов, который выступает в функции обращения [6]. Б.И. Ихлясова в работе «Структурно-семантическая и функциональная характеристика обращений в кумыкском языке»

характеризует типы номинаций в позиции обращения, типы обращений по структуре, нераспространенные экспрессивные обращения, выраженные именем существительным, нераспространенные обращения, выраженные субстантивированными прилагательными, местоимениями, особенности нераспространенных обращений в позиции обособленного употребления, распространенные обращения в конкретных синтаксических позициях [7].

В славистике синтаксический статус обращения определялся как обращение, «звательное слово», самостоятельное предложение, вокативное предложение. В тюркологии этот вопрос изучен поверхностно. А.Р. Сайфуллаев отмечает, что «языковеды называют вводный член и обращение сопутствующими членами, особыми членами, второстепенными членами, модальными членами, дополнительными членами, обособленными членами, учитывая их грамматические признаки, семантические особенности» [8, с.4] и рассматривает обращение третьестепенным членом предложения в строе узбекского простого предложения [9, с. 63-78].

А.М. Пешковский, Н.Ю. Шведова, О.Б. Сиротинина считают, что обращение не входит в состав предложения, однако в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «состав» определяется как «совокупность людей, предметов, образующих какое-н. целое», а предложение – это целостная конструкция, представляющая собой грамматически организованную совокупность слов, обладающая смысловой или интонационной законченностью, которая пунктуационно оформляется точкой, восклицательным или вопросительным знаками. «Каждое слово, входящее в состав предложения, обозначает часть мысли, выраженной предложением, и тем или иным способом соединяется с другими словами в предложении» [10, с. 316]. Значит, все слова, входящие в эту совокупность, представляют его состав.

И.Р. Выхованец считает создание парадигмы важным условием системного описания особенностей простого предложения. Описывая понятие парадигмы украинского предложения, он отмечает, что парадигма предложения – это система его форм, соответствующая системе форм слова, а парадигматический ряд предложения ограничен вариациями структурной схемы предложения при полном сохранении особенностей его формально-синтаксической организации, в частности, количества членов предложения. «Варіації ґрунтуються на морфологічних категоріях окремих компонентів, утворюючи відповідні парадигматичні ряди речення [11, с. 158-159].

Значит, видовременная парадигма простого предложения, которая представляет морфологическую категорию времени глагола, независимо от того, в форме какого наклонения использован глагол, сохраняет количество всех его членов. Например:

1. Айше мектюп яза. «Айше пишет письмо.»
2. Айше мектюп язды. «Айше написала письмо.» ...
3. Айше, мектюп яз. «Айше, напиши письмо.»

Количество членов предложения не изменилось: субъект «Айше», предикат – формы глагола «язмакъ», объект «мектюп», но реальное действие заменилось требуемым. Внутри третьего предложения появилась пауза, обозначенная запятой, образованная звательной интонацией с призывом к действию, что обычно сопровождается приказом, просьбой, желанием, призыв, извинение и характерно для предложений с конструктом-обращением и речевыми формулами, его сопровождающими. Однако

эта пауза никоим образом не влияет качество членов пропозиций одного и того же парадигматического ряда.

Кроме того, И.Х. Ахматов при описании формальных моделей простого предложения в карачаево-балкарском языке указывает на наличие моделей, построенных на связи субъекта и его действия, выраженного личной формой глагола в повелительном залоге [12, с. 26-27]. Наши наблюдения показывают, что обращение всегда связано с действием, выраженным личной формой глагола в повелительном залоге, в повелительном наклонении.

Таким образом, конструктор-обращение выполняет функцию субъекта действия, потому что «субъект в тюркологических исследованиях обычно рассматривается как предмет, о котором идет речь в предложении, или как агент (действитель), и является в предложении подлежащим [13, с. 12]. Из примера видно, что в коммуникативном плане отправной точкой порядка действий будет предложение (3) с предикатом в повелительном наклонении, а потом сведения об исполнении приказа в настоящем (1) или прошедшем времени (2) в основном залоге. Кто явился исполнителем приказа? Тот, кому приказано, т.е. действитель один, время и специфика действия - разные.

Придание обращению синтаксического статуса субъекта легализует не только структуру вопросительных и восклицательных предложений, содержащих речевые формулы, выражающих приказ, просьбу, желание, призыв, извинение, упрек, сожаление, укор, негодование, но и повествовательных номинативных предложений, повествовательных инфинитивных предложений со скрытым субъектом, выраженным аффиксом лица глагола в повелительном залоге, но и подтверждает назначение категории глагольного наклонения, которая тесно связывает грамматическое время и грамматическое лицо (производителя), выражая, таким образом, отношение предмета к действительности, [14, с.242].

Мы считаем, что обращение – это субъект действительности, выраженный именем существительным в именительном падеже, а пунктуационные знаки, используемые при нем, указывают на интонацию как средство связи и интонацию как фактор завершенности предложения. Таким образом, обращение может выступать главным членом односоставного и двусоставного предложений.

Исходя из семантической классификации крымскотатарских имен существительных, представленной А. Меметовым [15, с. 21-149], в зависимости от коммуникативных потребностей адресанта адресат, субъект обращения, может быть представлен различными названиями предметов номинации живой и неживой природы.

Чаще всего обращение представлено:

- терминами родства:

-Шерьян мектептен кельген сонъ, бабасы сорай:

-Сонъ, огълум, бугунъ дерслерден насыл баалар алдынъ?

-Ташласа, баба, акъикъый эр адамлар бойле уфакъ-тюфек шейлер акъкъында лаф этип отурырлармы?! (Л.)

- антропонимами (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним): Невбет сизге, Сергей Николаевич (Пер. У.Э.);

- профессионализмами (коммуникабельных сфер) Аньладынъызмы, Абдурешид оджа? — деп къайтарып сорады къыз ве азачыкъ

кулюмсиреди. (при обращении к учителям к имени собственному присоединяется формула «оджа», которая не зависит от пола учителя: Фикрет оджа, Эмине оджа, но не «оджапче») (Ш.А.Ч.); Ёкъ, дохтур эфенди, ич бир ерим агъырмай (А.О.У) (в крымскотатарском языке при уважительном обращении к какому-либо лицу используются слова ханым – госпожа, бей – господин (к ровеснику), эфенди – господин (к старшему по возрасту)).

Иногда обращение не является субъектом, а выполняет сугубо междометную функцию и используются в предложении для выражения радости, удивления, возмущения, раздражения, злости, боли, отвращения, недоумения и др. чувств: Эй, Аллайым! - деди козылюкли адам юмшакъ даууш иле. - Шамиль эфенди! Сизмисинъиз? (Ш.А.ИЗД)

Согласно мнению А.А. Шахматова и Л.В. Щербы, обращение, приобретая значение времени и значение направленности к адресату, может выступать в роли вокативного предложения [16, с.86; 17, с. 77-100.]. На наш взгляд, к вокативным можно отнести все предложения, содержащие речевые формулы: Айшечик беш яшында олса да, къартанасындан дюнъя къадар шей огренди: ятса — геджелер хайыр, турса — сабалар хайыр; софрагъа отурса — бисмилля, софрадан турса — кисенъызге бинъ берекет; мусафир кельсе — хош кельдинъыз, эвге буюрынъыз, кетселер — огъурлы ёллар олсун, кене келинъыз, тиземе, алама, эмджеме, дайыма селям денъыз... (Ю. Б.)

В зависимости от функции обращение может располагаться в начале, середине и конце предложения. С целью усиления побудительного эффекта при обращении может использоваться междометие-частица, само обращение может неоднократно повторяться: Айше татай, Айше татай... (У. И.).

Обращение может представлять собой лексикализированный комплекс, обозначающий субъект, для выражения которого задействованы третьерядные члены:

Сёзюмден инджинен дильбер,

Кюсьме, гелъ тевбелер олсун...

Сарылалым гъондже гулюм,

Кусьме, гелъ тевбелер олсун. (А.У.)

Предложения, для построения которых используется обращение, могут быть:

- **декларативными:**

Истерим, раббим, мени инсангъа мухтадж эйлеме,

Олур-олмаз алчакъларгъа мени мухтадж эйлеме. (А.У.)

- **собственно вопросительными:** Сиз, Владимир Петрович, бизни бир де бир шейнен эглендирип оламазсынъызмы? (Пер. У.Э.)
- **вопросительно-утвердительными:** Княгиня Засекина мен олам, сиз дженап В-нинъ огълу олсанъыз керек, ойлеми? (Пер. У.Э.)
- **вопросительно-отрицательными** (предложения такого типа могут содержать риторический вопрос): Йигит, эй йигит,— янымда кимнинъдир сеси эшитильди,— таныш олмагъан къызгъа ойле сукъланып бакъмакъ олурмы? (Пер. У.Э.)

- **побудительными:** – Айда, балам, айда! обращение с призывом интенсификации действия) (А.О.У)
- **восклицательными:** Мектепке кетмек ичюн аякъъапларымны киймеге ниетленгенде, тыштан: — Саабэ апте! Э — Саабэ апте! — деген сес эшитилди. (в крымскотатарском языке для усиления и конкретизации обращения иногда в препозиции нередко используют частицу-междометие «э», усеченную от «эй») (Ш.А.Ч.).

Обращения могут репрезентировать односоставные предложения следующих типов:

- **определённо-личное инфинитивное предложение** — простое односоставное предложение без подлежащего с глаголом-сказуемым, который своими личными окончаниями указывает, что действие, названное адресантом, должно быть выполнено определённым адресатом 2-го или 3-го лица. Текстобразующая функция обращения предыдущего предложения контекстуально связывается с формой глагола 2-го или 3-го лица повелительного наклонения. В связи с тем, что в крымскотатарском предложении предикат-глагол может содержать косвенную информацию о субъекте действия, можно отметить это явление, как факт опущения в предложении субъекта-обращения, выраженного личным местоимением, например: ср. Айт, кирсин. – Сен айт, о кирсин (Пер. У.Э.); А-а, тюштюньми, достум! — дедим. — Токъта! Энди сен менден къачып къуртуламазсынъ!(М.)
- **номинативное предложение** - Анам! Бакъынъыз, тюшюме копек бала-сы кельген, - деди (Р.М.) (в вокативных предложениях такого рода восклицание используется с целью привлечения внимания) .
- Помимо синтаксической функции обращение выполняет:
- **изобразительную функцию**, реализуется через номинацию героев стихотворений, использование номинации для формирования художественного образа лирических героев:

Зоре. Тез кетесинъ Умер агъа, Къалгъай эдинъ бир кунъ даа.

Умер. «Ятсыгъадже къошта ол», Деди шорбаджы манъа. Не япмалы... Сагълыкънен къалынъ, Корюширмиз биз даа...

Л е й л я. Сагълыкънен бар, Яйлялар йырджысы!

З е й н е п. Огъурлар олсун, Къобалар сырджысы!

Зоре. Агъама селям айт, Геджелер ёлджусы! (Ю. Б. А.КЪ.);

- **выразительную функцию**, которая реализуется через индивидуальные эстетические образы:

Эй гонъуль, зар сёзинъ олса, бир бильген достынъдан сор,

Корюшмеге зар олгъан бир кедерли адамдан сор (А.У.);

- **этическую функцию**, которая реализуется через выражение нравственной позиции автора и его героев:
- Сёйледигим будыр, эфендим, санъа,
- Ашкъына тюшкен сонъ, алым ямандыр (А.У.);

- **стилистическую функцию**, которая реализуется через использование обращения как средства диалогизации стихотворного общения с героями стихотворения и читателем:

Эй Умер, меджнун Умер, асрет Умер, ашыкъ Умер,
Бу джианда кимсеге ич зарарсыз Ашыкъ Умер (А.У.);

- **текстообразующую функцию**, которая реализуется через использование различных форм обращений в структуре текста: Кель! Кунеш олып догъ дунья узерине, эй дживан! – действие скрытого субъекта обращения в 1-ом лице первого предложения связано с действием, акцентированным во втором предложении, постпозицией субъекта обращения, который должен выполнить это действие.

Выводы и перспектива: Таким образом, необходимо отметить, что обращение, как конструктор предложения, может быть представлено любым предметом номинации живой и неживой природы в именительном падеже. Семантический критерий использования обращения ограничивается коммуникативной целью адресанта по направлению к адресату. Структура обращения может быть простой и сложной. Простая структура характеризуется наличием одного слова, представляющего обращение, сложная – повторами обращений в одном предложении с/без частиц-междометий, простыми словосочетаниями и обращениями-лексикализированными комплексами, в составе которых выделяются третьерядные члены предложения. Обращение входит в состав предложения и выполняет в нем функцию подлежащего, а в предложениях с прямой или косвенной речью – функцию дополнения. Обращение может выполнять междометную функцию (характеризовать особенности проявления чувств), не выполнять номинативную функцию и не указывать на направленность к адресату. Предложения с обращением могут быть: декларативными, собственно вопросительными, вопросительно-утвердительными, вопросительно-отрицательными, побудительными, восклицательными. Обращения могут быть скрытыми за формами глагола повелительного наклонения 2-го, 3-го лица. Обращения могут репрезентировать односоставные предложения следующих типов: определённо-личное инфинитивное предложение и номинативное предложение. Помимо синтаксической функции обращение выполняет: изобразительную, выразительную, этическую, стилистическую и текстообразующую функции. Незнание многих аспектов построения крымскотатарского предложения, семантики и функционирования его конструкторов свидетельствует о перспективности исследований в выбранном направлении.

Список литературы

1. Сергеев, А.Н. Изучаем Паскаль. Учебное пособие. Версия 1.1. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет Кафедра алгебры, геометрии и информатики [Электронный ресурс] [Turbo Pascal 7.0. Электронный учебник для студентов и школьников].- Режим доступа: <http://fizmat.vspu.ru/books/pascal/syntax.html#3>
2. Гольдин В.Е. К проблеме обращения как лексической категории / В.Е. Гольдин // Язык и общество. Межвуз. науч. сборник. Вып. 4-Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1977. - С 19-31.
3. Гольдин, В.Е. Этикет и речь / В.Е. Гольдин - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. - 112 с.

4. Гольдин, В.Е. Обращение: теоретические проблемы / В.Е. Гольдин - Саратов: Изв-во Саратовского ун-та, 1987. - 128 с.
5. Ромазанова, О.В. Коммуникативно-прагматические аспекты обращения в разнотурных языках: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 / Ольга Владимировна Ромазанова.- Казань, 2007— 18 с.
6. Сафаев, А.С. Семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке.- Ташкент: «ФАН» Узбекской ССР, 1977.- 142с.
7. Ихлясова, Б.И. Структурно-семантическая и функциональная характеристика обращений в кумыкском языке: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.02 "Языки народов Российской Федерации (кумыкский язык)" / Бриллианта Имамудиновна Ихлясова.- Махачкала, Дагестан. гос. ун-т], 2008— 20 с.
8. Сайфуллаев, А.Р. Третьестепенные члены в строе узбекского предложения: автореф. дис. на соискание ученой степени доктора. филол. наук : спец. 10.02.02 "Языки народов СССР (узбекский язык)" / Абдурауф Раджабович Сайфуллаев.- Ташкент, 1974— 81 с.
9. Там же
10. Там же
11. Вихованець, І. Р. Граматика української мови. Синтаксис: Підручник.- К.: Либідь, 1993.- 368с.- ISBN 5-325-00174-4.
12. Ахматов, И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке: автореф. дис. на соискание ученой степени доктора. филол. наук : спец. 10.02.06 "Тюркские языки" / Ибрагим Хашимович Ахматов.- М., 1980— 37 с.
13. Там же.
14. Меметов, А. Земаневий кырымтатар тили.- Симферополь: Кырым девлет окъув педагогика нешрияты, 2006.- 320с.- Кырымтатар тилинде. –ISBN 966-354-025-7.
15. Меметов, А.М. Лексикология крымскотатарского языка. Учебное пособие.- Симферополь: Крымучпедгиз, 2000.- 288с.- ISBN 966-7283-62-03
16. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. - 2-е изд / А.А. Шахматов. - Д.: Учпедгиз, 1941. - 620 с
17. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность.-Л.: Наука, 1974.

Сокращения:

- (Л.) – Лятифелерден // Alemi-medeniye [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://medeniye.org/taxonomy/term/147>
- (Пер. У.Э.) - Тургенев И.С. Биринджи севги [Роман]; Арфе [Повесть]/ [Рус тилинден У. Эдемюванынъ терджимеси].- Т.: Эдебият ве санъат нешрияты, 1988.
- (Ш.А.Ч.) - Алядин, Ш. Чорачыкълар // Alemi-medeniye [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://medeniye.org/taxonomy/term/148>
- (Ш. А. ИЗД) - Алядин, Ш. Иблисининъ зияфетине давет // Alemi-medeniye [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://medeniye.org/taxonomy/term/147>
- (А.О.У) – Одабаш, А. Унутмайджакъ // Alemi-medeniye [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://medeniye.org/taxonomy/term/148>
- (Р.М.) - Муедин, Р. Мукъкъадеме // Alemi-medeniye [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://medeniye.org/taxonomy/term/147>
- (У. И.) - Ипчи, У.// Alemi-medeniye [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://medeniye.org/taxonomy/term/147>
- (А.У.) - Ашыкъ Умер. Биринджи китап.- Ташкент: Гъафур Гъулам.нешрияты, 1988.
- (Ю. Б. А.КЪ.) - Болат Ю. Арз ы кызы// Alemi-medeniye [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://medeniye.org/taxonomy/term/147>
- М – Распэ, Э. Мюнхаузеннинъ башына келип кечкен аллар / Русчадан терджиме эткен: ФЕВЗИЙ АБЛЯЙ.- "Відродження" Халкъара Фонду ярдымында нешир

этильди. - И. Гаспринский адына Джумхуриет кырымтатар Китапханеси.- «Бильги чокърагъы» сериясы.- Симферополь: Доля, 2002.

Селенділі Л. С. Звернення: семантика, структура та функції в кримськотатарській пропозиції / Л. С. Селенділі // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 99-106.

У статті розглядаються семантичні, структурні та функціональні особливості кримськотатарського звернення. Наводяться типи пропозицій, для побудови яких використовуються звернення. Розглядаються звернення-суб'єкти, звернення-вокативні пропозиції, звернення, які мають вигуківі функції.

Ключові слова: кримськотатарська мова, синтаксис, звернення, функції, структура, семантика.

Selendili L. S. Salutation: semantics, structure and function in the Crimean sentence / L. S/ Selendili // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 99-106.

The article deals with the semantic, structural and functional features of Crimean-treatment. The types of proposals, which are used to build circulation. Considered treatment-subjects, the treatment-vocative sentence, references in interjection function.

Keywords: Crimean Tatar language, syntax, salutation, function, structure and semantics.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г

УДК 81'276.45=512.161

АРГОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Миниахметова Э. Х.

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова,
E-mail: Melvira@ukr.net

В статье представлены вопросы употребления арготической лексики в литературном турецком языке и в разговорной речи. Изложены способы образования аргю, показаны возможности его классификации по группам и лингвистическим признакам. Описывается некое сходство турецких фразеологизмов и аргю, а именно, что многие фразеологизмы в определенных значениях являются аргю.

Ключевые слова: турецкий язык, аргю, арготизм.

Как и в каждом языке в турецком языке тоже существует аргю. Аргю, как социальная разновидность речи, практически не разъяснена в существующих учебниках и учебных пособиях. Лица, изучающие турецкий язык, определяя значение того или иного слова по словарю, могут узнать об их принадлежности к аргю по условному обозначению *argo*. Недостаточная изученность арготизмов, а также их подвижность в языке – миграция из одной лексической группы в другую – отражается в непоследовательности их толкования составителями словарей, издаваемых в Турции. Существующие исследования аргю турецкими авторами не переведены на иностранные языки, в том числе на русский. Глубокое изучение и освоение турецкого языка требуют знания аргю и его особенностей, умения классифицировать их.

Аргю (*франц.* argot – замкнутый, недеятельный) – это диалект (речь) определенной социальной или профессиональной группы (первоначально – речь воров, бродяг и т. д.), объединенной общими интересами, создаваемый с целью языкового обособления. Изначально это был засекреченный, искусственный язык преступного мира, известный лишь посвященным и бытующий. Другими словами это вариант разговорной речи, не совпадающий с нормой литературного турецкого языка. Отдельные арготизмы получают распространение за пределами аргю, но при этом они практически переходят в разряд просторечной лексики и в словарях даются с соответствующими стилистическими пометками: *argo, kaba, halk dili*. Содержит много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных.

Чтобы слово превратилось в аргю, необходимо, чтобы оно кроме повседневного значения имело и еще одно значение, известное ограниченному количеству людей. Так слово *«inek»* имеет основное значение «корова». Кроме этого в повседневной речи используется в оскорбительном значении «дурень, тупица, пентюх». Эти оба значения общеизвестны. Поэтому и второе значение не является аргю. А в значении *«eşcinsel erkek»* знает ограниченное число людей. Поэтому турки в данном значении

слово «*inek*» относят к аргю. Это же слово в школьном аргю имеет значение «зубрила».

İnek: 1. Eşcinsel erkek, ibne. 2. Ödevleri ezberleyip öğrenen okul öğrencisi. [2, 28] – 1. Гомосексуалист. 2. Зубрила.

Некоторые сочетания слов имеются как и в словарях аргю, так и в словарях фразеологизмов, причем там и тут имеют одно и то же значение. Так ниже приведены примеры словосочетаний, взятых в словаре аргю (первый пример) и в словаре фразеологизмов (второй пример):

Zokayı yutmak: Aldatılmak. [2, 220] – Быть обманутым, надутым, околпаченным (с большим ущербом).

Zokayı yutmak: Aldatılmak. [5, 111] – Быть обманутым, надутым, околпаченным (с большим ущербом).

Adamcağız zokayı yutuverdi. [2, 220] – Несчастный мужчина был легко обманут.

Zula etmek: Çalmak. [2, 220] – Украсть.

Zula etmek: Çalmak. [5, 111] – Украсть.

Dün lokantada tuzlukları zula ederlerken yakalandılar. [2, 220] – Вчера они были задержаны в столовой при попытке похищения солонок.

Данные примеры показывают, что многие фразеологизмы в определенных значениях являются аргю.

Аргю не искусственный язык типа эсперанто, и не закодированный язык, который используется спецслужбами. По сути аргю это засекреченный, условный, иносказательный язык. Чтобы понять аргю недостаточно знать турецкий язык в целом, ибо он создан искусственно, чтобы не поняли другие. Причем он появился не по решению каких-либо лиц или органов, а стихийно в процессе повседневного употребления определенной группой лиц отдельных слов в ином значении. Аргю не используется повсеместно всем населением страны. Оно постоянно меняется, обновляется. Аргю считается вульгарным языком, в сущности, таковым и является. Поэтому аргю используется не везде. Оно используется в устной речи. В официальной переписке аргю практически не встретите.

Каждое аргю, используемое в настоящее время, имеет историю своего возникновения. Изначально вклад в возникновение аргю внесли невежественные люди, хулиганы, картежники, мошенники, шарлатаны, бандиты. История появления некоторых из них:

Аргю «*alyon*» имеет значение «*zengin* – богач». В период правления османского падишаха Абдулмеджита в Бейоглу жил богач по имени Antoine Alion. Его именем начали называть богатых людей.

Alyon: Zengin, paralı. [2, 31] – Богач.

Образование аргю.

В отношении образования аргю можно выделить следующие моменты:

а) Часть слов, используемых в повседневной жизни, время от времени принимают иное значение и включаются в состав аргю. Однако эти слова сохраняют свое первичное значение и в этом значении продолжают применяться и в

повседневной речи. Так слово «*bıldırın*» имеет значение «перепел», а как арго имеет значение «*etine dolgun, ufak tefek kadın – пышка (о женщине)*». [2, 33]

б) Не только исконно турецкие слова, но и слова иностранного происхождения могут превратиться в арго:

- Некоторые заимствованные из иностранных языков слова не меняя своего значения в турецком языке превратились в арго. Например, в греческом языке слово «*malama*» имеет значение «*altın – золото*». В турецком языке это же слово используется как арго в значении «золотая лира», то есть данное слово сохраняется в обоих языках.

Malama: Altın. [2, 33] – Золото.

- А часть заимствованных слов, меняя свое значение, в турецком языке превращаются в арго. Так французское слово «*balkon*» в турецком языке, изменив свое первоначальное значение, превратилось в арго «*kadın göğüsleri – женский бюст*».

Balkon: Kadın göğüsleri. [2, 34] – Женский бюст.

- Также имеются заимствованные слова, из которых в турецком языке образуются новые слова, являющиеся арго. Так слово «*mort*» в французском языке имеет значение «мертвец». В турецком языке из этого слова образуется арго «**mortlamak:** Ölmek. [2, 34] – Сдохнуть, отдать концы, протянуть ноги, скопытиться».

в) Имена собственные могут стать арго. Так название восьмого месяца лунного календаря «*Şaban*» в качестве арго имеет значение «чокнутый, придурковатый».

Şaban: Aptal, saf, budala. [2, 35] – Чокнутый, придурковатый.

г) Некоторые имена приобретают второе значение из-за своего сходства с другим предметом. Причем это сходство может быть конкретным и абстрактным. Появлению арго способствуют физическое, биологическое, химическое, социальное, функциональное и иное сходство. Например, слово «*pekmez*» обозначает «вываренный до густоты меда виноградный сок». Из-за того что этот сок по цвету напоминает кровь, слово «*pekmez*» в качестве арго означает «*kan* [2, 35] – кровь».

д) Образование остроумной шутки или меткого выражения также приводит к появлению арго. Так фразеологизм «*ımtam kayığına binmek*» означает «*ölmek, tabuta girmek*». Слово «*kayık*» в данном фразеологизме приобретает значение «*tabut*» [2, 36] – гроб и превращается в арго.

е) Арго может быть образовано путем замены абстрактных имен конкретными именами и наоборот. Так арго «*fırça yemek – съесть щетку*» означает «*azar işitmek* [2, 36] – выслушать упрек; получить нагоняй».

ж) Образование арго также осуществляется путем метафоризации, то есть путем переноса названия или свойства с одного предмета на другой на основании какого-либо сходства их признаков. Слово «*pergeller – циркули*» как арго имеет значение «*bacaklar* [2, 36] – ноги».

з) Арго также образуется путем замены его значения антонимом. Слово «*okşamak – поглаживать*» в качестве арго имеет значение «*dövme [2, 36] – побить, отлупить*».

и) Арго образуется путем замены прямого значения слова его переносным значением, синонимом. Слово «*temizlemek – чистить*» в качестве арго означает «*öldürmek* [2, 36] – *прикончить, ликвидировать, уничтожить*».

İntihar etmeden önce de yargısı temizleyecekti. [4, 2186] – *Перед тем как покончить собой, он собирался ликвидировать судью.*

Арго также образуется с помощью различных аффиксов, путем редупликации имен, путем придания слову нового значения и т. п.

Классификация арго.

Возможна определенная классификация арго. Можно выделить следующие группы арго:

а) арго преступного мира:

- арго воров и мошенников:

Açmaz etmek: Hile etmek, oyunda karşısındakini aldatmak. [2, 107] – Охмурять, одурачить, надуть. (букв. делать махинацию)

Kül yutturmak: Aldatmak. [2, 128] – Обмануть. (букв. заставить проглотить пепел)

Açmaz etme ulan, bana kül yutturamazsın doğru konuş! [2, 107] – *Эй, ты, не пытайся охмурить, ты меня не сможешь обмануть, говори правду!*

- арго распространителей наркотиков и наркоманов:

Nefesleşmek: Esrar içmek. [2, 211] – Курить гашиш.

Cura: Sigaranın son yudumu. En ziyade esrarkeşler kullanırlar. [1, 160] – Последняя затяжка сигаретой. (букв. джура – струнный музыкальный инструмент).

- арго хулиганов:

Mikrop: Polis, jandarma. [2, 210] – Полиция, жандармерия.

- арго проституток и гуляк:

Aftos: Metres, mantinota. [2, 107] – Хахаль, любовница, содержанка.

- арго любителей азартных игр:

Sabunlanmak: Kumarda bütün paralarını kaybetmek. [2, 214] – Продуться в карты.

- арго нищих и попрошаек:

Diragon: Parasız, züğürt, koruk. [2, 115] – Босьяк, оборванец, бродяга; безденежный, бедный.

Aval: Enayî, aptal. [1, 77] – Придурок, чокнутый.

Bırak şunu be sen de, tanımaz mısın avalu, diragonun biridir o be! [2, 115] – *Оставь же ты его, разве не узнаешь этого чокнутого, он один из оборванцев!*

Люди, принадлежащие к последним двум группам, могут и не принадлежать к преступному миру.

б) арго относительно замкнутых групп:

- тюремное арго:

Bilezik: Kelepçe. [4, 294] – Наручники.

Seninkine gene dün bilezikleri takmışlardı. [1, 111] – *На твоего вчера опять надели наручники.*

Zula: Bir şey gizlenen yer. [3, 3334] – Место, куда заключенные прячут запрещенные вещи.

- казарменное арго:

Astek: Asteymen. [2, 42] – Младший лейтенант.

Hemşo: Hemşehri. [2, 42] – Земляк.

- арго моряков и матросов:

Palamarı koparmak (çözmek): Ayrılmak, kaçmak, sıvışmak. [2, 186] – Смыться, оторваться.

Bir kere palamarı çözmeye muvaffak olsa, bir yere kapağı atmanın çaresini bulabilirdi. [4, 1754]

- арго учащихся:

Torpillemek: Sınıfta kalmak. [2, 218] – Остаться на второй год в учебном заведении.

в) арго ремесленников:

İmşa olmak: Kârda ortak olmak. [2, 123] – Быть партнером в доходах.

г) арго работников торговли:

Avanta: Menfaat, kâr, hisse, pay. [2, 109] – Доход, барыш.

д) арго водителей:

Ördek: Yolcu. [2, 43] – Путник, которого шофер подбирает по дороге; левак.

е) арго увеселительных мест:

Sıvırya: Ağzına kadar dolu. [2, 215] – Переполненный, битком, «под завязку».

Kadehimi sıvırya doldurdular. [2, 215] – В мою рюмку налили **до краев**.

ж) арго спортсменов:

Doksana asmak: Topu direğin hemen yanından kaleye sokmak. [2, 43] – Забивать гол под штангу.

На этом классификация арго не ограничивается. Более детальные исследования позволят выявить арго этнических групп; арго эмигрантов и переселенцев; арго религиозных групп и сект; арго лиц, принадлежащих к определенным политическим группировкам; арго работников средств массовой информации и т. п.

Система арго. Кроме упомянутых групп арго, можно рассмотреть и ряд других, исходя из их собственно лингвистических признаков: арго однозначные и многозначные, синонимичные и антонимичные.

а) Синонимия арго:

Некоторые арго близки по значению и используются для выражения одного и того же чувства, для пояснения одного и того же события, факта, явления и т. п.

Kaldırmak: Bir şeyi, bir malı sahibi görmeden sepetten, tezgâhtan aşırnak. [1, 499] – Спереть, стащить, уволочь. (букв. поднимать)

Omuzlamak: Habersizce alıp götürmek, aşırnak. [2, 211] – Стащить, украсть, свистнуть.

Как видите, перечисленные арго, являющиеся синонимами, различны по звучанию, но тождественны и близки по значению.

б) Антонимия арго:

Антонимические отношения в арго развиты меньше, чем синонимические.

Tırlı: Parasız, züğürt, koruk. [2, 143] – Безденежный, бедный, нуждающийся.

Yağlı: Paralı, zengin kimse. [2, 219] – Богатый, денежный.

в) Однозначность и многозначность арго:

Большинство арго характеризуется однозначностью. Они имеют лишь одно значение, их семантическая структура достаточно монолитна, неразложима.

Nağme уармак: Mırın kırın etmek, nazlanmak, numara уармак. [2, 131] – Заговаривать зубы.

Nağme уарта да şu işi bitirelim! [2, 131] – *Не заговаривай мне зубы, да завершим эту работу!*

Но имеются арго, обладающие несколькими значениями:

Iska geçmek: [2, 122]

1. Hedefe rast getirememek. – Не попасть в цель, промахнуться, промазать.

2. İş уарамamak, bescerememek. – Не справиться с работой, не смочь сделать.

3. Üzerinde durmamak, önem vermemek, atlamak. – Наплевать, не придавать значения.

Forvet firsattan istifade edemedi, iska geçti. – *Нападающий не смог воспользоваться случаем, промахнулся.*

Bugün gene sabahtan akşama kadar iska geçtik. [2, 122] – *Сегодня опять с утра до вечера ничего не смогли сделать.*

Iska geçte hanım evlâdı. – *Не придавай значения, дитя мое.*

Bedenleriyle ilgili gerçeklere iska geçerler. [4, 1022] – *Они не придают значения к реалиям, связанным со своим организмом.*

Выводы. На основании проведенного исследования можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что возникновение и распространение арготизмов оценивается как отрицательное явление в развитии национального турецкого языка, турецкие писатели, публицисты, а также народ, вправе обращаться и к этим словарным пластам в поисках реалистических красок при описании соответствующих сторон окружающей действительности, ибо употребление арго придает речи живость и образность.

Перспективы дальнейших исследований. Прделанная работа открывает возможности для составления турецко-русского словаря по арготической и жаргонной лексике, а также для составления методического пособия, в котором бы рассматривались фразеологизмы, являющиеся в определённой степени арго. Данную работу автор рассматривает как один из шагов в решении этой лексикографической задачи.

Список литературы

1. Турецко-русский словарь = Büyük Türkçe-Rusça sözlük : [48 000 kelime / A.N. Baskakov, N.P. Golubeva, A.A. Kamileva, K.M. Lyubimov, F.A. Salimzyanova, R.R. Yusipova; denetleyenler E.M-E. Mustafayev, L.N. Starostov]. – Москва : Русский язык, 1977. – 950с. – ISBN 975-7262-02-1.
2. Mehmet Arslan. Argo Kitabı. – İstanbul: Kitapevi, 2004. – 336s. – ISBN 975640336-5.
3. Örnekleriyle Türkçe Sözlük: [dört cilt / yazma komisyonu üyeleri A. Fidan, N. Kardaş, S. Önen, S. Gökdemir, H. Erkıran, H. Koç, N. Başbuğ]. – İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 2000. – 3337s. – ISBN 975.11.0945.0.
4. Türkçe Sözlük : [iki cilt / hazırlayanlar İ. Parlâtır, N. Gözaydın, H. Zülfıkar, B-T. Aksu, S. Türkmen, B. Yılmaz]. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998. – 2523s. – ISBN 975-16-0070-7.
5. Yusuf Ziya Bahadınlı. Türkçe Deyimler Sözlüğü. – İstanbul: HÜR Yayınevi, 1970. – 112s. – (Milli Eğitim Bakanlıgınca okullara tavsiye edilmiştir).

Мініахметова Е. Х. Арготична лексика в турецькій мові / Е. Х. Мініахметова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 107-113.

У статті представлені питання використання арготичної лексики у літературній і розмовній турецькій мові. Викладені способи утворення арго, показані можливості його класифікації за групами та лінгвістичними ознаками. Описуються деяка схожість турецьких фразеологізмів та арго, а саме, що багато фразеологізмів у певних значеннях виступають у ролі арго.

Ключові слова: турецька мова, арго, арготизм.

Miniakhmetova E. K. Argotic lexicon in Turkish / E. K. Miniakhmetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 107-113.

The article presents the issues of the usage of the argotic lexicon in literary Turkish language and in colloquial speech. It introduces the ways of formation of the argot, shows the possibilities of its classification into groups and linguistic attributes. A certain similarity of Turkish idioms and argot is described, namely, that many idioms in certain meanings are an argot.

Key words: Turkish, argo, slang expression.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 811.161.2'1'324'38 (038)

СТАТИСТИЧНА СТРУКТУРА РОМАНУ ІВАНА ФРАНКА “БОРИСЛАВ СМІЄТЬСЯ”

Бук С.

*Львовский национальный университет имени Ивана Франко, г. Львов, Украина
E-mail: solomija@gmail.com*

У статті з'ясовано поняття статистичної структури тексту, яку на лексичному рівні, як правило, визначають за даними частотного словника (ЧС). На підставі ЧС роману І. Франка “Борислав сміється” отримано кількісні характеристики тексту та зіставлено їх з відповідними даними для інших романів письменника.

Ключові слова: статистична структура тексту, частотний словник, кількісні характеристики тексту, багатство лексики.

Постановка проблеми. Статистична структура тексту (ССТ) — розподіл частоти одиниць мови в тексті, що має певну регулярність. Він різний для різних мовних елементів. Наприклад, статистичні параметри стилів, що встановлюються на різних рівнях, мають неоднакову стилерозрізняльну потужність для різних пар стилів: більш споріднені стилі найвиразніше розмежовуються на синтаксичному рівні, менш споріднені — на лексичному” [7, с. 239]. ССТ розуміється як його кількісна організація, як його модель [6, с. 130].

ССТ описують певні закони й теоретичні формули (Закон переваги, Закон Ціпфа, Закон Мандельброта тощо). ССТ на рівні лексем, як правило, визначають за даними частотного словника (ЧС), що подає до кожної реєстрової одиниці її частотність, тобто кількість вживання у тексті. Різниця між ССТ є одним із критеріїв унаочнення відмінностей між різними текстами, стилями, авторами. Визначенню й уточненню структурно-кількісних закономірностей будови тексту присвячені роботи В. Перебийніс, Н. Дарчук, М. Муравицької, М. Арапова, Ю. Тулдави, Р. Фрумкіної, В. Левицького, Б. Головіна та інших авторів, які розглядають ЧС як лінгвістичну модель, вивчення якої сприяє виявленню законів функціонування мови та мовлення. Так, ЧС укладено до творів багатьох письменників (В. Шекспіра, В. Гюго, К. Чапека, М. Павича, Ф. Достоевського), у т. ч. й до поетичних [5] та прозових [2-4] творів І. Франка.

Роман І. Франка “Борислав сміється” (1881) привертав увагу багатьох мовознавців (О. Горбача, З. Франко, О. Сербенської, І. Ощипко, С. Жилко, І. Ціхоцького, І. Петличного), довгий час твір входив у шкільну програму як такий, у якому вперше відображено початкові форми революційної боротьби робітництва та стихійне пробудження його класової свідомості, проте у лінгвостатистичному

ракурсі він аналізується вперше. Такий підхід до твору є логічною частиною проекту квантитативної параметризації великої прози І. Франка [1].

Важливою проблемою укладення ЧС є добір джерел. У нашому випадку ними стали першодрук 1881-1882 рр. (див. рис. 1) та видання твору 1979 р. [8], які поза правописними відмінностями є ідентичними. Цікавою орфографічною деталлю тексту є використання у власних назвах на місці сучасного “i” літери латинської графіки “g”: *Готліб*, *Гаммершляг*. Твір друкувався у журналі “Сьвіт”, видання якого припинилось, і роман залишився незакінченим. До “Борислава...” І. Франко, як відомо, не хотів ні повертатися, не хотів його ні дописати, ні видати окремою книгою, мабуть тому, що його захоплення соціалістичним вченням з часом зменшилося, а зі смертю М. Драгоманова в 1895 р. втрачилось.

Рис. 1 — Фрагмент першої сторінки VIII розділу роману Івана Франка “Борислав сміється”, надрукованого у львівському часописі “Сьвіт” 25 лютого 1882 р. (центральну частину сторінки займає портрет Михайла Максимовича).

Проектуючи ЧС “Борислава...” на прижиттєве видання, цікаво відзначити написання частки -ся разом, на відміну від інших Франкових романів, в оригінальних виданнях яких саме вона займає стало друге за частотністю місце.

У ЧС розрізнено омонімію, зведено фонетичні варіанти слів, здійснено структурну, морфологічну та ономастичну анотації. Так, у романі виявлено 80 власних назв (у 2204 слововживаннях), серед яких кількісно домінують власні назви головних персонажів: *Бенедьо* (306), *Герман* (261), *Леон* (252), *Готліб* (128), *Рифка* (127), *Матій* (119) та назва міста *Борислав* (183).

У результаті укладення ЧС роману “Борислав...” було отримано основні його кількісні характеристики. Обсяг тексту (кількість слововживань): 77 456, тобто серед творів І. Франка, до яких укладено ЧС, це другий за величиною після “Перехресних стежок” (93 888), що перебільшує “Основи суспільності” (67 174), “Для домашнього огнища” (44 840), “Великий шум” (37 005). Відповідно, і обсяг словника словоформ (16 064), і обсяг словника лексем (8 576) у цьому творі також більші.

Зведений список лем п'яти згаданих творах великої прози містить 20980 різних слів, що значно перевищує Словник мови Т. Шевченка (6 116) та Г. Квітки-Основ'яненка (11 772).

Багатство словника, яке обчислюється як відношення обсягу словника лексем до обсягу тексту, обернено пропорційне довжині тексту, тобто, чим довший текст, тим потенційно менше з'являється у ньому нових слів [6, с. 143]. Тому цей показник у “Бориславі...” ($8\,572/77\,456 = 0,111$) більший, ніж у “Перехресних...” (0,106) і менший за інші романи: “Основи...” (0,125), “Для домашнього...” (0,145), “Великий шум” (0,175),

Середня повторюваність слова у тексті — величина, обернена до попередньої, і становить 9,04, тобто в середньому кожне слово трапляється у тексті 9 разів. Проте ця величина дуже узагальнена, адже кількість слів, що трапилися в романі один раз (нарах legomena) — 4 370, тобто вони займають більше, ніж половину словника (50,98%). Приблизно такі ж результати і для інших творів: у “Перехресних...” вони займають 49,18% словника, “Основах...” — 51,76%, “Для домашнього...” — 51,85%, “Великому шумі” — 56,7%. Саме в них криється основне багатство лексики письменника.

За допомогою величини нарах legomena обчислюють індекс винятковості словника (0,51) та тексту (0,056). Ці величини логічно корелюють із відповідними даними ЧС інших романів: “Перехресні...” (0,49/0,052), “Основи...” (0,52/0,065), “Для домашнього...” (0,52/0,075), “Великий шум” (0,57/0,099).

Протилежним до індексу винятковості є індекс концентрації словника/тексту, що вказує частку словника/тексту, яку займають слова із великою частотою (умовно із частотою 10 і більше). У тексті “Борислава...” таких слів 61 328, що становить 79,18% обсягу його тексту, а в словнику — 916, що становить 10,69% його словника. У “Перехресних...” відповідні показники логічно більші: 74 651 (79,5%) та 1 123 (11,3%), в решті творах меншого обсягу ці показники логічно менші: в “Основах...” 51 021 (75,95%) та 796 (9,48%), “Для домашнього...” 32 516 (72,5%) та 598 (9,2%), “Великому шумі” 25 456 (68,8%) та 479 (7,4%). В принципі, чим менше у тексті високочастотних слів, тим різноманітніша лексика тексту і навпаки. Отже, справджуються попередньо отримані результати.

Унаочнити розподіл кількості слів із певною частотою залежно від цієї частоти можна на графіку (рис. 2).

Треба зауважити, що цей графік відрізняється від рангово-частотної кривої, хоча й отриманий за її даними і візуально дуже до неї подібний.

На підставі отриманих рангово-частотної залежності та частотного спектру тексту було знайдено значення т. зв. h - і k -точки. Координати цих точок визначаються з умови рівності значень функції і аргумента [10, р. 17, 35]. Отримане значення h -точки 109 означає, що слово з частотою 109 має ранг 109, а значення k -точки 20

означає, що у тексті є 20 слів із частотою 20. Існують гіпотези, що ці точки можуть слугувати межею зон словника, де переважають семантичні (самостійні) або синсемантичні (службові) частини мови [10, р. 18, 37]. Суттєва відмінність між цими значеннями, а також аналіз частотного списку, дає підстави стверджувати, що така границя знаходиться посередині.

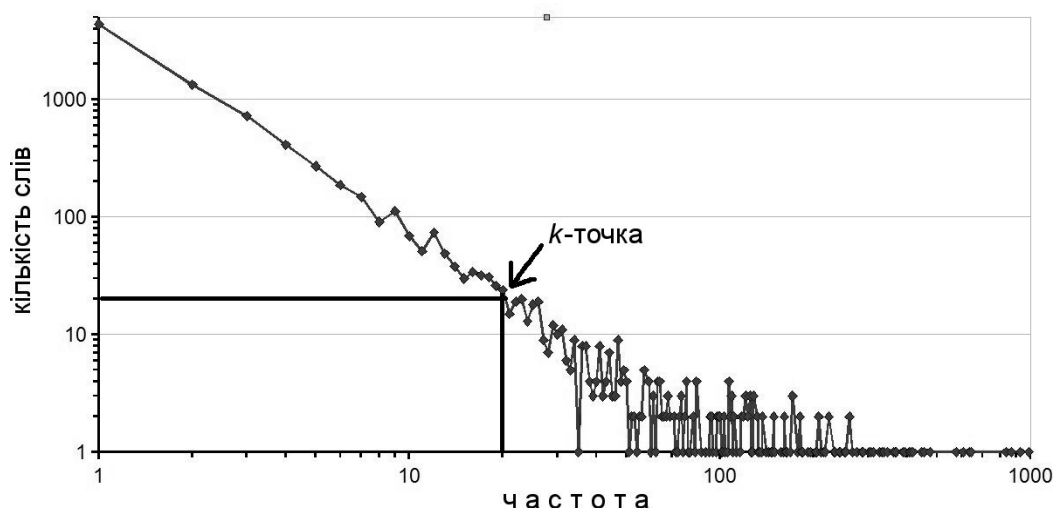

Рис. 2 — Частотний спектр роману Івана Франка “Борислав сміється”.

На думку польського науковця В. Маньчака, “Проблеми, які розглядають мовознавці, розпадаються насамперед на дві категорії: 1) ті, які можна розв'язати за допомогою статистики і 2) ті, яких за допомогою статистики розв'язати не можна. Мовознавство, яке розуміють як точну науку, займається тільки проблемами першої категорії. Іншими словами, йдеться про те, щоби так формулювати проблеми, щоби їх можна було розв'язати за допомогою статистики. Якщо це не можливо, ними не варто займатися, як не варто займатися жодними дослідженнями, про які наперед відомо, що вони не можуть привести до висновків, які можна перевірити” [9, с. 8]. Характеристика роману у світлі статистичної лінгвістики, а саме визначення ССТ твору, безперечно, належить до проблем першого типу.

Висновки і перспектива. Таким чином, в результаті аналізу ЧС роману “Борислав...” отримано важливі кількісні характеристики роману, які становлять статистичну структуру його тексту. Квантитативні параметри твору корелюють з аналогічними величинами інших романів І. Франка і дають змогу визначити його місце серед них. ССТ роману у перспективі також може увиразнити лексичні особливості твору, що становить окремий науковий інтерес і стане темою подальшого дослідження твору, оскільки кількісна та якісна сторони мови та мовлення корелюють і взаємопов'язані.

Список литературы

1. Бук С. Квантитативна параметризація текстів Івана Франка: спроба проекту // Іван Франко: Студії та матеріали. — Львів, 2010 (у друці); див. препринт arXiv:1005.5466v1 [cs.CL]. — Електронний ресурс <<http://arxiv.org/abs/1005.5466v1>>.
2. Бук С. Роман Івана Франка “Для домашнього вогнища” крізь призму частотного словника / С. Н. Бук // Препринт arXiv:1006.0153v1 [cs.CL]. — Електронний ресурс <<http://arxiv.org/abs/1006.0153v1>>.
3. Бук С. Статистичні характеристики роману Івана Франка “Основи суспільності” (на основі частотного словника твору) // Вісник: Проблеми української термінології. — Львів: Національний університет “Львівська політехніка”. — 2010 (у друці).
4. Бук С., Ровенчак А. Частотний словник роману Івана Франка “Перехресні стежки” // Стежками Франкового тексту. — Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. — С. 138-369.
5. Лексика поетичних творів Івана Франка: Методичні вказівки з розвитку лексики / уклад. І. І. Ковалик, І. Й. Ощипко, Л. М. Полюга. — Львів: ЛДУ, 1990. — 264 с.
6. Перебийніс В. С., Муравицька М. П., Дарчук Н. П. Частотні словники та їх використання. — К.: Наук. думка, 1985. — 204 с.
7. Статистичні параметри стилів / за ред. В. С. Перебийніс. — К.: Наук. думка, 1967. — 260 с.
8. Франко І. Борислав сміється // Зібрання творів у 50-ти томах. — Т. 15: Повісті та оповідання. — К.: Наук. думка, 1979. — С. 256-480.
9. Mańczak W. Problemy językoznawstwa ogólnego. — Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1996. — 257 s.
10. Popescu I.-I. et al. Word frequency studies. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. — xii, 278 p.

Бук С. Н. Статистическая структура романа Ивана Франко “Борислав смеется” / С. Н. Бук // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2010. — Т. 23 (62), № 3. — С. 114-118.

В статье выясняется понятие статистической структуры текста, определяемое на лексическом уровне, как правило, по данным частотного словаря (ЧС). На основании ЧС романа И. Франко “Борислав смеется” получены количественные характеристики текста, которые сравниваются с соответствующими данными других романов писателя.

Ключевые слова: статистическая структура текста, частотный словарь, количественные характеристики текста, богатство лексики.

Buk S. N. Statistical structure of Boryslav Laughs, a novel by Ivan Franko / S. N. Buk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. — Series: Philology. Social communications. — 2010. — Vol. 23 (62), No 3. — P. 114-118.

In the article, the notion of the statistical structure of text is explored. On the lexical level it is defined as a rule from the frequency dictionary data. On the base of *Boryslav Smijet'sja* [*Boryslav Laughs*], a novel by Ivan Franko, the quantitative parameters of text are obtained. They are compared with the respective data from other novels of the writer.

Key words: statistical structure of text, frequency dictionary, quantitative parameters of text, vocabulary richness.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 811.161.2'367 : 371/378.147.214

ТРУДНОЩІ ПІД ЧАС ВИВЧЕННЯ ОДНОСКЛАДНИХ РЕЧЕНЬ У ВИЩІЙ ТА СЕРЕДНІЙ ШКОЛІ

Ачилова В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: alisherai@mail.ru*

У статті подано методичні рекомендації щодо подолання труднощів під час вивчення односкладних речень у вищій та середній школі.

Ключові слова: односкладні речення, двоскладні речення, головний член односкладного речення, типологія, методика вивчення.

Проблема вивчення односкладних речень як у вищій, так і середній школі не втрачає актуальності, оскільки, на думку методистів-практиків, ці речення засвоюються чи не найскладніше [1, с. 32]. В українській лінгводидактиці є низка праць, де уточнюються, деталізуються окремі аспекти типології односкладних речень (Г. Арполенко, О. Болюх, В. Мороз, Л. Рабанок, Г. Чирва та ін.), звертається увага на функціонування цих структур (С. Єрмоленко, Л. Павляна, О. Коростишевська, З. Іваненко та ін.), пропонуються ефективні підходи до їх вивчення (В. Горяний, Р. Христіанінова, В. Сидоренко, М. Заоборна, Н. Мордюк та ін.). Однак складність проблеми, яка пояснюється складністю і багатогранністю самого речення, підтримує інтерес до вдосконалення методики вивчення односкладних речень.

Мета статті – охарактеризувати труднощі, що виникають під час вивчення односкладних речень, і з'ясувати шляхи їх подолання.

Завдання статті:

- охарактеризувати критерії розмежування двоскладних та односкладних речень;
- описати типологічні ознаки односкладних речень;
- запропонувати прийоми встановлення типів односкладних речень.

Найперша складність полягає в розумінні сутності головного члена цієї синтаксичної структури. Так, якщо в двоскладному реченні граматичну основу складають підмет і присудок, які перебувають в опозитивних відношеннях (підмет виділяється через протиставлення присудкові, а присудок – через протиставлення підметові), то в односкладному реченні таке протиставлення відсутнє і граматичну основу формує недиференційований головний член речення, що не є ні підметом, ні присудком [2, с. 68].

Односкладність речення не пов'язується з його неповнотою, і якщо двоскладне речення з одним головним членом є неповним, то наявність одного головного члена в односкладному реченні не спричиняє його неповноти. Односкладні речення, як і двоскладні, можуть бути повними або неповними, поширеними чи непоширеними. Односкладні речення виступають неповними, якщо пропущено головний член або необхідний другорядний член речення: *Не довірай козу вовкові, а капусту козі*

(Прислів'я) – у другій частині складного речення пропущено головний член *не довіряй*; *Прапори будуть?* – *Візьмемо, синку, візьмемо* (О. Копиленко) – пропущено додаток *прапори*.

Вагомий внесок у вивчення односкладних речень уніс О. Шахматов, на погляди якого при встановленні типів односкладних речень спирається більшість сучасних мовознавців.

Класифікація односкладних речень є дискусійною проблемою сучасного синтаксису. Деякі вчені не визнають односкладних означено-особових речень, вважаючи їх двоскладними, у яких наявність підмета створюватиме плеоназм. Інколи не виділяються окремо й узагальнено-особові речення. Чітко не встановлено межі між односкладними буттєвими з детермінантами чи вказівними займенниками і неповними двоскладними реченнями. Генітивні речення відносять як до дієслівних безособових, так і до іменних через можливість уведення до синтаксичної парадигми речення екзистенційної зв'язки. Не всі дослідники визнають односкладність безособових речень моделі «предикатив + інфінітив», вважаючи їх двоскладними. Номінативні речення також розглядають як неповні двоскладні на підставі того, що головний член таких речень співвідноситься не із суб'єктом судження, а з його предметом як назва події. До номінативних речень залучаються називний уявлення з функцією репрезентації подальшої інформації, а також вокативні з функцією модально чи емоційно забарвленого звертання тощо [3, с. 423].

У сучасному східнослов'янському мовознавстві усталилася класифікація односкладних речень, за якою виділяють односкладні означено-особові, неозначено-особові, узагальнено-особові, безособові, інфінітивні та генітивні речення [4, с. 395].

Через адекватність граматичних форм головного члена найбільшу складність у розмежуванні становлять перші три типи односкладних речень. Так, збігаються форми головних компонентів означено-особових та узагальнено-особових речень, зокрема дієслів першої особи однини та множини дійсного способу: *Розплющую очі і раптом бачу у вікнах глибоке небо і віти берез* (М. Коцюбинський) – означено-особове і *Зріжу голову, вийму серце, дам пити* – [буде говорити] (Загадка) – узагальнено-особове; *Привезем гарбу соломи та замісим з нею глини* (М. Вінграновський) – означено-особове і *Поживемо – побачимо* (Прислів'я) – узагальнено-особове.

Збігаються форми дієслів другої особи однини і множини дійсного та наказового способів: *Може, на зорі літатимеш сині ?* (М. Пригара) – означено-особове речення і *Удосвіта встанеш – більше діла зробиш* (Прислів'я) – узагальнено-особове речення; *Серце, серце моє! Навчись тишини...* (Є. Плужник) – означено-особове і *Добре діло роби сміло* (Прислів'я) – узагальнено-особове; *Мої любі, до мене ходіть!* (Леся Українка) – означено-особове і *Шукайте – і знайдете* (Біблія) – узагальнено-особове.

Збігаються і форми третьої особи множини теперішнього часу, а також минулого часу множини головних членів-дієслів неозначено-особових та узагальнено-особових речень: *Пораненого кладуть на покосі під яблунею в холодильник* (О. Гончар) – неозначено-особове і *Подарунок назад не беруть* (Н. тв.) – узагальнено-особове; *Латину тільки що сказали, [що од Енея єсть послі]* (І. Котляревський) – неозначе-

но-особове і *Купили* кругленьке, *думали* – новеньке, [*а воно усе в дірках, труситься в руках*] (Загадка) – узагальнено-особове.

Збіг граматичних форм головних членів означено-, неозначено- та узагальнено-особових речень зумовлює врахування і семантичних ознак цих форм, що визначають синтаксичну семантику речень. При цьому в самих назвах типів речень зазначено, як мислиться суб'єкт дії: в означено-особових реченнях особа означена (конкретна), якою може бути мовець або адресат мовлення; у неозначено-особових реченнях дійова особа мислиться неозначено або з певних причин не називається, оскільки важливим є факт протікання дії; в узагальнено-особових реченнях дія є часто повторюваною, властивою всім або багатьом особам, вона типова, безпосередньо не стосується співрозмовника, має узагальнене значення.

У процесі синтаксичного аналізу означено-особові та неозначено-особові односкладні речення можуть сплутуватись із неповними двоскладними реченнями з опущеним підметом. При цьому критерієм розмежування односкладних та двоскладних речень є можливість відновлення у двоскладних реченнях підмета з контексту: *Де ж ви, ясні квітоньки? Позгасали, поспадали* [квітоньки], *як на небі зіроньки* (С. Руданський). Крім того, головний член особових односкладних речень не може бути виражений дієсловом у формі третьої особи однини теперішнього чи майбутнього часу або у формі однини минулого часу та умовного способу, оскільки такі форми не вказують на чітко означену особу, однак ця особа суттєва для мовця. Речення з такими дієслівними формами є двоскладними неповними контекстуальними: *Народилася Ліна Костенко на Київщині. Вірші почне писати в ранньому віці* (В. Неділько); *Довго дивився старий олень на мертве село у долині і не міг упізнати його. Пішов у ліси та верховини* (М. Яцків); *Людина завжди потребує когось, кому б могла вилити своє горе і відвести душу* (В. Козаченко).

Найбільшою різноманітністю вираження головного члена характеризуються безособові речення, що зумовлює труднощі в їх розпізнаванні. Змістова специфіка безособових речень полягає у позначенні дій чи станів, що не залежать від активного діяча чи носія стану.

Основний морфологічний вияв головного члена безособових речень – безособове дієслово в граматичній формі третьої особи однини теперішнього і майбутнього часу або формі середнього роду минулого часу (з часткою **-ся** чи без неї): *А в степу весніє, весніє* (О. Гончар); *Світало по-березневому рано* (З. Тулуб); *В голові у Соломії розвиднілось* (М. Коцюбинський).

Головний член безособових речень може бути складеним, якщо в безособовій формі вжито інформаційно недостатню лексему – модальне чи фазове дієслово: *На сході починало дніти* (О. Гурейв); *Недовго їм довелось шукати води* (М. Коцюбинський).

Безособової форми у позиції головного члена безособових речень набувають особові дієслова (незворотні чи зворотні), вжиті в безособовому значенні: *Попід льодом геть загуркотіло* (Т. Шевченко); [*Не розумію*], *чому подумалося про це саме зараз?* (В. Собко). Природні процеси можуть реалізовуватися з допомогою якогось предмета, що виконує дію, або ж явища природи, що є джерелом дії (стану), тому в таких реченнях переважно наявний непрямий додаток в орудному відмінку, а

вони синонімічні з двоскладними реченнями, пор.: *Дужче обвіває густим теплим духом чебрику...* (В. Винниченко) – односкладне і *Прохолода повіяла* з лісу (М. Стельмах) – двоскладне [2, с. 122].

Типовим є морфологічне вираження головного члена безособовими предикативними формами на **-но, -то**: *Стан справ відбито в одноголосно прийнятій резолюції* (З газети). Синтаксичними синонімами речень з формами на **-но, -то** є неозначено-особові речення, а також двоскладні, у яких іменна частина складеного присудка виражена пасивним дієприкметником. Пор.: *На сивих лугах скошено отаву* (М. Рильський) – безособове; *На сивих лугах скошили отаву* – неозначено-особове; *На сивих лугах скошена отава* – двоскладне. Не слід сплутувати форми на **-но, -то** і пасивні дієприкметники у формі середнього роду. Дієприкметник матиме закінчення **-е**, а безособові форми закінчуються на **-о**, пор.: *Там усе правильно записано* (В. Собко) – односкладне речення і *Там усе правильно записане* – двоскладне. При синтаксичному розборі слід розрізняти міжмовні словоформи-омоніми. Так, в українській мові *скошено* – безособова форма, а в російській мові *скошено* – коротка форма пасивного дієприкметника середнього роду, пор.: укр. *Сіно скошено* – односкладне речення і рос. *Сено скошено* – двоскладне.

У безособових конструкціях головний член може бути виражений предикативним прислівником з якісно-оцінним значенням: *Зоряно, тихо в просторі* (О. Гончар). Він часто поєднується з дієсловом-зв'язкою на зразок *було, стало, робиться* тощо, з інфінітивом як залежним компонентом або з першим та другим дієсловами одночасно: *Було голо й пусто в степу* (А. Головка); *У лісі стало ще тишіше* (М. Стельмах); *Важко перебільшити ті серйозні наслідки, [що їх мала для українців утрата власної еліти]* (О. Субтельний); *Як весело було широкими грудьми повітря кряти* (М. Рильський). Головними членами можуть бути якісно-оцінні предикативи іменникового походження або їх поєднання з дієслівними формами: *Шкода мені матері старої* (Панас Мирний); *Та нині гріх замкнути в клітку вільну мисль* (І. Франко); *Йому було сором дивитися людям в очі* (Г. Хоткевич). При синтаксичному розборі слід відрізняти предикативні слова від прислівників-обставин та іменників. Пор.: *Чутно плескіт у струмочку* (Леся Українка). – *Зима ледве чутно підійшла* (І. Муратов); *Жаль стало батька* (М. Коцюбинський). – *Взяв її жаль* (І. Нечуй-Левицький).

Модально-предикативні прислівники належать до інформаційно недостатніх лексем, тому в складі головного члена безособових речень вони поєднуються з повнозначними лексемами – інфінітивними формами повнозначних дієслів при можливому дієслові-зв'язці для вказівки на минулий чи майбутній час, інфінітивними формами фазових і модальних дієслів, що поширюються інфінітивами повнозначних дієслів, а також інфінітивними формами дієслів-зв'язок, що поширюються іменними компонентами: *Степом можна йти безвісти* (Ю. Яновський); *Треба було щось думати* (А. Головка); *Треба тільки уміти слухати* (М. Коцюбинський); *Треба бути щирим і вимогливим до себе* (О. Довженко). При зворотному порядку компонентів та інтонаційному їх відокремленні речення кваліфікується як двоскладне [5, с. 18 – 19], пор.: *Присмно відчувати прохолоду ночі* (П. Колесник). – *Відчувати прохолоду ночі після спекотного дня кожному присмно*.

З огляду на те, що модальне значення предикативних прислівників є супровідним, додатковим до того, що виражається повнозначними лексемами, конструкції на зразок *Нам треба голосу Тараса* (П. Тичина); *Не треба мені вашого золота* (М. Стельмах) вважаються безособовими реченнями з незаміщеною позицією інфінітива біля модально-предикативного прислівника в складі головного члена, пор.: *Нам треба [чути] голос Тараса; Не треба мені [мати] ваше золото* [5, с. 65].

Особливої уваги при синтаксичному розборі потребують конструкції, головний член яких виражений безособовими заперечними формами:

- заперечним словом **нема** / **немає** і співвідносними з ним часовими формами дієслів **бути, стати (не було, не буде, не стало)**: *Отчизни іншої нема в нас і не буде* (М. Рильський); *У гаю, гаю вітру немає* (Т. Шевченко). Такі конструкції можуть бути еліптичними: *Від козла ні шерсті, ні молока [немає]* (Прислів'я);
- заперечними займенниками і прислівниками з наголосом на заперечній частці на зразок **нікому, ніким, ні з ким, нічим, ні до чого, ніде, ніколи, ніяк**, що мають модальне значення, переважно з інфінітивом; *Ледачому все ніколи* (Прислів'я); *Нічим вас потішити* (З газети); *О віршах уже нічого й думать* (Т. Шевченко); *А на пероні яблуку ніде впасти від людей, [усі прийшли проводити перших добровольців]* (В. Собко).

Характерними ознаками цих заперечних займенників і прислівників є, по-перше, їх змістова еквівалентність з модальними дієсловами та модальними предикативними прислівниками, пор.: *О віршах уже нічого й думать* – *О віршах уже не можу / не можна й думать*; по-друге, здатність розкладатися на заперечне слово **нема** і займенник чи прислівник: *нікому* – *нема кому, ніде* – *нема де* тощо [5, с. 66].

Зрідка головний член односкладних безособових речень може виражатися стверджувальними прислівниками чи формами займенників з модальним значенням на зразок **де, коли, як, хто, що** з обов'язковою логічно виділеною зв'язкою, які поширюються інфінітивними дієслівними формами: *...Є де жити* (Є. Гуцало); *Буде з ким, старенькій, мені вечорком на лаві гомоніть* (І. Жиленко). Характерними ознаками цих модальних компонентів є, по-перше, змістова еквівалентність з модальними дієсловами та модальними предикативними прислівниками, пор.: *Малій краплині є куди губитись* (Г. Чубач) – *Мала краплина може губитись*; по-друге, здатність виражати заперечне модальне значення в безособових питальних риторично-модальних реченнях (у розповідних безособових конструкціях таке значення виражають заперечні модальні займенники та прислівники), пор.: *Що їй тепер у світі робити?* (Т. Шевченко) – *Нічого їй тепер у світі робити* [5, с. 67].

В односкладних інфінітивних реченнях ідеться про дію безвідносно до часу й особи. У таких реченнях наявний синтаксично незалежний від інших членів речення інфінітив. Описано такі різновиди цих структур [6, с. 170; 7, с. 206 – 207]:

а) **власне інфінітивні** (з часткою **би** / **б** чи без неї), які містять вказівку на бажання, наказ, спонукання, запитання, категоричність твердження, необхідність, неможливість, неминучість дії чи стану, а також (у складнопідрядному реченні) мету якоїсь дії: *Прихилитися б у затінку до зеленої землі* (М. Стельмах); *Нагородити*

кращих робітників грамотами (З наказу); *Старому – тліть, новому – процвісти* (М. Рильський); *Чим утішить її, пожаліти, де цілющих відшукувать* слів? (Т. Масенко); *Душі моєї не купить* вам ані лавровими вінками, ні золотом, ні хлібом, ні орлом (П. Тичина); *Пішла вночі до сторожки, щоб поворожити* (Т. Шевченко);

б) **інфінітивно-іменні** із значенням об'єктивної неминучості:

- з дієсловами бути, (не) бувати: *І добру, і щастю в цьому домі бути!* (М. Нагнибіда); *Цьому, хлопче, не бувати* (Ю. Мушкетик);
- із зв'язкою бути та іменною частиною: *Двічі молодим не бути* (Прислів'я); *Павлові Гайді бути за провідника* (В. Сосюра);

в) **інфінітивно-безособові**:

- з формами інфінітива на зразок **(не) чути, (не) чувати, (не) знати, (не) видати, (не) пізнавати, (не) визнавати**, що містять вказівку на сприймання, виявлення органами чуття й розумом: *Йоньки не чути* (Г. Тютюнник); *Знати пана по халявах* (Прислів'я); *[Кругом садочки, біленькі хати,] і соловейка в гаї чувати* (Леся Українка); *Було чути, як шумить море*;
- з допоміжним дієсловом **було**: *Було тут над чим плакати, сину!* (Розм.);

г) **інфінітивно-називні (інфінітивні теми)**, у яких інфінітив позбавлений модальних характеристик і лише називає тему подальшого роздуму: *Жартувати та жартувати! Завжди отак, а що ж далі?* (В. Самійленко).

Номінативні речення входять до іменного класу односкладних речень, і головний член таких речень виражається іменними частинами мови в називному відмінку. Виділено такі різновиди номінативних речень [2, с. 130 – 131; 4, с. 384 – 385; 7, с. 209 – 210]:

а) **буттєві (екзистенціальні)** речення, що містять нейтральну констатацію існування предметів, явищ, процесів: *Зима. Холоднеча. Засніжений ліс* (М. Стельмах); *Три дні і сто вражень; Вона! Боже, справді вона* (В. Самійленко);

б) **вказівні речення** з частками **ось, он, от, то**, функцією яких є вказівка на особу, предмет чи явище: *І от Чернігів. Ранком він ще спав* (П. Тичина); *Ось воно, його довгождана щастя* (М. Стельмах);

в) **оцінні речення** з частками **який (яка, яке, які), такий (така, таке, такі), ну й, що за** тощо, в яких констатація існування предметів супроводиться позитивною або негативною оцінкою: *Весна, весна! Яка блакить!* (П. Тичина); *Що за вітер з-за гори!* (А. Малишко);

г) **власне називні** речення – власні назви організацій, журналів, газет, творів художньої літератури і мистецтва, марок товарів і виробів тощо: *«Всесвіт»* [журнал]; *«Собор»* [роман]; *«Динамо»* [команда]; *Міністерство освіти і науки України* [вивіска на установі];

г) **«називний уявлення»**, де міститься констатація уявлення про предмет у свідомості мовця: *Щастя! Воно прийшло, як завжди, неждано-негадано* (О. Гончар).

Номінативні речення можуть бути непоширеними і поширеними. Поширені включають тільки означення чи приіменний додаток: *Світлая, дивная ніч*

(Г. Чупринка); *Косовиця сіна* (З газети). Якщо ж у реченні, крім означення, є обставина чи віддієслівний додаток, то це двоскладне еліптичне речення: *Крейсер у за-тоці!* (О. Гончар); *На вулиці три жінки* (О. Довженко); *На лузі косовиця сіна*. Слід також відрізнити односкладні номінативні речення від двоскладних неповних контекстуальних: – *Хто твій батько?* – *Учитель*. Генітивним є таке речення, в якому повідомляється про наявність певного предмета (предметів) у великій кількості або ж про інтенсивність вияву опредмечених дій, процесів чи станів. Головний член таких речень виражений синтаксично незалежним (переважно повторюваним) іменником у родовому відмінку: *Там-то зілля, овочу! Там-то цвіту!* (Марко Вовчок).

У шкільній граматиці інфінітивні речення розглядаються як різновид безособових, а генітивні речення не вивчаються.

Для систематизації й закріплення вивченого про односкладні речення корисним стане алгоритмізована схема розмежування двоскладних та односкладних речень і визначення типів односкладних речень з виділенням ключових позицій.

1.	Якщо в реченні немає слова в називному відмінку , перевірити, чи зміст зрозумілий із самого речення: ні – речення двоскладне неповне ; так – речення односкладне певного типу.
2.	Якщо форма дієслова дозволяє ввести підмет я (ти, ми, ви) , а дія відбувається тут і зараз – це односкладне означено-особове речення.
3.	Якщо можна умовно ввести підмет усі я (усі ти, усі ми, усі ви) , а дія відбувається скрізь і завжди – це односкладне узагальнено-особове речення.
4.	Якщо в реченні за змістом можна умовно ввести підмет хтось (хто-небудь) – це неозначено-особове речення.
5.	Якщо в реченні неможливо ввести підмет (слово в називному відмінку), а головний член виражений незалежним інфінітивом – це односкладне інфінітивне речення.
6.	Якщо в реченні неможливо ввести підмет (слово в називному відмінку), а в складі головного члена інфінітив залежний або головний член має інше морфологічне вираження – це односкладне безособове речення.
7.	Якщо в реченні є слово в називному відмінку , а дієслова немає, перевірити, чи є обставина : так – речення двоскладне неповне ; ні – речення односкладне номінативне певного різновиду.
У В А Г А! Не слід підставляти займенники він (вона, воно, вони) .	

Висновки і перспектива. Таким чином, визначення типу односкладного речення має ґрунтуватися на комплексному, семантико-структурному аналізі цього речення, і насамперед – його головного члена. Для визначення типу односкладного речення цілком достатньо матеріалу аналізованого речення, тоді як розпізнавання

неповного речення – двоскладного чи односкладного – вимагає виходу за межі аналізованої конструкції і врахування контексту.

Список литературы

1. Бровко А. С. Трудности синтаксического анализа / А. С. Бровко. – К. : Освита, 1991. – 80 с.
2. Шульжук К.Ф. Синтаксис української мови / К. Ф. Шульжук. – К. : Академія, 2004. – 408 с.
3. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
4. Грищенко А. П. Односкладне речення // Українська мова : енциклопедія / [редкол. : В.М. Русанівський, О.О. Тараненко, М.П. Зяблюк та ін.]. – К.: Укр. енцикл., 2000. – С. 395 – 397.
5. Заоборна М. С. Просте речення. Складні випадки аналізу / М. С. Заоборна. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2002. – 126 с.
6. Гуйванюк Н. В. Українська мова. Схеми, таблиці, тести / Н. В. Гуйванюк, О. В. Кардашук, О. В. Кульбабська – Львів : Світ, 2005. – 304 с.
7. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови. Синтаксис / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонДУ, 2001. – 662 с.

Ачилова В. Трудности при изучении односоставных предложений в высшей и средней школе / В. Ачилова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 119-126.

В статье предложены методические рекомендации по преодолению трудностей при изучении односоставных предложений в высшей и средней школе.

Ключевые слова: односоставные предложения, двусоставные предложения, главный член односоставного предложения, типология, методика изучения.

Achylova V. Difficulties in Studying Mononuclear Sentences in High and Secondary Schools / V. Achylova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 119-126.

This article contains methodological recommendations on coping with difficulties in studying mononuclear sentences in high and secondary schools.

Key words: mononuclear sentence, two- member sentence, principal part of the mononuclear sentence, typology, instruction methods.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 811.161.1'373.611

ПРОДУКТИВНЫЕ И НЕПРОДУКТИВНЫЕ СУФФИКСЫ УНИВЕРБОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Гафарова Р. И.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина
E-mail: ranetta@bk.ru

В статье рассматриваются система продуктивных суффиксов с помощью которых образуются универбы. Одним из основных формантов универбов является суффикс *-к(а)*. Исследованный массив новообразований позволил выделить и другие продуктивные суффиксы, к которым отнесены следующие: *-ик-*, *-ак*, *-О*, *-чик*, *-ух(а)*, *-ач*.

Производные исследуются в составе словообразовательных гнезд с учетом степени производности.

Ключевые слова: суффиксальный универб, компрессивное словообразование, степень производности.

Постановка проблемы. В русском языке продолжается рост продуктивности однословных единиц, образованных на базе устойчивых словосочетаний. В результате появляются производные типа *автономка* ← автономное отопление, *важняк* ← важная особа, которые являются результатом компрессивного словообразования. В.В. Виноградов еще в 1950 году отметил, что в истории русского литературного языка с середины XIX в. все шире развивается тенденция создавать для составных наименований разговорно-просторечные эквиваленты в форме одного слова, и приводит примеры: вечерняя газета – *вечерка*, ночлежный дом – *ночлежка*, Погодинская улица – *Погодинка* и т.п. [1, с. 38]. Такие производные получили название суффиксальных универбов.

Суффиксальные универбы были предметом изучения в работах русистов Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Л. И. Осиповой, И. А. Устименко и украинистов В.В. Грещук, А.Н. Нелюба др.

Цель статьи – выявить инвентарь суффиксов, с помощью которых образуются универбы.

Актуальность темы исследования определяется тем, что появляются новые перспективы для познания языковой системы в целом, для выявления новых словообразовательных моделей.

Материалом для исследования послужили академические словари (БАС, МАС), словарь Л.И. Осиповой «Новые слова в русском языке (суффиксальные универбы женского рода с суффиксом *-к(а)*», словарные материалы «Новое в русской лексике» (1977 – 1988 гг.), Толковый словарь современного русского языка конца XX века. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складневской, «Словарь семантических конденсатов русского языка» И.А. Устименко, а также интернет-ресурсы.

Универбация атрибутивных словосочетаний осуществляется в русском языке посредством разнообразных суффиксов.

Анализ последних исследований. «В подавляющем большинстве словообразовательных типов роль суффиксов в формировании семантики производных весьма значительна» [8, с. 31]. В тоже время в некоторых, строго определенных случаях эта роль может сводиться «к простому, формальному закреплению за производным значением, передаваемого производящими словами» [8, с. 31], а также словосочетаниями [7].

По мнению В.И. Максимова, «при включении значений опускаемых компонентов словосочетаний в семантику сохраняющегося компонента суффиксы придают производным частеречное значение, соответствующее классу опускаемого существительного, а также разрядное и категориальное значение» [8, с. 31].

«При аффиксальной универбации СЗ (словообразовательное значение – Г. Р.) – это значение другой природы. В этом случае суть акта деривации в переводе словосочетания в слово... роль суффикса здесь – оформить слово (перевести основу прилагательного в субстантив) и маркировать основу как производную. СЗ можно сформулировать как значение предметности» [5, с. 35].

Изложение основного материала. Выявлен следующий инвентарь суффиксов, при помощи которых образуются универбы, различающиеся по степени частотности от общего количества (3000 ед.): суффикс *-к(а)* и его морфы (60 % ед.), *-ик* со значением лица (10 % ед.), *-ик* со значением предмета (9 % ед.), *-ак* (4 % ед.), *-чик* / *-щик* (4 % ед.), *-ух(а)* (4 % ед.), *-ист* (0,5 % ед.), *-ач* (0,4 % ед.), *-ьш* (0,3 % ед.), *-иц(а)* со значением предмета (0,3 % ед.), *-щин(а)* (0,3 % ед.), *-ин(а)* (0,4 % ед.), *-иц(а)* со значением лица (0,3 % ед.), *-ец* (0,2 % ед.), *-арь* со значением лица (0,2 % ед.), *-яг(а)* (0,3 % ед.), *-няк* (0,2 % ед.).

Определена ступень производности, на которой появляются суффиксальные универбы.

Универбы с суффиксом -к(а). Лингвисты отмечают, что наиболее продуктивным при образовании универбов является суффикс *-к(а)*.

Л.И. Осипова определила, что суффикс *-к(а)* выполняет три функции в структуре и семантике универба: «грамматическую (является средством индикации частеречной принадлежности слова); деривационную (позволяет преобразовать номинативное сочетание в однословную единицу с обобщенным значением предметности); экспрессивную (всем суффиксальным универбам в момент образования присуща экспрессивность)...» [9, с. 8].

Основная масса универбов с суффиксом *-к(а)*, как считают некоторые исследователи, является словами с общепредметным значением. Так, А.М. Хамидуллина и Л.А. Самохина отмечают, что «неодушевленные дериваты с включением наиболее часто используют суффикс *-к(а)*, так как именно он способствует в чистом виде выражению идеи “предметности”» [14, с. 29].

Значение суффикса попыталась сформулировать И.П. Глотова: «Определение... общей семантики данного суффикса как передающего значение предмета вообще – вызывает сомнение... Не все существительные с суффиксом *-к(а)* имеют конкретно-предметное значение; среди них есть и образования со значением лица, и отвлечен-

ные (например, *первоклашка*, *капиталка* (капитальный ремонт), *военка* (военная служба). Видимо, суффикс *-к(а)* не имеет регулярного значения, если не считать таким значением сигнал стяжения комплексного наименования» [3, с. 8–9].

Мы поддерживаем исследователей, которые считают, что суффикс *-к(а)* передает в универбе значение предмета вообще. Это утверждение не противоречит тому факту, что среди универбов выделяются производные с конкретным (*атомка*, *моторка*) и абстрактным (*аморалка*, *задушевка*) значением. При этом характерно, что первоначально образовывались универбы с конкретным значением: «Среди сорбентов (суффиксальных универбов – Р.Г.) нет слов с абстрактным значением, есть только названия предметов и лиц» [11, с. 9]. Таким образом, можно говорить об эволюции в процессе образования суффиксальных производных.

В.Н. Виноградова отмечает, что суффикс *-к(а)* проявляет высокую продуктивность «в кругу наименований неодушевленных предметов» [2, с. 96]. Фактический материал выявил единичные случаи универбов со значением лица женского пола: *бальзаковка* ← женщина бальзаковского возраста, *англичанка* ← учительница английского языка.

Наблюдения показали, что существует закономерность между словообразовательной структурой универба и ступенью его производности. Так, суффикс *-к(а)* активно «работает» на I–IV ступенях: локальный [локальная очистка] → *локалка*, гарантия → гарантийный [гарантийный ремонт] → *гарантийка*, глубокий → глубина → глубинный [глубинная бомба] → *глубинка*, цена → ценный → уценить → уцененный [уцененный товар] → *уцененка* и др.

Суффикс *-к(а)* представлен морфами *-ушк(а)*, *-ашк(а)*/*-шк(а)*, *-овк(а)*. Универбы с морфом *-ушк(а)*. «Суффикс *-к-* в разговорной речи и в просторечии иногда заменяется суффиксами *-ушк-*, *-ашк-*» [13, с. 92], а также морфом *-шк(а)*.

В.В. Лопатин отмечает, что «в современной речи весьма активен в функции универбата морф *-ушк(а)*» [7, с. 75]. Однако собранный материал свидетельствует о том, что активность морфа явно преувеличена, нами собрана немногочисленная картотека с суффиксальным морфом *-ушк(а)*.

М.Ф. Тузова замечает, что «исследователями не отмечается суффикс *-ушк-*, не имеющий значения субъективной оценки, который используется, правда, редко для образования существительных женского рода с предметным значением», и выдвигает гипотезу о появлении «в словообразовательной системе существительного нового суффикса, который пока не получил широкого распространения. В существительном *копчушка* (*копченая рыба*) суффикс *-ушк(а)* служит и для образования существительного на базе словосочетания и вносит дополнительное значение уменьшительности» [12, с. 109]. В нашей картотеке не отмечены универбы с дополнительным значением уменьшительности.

Позднее В.Н. Виноградова писала о том, что «образования с морфом *-ушк-а* обычно имеют уменьшительно-ласкательный оттенок, ср. *легковуха* – *легковушка*, *полковушка* ‘полковая пушка’ и др.» [2, с. 55].

На наш взгляд, семантическая модель на *-ушк(а)* еще не вызрела. Морф *-ушк(а)* соединяется с основами имен прилагательных, и в этом заключается особенность его функционирования в составе универбов; эмоциональный же компонент систем-

но актуализируется в производных при условии взаимодействия суффикса с основами имен существительных: *зверь* → *зверушка*.

Универбы с суффиксом *-ушк(а)* условно можно разделить на два типа по степени расширения функции форманта: а) с ласкательным значением, которое особенно ярко проявляется в оппозициях однокоренных лексем: *брезентушка* – *брезентуха*, *теплушка* – *теплуха*, *типовушка* – *типовуха*, *саманка* – *саманушка*; в) с отсутствием коннотативного значения: *ночнушка*, *психушка*, *раскладушка*.

Аффикс проявляет незначительную словообразовательную активность, поэтому о появлении в языке нового суффикса говорить преждевременно, поскольку еще не выкристаллизовалось его словообразовательное значение.

Универбы с морфом *-ушк(а)* образуются на I и II степенях.

Универбы с морфами *-ашк(а)/-шк(а)*. Универбы с суффиксальными морфами *-ашк(а)*, *-шк(а)* также носят разговорный характер. В ряде случаев производные имеют «дополнительный ласкательно-пренебрежительный оттенок»: *мелкашка*, *меблирашки*, *черняшка* «черный хлеб», *штабняшки* «штабные девчата» [2, с. 54].

Универбы с морфами *-ашк(а)/-шк(а)* обозначают а) различные предметы и явления: *мелкашка* ← ружье мелкого калибра, *анимашки* ← анимационное кино; б) лиц со значением общего рода: *приготовишка* ← ученик, ученица приготовительного класса, *подготовишка* ← ученик, ученица подготовительного класса, *вольняшка* ← вольнонаемный рабочий.

Универбы с морфом *-ашк(а)* образуются на I–III степенях.

Универбы с морфом *-овк(а)*. Суффиксальный морф *-овк(а)* встречается не так часто. В.В. Лопатин отмечает, что в универбах суффиксальный морф *-овк(а)* выступает sporadически [7, с. 77]. В РГ-80 производные с морфом *-овк(а)* зафиксированы как разговорные и просторечные образования: *попыновка* ← попынная наливка; *спецовка* ← специальная одежда.

Морф *-овк* отмечен также в производных, образованные на базе имени собственного с включенными предикатными актантами: *ватсоновка* «шляпа, которую носил главный герой Ватсон произведений А. Конан Дойла», *холмсовка* «фуражка, которую носил главный герой Холмс произведений А. Конан Дойла», *саддамовка* «денежный знак, выпущенный Саддамом Хусейном в Ираке». Образования с морфом *-овк* появляются на I и II степенях.

Универбы с морфами *-лк(а)/-ловк(а)*. Суффиксальные морфы *-лк(а)/-ловк(а)* также используются в «разговорных и просторечных образованиях, мотивированных прилагательными с суффиксами *-тельн-* и *-тель-ск-*» [10, § 293]: *начерталка* ← начертательная геометрия, *уравниловка* ← уравнительная система оплаты.

Исследователи отмечают, что морф *-ловк(а)* «придает слову неодобрительный, осуждающий оттенок значения: *обязаловка*, *принудиловка*» [9, с. 9]. В ряде производных коннотативный оттенок отсутствует: *заградиловка* ← заградительный отряд, *отрицаловка* ← отрицательные роли и др. Некоторые универбы имеют синонимические пары: *учредилка* и *учредиловка*, *сопроводилка* и *сопроводиловка*, *потребилка* и *потребиловка*. В отдельных случаях суффиксальные морфы служат дифференциации значений универбов: *спасалка* ← спасательная станция и *спасаловка* ← спасательные работы. Универбы с морфами *-лк(а)/-ловк(а)* образуются только на II ступени.

Итак, универбы с суффиксом *-к(а)* составляют 75 % от общего количества зафиксированных лексем. Производные с суффиксом *-к(а)* образуются на I–IV ступенях. На I ступени выявлена немногочисленная группа универбов.

Универбы с суффиксом *-ик*. Большой пласт представляют универбы с суффиксом *-ик*. Суффикс *-ик* – один из самых активных в производстве имен лиц от основ имен существительных и прилагательных. Производные с этим суффиксом обозначают наименования профессий, деятельности: *линейник* ← линейный монтер, *оперативник* ← сотрудник милиции по оперативной работе.

Н.А. Янко-Триницкая считает, что «менее типичным, но все же довольно распространенным является включение в образец с суффиксом *-ик* и системой флексий муж. рода» [15, с. 29].

Суффикс *-ик* также используются для образования наименований неодушевленных предметов: *гусенечник* ← гусеничный трактор, *маховик* ← маховое колесо и др.

Е.А. Земская констатирует, что производные с суффиксом *-ик* со значением предмета образуются «от именных основ менее активно. Такие слова могут обозначать предмет по отношению к другому предмету» [4, с. 130]: *молочник* ← молочный теленок, *кассетник* ← кассетный магнитофон. С помощью суффиксов *-ик*, *-ник* образуются существительные, именующие в первую очередь механизмы по количеству чего-то (выпускаемой продукции, энергетической мощности, пройденных километров): *миллионник* ← турбина мощностью миллион квт., *восьмитонник* ← транспортное или подъемное устройство грузоподъемностью 8 тонн.

Суффикс *-ик* активно участвует при образовании сложных универбов со значением а) лица: *лакокрасочник (проф.)* ← работник лакокрасочного производства, *судоремонтник* ← рабочий судоремонтного завода; б) предмета: *широкоугольник* ← широкоугольный объектив, *высокочастотник* ← высокочастотный электрод и др.

Универбы с суффиксом *-ик* появляются преимущественно на II ступени, за исключением универбов *нужник* ← нужный человек, *частник* ← водитель частного извоза, которые образуются на I ступени.

Универбы с суффиксом *-ник*. Универбы с суффиксом *-ник* составляют немногочисленную группу, хотя Е.А. Земская утверждает, что «суффикс *-ник* – один из самых активных в производстве имен лиц от основ существительных и прилагательных» [4, с. 97]: *тарелочник* ← специалист по летающим тарелкам, *тунгусник* ← исследователь тунгусского метеорита. Универбы с морфом *-ник* образуются только на II ступени.

Универбы с морфами *-евик/-овик*. Суффиксальные морфы *-евик/-овик* обнаруживают продуктивность при образовании универбов со значением лица и предмета: *антикризисовик* ← член антикризисной коалиции, *телевик* ← телескопический объектив и др.

«Имена на *-овик* ярко обнаруживают двойную соотнесенность: а) только формальную, а в ряде случаев и формальную, и смысловую с отсубстантивными прилагательными на *-овый* – синтаксическими дериватами; б) смысловую – с существительными...» [4, с. 108]: *базовик* ← работник (овощной) базы, *шелковик* ← работник по производству шелка.

Однако материал показал, что универбы с морфами *-евик/-овик* могут иметь а) двойную мотивированность: *кадровик* ← кадровый работник и работник по кадрам; б) мотивацию именем прилагательным: *тепловик* ← специалист по тепловым установкам; в) мотивацию именем существительным: *слуховик* ← человек с музыкальным слухом. Универбы с морфами *-евик/-овик* функционируют в профессиональной речи и образуются на II ступени.

Универбы с суффиксами *-ак/-як* и *-ач*. Лингвисты считают, что образования с суффиксами *-ак/-як*, *-ач* менее продуктивны. В РГ-80 зафиксированы случаи образования субстантивов от словосочетаний при помощи суффикса *-ач*: «*левач* ‘левый заработок’, *меткач* ‘меткий игрок’ (*спорт.*)» [10, § 292]. Однако в последнее время наблюдается продуктивность в образовании производных.

Слова на *-ак* называют: а) лицо: *первак* ← ученик первого класса, *дискач* ← исполнитель в стиле диско; б) предметы и различные явления: *горняк* ← горный ветер, *строгач* ← строгий выговор. Универбы с суффиксом *-ач* со значением лица нерегулярны, производные могут образовываться на базе субстантивного компонента: *кормач* ← заготовитель кормов.

В. Н. Виноградова отмечает, что производные с данными суффиксами «носят сниженно разговорную окраску, стоят на грани просторечия» [2, с. 200]. Часть универбов является жаргонизмами: *станкач* ← станковый пулемет (в проф. речи военных), *крупняк* ← крупнокалиберный пулемет (в проф. речи охотников), *вводняк* ← вводная задача (в проф. речи математиков).

Производные с суффиксом *-ак* преобладают на I ступени и немногочисленны на III, а дериваты с суффиксом *-ач* зафиксированы на I и II ступенях.

Универбы с морфами *-чик/-щик*. «При сгущении реже используется суф. *-щик/-чик*» [4, с. 61] для обозначения лиц по объекту профессиональной деятельности: *магистральщик* ← строитель магистрального трубопровода, *многосерийщик* ← создатель многосерийных фильмов и др. В.И. Максимов отмечает, что морфы *-чик/-щик* обладают весьма широким семантическим диапазоном и «имеют значение носителя процессуального признака независимо от того, кто или что является этим носителем» [8, с. 27].

Производные с морфами *-чик/-щик* образуют немногочисленную группу однокоренных синонимов с суффиксом *-ик*: *альтернативщик* – *альтернативник*, *атомщик* – *атомник*, при этом производные с суффиксом *-ик* преобладают. Г.С. Зенков считает, что это связано с фонетической сочетаемостью «с определенными разрядами производящих основ позиция суффикса *-щик (-чик)* выглядит как более ущербная: там, где производящая основа оканчивается на *ч, ц, ц/ч, к, к/ч, х/ш, ш, щ*, образующие возможности суффикса *-щик (-чик)* в современном русском языке очень ограничены. Здесь-то и приходит ему на помощь суффикс лица *-(н)ик* с тем же значением, и потребность в образованиях от соответствующих основ компенсируется с исключительной легкостью» [6, с. 136]. Универбы с морфами *-чик/-щик* образуются на I–III ступенях.

Универбы с суффиксом *-ух(а)*. В разговорную речь активно проникают суффиксальные универбы, образованные при помощи непродуктивного ранее суффикса *-ух(а)*. И.А. Устименко отмечает, что универбы с суффиксом *-ух(а)* «стилистически

снижены, но вполне литературны» [13, с. 97]: *краснуха* ← красный диплом, *бытовуха* ← бытовая техника и др.

Универбы со значением лица непродуктивны, единичные образования характеризуются наличием отрицательной оценки: *толстуха* ← толстая женщина, *грязнуха* ← грязная женщина. Универбы с суффиксом *-ух(а)* образуются на I и II ступенях.

Универбы с суффиксом -ец. И. А. Устименко отмечает, что «вовлекаются в сферу семантической конденсации и суффиксы *-ец-* и *-ист-*» [13, с. 94]. В. Н. Виноградова пишет, что «в стяжении неоднословных наименований могут принимать участие и другие суффиксы имен лица, хотя и гораздо реже: суф. *-ец-* от наименований, включающих отглагольные существительные на *-(е)ние*» [2, с. 62]: *управленец*, *приключенец*.

Продуктивной становится модель образования универбов на базе адъективного компонента мотивирующего словосочетания: *афганец* ← участник афганской войны, *чернобылец* ← ликвидатор чернобыльской аварии и др.

В последнее время активизируется образование универбов с предметным значением: *троянец* ← троянский вирус, *японец* ← автомобиль японского производства и др. Универбы с суффиксом *-ец* образуются на II ступени.

Универбы с суффиксом -ист. Существительные с суффиксом *-ист* называют лицо, характеризующееся свойством, взглядами или сферой занятий, которые названы мотивирующим прилагательным или словосочетанием с мотивирующим прилагательным в качестве определения [10, § 289]. Универбы с суффиксом *-ист* в основном образуются на базе многословных словосочетаний: *металлист* ← поклонник металлического рока, *мануалист* ← специалист в области мануальной терапии. «Тип продуктивен, особенно в научно-технической и общественно-политической терминологии, в терминологии искусств и спорта» [10, § 289]. Производные образуются на I и II ступенях.

Универбы с суффиксом -яг(а). Универбы с суффиксом *-яг(а)* характеризуются эмоционально-экспрессивной окраской, т. к. носят «ласкательно-фамильярную окраску или иногда ироническую, неодобрительную» [4, с. 232]: *скромняга* ← скромный человек, *симпатяга* ← симпатичный человек. Универбы с суффиксом *-яг(а)* называют лицо и образуются на первой и второй ступенях производности.

Универбы с суффиксами -няк и -ин(а). Производные реализуют собирательное значение: *вербняк* ← заросли вербы, *молодняк* ← молодой лес и др. Универбы с суффиксом *-ин(а)* мотивируются отыменными и отглагольными прилагательными: *пушнина* ← мех пушного зверя, *свеженина* ← свежее мясо, *крашенина* ← крашеная ткань, *квашенина* ← квашеная капуста. Универбы с суффиксами *-няк* и *-ин(а)* образуются на I–III ступенях.

В универбах, представляющих собой непродуктивные типы со значением «носитель признака», выделяются следующие суффиксы: *-иц(а)* со значением предмета (*роговица* ← роговая оболочка); *-иц(а)* со значением лица (*одионочица* ← фигуристка одиночного катания); *-арь* со значением предмета (*винтарь* ← винтовое ружье); производные с суффиксом *-ат* образуются на базе причастий (*ламинат* ← ламинированный паркет); *-аш* (*легааш* ← легавая собака); *-арь* со значением лица (*технарь* ← технический работник); *-ант* со значением лица (*дежурант* ← дежурный врач); -

ниц(а) со значением предмета (*визитница* ← сумочка для визиток); *-ун* со значением «характеризующийся отличительной приметой» (*слепун* ← слепая змея).

Выводы и перспектива. Таким образом, при универбации используются как традиционные, так и необычные суффиксы, являющиеся следствием переосмысления или обновления непродуктивных словообразовательных типов или семантического преобразования ранее продуктивных типов с другой семантикой.

Главным формантом универбов является суффикс *-к(а)*, продуктивно участвующий в образовании производных с различной семантикой. Исследованный массив новообразований позволил выделить и другие продуктивные суффиксы, к которым отнесены следующие: *-ик* со значением лица, *-Ø*, *-чик*, *-ух(а)*, *-ак* и *-ач*.

Между словообразовательной структурой универба и степенью деривации существует закономерность. Производные с суффиксом *-к(а)* образуются на всех степенях деривации (с I по V); универбы с формантами *-ак*, *-ух(а)*, *-ач* появляются только на I и II степенях; производные с суффиксами *-ик*, *-чик/-щик*, *-ец* со значением лица образуются на второй степени.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц // Виноградов В.В. Избр. Труды : Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140 – 161.
2. Виноградова В. Н. Стилистические аспекты русского словообразования : монография / Валентина Николаевна Виноградова. – М. : Наука, 1985. – 184 с.
3. Глотова И. П. К вопросу об универбации (о функционально-стилевом и общелитературном употреблении) / И. П. Глотова // Вопросы стилистики. – Вып. 12. – Саратов, 1977. – С. 96–105.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: КомКнига. – 2005. – 223 с.
5. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев – М. : Наука, 1981. – 276 с.
6. Зенков Г. С. О словообразовательных типах с суффиксами *-щик*, *-ник* и их взаимодействии в современном русском языке / Г. С. Зенков // Развитие современного русского языка. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 136–145.
7. Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / В. В. Лопатин // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 72–80.
8. Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке : монография / Владимир Иванович Максимов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1975. – 223 с.
9. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение) / Людмила Ивановна Осипова. – М. : Прометей, 1994. – 117 с.
10. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
11. Смирнова А. Э. Сорбция как активный способ словообразования : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 02.01.01 «Русский язык» / А. Э. Смирнова. – Минск, 2000. – 19 с.
12. Тузова М. Ф. Суффиксальное образование существительных женского рода с предметным значением на базе составных наименований / М. Ф. Тузова // Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны : Лингвистический сборник. – Вып. 2. – Часть I. – М., 1973. – С. 108–111.
13. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании / Ираида Александровна Устименко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.
14. Хамидуллина А. М. Лексико-семантическая характеристика аффиксальных дериватов с включением / А. М. Хамидуллина, Л. А. Самохина // Исследование по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика. – Уфа, 1982. – С. 23–31.
15. Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексике и словообразовании / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие грамматики и лексики русского языка. – М. : Наука, 1964. – С. 18–35.

Гафарова Р. І. Продуктивні й непродуктивні суфікси суфіксальних універбів російської мови / Р. І. Гафарова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 127-135.

У статті розглядається система продуктивних суфіксів, за допомогою яких утворюються універби. Одним з основних формантів універбів є суфікс -к(а). Досліджений масив новотворів дозволив виділити й інші продуктивні суфікси, до яких належать такі: -ик-, -ак, -Ø, -чик, -ух(а), -ач.

Похідні досліджуються у складі словотвірних гнізд відповідності до ступеня деривації.

Ключові слова: суфіксальний універб, компресивний словотвір, ступень похідності.

Gafarova R. I. Productive and unproductive suffixes univerbs in russian language / R. I. Gafarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 127-135.

The article reviews the system of suffixes with the help of which univerbs are formed. The number of newly created units researched gave an opportunity to pick out productive suffixes.

Derivatives are investigated in the structure of word-formative family in compliance with the level of derivation.

Key-words: suffixal univerb, compressive word-formation, level of derivativity.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 81'373.72

КОНЦЕПТ «ДОМ» В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Чернобай С. Е.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

В статье рассматривается репрезентация этноконцепта «дом» в английской языковой картине мира на фразеологическом материале. Анализируется структура этого концепта и определяются перспективы дальнейших исследований в рамках лингвокультурологии.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, языковая картина мира, менталитет.

Постановка проблемы. Конец XX – начало XXI века в лингвистике характеризуется сменой парадигм и утверждением антропоцентрической парадигмы. В связи с этим основным объектом исследования ученых становится языковая картина мира и ее составляющие – концепты. С начала 90-х годов и до настоящего времени активно исследуются отдельные концепты, о чем свидетельствуют ряд сборников серии «Логический анализ языка» под редакцией Н. Д. Арутюновой [цит. по 1, с. 356], коллективная монография «Антология концептов» под редакцией В. И. Карасика и И. А. Стернина [2] и др.

Актуальность исследования обусловлена новым подходом к изучению фразеологии. Как отмечает В. Н. Телия, знаково-текстовая природа фразеологизмов придает им статус особых языковых знаков и обуславливает необходимость их исследования в рамках антропологической парадигмы, в соответствии с которой в центр внимания лингвистических исследований перемещается человеческий фактор в языке vs. языковой фактор в человеке. Фразеологический корпус языка представляет собой особенно богатый материал для исследования этого взаимодействия, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира, все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но как бы и запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры [3, с. 9]. Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание. Именно культурно-национальная коннотация фразеологизмов играет значительную роль в воспроизведении обыденного менталитета. Описание свойств фразеологизмов как «языка культуры» подтверждает высказанную в гипотезе Сепира-Уорфа мысль о том, что язык «навязывает» его носителям культурно-национальное миропонимание [3, с. 10].

Цель исследования охарактеризовать концепт «дом» в английской лингвокультуре. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: определить понятия концепта, языковой картины мира и фразеологической картины

мира как ее составляющей, рассмотреть структуру английского этноконцепта «дом», которой еще не был предметом специального изучения. Материалом исследования послужили фразеологические единицы с лексемами «home» и «house», отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников [4 – 8]. [] и др.

В современной лингвистике пока не сложилось единого мнения по поводу определения термина «концепт». Под концептом понимают «глобальную единицу мыслительной деятельности», «квант структурированного знания», «единицу семантического пространства языка» [2, с.7], «представление о фрагменте мира», «национальный образ, осложненный признаками индивидуального представления» [2, с. 14]. На наш взгляд, уместно был введен Л. В. Савченко термин этноконцепта, под которым понимается этнически ориентированный концепт как единица этнокультуры, в которой соединяются семантика слова с опытом определенного этноса. Исследователь выделяет макроэтноконцепты и микроэтноконцепты в системе культурных концептов. Макроэтноконцепты – это сложные ментальные образования, ядро этноконцептов, в котором концентрируется разноплановая обобщенная информация, фиксирующая лингвистическую, культурологическую, историко-этимологическую, психологическую характеристики. Микроэтноконцепты – этнокомпоненты ФЕ, которые обладают конкретной лингвокультурологической характеристикой, анализируют определенный пространственный или временной период в жизни человека, событие, факт, объединены определенным полем и группами, которые в свою очередь делятся на микрополя и микрогруппы. Совокупность знаний о макроэтноконцептах аккумулируется в этностереотипах (образах), которые представлены в этноконцептах и в свернутом виде фиксируются во фразеологических единицах [9, с. 120].

С помощью концептов можно реконструировать и описать языковую картину мира. Под языковой картиной мира понимается «сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа» [2, с. 15]. Как отмечает Ю. Д. Апресян, языковую картину мира иногда называют наивной, однако, наивная не значит примитивная. За «наивностью» языковой картины мира стоит опыт десятков поколений, «наивность» связана с отражением бытового, обыденного восприятия порядка вещей в противоположность их научному пониманию и объяснению [10, с. 39]. Фразеологическая картина мира является фрагментом языковой картины мира. Необходимо отметить, что отражение когнитивных, культурных и социальных характеристик народа-носителя языка и географические условия его проживания в языковой картине мира определяется менталитетом народа [11, с. 44]. И. Т. Дубов выводит обобщенное определение, согласно которому, менталитет – это «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него» [цит. по 11, с. 45].

В стихотворении «Солдат» Руперт Брук мастерски передал воплощение английскости в доброте (goodness), доме (home) и сельской местности (the countryside) [12, с. 146]. Дом является центром вселенной для англичанина. К нему стремится душа его после работы, о нем мечтает он во время странствий, им дорожит больше, чем дру-

гими ценностями. «*Home, sweet home*» – приговаривают англичане, а на полотеничках в виньеточках пишут: «*There is no place like home*» [13, с. 88]. Следующие пословицы также подтверждают их исключительное отношение к дому как домашнему очагу: *East or West, home is best*; *Home is home though it be never so homely*; *Dry bread at home is better than roast meat abroad* – нет места лучшего, чем дом. Отличительной особенностью английского дома является его уютность. Именно поэтому, стремясь к комфорту, необходимо создать уют как для себя, так и для близких людей: *to feel at home* – *to feel relaxed, comfortable and happy*; *make yourself at home* – *you relax and feel comfortable as if you were in your own home or in a very familiar situation*; *at home* – *you feel relaxed*; *home and dry* – *to feel safe*; *a home from home* – *a place where you feel as comfortable as you do in your own home*; *make somebody free of one's house* – *радушно принимать кого-либо, предоставить дом в их распоряжение*; *a home bird* – *someone who chooses to spend most of his time at home because he is happiest there*; *hearth and home* – *home, especially a family house*; *safe as houses* – *secure, not dangerous*; *at home ground* – *they feel confident and secure because they are in the area where they work or live, or are doing something that is very familiar to them*; *give somebody etc. the run of the house* – *give smb enough freedom, permission, to use one's house as it was his own*.

Известна еще одна пословица: «*An Englishman's home is his castle*». И действительно, в отличие от других стран, где общение может происходить и дома, англичане очень серьезно относятся к своему домашнему очагу и предпочитают встретиться в ресторане или кафе [12, с. 117]. Фразеологические единицы, имеющие в своем составе компоненты «home» и «house», могут также вербализировать микроэтноконцепт «успех»: *hit a home run* – *they do something what is very succesful*; *home in one* – *successful in a first attempt to reach, strike, find, classify*; *from the cabin to the White House* – *from humble and obscure beginnings to a position of power, wealth and influence*; *bring down the house* – *the audience claps and cheers loudly for a long time bacuse they liked the performance so much*; *keep a good house* – *хорошо принимать гостей*; *be home free* – 1) *to be able to succeed or get what you want easily bacuase you have an advantage*, 2) *to have done the most difficult part of something, so that the rest will be easy*; *pack the house* – *to attract a full audience, fill a theatre, concert hall*.

Непосредственной составляющей макроэтноконцепта «дом» является микроэтноконцепт «семья»: *bring home the bacon* – 1) *to earn enough money for the family to live on*, 2) *in sport to win or do well*; *keep house* – *вести домашнее хозяйство*; *a broken home* – *a home or a family background in which parents are divorced or separated*; *charity begins at home* – *one's first care must be for one's family, one cannot care for others and neglect one's family*; *hearth and home* – *a family house*; *keep the home fires burning* – *maintain in good order one's family home, or a domestic or civil front, while awaiting the return of those serving in the army*; *a stately home* – *a house formally, or still lived, in by the British nobility and gentry, esp. those houses built on a lavish scale in extensive grounds which in recent years have been opened to the public*; *a woman's place is in the home* – *a woman's role in life is to manage a home and bring up children*; *the man/lady of the house* – *the householder of a family home*; *master/mistress in one's own house* – *in fact as well as in name, the head of one's household, whose decisions etc must be accepted*. Как отмечает Дж. Паксман, в европейских языках даже не существует анало-

га слова “privacy” (русс. *приватность*). Именно желанием оберегать свою семью, сохранять приватность можно объяснить стремление англичан иметь собственный отдельный дом с садиком на заднем дворе. Никакая нация, кроме англичан, так тесно не отождествляет себя с домом (“house”) [12, с. 118-119]. Английский загородный дом (the English country house) находится в стороне от большой дороги, не «кричит» о себе [12, с. 118], символизирует собою государственность [12, с. 155].

“Home” – это то, что есть у англичан вместо Родины. “Home”- это то место, где живет твоя семья, но это так же может быть воображаемое место, где человек чувствует себя комфортно: *One’s spiritual home – the place where one is, or thinks one could be, happiest; the country and its inhabitants to which one feels a stranger attachment than to one’s own country, Go where he will, a wise man is always at home* – Мудрый человек всегда дома, куда бы он ни пошел; *Home is where the heart is* – Твой дом там, где твое сердце [12, с. 140].

Таким образом, исследование показывает, что концепт «дом» в английской фразеологической картине мира является макроэтноконцептом, включающим в себя лингвокультурные концепты «home» и «house», которые в свою очередь подразделяются на микроэтноконцепты «family», «Fatherland», «house» и «building», «house», «audience» соответственно.

Д. О. Добровольский отмечает, что известная национально-культурная самобытность образных единиц языка (в том числе и фразеологизмов) не вызывает сомнений. Фразеология каждого языка вносит решающий вклад в формирование образной картины мира. Способ видения мира через языковые образы, запечатленные во фразеологической системе, являясь глубоко национальным, покоится тем не менее на общих для всех людей (т.е. универсальных) логико-психологических и собственно лингвистических основаниях [14, с.7]. В связи с этим перспективным представляется сравнительно-сопоставительное изучение культурных этноконцептов на основе фразеологического корпуса неблизкородственных языков.

Выводы и перспектива. Развитие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в конце XX – начале XXI века открывает новые возможности изучения фразеологического фонда в рамках данных наук. Очень плодотворным оказалось изучение языковых картин мира, концептов, национально-культурных стереотипов на фразеологическом материале, о чем свидетельствует достаточное количество научных работ. Изучение фразеологических, картин мира как неотъемлемой части языковых картин мира также внесет значительный вклад в развитие лингвострановедения, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и в решение проблем, связанных с межкультурной коммуникацией.

Список литературы

1. Ипанова О. А. Жизнь/ О. А. Ипанова // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – С. 356 – 370.
2. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты/ В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
4. Cowie A. P. Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – [8th impression], 2002. – 686 p.

5. Collins COBUILD Dictionary of Idioms. – Glasgow : The University of Birmingham, Harper-Collins Publishers, 2001. – 494 p.
6. Longman Idioms Dictionary. – [3d impression]. – Huntington ; Cambridgeshire : Pen and Ink, 2000. – 398 p.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин ; лит. ред. М. Д. Литвинова. – [4-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
8. Дубенко О. Ю. Англо-американські прислів'я та приказки / О. Ю. Дубенко. – Вінниця: НОВА КНИГА, 2004. – 416 с.
9. Савченко Л. Відображення етноконцептів опозиції *народження/смерть* у дзеркалі української фразеології та пареміології / Л. Савченко, О. Данилова // Культура народів Причорномор'я. – 2010. – № 182. – С. 120–122.
10. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
11. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах : учебное пособие / Е. В. Иванова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та ; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.
12. Paxman Jeremy. The English. A Portrait of a People / J. Paxman. – London: Penguin Group Ltd., 2007. – 309 p.
13. Павловская А. В. Англия и англичане / А. В. Павловская. – [2-е изд.]. – М.: Издательство Московского университета; Памятники исторической мысли, 2005. – 270 с. : ил. (Регионоведение. Страны и народы: Вып. 1).
14. Добровольский Д. О. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) : Курс лекций / Д. О. Добровольский, В. Т. Малыгин, Л. Б. Коканина. – Владимир, 1990. – 80 с.

Чернобай С. Е. Концепт «будинок» в англійській фразеологічній картині світу / С. А. Чернобай // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 136-140.

Ця стаття розглядає репрезентацію етноконцепту «дім» в англійській мовній картині світу на фразеологічному матеріалі. Аналізується структура цього концепту та визначаються перспективи подальших досліджень в рамках лінгвокультурології.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, концепт, мовна картина світу, менталітет.

Chornobay S. Ye. The Concept “Home” in the English Phraseological Image of the World / S. Ye. Chornobay // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 136-140.

The article scrutinizes the representation of the ethnoconcept “home” in the English linguistic image of the world on the basis of the phraseology. The structure of the concept is analysed. The article also throws light on the prospects of further researches in the frames of lingucultural studies.

Key words: phraseological unit, concept, linguistic image of the world, mentality.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 811. 35

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО КАРБАЧИМАХИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Шахбанова П. Г.

*ДГПУ, Дагестан
E-mail: patimat_1971@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается категория числа имени существительного карбачимахинского говора сирхинского диалекта в сравнении с материалом литературного даргинского языка, в ней акцентируется внимание на классификацию субстантивов по числу.

Ключевые слова: язык, даргинский, говор, карбачимахинский, категория числа, имя существительное.

Постановка проблемы. Категория числа имени существительного – один из интереснейших вопросов грамматической структуры даргинского языка и его говоров. Большая часть существительных имеет числовое противопоставление своих форм.

В диасистеме даргинского языка закономерности образования множественного числа субстантивов остаются ещё не раскрытыми до конца, несмотря на то, что в научной литературе этому вопросу уделялось значительное внимание.

В отношении категории числа все имена существительные карбачимахинского говора, как и в современном литературном даргинском языке, делятся на следующие группы: имеющие форму единственного и множественного числа, имеющие форму только единственного числа (*Singularja tantum*), стоящие в форме единственного числа и требующие от согласуемых с ними слов формы множественного числа, употребляемые в форме единственного числа для выражения, как единственности, так и множественности, имеющие только форму множественного числа (*Pluralja tantum*), обладающие префиксальным показателем множественности, см. [4, с.37].

Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

1. *Существительные, имеющие формы единственного и множественного чисел*, составляют абсолютное большинство. К этой группе обычно относятся имена нарицательные, преимущественно обозначающие конкретные существа и предметы. Например:

Карбач. говор	Лит. язык	
<i>азай-азуйти</i>	<i>рузи-рузби</i>	«сестра-сестры»
<i>хъхъуь-хъхъуди</i>	<i>хя-хури</i>	«собака-собаки»
<i>хъхъуни-хъхъунби</i>	<i>гъуни-гъундури</i>	«дорога-дороги»
<i>кката-ккатни</i>	<i>жита-житни</i>	«кошка-кошки»

Большинство существительных имеет числовое противопоставление своих форм. Определены основные суффиксы множественности, но состав некоторых из них, а также их функционирование нуждаются в определенных исследованиях.

2. *Существительные, имеющие форму только единственного числа*, составляют особую группу. В различных языках они во многом оказываются однотипными:

слова, обозначающие абстрактные понятия, природные явления, продукты питания и т.д. Например:

Карбач. говор	Лит. язык	
къкъукъкъу	къукъу	«гром»
итни	итни	«понедельник»
гIимс	имс	«моль»
талат	талат	«вторник»
ттуруши	тяхIудеш	«прохлада в конце лета»
дунья	дунья	«мир, свет»
иргъала	аргъала	«сознание»
бари	берхIи	«солнце»
аллагъ	аллагъ	«бог»
дубси	дубси	«медь»
къибла	къибла	«юг»
загъру	загъру	«яд»
къалай	къалай	«олово»
шалдан	шандан	«сталь»

3. *Существительные, стоящие в форме единственного числа и требующие от согласующихся с ними слов формы множественного числа.*

«В даргинском языке целый ряд существительных, обозначающих отвлечённые понятия, а также названия жидких и сыпучих веществ, по формам словоизменения относятся к единственному числу, а согласуемые с ними слова стоят в форме множественного числа» [4, с.39]. Можно сделать вывод, что речь идёт о собирательных существительных, т.к. М.-С.М. Мусаев в своей работе «Именное словоизменение даргинского языка» [3, с.14], и А.А. Сулейманов в «Морфологии даргинского языка» [4, с.20-21] пишут о собирательных существительных то же самое.

Применительно к рассматриваемому явлению термин «форма общего числа» как нам кажется, оправдан с грамматической точки зрения [4, с.40-41]. Количество таких существительных в карбачимахинском говоре крайне ограничено, например:

Карбач. говор	Лит. язык	
мацца	маза	«овца»
леза	улелъа	«земляника»
ачIи	анкIи	«пшеница»
мягIяр	мухъи	«ячмень»
хъурекка	курёга	«абрикос»
ттапри	дабри	«обувь»
ссул	сул	«рожь»
марка	заб	«дождь»

По словам А.А. Сулейманова [4, с.41] выделяется целая группа существительных, недифференцированных по категории числа не только в форме именительного, но и в остальных падежах, выражающих значение множественности объектов и единичного объекта с помощью согласуемых слов.

Если существительное обозначает единый объект, то согласуемые слова оформляются в форме единственного числа, если же слово обозначает множественность

объектов, они оформляются в форме множественного числа. Обычно это существительные, обозначающие совокупность однородных тел (злаки, ягоды и парные предметы). При единичном употреблении эти существительные поддаются счёту и сочетаются с количественными числительными, а при собирательном употреблении не поддаются счёту и не сочетаются с количественными числительными. Например: *ца леза* -лит. *ца улелъа* (букв. «одна ягодка земляники»). В данном случае имеется в виду только одна ягодка земляники, а когда говорят *мизици леза* -лит. *муриси улелъа* (букв. «сладкая земляника»), подразумевается множество земляник. К этой же группе существительных в карбачимахинском говоре относятся: *хъара* - «фасоль», *мургыи* - «золото», *mlumli* - «виноград».

Отвлеченные существительные карбачимахинского говора, а также названия жидких и сыпучих веществ по формам словоизменения стоят в единственном числе, а согласующиеся с ними слова - в форме множественного числа. Например:

а) жидкие вещества:

Карбач.говор	Лит. язык	
<i>ниг</i>	<i>ниъ</i>	«молоко»
<i>gli</i>	<i>хli</i>	«кровь»
<i>чаъгъир</i>	<i>чаъгъир</i>	«вино»

б) сыпучие вещества:

Карбач. говор	Лит. язык	
<i>цци</i>	<i>зе</i>	«соль»
<i>бетly</i>	<i>декъ</i>	«мука»
<i>ссугъат</i>	<i>кираж</i>	«известь»
<i>кка</i>	<i>га</i>	«уголь»

в) названия болезней: *вааба* - лит. *вабаъ* «холера», *чахъхъа* - *чахъа* «оспа», *аранчи* - *аринж* «корь», *мангъавти* - *иргни* «насморк»;

Существительные данной группы выражают обобщающие понятия, и, вероятно, этим объясняется множественное число атрибутивных прилагательных в следующих сочетаниях: *ванаци гъин* лит.- *ванати шин* «теплая вода»; *амзущи гъин* - *амгурти шин* «чистая вода» (*ци* - суффикс множественности карбачимахинского говора).

Множественное число маркируется тремя способами: аффиксацией (суффиксацией и префиксацией); аблаутом (внутренней флексией), а также и тем и другим совместно. Эти три способа можно считать тремя типами образования форм множественного числа с внутренними их градациями. Все эти способы маркировки множественного числа отмечены в специальной литературе.

О суффиксах множественности П.К. Услар писал: «Общее окончание именительного падежа множественного числа есть буква *и*, впереди которой, в большей части случаев, вводится одна из букв: *н, б, м, р, т*» [5, с.24].

Формантными выразителями множественности в карбачимахинском говоре, как и в даргинском языке являются: *-и, -ни, -би, -ми, -ри, -ди, -ти, -ша, -хъали*, аблаут, классный показатель.

В форме множественного числа употребляются существительные следующих семантических групп: названия жидкостей, выделяемых из живого организма, названия отдельных частей тела: *шиуътly* «слюни»; *glуънzu* «сопли» и т.д., названия

отдельных обрядов и танцев: *хъубяхIруми* «праздник первой борозды»; названия некоторых болезней: *мангъавти* «насморк», *шаттикы* «простуда», *хъехIлукIи* «кашель»; названия отдельных конкретных предметов: *умцанти* «весы», *дурнаби* «бинокль»; названия некоторых отвлеченных понятий: *питнурби* «сплетни», *ккушша* «голод», *къугъни* «кокетство»; некоторые заимствования из русского языка: *шахматIи* «шахматы», *шашкаби* «шашки», *каникулти* «каникулы», *овощуни* «овощи», *глаьчкIуби* «очки», *макIарунти* «макароны» и т.д.

Общей основной семантической особенностью отмеченных существительных является то, что в их составе нет ни одного названия одушевленных предметов, и преобладают слова, выражающие парность, нечленимость и имеющие вещественно-собирательное и отвлеченно-собирательное значение.

Вопрос о формах множественности в даргинском языке был рассмотрен С.Л. Быховской [2, с.42]. Она попыталась связать распределение показателей множественного числа со значением слова и его фонетическими особенностями.

Выводы и перспектива. Таким образом, в карбачимахинском говоре категория числа имени существительного, как и в литературном языке, имеет те же группы, обнаруживая расхождения морфологического характера. Этим определяется перспективность предпринятого научного исследования.

Список литературы

1. Абдуллаев, С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). - Махачкала, 1954.
2. Быховская, С.Л. Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке // Памяти акад. Н.Я. Марра (1864-1934). -М.-Л., 1938.
3. Мусаев, М.-С. М. Система глагольного словоизменения даргинского языка. - Махачкала, 1980.
4. Сулейманов, А.А. Морфология даргинского языка. Морфологическая структура частей речи. - Махачкала, 2003.
5. Услар, П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. -Тифлис, 1892.

Шахбанова П. Г. Категорія числа іменника карбачімахінського говіру даргінської мови / П. Г. Шахбанова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 141-144.

У цій статті розглядається категорія числа іменника карбачімахінського говірки сирхінський діалекту у порівнянні з матеріалом літературного даргінської мови, в ній акцентується увага на класифікацію субстантивів за кількістю

Ключові слова: мова, даргінська, говірка, карбачімахінській, категорія числа, іменник

Shahbanova P. G. Category of noun of karbachimahinsky dialect of Darghin language / P. G. Shahbanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 141-144.

In this paper we consider the category of a noun karbachimahinskogo sirhinskogo Dialect dialect in comparison with the material of literary Dargwa, it focuses on the classification by the number of substantives.

Keywords: language, Darghin, talk, karbachimahinsky, category number, noun.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 811.11-112 + 811.161.1

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИДА И ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Байрамова А. М.

*Азербайджанского университета языков, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Настоящая статья посвящена стилистическим возможностям использования вида и времени в английском и русском языках. В данной статье подчеркивается использование перфекта прошедшего времени и перфекта будущего времени для достижения различных стилистических эффектов на английском языке.

Ключевые слова: стилистика, вид, время, категория

Постановка проблемы. В английском и русском языках взаимодействие вида и времени на уровне текста особенно существенно проявляется при создании эмоционально-экспрессивного колорита. В английском языке особенно этим богат перфект прошедшего времени и перфект будущего времени. В отношении первого следует отметить, что в тексте видовое значение законченности действия выражается наиболее ярко в придаточных предложениях времени, вводимых с помощью союза *till* и *until*: *Nothing different happened until about three quarters of an hour had passed* [D.Lawrence]; *I waited until he had passed out of sight and then I followed him* [D.Lawrence].

В стилистических целях перфект прошедшего времени нередко употребляется в сложноподчиненных предложениях с придаточным дополнительным: *Then he flew back and told the Prince what he had seen* [O.Wilde]; *Harris, however, said he had done enough for a bit* [Jerome K. Jerome].

Видовременной формой в современном английском языке, которую с полным основанием также можно включать в текст с особыми стилистическими заданиями, является *Future Perfect*. Временное значение данной формы, в первую очередь, заключается в выражении относительного значения предшествования. Причем, видовое значение законченности действия как бы наслаивается на это временное значение: *By five o'clock I shall have sent my letter* (К пяти часам я отправлю своё письмо); *By this time tomorrow he will have left Paris* (К этому времени завтра он покинет Париж).

Заметим, что в придаточных предложениях времени и условия вместо перфекта будущего времени употребляется перфект настоящего времени. Стилистическая роль перфекта будущего времени в особенности проявляет себя при сопоставлении с перфектно-длительными временами. Последние, как доказывают ученые, лишены того видового значения, которое присуще перфекту. Точнее сказать, перфектно-длительные времена выражают процессуальное протекание действия. Для перфекта будущего времени характерно отсутствие констатации момента времени, в котором происходило какое-либо действие

внутри выражаемого глаголом временного периода. В противоположность этому процессу перфектно-длительные времена выражают такое действие, которое полностью заполняет весь временной период. Этим они отличаются от непосредственно длительных времен, так как последние выражают действие, происходящее в определенный момент времени. Если эту группу времен рассматривать как текстологическую категорию, то следует заметить, что перфектно-длительные времена имеют *инклюзивное* или *эксклюзивное* значение.

Однако, статистические подсчеты легко приводят к выводу, что перфектно-длительные времена имеют видовое значение исключительно длительных времен и редко включаются в тексты художественных или документальных произведений для придания специального эмоционально-экспрессивного эффекта.

Замечательные стилистические находки при употреблении вида и времени не в прямом своем значении мы обнаруживаем в поэзии Н. Некрасова. Нередко становясь свидетелем ярких картин при описании природы, психологических оттенков переживаний; во многих творчески переработанных Н. Некрасовым народных сказках и рассказах представлена шумная динамика жизни. И все это удачно передается глаголами вышеуказанного типа, часто сочленяющимися с инфинитивом и стоящих в форме повелительного наклонения. Следует заметить, что если инфинитив нередко удлиняет настоящее время, то повелительные наклонения делают его исключительно динамичным. Обратимся за подтверждением к прямым описаниям природы в поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Их в принципе не так много, но они, на наш взгляд, достаточно рельефны. Характерно окончание главы «Поп» и начало подраздела «Пьяная ночь»:

Не ветры веют буйные, // Не мать земля колышется – // Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется, // Дерется и целуется // У праздника народ! [9, 81]

Скрипят телеги грузные, // И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются // Победные головушки // Уснувших мужиков!
Народ идет – и падает, // Как будто из-за валиков //
Картечью неприятели // Палят по мужикам! [9, 80];
...уж пишет грамоту // Господь червонным золотом // По синему по бархату
Ту грамоту мудреную, // Которой ни разумникам, //
Не глупым не прочесть // Дорога стоголосая // Гудит! Что море синее
Смолкает, подымается // Народная молва [9, 81];

Большинство песен в поэме Н. Некрасова построено на применении глаголов в настоящем времени. К месту здесь привести примеры из некрасовских песен, помещенных в главах «Крестьянка», «Пир на весь мир».

Спится мне младенькой, дремлется, // Клонит голову на подушечку.
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает, // Сердитый по новым погуливает.
Стучит, гремит, стучит, гремит, // Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая! // Встань, встань, встань, ты – дремливая.
Сонливая, дремливая, неурядливая» [10, 175-176].

Обратим внимание на то, как стилистическое использование инфинитива в повелительном наклонении усиливает идейно-художественные функции поэмы: здесь жалость сочетается с призывом; нежность (*спится, дремлет, клонит голову*) – с грозным предзнаменованием перемен.

В песне одного из главных героев поэмы Гриши Добросклонова звучит мелодия с использованием настоящего времени:

Средь мира дольного // Для сердца вольного // Есть два пути [10, 265].

Текст осознанно подкрепляется неглагольными сочетаниями (назывными и осложненными) предложениями:

Одна просторная, // Дорога – торная, // Страстей раба... [10, 265].

И в то же самое время Н. Некрасов оживляет картину императивами:

Взвесь силу гордую!

Иди к униженным! [10, 265-266].

Варьирование видовременной системы глагола в этом произведении, в частности приводит к тому, что описание природы и быта могут переходить в песню. Этот переходный тип ярко запечатлен в «Губернаторше».

Хорошо, светло // В мире божием! // Хорошо, легко, // Ясно на сердце.

Мы идем-идем – // Остановимся, // На леса, луга // Полюбуемся,

Полюбуемся // Да послушаем, как шумят – бегут // Воды внешние,

Как поет – звенит // Жавороночек! // Мы стоим, глядим... // Очи встретятся –

Усмехнемся мы, // Усмехнется нам // Лиодорушка. и т.д. [10, 220-221].

Приведенные отрывки, на наш взгляд, могли быть поставлены в качестве синтаксического и стилистического эпиграфа вообще к наилучшим – малым и большим – произведениям Н. Некрасова.

Практически все исследователи творчества Н. Некрасова отмечают художественную значительность его стихотворения «Зеленый шум». Зафиксируем в нем не художественный, а лингвистический аспект, связанный со стилистическим использованием вида и времени глагола, где также главенствует настоящее время.

Идет-гудет зеленый Шум, // Зеленый Шум, весенний Шум!

Играючи расходится. // Вдруг ветер верховой: // Качнет кусты ольховые,

Подымет пыль цветочную, // Как облако: все зелено, // И воздух и вода! [10, 181].

Как молоком облитые, // Стоят сады вишневые, // Тихохонько шумят;

Пригреты теплым солнышком, // Шумят повеселелые // Сосновые леса; [10, 182].

Шумит тростинка малая, // Шумит высокий клен...

Шумят они по-новому // По-новому, весеннему...

Идет-гудет зеленый Шум, // Зеленый Шум, весенний Шум! [10, 183].

Вторая часть поэмы «Мороз Красный нос» особенно насыщена настоящим временем глагола: оно в описании природы, в знаменитой сцене рубки дров в лесу, в символических функциях яви и полуснов:

Не ветер бушует над бором, // Не с гор побежали ручьи,

Мороз-воевода дозором // Обходит владенья свои.

Идет – по деревьям шагает, // Трещит по замерзлой воде.

И яркое солнце играет // В косматой его бороде [10, 106-107].

Картина оживает, именно благодаря глаголам, использованных Н. Некрасовым в разных лицах: *Я царство мое убираю, Вглядись! Идет! Глядит!*; благодаря междометным словам или частицам (Чу) (Ой!).

В эпизоде «Рубка дров» привлечены глаголы несовершенного и совершенного видов; они, безусловно, придают настоящему времени действенность и динамичность.

Не псарь по дубровушке трубит, // Гогочет, сорви голова;

Наплакавшись, колет и рубит // Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает – // Наполнить бы их поскорей,

И вряд ли сама замечает, // Что слезы все льют из очей:

Иная с ресницы сорвется // И на снег с размаху падет -

До самой земли доберется, // Глубокую ямку прожжет... [9, 90-91].

Нетрудно заметить, каким разнообразием может быть отмечена видовременная система глаголов в английском и русском языках, особенно, если она выступает в качестве специального стилистического средства придания всему литературному произведению элементов художественности и эмоциональную оценку.

Выводы и перспектива. Видовременные формы глагола в современном английском и русском языках, являясь значимыми элементами языка, в художественном тексте в соответствии с коммуникативной задачей автора, приобретают не просто дополнительную, а именно эстетическую значимость. Взаимодействуя с другими элементами языка, видовременные формы глагола реализуют свой экспрессивно-стилистический потенциал. Перспективным представляется сопоставительное исследование видовременных форм глагола тюркских и романских, тюркских и славянских языков.

Список литературы

1. Раевская, Н.Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка [Текст]. - Киев, 1973 - 230 с.
2. Решетова, Л.С. Функционально-стилистическая обусловленность реализации видовременных форм глагола в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]. - Минск, 1987 - 17 с.
3. Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики [Текст]. - Горький, 1975 - 175 с.
4. Смирницкий, А.И. Перфект и категория временной отнесенности [Текст] // ИЯШ. - 1955, № 1 - с. 3-11; № 2 - с. 15-29
5. Тураева, З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное [Текст]. - М.: Высшая школа, 1979. - 219 с.
6. Туранский, И.И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке. Автореф. дис. доктора филол. наук [Текст]. - Нижний Новгород, 1990. - 34 с.
7. Anderson, L.B. Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics [Текст]. - Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins, 1982. - 284 p.
8. Bache, C. The Study of Aspect, Tense and Action [Текст]. - Berlin / New York: Peter Lang, 1997. - 348 p.
9. Некрасов, А.Н. Стихотворения [Текст]. - М.: Детская литература, 1968 - т. 1.
10. Некрасов, А.Н. Поэмы [Текст]. - М.: Детская литература, 1968. - т. 2.

Байрамова А. М. Стилiстичний потенцiал вживання виду i часу в англiйськiй i росiйськiй мовах / А. М. Байрамова // Вченi записки Таврiйського нацiонального унiверситету iм. В. I. Вернадського. Серiя «Фiлологiя. Соцiальнi комунiкацiї». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 145-149.

Ця стаття присвячена стилiстичним можливостям використання виду та часу в англiйськiй i росiйськiй мовах. У данiй статтi пiдкреслюється використання перфекта минулого часу i перфекта майбутнього часу для досягнення рiзних стилiстичних ефектiв на англiйськiй мовi.

Ключовi слова: стилiстика, вид, час, категорiя

Bayramova A. M. Stylistic potential usage type and time in English and Russian / A. M. Bayramova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 145-149.

The present article deals with the stylistic potential of tense – aspect use in the English and the Russian languages. The use of Past Perfect and Future Perfect for achieving various stylistic effects in the English language is stressed in the given article. Also, different examples from Nekrasov's poetry are presented in the article to demonstrate the stylistic potential of tense and aspect in the Russian language.

Key words: stylistic potential, Past Perfect, Future Perfect

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 81'44

**СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Живцова О. А.

*Ташкентский государственный институт востоковедения, г. Ташкент, Узбекистан
E-mail: j.valera@mail.ru*

В статье рассматривается актуальность сопоставительно-типологического изучения категории отрицания на примере английского и узбекского языков, приводится обзор научно-теоретических материалов, посвященных изучению данной проблемы.

Ключевые слова: сопоставительная грамматика, английский язык, узбекский язык, категория отрицания, функциональная семантика

Постановка проблемы. В последнее время возрос интерес лингвистов к сопоставительным и типологическим исследованиям. Свидетельством этому может служить появление ряда фундаментальных научных теоретических исследований: монографий, книг, пособий, статей и проведение научно-теоретических конференций, посвященных проблемам сопоставительного, типологического и общего языкознания. Самое пристальное внимание учёных к исследованию проблем сопоставительного и типологического характера объясняется тем, что сопоставительное и типологическое языкознание хорошо зарекомендовало себя в качестве надёжного и компетентного источника установления как общих, так и различительных закономерностей развития, становления и функционирования языка.

Значение сопоставительных исследований отмечалось следующими исследователями: В.В. Виноградовым, А.И. Смирницким, В.Н.Ярцевой, А.В. Исаченко, Ш. Балли. Ш. Балли считал, что “благодаря сопоставительным исследованиям родной язык озаряется неожиданным светом” [21]. Акад. В.В. Виноградов отмечает, что “наряду со сравнительно-историческим изучением родственных языков возможно и даже необходимо сравнительное или сопоставительное изучение разнотипных языков” [11]. Сопоставительное изучение разнотипных языков, наряду с общими особенностями, выявляет расхождения между ними, обогащает языкознание новыми научными фактами. По справедливому замечанию В.Н. Ярцевой и А.В. Исаченко, предметом сопоставительных исследований должны быть не отдельные разрозненные факты, а важные и типичные категориальные явления, характерные для систем обоих сопоставляемых языков.

Независимость нашей страны создала благоприятные условия для развития всех отраслей науки и техники, а также выполнения Национальной программы по подготовке кадров. “Сегодня для нашей страны, стремящейся занять достойное место в мировом сообществе, трудно переоценить значение совершенного знания иностранных языков нашими людьми, весь народ наш видит своё великое будущее в согласии, со-

трудничестве с иностранными партнёрами” [9]. В эпоху развития международного сотрудничества изучение иностранных языков приобретает особо важное значение. Именно поэтому в национальных республиках возникает необходимость в сопоставительном анализе родного и иностранных языков. Последние десятилетия характеризуются возросшим интересом лингвистов к сопоставительным и типологическим исследованиям. На современном этапе развития Республики Узбекистан огромная роль принадлежит продуманной политике государства в решении комплекса экономических, социальных и культурных проблем, одной из которых является языковая.

Всё это, в целом, обуславливает и необходимость интенсификации исследований в области -типологического изучения кардинальных проблем английского и узбекского языков, развития и обогащения приёмов лингвометодики [24]. Это крайне необходимо потому, что многие вопросы сопоставительно-типологической характеристики английского и узбекского языков остаются неисследованными, что в полной мере относится и к сопоставительной характеристике выражения отрицания и утверждения в английском и узбекском языках. Сопоставительное исследование фактов разносистемных языков отвечает актуальным вопросам общего языкознания, определяется необходимостью теории и практики, теории перевода и лингвометодики, преподавания родного и иностранного языков. Сопоставительное изучение двух разносистемных языков имеет важное значение в переводческой работе. При сопоставлении двух или нескольких языков особенно ярко проявляется их своеобразие и закономерности. Что же касается изучения вопросов теории и практики перевода, то оно вообще не может успешно идти вперёд, если не будет опираться на данные сравнительно-типологических исследований. Повышение интереса к типологическим исследованиям в современной лингвистике связано с достижениями структурного направления, стремящегося к выработке универсальной теории лингвистического анализа и уделяющего всё больше внимания исследованию взаимодействия языковых систем. Особенностью сопоставительно-типологического исследования является стремление к последовательному осуществлению принципа системности при анализе и сопоставлении языковых фактов. Этот метод универсален тем, что он выходит за рамки родственных языков и направлен на систематическое сравнение сходств и различий языковых структур. По мнению В.Н. Ярцевой, “контрастивные исследования помогают проникнуть в суть языковых процессов и глубже понять законы, управляющие этими процессами: поэтому контрастивная лингвистика является той областью исследования, где пересекаются пути теории и практики” [4].

Типологические исследования разносистемных языков проблема относительно новая и является детищем системно-структурного языкознания середины XX века [24]. До этого времени разносистемные языки и их одноярусные явления рассматривались лишь в сопоставительном плане и преследовали, главным образом, научно-методические цели – способы передачи информации, закодированной лексико-грамматической системой одного языка посредством другого. Системно-типологические исследования разноструктурных языков являются непосредственным продолжением сравнительно-сопоставительных исследований и преследуют научно-теоретические цели – сравнение отдельных микросистем разноструктурных языков с целью выявления их структурных, системных общностей и различий. Структурно-типологические исследования, нашед-

шие широкое распространение при интерпретации структурных особенностей, в основном западно- и восточно-европейских языков, получили большое развитие в сопоставлении структуры узбекского и западно-европейских (прежде всего – английского и, отчасти, немецкого) языков. В этой области были достигнуты определённые успехи в выявлении типологических особенностей английского и узбекского языков. В этом – немалая заслуга В.Д. Аракина, С.Н. Иванова, Г.П. Мельникова, А.А. Абдуазизова, Ж. Буранова, А.А. Юлдашева, Д.М. Насилова и др. В свете вышеуказанного проблема изучения структурной типологии английского и узбекского языков на материале лексико-грамматической системы вырисовывается актуальной, так как предваряет новые типы лингвистических исследований в области разносистемных языков.

Сопоставительно-типологический аспект языкознания во все времена являлся предметом тщательного и глубокого анализа со стороны многих исследователей и учёных. Сравнение как метод исследования всегда представлял научный интерес. Поэтому не случайно, что за последние годы появилось много крупных работ и сборников по сопоставительному изучению родственных и неродственных языков (русского и узбекского, русского и тюркских языков, немецкого и узбекского, английского и азербайджанского и др.) Наряду с этим ведутся научные исследования по изучению английского и узбекского языков в сравнительно-типологическом аспекте, имеющие большую актуальность, как в теоретическом, так и в практическом отношении. Появился ряд ценных исследований по сопоставительному изучению английского и узбекского языков.

Методологическая основа работы М.А. Салиевой связана прежде всего с неизученностью фонологической структуры слова в узбекском и отсутствием её сравнения с английским языком. В связи с этим М.А. Салиева исследовала фонемную, фонотактическую и просодическую структуру слова разносистемных языков. М.А. Салиева отмечает, что разнообразие языков устанавливается не только с помощью морфологической классификации, а также “... отдельные языки различаются не разными признаками, а разной мерой проявления определённых признаков или свойств” [20]. При анализе таких языков как английский и узбекский, считающихся неслоговыми, необходимо основываться на слове, ибо это позволяет глубже провести анализ из-за включённости одновременно морфемы, слога и фонемы. В своей работе М.А. Салиева сделала попытку найти достаточно эффективные методы и принципы сравнительно-типологического исследования фонологической структуры слова в английском и узбекском языках с привлечением некоторых других языков, по возможности установление различий и сходств в использовании фонематических и просодических средств.

Цель исследования А.А. Абдуазизовой – определить, являются ли паралингвистические средства универсальными в английском, русском и узбекском языках и какими различительными признаками они характеризуются в этих языках, а также – как они функционируют в вербальной и невербальной коммуникации и письменных текстах. Основная задача работы состоит в сравнительном анализе паралингвистических средств в английском, русском и узбекском языках. Актуальность исследования заключается в том, что в современном языкознании теоретически и практиче-

ски отсутствуют исследования по сравнению паралингвистических средств в различных языках [10].

В работе Ш.С. Ашурова иллюстрируются семантические особенности элементарных синтаксических единиц в позиции сказуемого в структуре предложения английского и узбекского языков. Цель работы состоит в проведении типологического исследования сказуемого в английском и узбекском языках, компонентного и синтаксического анализа синтаксических единиц в позиции сказуемого, выявление изоморфных и алломорфных особенностей элементов [15]. Также были рассмотрены элементарные синтаксические единицы в позиции ядерного предецирующего компонента (сказуемого) в сравнительно-типологическом плане английского и узбекского языков на основе моделирования в синтагматическом и парадигматическом плане. Выявлены дифференциальные синтаксико-семантические признаки, их варианты на основе метода эксперимента и определены их основные схождения и расхождения с точки зрения синтаксической тематики.

Методологической основой работы Т.Эргашева является проблема сопоставительно-типологического изучения категории каузативности на материале языков различной типологической принадлежности. Актуальность данного исследования диктуется тем, что, во-первых, до сих пор не выявлен общелингвистический статус категории каузативности, исходя из её места в системе залоговости; во-вторых, не разработана общая методика её сопоставления в лингвистической типологии; в-третьих, пока нет ещё полного анализа языковых систем, исходя из наличия и отсутствия специальных языковых форм, выражающих каузативность; в-четвёртых, мало изучена каузативность в межкультурной переводческой деятельности, исходя из общей категориальной сущности данного явления [8].

Исследовательская работа М.И.Гадоевой посвящена типологической категории неопределённости, которая представляет большой интерес с точки зрения сравнительно-сопоставительного языкознания, так как сравниваемые языки располагают определенной формальной гетерогенностью в выражении выбранного категориального понятия, выражающейся в том, что в одном языке наличествуют специальные единицы, в то время как в другом языке они отсутствуют [15]. Почти во всех германских и тюркских языках рассматривались различные стороны определённости и неопределённости. В типологическом плане в анализируемых языках неопределённость не изучена с учётом разноуровневости и разноразрядности, и на этом основании многие стороны данного категориального понятия по-прежнему остаются нерешёнными.

В научно-исследовательской работе Т.А. Мадрахимова были проанализированы структурно-семантические и функционально-прагматические особенности разговорной речи английского и узбекского языков с точки зрения коммуникативной лингвистики и сравнительной типологии. Рассмотрены роль и факторы, определяющие характеристику разговорной речи в сравниваемых языках. Разъяснены общие и специальные особенности разговорной речи английского и узбекского языков, изучение их структурно-семантических особенностей и определение сходств и различий между ними [12].

Хочется отметить, что сопоставительный анализ английского и узбекского языков был проведён и другими исследователями: У.К. Юсуповым, Ю. Саидовым, Х.С. Барнаходжаевой, Н.З. Зуфаровой и др. Проанализировав ряд работ, направленных на изучение английского и узбекского языков в сравнительно-типологическом аспекте, мы заметили, что интерес к изучению разнотипных языков остаётся повышенным, существует актуальность и научная новизна исследований.

При анализе таких языков как английский и узбекский хотим заметить, что проблема исследования способов выражения отрицания в английском и узбекском языках до сих пор не получила всестороннего анализа. Это, прежде всего, связано с отсутствием изученности этого вопроса в сравнительно-типологическом аспекте и данный вопрос не являлся объектом специального исследования. Актуальность исследования будет обусловлена тем исключительным значением для структуры любого языка, которая имеет категория отрицания. Необходимость исследования столь обязательной характеристики языка очевидна, а важность проблемы отрицания для теоретической лингвистики и семиотики, для семиозиса языка вытекает из обязательной категории отрицания для любого языка [18]. Исследование категории отрицания необходимым образом ведёт к раскрытию проблемы “язык и мышление”; в связи с этим рассматриваются вопросы о соотношении логики и лингвистики, суждения и предложения, слова и понятия – всё это актуальные и наиболее спорные проблемы современной теоретической лингвистики. Существует ряд работ, направленных на изучение категории отрицания в английском и узбекском языках в общем аспекте, но исследования в сравнительно-типологическом аспекте не были проведены.

Проблема отрицания представляется достаточно сложной и, несмотря на тот факт, что она подвергалась анализу в русле различных лингвистических течений, многие положения до сих пор не получили достаточного обоснования и чёткой трактовки [78]. Не утратил актуальности вопрос о правомерности выделения неграмматических способов выражения отрицания, нашедший отражение в ряде статей и диссертационных исследований, посвящённых некоторым видам имплицитного отрицания и отрицательной оценки. Отдельные замечания о грамматических и стилистических особенностях собственно-отрицательных конструкций, а также указание на их синтаксический статус, высказанные в самой общей форме, содержатся лишь в некоторых учебных пособиях по стилистике (Кузнец М.Д., Скребнёв Ю.М., Арнольд И.В.). В лингвистической литературе до сих пор не существует целостного представления о месте неграмматических способов выражения отрицания в системе английского и узбекского языков и особенностях их употребления. Несмотря на значительное количество конкретных исследований, посвящённых различным аспектам отрицания, специальных исследований по изучению выражения отрицания в английском и узбекском языках в сравнительно-типологическом аспекте до настоящего времени не проводилось.

В свете вышесказанного следует отметить, что отрицание в языке – одна из важных проблем общего языкознания, имеющая непосредственное отношение к решению таких теоретических вопросов, как соотношение формы и содержания, структурно-семантической организации предложения. Будучи семантически неделимой смысловой категорией, не допускающей определения с использованием более простых понятий, отрицание выступает важным компонентом мысли и выражающего её предложения. В

силу разветвлённости системы средств, выражающих отрицание в предложении, сложностей их взаимосвязей и коммуникативной семантики, изучение выражения отрицания относится к числу проблем, которые в течение длительного времени привлекают заслуженное внимание лингвистов. Мы постарались провести анализ некоторых исследований, которые были сделаны в русском, узбекском и английском языках относительно способов выражения отрицания. Также нами был рассмотрен ряд следующих исследовательских работ: сравнительно-типологические особенности лексико-семантических групп глаголов психического состояния; сравнительно-типологический анализ паралингвистических средств; сравнительно-типологический анализ причастий; сравнительно-типологический анализ фонологической структуры слова; личные формы глагола, выражающие нереальность; степени сравнения и сравнительные конструкции; функционально-семантические особенности разговорной речи и др. Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день существует:

1. ряд исследовательских работ, посвящённых сравнению английского и узбекского языков в сравнительно-типологическом аспекте;
2. определённое количество работ, в которых изучался аспект отрицания в узбекском языке;
3. исследования по изучению аспекта отрицания в английском языке.

Несмотря на наличие ряда исследований, посвящённых рассмотрению отрицания в обоих языках, всё же эта проблема до сих пор не получила всестороннего анализа. Таким образом, можно прийти к выводу, что вопрос исследования выражения способов отрицания в английском и узбекском языках в сравнительно-типологическом аспекте не был объектом специального исследования и на сегодняшний день представляется актуальной проблемой данного направления языкознания.

Выводы и перспектива. Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод, что, несмотря на наличие ряда исследований, посвящённых рассмотрению отрицания в обоих языках, всё же эта проблема до сих пор не получила всестороннего анализа. Таким образом, можно прийти к выводу, что вопрос исследования выражения способов отрицания в английском и узбекском языках в сравнительно-типологическом аспекте не был объектом специального исследования и на сегодняшний день представляется актуальной проблемой данного направления языкознания.

Список литературы

1. Ch. Bally. *Traite de Stylistique francaise*, 1 vol. Heidelberg, 1921.
2. Виноградов В.В. Развитие языкознания // Сессия отделения общественных наук АН.- М.: Изд-во АН СССР, 1951.
3. Каримов И.А. Гармонично-развитое поколение – основа прогресса Узбекистана (речь на 9-ой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 29 августа 1997 г.) // Мечта о совершенном поколении. Ташкент, 1999.
4. Бегматова А.М. Сравнительно-типологический анализ причастий русского и узбекского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1999.
5. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М., 1981.

6. Файзуллаев М.Б. Сравнительно-типологические особенности лексико-семантических групп глаголов психического состояния в русском и узбекском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Ташкент, 1994.
7. Салиева М.А. Сравнительно-типологический анализ фонологической структуры слова в английском и узбекском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Т., 2002.
8. Абдуазизова Д.А. Сравнительно-типологический анализ паралингвистических средств (на материале английской, узбекской и русской вербальной и невербальной коммуникации): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Ташкент, 1997.
9. Ашуров Ш. С. Инглиз ва узбек тилларида кесим типологияси: Филология фанлари номзоди ... дис. автореферати. Т., 2007.
10. Эргашев Т. Выражение категории каузативности в разносистемных языках (на материале английского, узбекского и других языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Т., 1990.
11. Гадоева М.И. Типологическая категория неопределенности и способы её выражения в разносистемных языках (на материале английского и узбекского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Т., 1990.
12. Мадрахимов Т. А. Инглиз ва ўзбек тиллари сўзлашув нутқининг функционал-семантик хусусиятлари: Филология фанлари номзоди ... дис. автореферати. - Т., 2008.
13. Бахарев А.И. Отрицание в русском языке (сущность, способы выражения, история развития и современное состояние): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. - С.И., 1996.
14. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. - М., 2001.

Живцова О. О. Зіставно-типологічний аспект дослідження категорії заперечення (на прикладі англійської та узбецького мов) / О. О. Живцова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 150-156.

У статті розглядається актуальність зіставно-типологічного вивчення категорії заперечення на прикладі англійської та узбецького мов, наводиться огляд науково-теоретичних матеріалів, присвячених вивченню даної проблеми.

Ключові слова: співставна граматики, англійська мова, узбецька мова, категорія заперечення, функціональна семантика

Zhivtsova O. A comparative-typological aspect of the research category of negation (for example, English and Uzbek) / O. A. Zhivtsova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 150-156.

The article discusses the relevance of comparative-typological study of the category of denial by the example of English and Uzbek languages, provides an overview of the scientific and theoretical materials devoted to the study of this problem.

Key words: comparative grammar, English, Uzbek language, a category of negation, functional semantics

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 81'373.72

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ «CAT» И «DOG» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Дьякова Н. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

В статье исследуется универсальное и специфическое в микросистемах ФЕ английского и русского языков, анализируются эквиваленты, аналоги и безэквивалентные ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, эквиваленты, аналоги ФЕ

Постановка проблемы. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что фразеологические единицы /ФЕ/ носят ярко выраженный национальный характер. Наряду с чисто национальными ФЕ имеется много интернациональных устойчивых словосочетаний, что характерно как для английской, так и русской фразеологии. Большинство фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Кроме того человек стремится наделить объекты внешнего мира своими чертами. Так В.Г.Гак отмечает, что «поскольку в центре внимания человека находится он сам, то отсюда его постоянное стремление описывать окружающий мир по образу и подобию своему. Языковой антропоморфизм является не пережитком первобытного мышления, как это утверждают некоторые философы, но общим законом развития номинации в языке»[1]. Под языковым антропоморфизмом понимается наделение человеческими свойствами предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных и мифологических существ, что особенно ярко проявляется во фразеологии. Фразеологизмы являются языковыми универсалиями, так как нет языков без фразеологии, в которой как в зеркале «лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание»[2]. Фразеологические единицы могут отражать общечеловеческие представления о мире и являются универсальными для языковых систем нескольких социумов, передавая ту же культурную информацию одинаковыми символами. Цель работы показать универсальное и специфическое в микросистемах ФЕ с компонентами cat и dog английского и русского языков. Эти домашние животные сопровождают человека всю жизнь, что и отражено в значительном количестве ФЕ /61 с dog, 56 – cat/ в английском языке, в русском намного меньше. Материал отобран методом сплошной выборки из Англо-русского фразеологического словаря, Фразеологического словаря русского языка и Longman Dictionary of English Idioms [3]. В ходе исследования использовались метод фразеологического анализа в двух его разновидностях: фразеологической идентификации и фразеологического описания, сравнительно-сопоставительный и метод компонентного анализа. Фразеологическая единица определяется как устойчивое сочетание слов с осложненным значением [4]. Выделенный корпус составили разнообразные по структуре ФЕ, как номинативные так и коммуникативные: **a copy cat, a fat cat; a gay dog, a dumb**

dog; as nervous as a cat; as sick as a dog; bell the cat, shoot the cat; put on the dog, give to the dogs; when the cat is away the mice will play; the dog returns to his vomit. Такие же структурные типы представлены и в корпусе русских ФЕ: **драная кошка, каждая собака; как угорелая кошка, как собак нерезанных; играть в кошки – мышки, навешать собак; кошки скребут на душе, вот где собака зарыта.** С семантической точки зрения все фразеологические единицы полностью или частично переосмыслены в обоих языках, поскольку все они относятся к человеку, характеризуют его настроение, действия и образ жизни. Выделяется семантическая группа с отрицательной характеристикой человека: **a gay cat** – прожигатель жизни, волокита; **a cool cat** – любитель «спокойного» джаза; **a copy cat** – «обезьяна», человек, подражающий другим; **a fat cat** – толстосум; **an old cat** – сварливая, злая старуха; **a singe cat** – человек, кажущийся хуже, чем есть на самом деле; **a tame cat** – бесхарактерный человек; **a dead dog** – человек, от которого нет никакой пользы; **a dirty dog** – дрянь, подлец, грязная скотина; **a dull dog** – скучный, нудный человек; **a dumb dog** – неразговорчивый человек; **a gay dog** – распутник; **lame dog** – неудачник; **a sad dog** – мрачный, угрюмый человек; **a sly dog** – скрытный человек; **yellow dog** – подлый, трусливый человек; **a cat in the pan** – изменник, предатель; **the under dog** – побежденный человек, подчиненный; **a dog in the manger** – «собака на сене».

Фразеологические единицы с положительной характеристикой не столь многочисленны; **a fat cat** – знаменитость, **a clever dog** – умница, **top dog** – хозяин положения, **hot dog** – классный спортсмен. Следующая семантическая группа именных ФЕ характеризует неодушевленные предметы: **wild cat** – ненадежное дело, **a cat in the meal** – тайна, секрет, **a dead dog** – ненужная вещь, **hot dog** – булочка с горячей сосиской, **a dog in a blanket** – пудинг с вареньем. Здесь выделяются омонимичные ФЕ: **a fat cat, a dead dog, hot dog**, в основе переноса значения которых разные образы. В нескольких именных ФЕ, определяющих абстрактные понятия компонент **dog** употреблен в притяжательном падеже: **a dog's chance** – слишком малый шанс на успех, **a dog's dinner** – мешанина, плохо выполненная работа, **a dog's life** – беспокойная, несчастная жизнь, функционирует как определение и придает всему словосочетанию негативную коннотацию. Адъективные, в основном компаративные ФЕ, образуют отдельную семантическую группу, в которой компоненты **cat** и **dog** усиливают прямое значение прилагательного, в результате происходит сдвиг в семантике всего словосочетания; **as nervous as a cat** – очень нервный, его синоним **like a cat on hot bricks**, **as weak as a cat** – совершенно обессилевший, **as sick as a dog** – очень сильно болен, **as tired as a dog** – устать как собака. Адвербиальные ФЕ так же основаны на сравнении; **like a cat in a strange garret** – не в своей тарелке, **like a scalded cat** – сломя голову, истошным голосом. Сравнение лежит в основе сдвига значения глагольных компаративных ФЕ: **fight like cat and dog** – сориться яростно, **fight like Kilkenney cats** – бороться не на жизнь, а на смерть, **grin like a Cheshire cat** – ухмыляться во весь рот, **have as many lives as a cat** – быть живучим как кошка, **die like a dog** – в ужасных условиях, **feel like something the cat has brought in** – неважно, неловко себя чувствовать, **look like something the cat has brought in** – неважно выглядеть, **look like the cat after it had eaten the canary** – иметь довольный вид, сиять, светиться довольством. Последние три оборота являются частичнопредикатив-

ными ФЕ, их вторая часть – придаточное предложение. Коммуникативные ФЕ представлены пословицами и поговорками, цельнопредикативными предложениями; **all cats love fish but fear to wet their paws** - кошка хочет рыбку, а замочить лапки боится /и хочется и колется/; **a cat in gloves catches no mice** – в перчатках мышей не ловят /без труда не вытащишь и рыбки из пруда/; **the cat shuts its eyes when stealing cream** – людям свойственно закрывать глаза на свои грешки; **every dog has its day** - каждому, даже самому несчастному, дается шанс на успех; **there's life in the old dog yet** - есть еще порох в пороховницах; **let sleeping dog lie** – не буди лиха, пока оно спит; **barking dog seldom bite** - не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой. Пословицы обобщают человеческий опыт и имеют дидактический, поучительный смысл. При изучении английских и русских соответствий ФЕ рассматриваются в трех аспектах; семантическом, структурном и компонентном. По степени семантических соответствий в межъязыковых отношениях выделяют фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные ФЕ. Эквиваленты семантически тождественны, могут иметь некоторые структурные расхождения, вполне объяснимые различиями грамматических структур неблизкородственных языков. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил выделить полные эквиваленты исследуемых ФЕ в английском и русском языках.

All cats are grey in the night - *Ночью все кошки серы* - полное совпадение значения ФЕ, незначительное различие в количестве компонентов и порядке слов. **Have as many lives as a cat** – *быть живучим как кошка*; **like a scalded cat** – *как угорелая кошка*; **play cat and mouse** – *играть в кошки мышки*; **a cat has nine lives** – *кошки живучи, у кошки семь жизней*; **dog in the manger** - *собака на сене*; **a dog's life** – *собачья жизнь*; **(as) tired as a dog** – *устал как собака*; **The dogs bark, but the caravan goes on** – *собака лает, а караван идет*.

Аналоги близки по значению, но различаются компонентным составом и структурой, образной основой и коннотацией. Особого внимания заслуживают так называемые «ложные друзья переводчика», ФЕ, имеющие одинаковую структуру, но различаются семантически. ФЕ-аналоги в английском и русском языках представлены следующими словосочетаниями. **A cat may look at a king** - *и мы не лыком шиты*; **(has the) cat got your tongue?** - *язык проглотил?* **(let) the cat out of the bag** – *тайное стало явным*; **bell the cat** – *пойти на риск, ввязаться в авантюру*; **curiosity killed the cat** – *любопытной Варваре нос оторвали*; **grin like a Cheshire cat** - *улыбаться во весь рот*; **work like a dog** – *работать как лошадь, вол*; **rain cats and dogs** - *дождь льет как из ведра*; **every dog has its day** - *будет и на нашей улице праздник*; **help a lame dog over a stile** - *выручить из беды*; **there's life in the old dog yet**- *старый конь борозды не испортит*; **barking dogs seldom bite** – *не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой*; **beware of a silent dog and still water** - *в тихом омуте черти водятся*; **the dog returns to his vomit** - *преступника тянет на место преступления*. **The scalded dog fears cold water** – *обжегшись на молоке, дуешь на воду*.

Безэквивалентные ФЕ не сопоставимы с иноязычными понятиями, связанными с национально-культурным компонентом значения, восходящим к истории, религии, традициям и фольклору народов. Особую трудность представляет перевод безэквивалентных ФЕ на другой язык. Обычно используют описательный перевод и

калькирование, которое дает возможность передать образ устойчивого словосочетания, что невозможно при объяснении значения ФЕ свободным сочетанием. Среди безэквивалентных ФЕ прежде всего выделяются сочетания обозначающие реалии в жизни двух народов. В английском языке это такие сочетания: **a red dog** - покер; **yellow dog contract** - обязательство не вступать в профсоюз и не участвовать в борьбе за свои права. Русские ФЕ такие как **черная кошка пробежала; кошки скребут на душе; тянуть кота за хвост; кот заплакал**, не имеют ни эквивалентов, ни аналогов в английском языке.

Выводы и перспектива. Сравнительно сопоставительный анализ микросистем ФЕ с компонентами cat и dog в английском и русском языках показал, что семантически они идентичны, так как характеризуют человека, его поведение, образ жизни и некоторые предметы его окружающие. Можно отметить относительно высокий уровень эквивалентности ФЕ двух микросистем, что подтверждается наличием как полных эквивалентов, так и аналогов, и свидетельствует об общем универсальном компоненте в двух языках. Безэквивалентные ФЕ указывают на различия в микросистемах английского и русского языков, обусловленных национально-культурными особенностями, самобытностью народов, а также различием грамматического строя языков.

Список литературы

1. Гак В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения / В.Г. Гак. – М., 1967. – 274 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 9.
3. Англо-русский фразеологический словарь под ред. Кунина А.В. – М., Русский язык, 1984. – 942 ; Фразеологический словарь русского языка под ред. Молоткова А.И. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.; Longman Dictionary of English Idioms. Longman Group Limited. – Harlow and London. 1980. – 387 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / Александр Владимирович Кунин. – М. : «Высшая школа», 1996. – С. 26.

Дьякова Н. А. Одиниці фразеологізмів з компонентами "cat" і "dog" в англійській і російській мовах у світлі мовної картини світу / Н. А. Дьякова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 157-160.

У статті досліджується універсальне та специфічне в мікросистемах ФО англійської та російської мов, аналізуються еквіваленти, аналоги та безеквівалентні ФО.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, еквіваленти, аналоги ФО.

Diakova N. A. Phraseological Units with "cat" and "dog" in English and in Russian as a Part of Lingual Picture of the World / N. A. Diakova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 157-160.

The article deals with the analysis of universal and specific features of phraseological microsystems of the English and Russian languages, the idiom are compared and their equivalents, analogs and phrases having no equivalents are stated.

Key words: phraseological unit, equivalent, analog.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 811.161.2'373:27-534.3

ГЕНДЕРНИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНОГО ВИРАЖЕННЯ ОБРАЗУ СВЯТОГО У МОЛИТВІ

Гаврилашук О.

Черновецкий национальный университет им. Ю. Федьковича, г. Черновцы, Украина
E-mail: lesia.orchii@mail.ru

У статті представлений аналіз звертань до святих у сакральних текстах. Дослідження здійснене на матеріалі україномовних молитов (православних та греко-католицьких) і розкриває образ святого і святої, віддзеркалений у звертаннях до нього. Аналіз виконаний з урахуванням гендерних та вікових особливостей святих.

Ключові слова: молитва, сакральний текст, святі, номінація адресата мовлення, гендерні особливості.

Постановка проблеми. Мовні особливості сакральних текстів в українському мовознавстві часто представлені роботами, предметом дослідження яких є номінації адресата мовлення [1], [2], [3], [4].

У своїх попередніх дослідженнях [5], [6] ми подали аналіз номінацій адресата мовлення святого-чоловіка та святої-жінки у молитві із вказівками на розряди святих (апостол, архистратиг, великомученик, великомучениця, мученик, мучениця, преподобний та ін.) згідно із канонізацією певного святого церквою.

Метою цієї роботи є аналіз лексико-семантичних особливостей вираження образів святого-чоловіка і святої-жінки через аналіз номінацій адресата мовлення. Матеріалом дослідження є україномовні (православні та греко-католицькі) акафістики та молитовник.

Відповідно до семантичного навантаження звертань у молитвах до святих можна виокремити лексико-семантичні групи номінацій адресата мовлення. За основу поділу на групи беремо класифікацію М. Скаба, яка враховує значення лексем з огляду на їх функціонування у ролі номінацій адресата мовлення [7, с. 36-72]. При поділі на групи використовуємо тільки загальні назви, які виокремлюємо як ключове слово із багатокomпонентних звертань.

Лексико-семантичні групи номінації адресата мовлення у молитвах до святого-чоловіка.

Загальна назва особи, що містить сему 'земна істота' ('людина') *О священна главо, ангеле земний і людино небесна, преподобний і благоносний отче наш Феодосію [...]* (Акаф. 2007, т. II, с. 324).

Назва особи за її стосунками з іншими особами виражена семою 'особа, приємна для когось' ('угодник'): *То ж Угодниче Божий, ублагай Христа Господа, щоб через твоє заступництво дарував здоров'я тілу моєму і душі моїй спасення. Амінь* (Акаф. 2000, с. 213).

Назви осіб за родом діяльності семантично представлені так: 'продовжувач вчення' ('апостол', 'послідовник', 'учень'): *Первозванный апостол Бога і Спа*

нашого Ісуса Христа, Церкви **послідовнику** верховний, всехвальний Андрію, славимо і величаємо апостольські труди твої [...] (Акаф. 2007, т. II, с. 217); ‘духовний сан’ („отець”, „святитель”): *О великий угоднику Христів, **святителю отче** Макарію, в житті твоєму вірних твоїх любов’ю, більшою за смерть [...]* (Акаф. 2007, т. I, с. 281); ‘особа, що лікує’ („цілитель”): *О преславний **цілителю**, великомучениче Пантелеїмоне!* (Акаф. 2000, с. 213); ‘особа, що повчає’ („учитель”, „наставник”): *О добрий пастирю і **наставнику**, приснозгадуваний ченців руських першоначальнику, преподобний і богоносний отче наш Антонію!* (Акаф. 2007, т. II, с. 307); ‘провідник’ („пастир”): *О добрий **пастирю** і наставнику, приснозгадуваний ченців руських першоначальнику [...]* (Акаф. 2007, т. II, с. 307); ‘особа, що стоїть на чолі кого-, чогонебудь’ („глава”): *О священна **главо**, преподобний і богоносний отче наш Сергію [...]* (Акаф. 2007, т. II, с. 412); ‘особа, що започатковує щось’ („першоначальник”): *О добрий пастирю і наставнику, приснозгадуваний ченців руських **першоначальнику**, преподобний і богоносний отче наш Антонію!* (Акаф. 2007, т. II, с. 307); ‘виконавець священних дій, обрядів’ („молитвеник”, „молільник”): [...] *скорий помічнице і **молільнице** за всіх, хто до тебе прибігає!* (Акаф. 2000, с. 306); ‘поширювач вчення’ („просвітитель”, „проповідник”): *Хрестителю Христовий, покаяння **проповіднице**, не відвернися від мене [...]* (Акаф. 2000, с. 136).

Найменування осіб за суспільним та майновим статусом представлено семою ‘носій титулу’ („князь”): [...] *рівноапостольний **княже** Володимире! Ти відкинув зловір’я [...]* (Акаф. 2007, т. I, с. 208).

Назви осіб за особливостями поведінки мають таке семантичне наповнення: ‘особа, що зазнає мук’ („великомученик”, „мученик”, „страстотерпець”, „священномученик”): *О святий угодниче Божий, **священномучениче** Кипріяне [...]* (Акаф. 2000, с. 306); ‘особа, що допомагає’ („помічник”, „слуга”): [...] *преподобний і богоносний отче наш Феодосію, прекрасний **слуга** Пресвятої Богородиці [...]* (Акаф. 2007, т. I, с. 324); ‘охоронець’ („заступник”, „захисник”, „поборник”, „прогонитель”): *О преславний угоднику Христів Іоанне воїне, хоробрий у битвах, ворогів **прогонителю** і покривджених **заступнику**, всіх православних християн великий **захиснику** і угоднику Христів [...]* (Акаф. 2007, т. III, с. 234); ‘особа, що бореться’ („воїн”): *О великий **поборнику**, Іоанне воїне, не забудь нас, грішних [...]* (Акаф. 2007, т. III, с. 234).

Назва за особистими та набутими якостями. Цю лексико-семантичну групу представляють такі значеннєві одиниці: ‘особа, що творить чудеса’ („чудотворець”): *Охорони, **чудотворцю** святий, благосильними твоїми молитвами обитель твою, і всю Україну нашу [...]* (Акаф. 2007, т. II, с. 307); ‘особа, що передбачає, віщує’ („пророк”): *Так, о Христовий Хрестителю, чесний Предтече, **Пророче** останній і перший у благодаті мучениче [...]* (Акаф. 2000, с. 136); ‘красномовна особа’ („золотоуст”): [...] ***золотоусте** слов’янський, почуй нас грішних, що молимося до тебе [...]* (Акаф. 2007, т. III, с. 204); ‘який уславив себе’ („преславний”): *Укріпи своїми молитвами, **преславний**, владу нашу, яка у великому і важкому подвизі трудиться [...]* (Акаф. 2007, т. II, с. 182-183); ‘який має певну якість, характеристику’ („благосердний”, „всечесний”, „хоробрий”): *Благай, **благосердний**, Чоловіколюбця Бога, щоб Він продовжив на нас велику милість Свою [...]* (Акаф. 2007, т. I, с. 208); ‘який

набув характеристику' („богообраний”, „богопрославлений”, „наречений”): [...] *богообраний і богопрославлений, рівноапостольний княже Володимире!* (Акаф. 2007, т. I, с. 208).

Лексико-семантичні групи номінації адресата мовлення у молитвах до кількох святих-чоловіків.

Загальна назва, виражена семою ‘дві особи’ („двоїця”): *О двоїце священна, братіє прекрасна, мужні страсотерпці Борисе і Глібе* (Акаф. 2007, т. II, с. 271).

Назви осіб за їх стосунками з іншими особами представлені семами: ‘прихильник когось’ („ревнителі”, „друзі”): *О всеблаженні і преподобні Іове і Феодосію, православної віри великі ревнителі* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 326); ‘товариство одноподумців’ („братія”): *О двоїце священна, братіє прекрасна, мужні страсотерпці Борисе і Глібе* [...] (Акаф. 2007, т. II, с. 271); ‘особа, приємна для когось’ („угодники”): [...] *земні ангели, ближні друзі Христові і угодники Божі* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 326).

Назви осіб за родом діяльності семантично виражені так: ‘продовжувач вчення’ („апостоли”): *О преславні апостоли Петре і Павле* [...] (Акаф. 2007, т. II, с. 202); ‘духовний сан’ („отці”): *Вознесіть молитву, преподобні отці, і хворих ціліть, малодушних підтримайте* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 326); ‘особа, що трактує віросповідання’ („сповідники”): *О святі мученики і сповідники Христові Гурію, Самоне і Авіве!* (Акаф. 2007, т. II, с. 353); ‘особа, що повчає’ („вчителі”, „наставники”): [...] *наставники чистоти і цнотливості, невтомні подвижники* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 326); ‘провідник’ („пастирі”): *Молимо вас, пастирі наші, охороніть нас молитвами вашими* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 326); ‘поширювач вчення’ („світільники”): *О пресвітлі світильники Церкви Христової, Василю, Григорію і Іоанне* [...] (Акаф. 2007, т. II, с. 234).

Назви осіб за особливостями поведінки містять такі значеннєві компоненти: ‘особа, що зазнає мук’ („мученики”, „страсотерпці”): *Молимо вас, христолобиві страсотерпці, виблагайте у великодаровитого владики всім нам відпущення гріхів наших* [...] (Акаф. 2007, т. II, с. 271); ‘особа, що робить самопожертви’ („подвижники”): [...] *наставники чистоти і цнотливості, невтомні подвижники, віри православної поборники* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 326); ‘охоронець’ („заступники”, „охоронителі”, „поборники”, „ангели”, „стіна”): [...] *земні ангели, ближні друзі Христові і угодники Божі* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 326).

Назви за особистими та набутими якостями виражені такими семами: ‘об’єкт захоплення, похвали’ („слава”, „окраса”): [...] *обителі вашої славо і окрасо* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 326).

Лексико-семантичні групи номінації адресата мовлення у молитвах до святої-жінки.

Назви осіб за ознаками віку і статі представлені семою ‘молода неодружена особа жіночої статі’ („діва”, „дівиця”, „невіста”): *Моли Господа, чиста дівице, моли Милосердного, свята мученице, моли Жениха твого, непорочна Христова невісто* (МЛ, с. 181).

Назви осіб за спорідненістю та свояцтвом представлені семою ‘жінка, що має дітей’ („мати”): *О святі достохвальні мучениці Віро, Надіє і Любове і мужніх дочок мудра мати Софіє* [...] (Акаф. 2007, т. II, с. 342).

Назви осіб за їх стосунками з іншими особами виражені семами: ‘близька людина’ („мати”): *О свята всеблаженна мати Ксеніє!* (МЛ, с. 249); ‘особа, приємна для когось’ („першоугодниця”, „угодниця”): [...] *першоугоднице* руська, тепла за нас перед Богом заступнице [...] (Акаф. 2007, т. I, с. 224).

Назви осіб за родом діяльності представлені семами: ‘виконавець священних дій, обрядів’ („молитовниця”): [...] *тепла за нас перед Богом заступнице і молитовниче* [...] (Акаф. 2007, т. I, с. 224); ‘поширювач вчення’ („последовниця”): [...] *заповідей Господніх последовниче*, що сподобилася прийти до пристановища вічного [...] (МЛ, с. 180).

Найменування осіб за суспільним та майновим статусом представлені семою ‘носій титулу’ („княгиня”): *О свята рівноапостольна княгине Ольго* [...] (Акаф. 2007, т. I, с. 224).

Назви осіб за віросповіданням виражені семою ‘сповідувач християнства’ („раба”): *О вибрана серед жінок та вірна рабо Христова!* (МЛ, с. 183).

Назви осіб за особливостями поведінки представляють наступні семи: ‘особа, що зазнає мук’ („великомучениця”, „мучениця”, „страстотерпниця”): *Молимо тебе, свята мученице, будь нашою заступницею перед Христом Богом, блаженною турботою Якого ти звеселяєш* (МЛ, с. 180); ‘особа, що допомагає’ („покровителька”): *О свята та преблаженна мученице Христова Параскево, [...] ідолського обману покровителько* [...] (МЛ, с. 180); ‘охоронець’ („поборниця”, „заступниця”): [...] *першоугоднице руська, тепла за нас перед Богом заступнице і молитовниче* (Акаф. 2007, т. I, с. 224).

Назви за особистими та набутими якостями мають такий набір сем: ‘покірлива людина’ („агниця”): *О свята мученице Тетяно, невісто найсолодишого Жениха твого Христа! Агнице Агнця Божественного!* (Акаф. 2007, т. III, с. 292); ‘об’єкт захоплення, похвали’ („краса”, „подив”, „похвала”, „слава”): *Преподобна Анастасіє, дівствениць похвало і мучениць славо!* (МЛ, с. 202); ‘особа, що є втіленням чогось’ („дзеркало”, „образ”): *О свята та преблаженна мученице Христова Параскево, дівоча красо, мучеників похвало, чистоти образе, доблесті дзеркало* [...] (МЛ, с. 179); ‘перший етап канонізації святого’ („благоблаженна”): *Чистоту дівства полюбивши і обручника на добро наставивши, безліч багатства витратила ти, благоблаженна, і воздвигала обитель для життя іноків* (МЛ, с. 234); ‘який багато страждає’ („багатостраждальна”): *Тому і нині вітаємо тебе, багатостраждальна, і, дивлячись на святую ікону твою, з розчуленістю звиваємо до тебе: всесечна Параскево* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 280); ‘який долучений кимось до когось’ („приєднана”): [...] *запашне тіло ти одягнула стражданнями як царськими ризами, до соборів небесних приєднана, торжествуєш нині у славі вічній* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 292); ‘який обраний з-поміж інших’ („вибрана”): *О вибрана серед жінок та вірна рабо Христова! Допоможи нам, щоб ми не загинули в пристрастях та по хотях наших* [...] (МЛ, с. 183).

Персоніфіковані назви осіб представлені семою ‘звертання до дівчини, жінки’ („голубка”): *Голубко цнотливості, запашне тіло ти одягнула стражданнями як царськими ризами* [...] (Акаф. 2007, т. III, с. 292).

Лексико-семантичні групи номінації адресата мовлення у молитвах до кількох святих-жінок.

Назви осіб за особливостями поведінки виражені семою ‘особа, що зазнає мук’ („мучениці”): *Молить же за нас, святі мучениці, Господа нашого Ісуса Христа* [...] (Акаф. 2007, т. II, с. 342).

Проведений нами аналіз дає змогу твердити, що звертання до святих-чоловіків та жінок переважно належать до лексико-семантичних груп номінацій адресата мовлення, які відображають стереотипні уявлення про роль чоловіка та жінки у суспільстві. Типовим є називання святого-чоловіка найменуванням за родом діяльності, що вказує на прагнення особи чоловічої статі утвердитися у суспільстві, у той час як практична відсутність таких звертань до святої-жінки свідчить про те, що традиційно жінка не брала участі у суспільному житті. Номінації, що належать до групи назв осіб за їх стосунками з іншими особами, характеризують святого-чоловіка як сподвижника, однодумця, тоді як ця група звертань до святих-жінок вказує на більшу духовну близькість, що є характерним прикладом важливості емоційного аспекту у спілкуванні жінок. Номінації адресата-жінки представляють себе у таких лексико-семантичних групах, які відсутні при звертанні до святих-чоловіків: назви осіб, що вказують на вік і стать адресата та назви осіб за спорідненістю і свояцтвом, що вважаємо показником традиційних вимог соціуму до жінки. Цікаво, що номінації адресата мовлення, які характеризують святу-жінку за особливостями поведінки часто представлені словами із переносним значенням.

Висновки і перспектива. Приналежність номінацій адресата мовлення до виокремлених нами лексико-семантичних груп вказує на гендерні розбіжності у представленні образів святого-чоловіка і святої-жінки через звертання до них у молитвах. Номінації адресата мовлення відображають позитивні моральні якості як святих-чоловіків, так і святих-жінок, що зумовлено вимогами християнської релігії. Проте кожна група є відображенням суспільного уявлення про роль чоловіка та жінки у соціумі.

Список літератури

1. Скаб М. Особливості виявлення апеляції в сакральних текстах // Скаб М. С. ; Біблія і культура : зб. наукових статей : вип. 1 / за ред. А.Є. Няму. – Чернівці : Рута, 2000. – С. 221-224. – ISBN 966-568-255-5.
2. Лук'янчук С. В. Епітет у конфесійному стилі сучасної української мови (функціонально-семантичний аспект) : автореф. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 „Українська мова” / Лук'янчук Світлана Василівна ; НАН України. Ін-т укр. мови. – К., 2008. – 22 с.
3. Makuchowska M. O języku modlitwy / Makuchowska M. ; Czterechsetlecie unii brzeskiej. Zagadnienia języka religijnego / pod. red. Z. Leszczyński. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1998. – S. 157-167.
4. Бабич Н. Д. Богословський стиль української мови у контексті стилістичної науки. Збірник науково-дидактичних праць / Бабич Н. Д. – Чернівці : Видавничий дім „Букрек”, 2009. – 216 с. – ISBN 978-966-399-179-5.

5. Гаврилащук О. Лексико-семантичне вираження образу святого у сакральному тексті (на матеріалі молитов) // Науковий вісник Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича : зб. наук. пр. / наук. ред. Б. І. Бунчук. – Чернівці : Рута, 2010. Вип. 506-508 : Слов'янська філологія. – С. 97-104.
6. Гаврилащук О. Лексико-семантичне вираження образу святої-жінки у сакральному тексті (на матеріалі молитов) // Науковий вісник Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича : зб. наук. пр. / наук. ред. Б. І. Бунчук. – Чернівці : Рута, 2010. Вип. 509-511 : Слов'янська філологія. – С. (у друці).
7. Скаб М. С. Прагматика апеляції в українській мові : навч. посібник / Скаб М. С. – Чернівці : Рута, 2003. – 80 с. – ISBN 966-568-594-5.

Умовні позначення назв джерел та словників

Акаф. 2000 – Акафісник – Львів : Монастир Монахів Студійського Уставу, Видавничий відділ „Свічадо”, 2000. – 340 с. – ISBN 966-561-197-6.

Акаф. 2007 – Акафістник : у 3 т. – К. : Видавничий відділ Української Православної Церкви Київського Патріархату, 2007. – Т. 1. – 2007. – 336 с. ; Т. 2. – 2007. – 416 с. ; Т. 3. – 2007. – 368 с.

ВТССУМ – Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов. та CD) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К. : Ірпінь: ВТФ „Перун”, 2009. – 1736 с. : іл. – ISBN 966-569-013-2.

ЖС – Життя святих (вибрані) українською мовою, викладені за повчанням Четїх-Міней св. Димитрія Ростовського : у 7 т. – К. : Видавничий відділ Української Православної Церкви Київського Патріархату, 2006-2008. – Т. 1 : Січень – лютий. – 2006. – 712 с. ; Т. 2 : Березень – квітень. – 2007. – 704 с. ; Т. 3 : Травень – червень. – 2007. – 848 с. ; Т. 4 : Липень – серпень. – 2007. – 816 с. ; Т. 5 : Вересень – жовтень. – 2008. – 768 с. ; Т. 6 : Листопад – грудень. – 2008. – 640 с. ; Т. 7 : Грудень. – 2008. – 662 с.

КСАТ – Живов В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. – М., 1994.

МЛ – Молитовник-лікувальник. До якого святого і при яких випадках-хворобах слід молитися. – Львів : Золота струя, 2009. – 326 с.

ССУ – Словник староукраїнської мови XIV-XV ст. у двох томах. – К. : Наук. думка, 1977-1978. – Т. 1. – 1977. – 634 с. ; Т. 2 – 1978. – 594 с.

Гаврилащук О. Лексико-семантическое представление образа святого в сакральном тексте (на материале молитв) / О. Гаврилащук // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 161-167.

В данной статье проанализировано обращения к святым в сакральных текстах. Исследование выполнено на материале украиноязычных молитв (православных и греко-католических) и раскрывает образ святого и святой, отображенный в обращениях к нему. Анализ выполнен с учетом гендерных и возрастных особенностей святых.

Ключевые слова: молитва, сакральный текст, святые, номинация адресата речи, гендерные особенности.

Gavrylashchuk O. Gender aspect of lexical-semantic expression of type of the saint in the prayers
/ O. Gavrylashchuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 161-167.

In this article is presenting an analysis of the forms of address to the Saints in the sacramental on the basis of the Ukrainian prayers (Ortodox and Greek-Catholic). This research is showed a type of the Saint, which is represented in the forms of address to their. This analysis is executed on the basis of the gender and age peculiarities of the Saints.

Key words: player, sacramental text, Saints, name of addressee of the speech, gender peculiarities.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК: 811.111: 373.3 : 81'246.2 = 161.1 = 161.2

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В УСЛОВИЯХ УКРАИНСКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА

Шеремет О.В.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье рассматривается проблема формирования произносительных навыков английской речи учащихся младших классов в условиях украинско-русского билингвизма, а также раскрываются стадии начального этапа данного процесса.

Ключевые слова: произносительные навыки, контактирующие языки, билингвизм, фонематический слух, методические принципы, имитация, аппроксимированное произношение, стадии формирования орфоэпических навыков.

Постановка проблемы. В настоящее время в соответствии с потребностями общества раннее обучение иностранным языкам постепенно входит составным компонентом в современную систему украинскую образования.

Наибольший интерес у методистов вызывает билингвальное обучение иностранным языкам, ориентированное на формирование функционального многоязычия учащихся уже в начальных классах. Английский язык рассматривается как средство формирования трилингвизма (наряду с русским и украинским) и поликультурности, т.е. языковой личности, способной реализовать себя в процессе коммуникативной и социокультурной деятельности. В методическом аспекте приоритетным становится проблема поиска путей, условий, закономерностей формирования правильности произношения английской речи, что определяется степенью ответственности речевых навыков.

Анализ последних исследований. Общеизвестно, что младший школьный возраст считается наиболее благоприятным периодом для становления языковой личности со всеми уровнями компетенции, определёнными Государственным стандартом образования Украины (коммуникативной, языковой, социокультурной. Некоторые ученые лингводидакты в последнее время также выделяют лингвистическую [4, с. 58]). Именно этот возраст наиболее открытый в плане развития и совершенствования языковой культуры, составляющей которой является произношение (Вашуленко М.С., Гудзик И.П., Борисенков В.В., Анафиева Э.Р. и другие).

Необходимость и важность формирования и развития произносительных навыков в методике преподавания иностранного языка на начальном этапе обучения освещена в научных трудах ряда учёных-методистов: Роман С.В., Нагневичкой Е.И., Пасова Е.И., Н. А. Пашковской, М. С. Вашуленко, О. Н. Хорошковой, Девлетова Р.Р. и др.

Обучение произношению является программным требованием, поскольку без него невозможно овладеть всеми видами речевой деятельности на иностранном языке, в том числе говорению и чтению вслух.

Целью данной статьи является исследование процесса формирования произносительных навыков английской речи учащихся начальных классов в условиях русско-украинского билингвизма, освещение основных стадий становления орфоэпических ЗУН.

К **задачам** нашего исследования мы отнесли: изучение и анализ современных лингвистических и методических источников, основных стадий начального этапа формирования орфоэпических ЗУН английской речи, разработка комплекса сопоставительных упражнений на начальном этапе обучения иностранному языку.

В исследовании данной проблемы мы использовали следующие **методы**:

1) анализ психолого – педагогической, лингвистической, лингводидактической литературы по теме статьи; 2) сравнительный анализ орфоэпической системы английского и украинского языков в учебных целях, 3) учебный перевод; 4) моделирование учебных ситуаций.

В процессе обучения языку усваиваются 2 вида иноязычного произношения: орфоэпическое и аппроксимированное (с характерными для носителя определенного языка фонологическими ошибками, приближенными в той или иной степени к орфоэпическому произношению изучаемого языка).

По мнению Д.Н. Богоявленского, ценность правильного произношения очень большая, так как это своеобразное зеркало, которое ярко отображает уровень общего интеллектуального и культурного развития человека [1, с.5]

Одним из основных средств приобретения знаний о звуковом составе слова, изменении акустики и артикуляции фонем в речевом потоке и основой становления не только фонетических, но и орфоэпических ЗУН является способность слышать и воспроизводить звучащую английскую речь и, таким образом, выделять изучаемые звуки и различать их в разных позициях, то есть способствовать становлению и развитию **фонематического слуха**.

Н.С. Шаповалова считает, что именно фонематический подход на начальном этапе обучения английскому языку обеспечивает формирование прочного и полноценного орфоэпического навыка. [4, с. 19]

Приступая к формированию фонематического (смыслоразличительного) слуха учащихся, необходимо следить за тем, чтобы они научились слушать и различать звуки и звукосочетания, выделять отдельные слова, интонационно-смысловые группы слов, замедлять или ускорять темп речи, умение находить ошибки в произношении, в постановке слогового ударения и актуального членения речи.

Эффективность формирования произносительных навыков английской речи на начальном этапе возможна при обязательном учёте трудностей, возникающих при усвоении фонетических закономерностей английского языка, которые коренятся в различиях между фонетико-артикуляционными особенностями украинского, русского (как языка-посредника) и английского языков. Предупреждение и преодоление этих трудностей выдвигает на первый план применение в учебном процессе методического приёма сопоставления («открытого» и «скрытого») [1, с. 57]

Правильность произношения младшими школьниками английских звуков, звуко сочетаний и слов находится в прямой зависимости от степени владения родным языком, т.к. ко времени изучения английского языка артикуляционный аппарат уже сформирован, и ученик адаптируется говорить на базе усвоенной им звуковой системы и словарного запаса украинского языка [4, с. 67]

Немаловажным для учителя является также знание механизма работы активных и пассивных органов речи, что делает возможным мониторинг и прогнозирование типичных ошибок произношения, вызываемых фонетико-фонологической интерференцией родного языка и характерных для большинства обучаемых на начальном этапе усвоения иноязычной речи.

Аксиоматичным является тот факт, что одним из важнейших методических условий эффективного становления у младшеклассников навыков орфоэпического произношения является нормированная речь учителя, выступающая в качестве эталона и применение видео- и аудиозаписей образцовой английской речи.

Артикуляционные, акустические и произносительные ЗУН учащихся существенно улучшаются за счёт постоянного проведения в урочном процессе фонетических зарядок, позволяющих развивать и совершенствовать фонематический слух.

На начальном этапе становления английского произношения в современной школе применяются следующие виды фонетических зарядок:

- Прослушайте произносимые звуки. Услышав английские звуки, хлопните в ладоши [b], [ж], [t], [ð], [x], [f], [и], [в].
- Послушайте слова, хлопните в ладоши, если услышите в них звук [t]. Запомните эти слова: dog, star, school, little, copy-book, strong.

В процессе становления орфоэпических навыков при обучении английскому языку методисты считают целесообразным использование упражнения на развитие **речевого дыхания**. Например:

- «Плач» [w]

При произношении звука [w] ребёнка просят вспомнить, как плачет младенец. При выполнении данного упражнения учащийся произносит звуки [ya].

- «Как дышит собачка?» [h]

Изобрази собачку, которой жарко. Положи кончик языка на нижние зубы. Произнеси звук в таком положении [5].

Организация учебного процесса при выработке стандартного английского произношения в начальных классах должна быть направлена на предупреждение и преодоление трудностей, возникающих в нескольких направлениях:

- 1) психологическом, который предполагает учет мотивационной сферы младшеклассника, состояние тревожности при усвоении иноязычного орфоэпического материала;
- 2) лингвистическом, предполагающем учёт общего и различного в орфоэпической системе украинского, русского и английского языков, правил транскрипции;
- 3) методическом, предусматривающем активное использование на уроках английского языка методических приёмов: сравнения, сопоставления, учебного перевода, а также применение игровых технологий;

При условии методически правильной организации процесса усвоения фонетического и орфоэпического материала учащиеся формируют и развивают слухопроизносительные навыки в английском языке, связанные с явлениями палатализации, аспирации, фрикативного взрыва, наличие фонем «дальней» и «близкой» группы [5, с.81], не встречающихся в украинской и русской орфоэпической системе.

Методически целесообразным, на наш взгляд, в условиях синхронного контактирования трёх языков в учебном процессе является взаимосвязанное изучение их орфоэпических систем.

Этот вид работы основан на лингводидактическом **принципе комплексности** в овладении основными видами речевой деятельности, который чрезвычайно важен для овладения коммуникативным материалом на начальной ступени обучения. Необходимость реализации данного методического принципа обусловлена тем, что комплексность, во-первых, обеспечивает всестороннее формирование речевого механизма: слушая, ученик запоминает речевой образ слова; читая, ученик видит слово и снова произносит его, а читая вслух, еще и слышит; записывая слово, он в очередной раз произносит его (про себя), без чего невозможна запись, слышит внутренним слухом и затем видит слово. Во-вторых, в данном случае полнее осуществляется **принцип индивидуализации** и формируется основа технологии обучения, доступной не только сильным или средним учащимся, но и учащимся с недостаточно развитыми языковыми способностями.

Процесс взаимосвязанного формирования произносительных навыков проходит в два этапа — **этап формирования** и **этап развития**. Особо важную роль играет этап формирования, который состоит из определенных стадий.

Так, например, на первой стадии **«Восприятие-ознакомление»** учащиеся:

1. Воспринимают на слух звуки в именах собственных за счет их максимальной приближенности по своему произношению к родному языку; фонемы английского языка заменяются наиболее близкими к ним фонемами украинского (аппроксимированное произношение);

Послушайте и произнесите имя на английском языке:

Катя – Katya, Иван – Ivan, Емма – Emma, Арсен – Arsen, Біл – Bil, Поллі – Polly, Аня – Ann.

2. Воспринимают на слух отдельные звуки;

Хлопните в ладоши, если в словах услышите звук [d]:

- в начале слова;

- в середине слова;

- в конце слова: doll, study, bed, today, dream, bread.

На второй стадии **«Имитация»** учащиеся:

1. Повторяют за диктором или учителем (сначала индивидуально, затем хором) отдельные звуки сначала шепотом, потом вслух.

Послушай, как учитель произносит звук [u:]. Произнеси его с наибольшей (наименьшей) силой.

2. Учащиеся видят транскрипционные значки звуков, которые они имитируют:

Вспомни, какие звуки передают эти транскрипционные значки: [w], [r], [k], [ð], [t]. Произнеси их. В каких словах они встречаются?

На третьей стадии «Дифференциация-осмысление» учащиеся:

1. Сравнивают произношение сходных английских и украинских звуков, выясняют их сходства и различия;

Напиши букву. Запомни, как она называется и какой звук передаёт.

H h [eɪ].

С каким украинским и русским согласным звуком можно сравнить английский звук [h]?

2. Знакомятся с особенностями образования английских звуков;

- [i]: Выдыхаемый воздух подается краткими отрывистыми порциями в отличие от украинского плавного, напевного произношения. При артикуляции гласных звуков следует помнить, что от долготы/краткости звука зависит смысл всего слова:

Sheep [ʃi:p] – овца ship [ʃɪp] – корабль.

- Язык больше оттянут назад, его спинка распластана, кончик языка при произнесении согласных располагается вертикально к плоскости нёба. В отличие от украинской артикуляции, когда он прилегает к зубам нижней частью.

- Английские звуки произносятся более энергично, в отличие от звуков украинского и русского языков.

3. Видят знаки транскрипции при объяснении артикуляции, акустики и произношения английских звуков;

[θ] – Представляет собой глухой шум, образующийся при прохождении воздуха через щель между верхними зубами и неплотно прижатым передним краем языка. Перед звонкими согласными не озвончается, перед гласными не смягчается. Произносится как нечто среднее между [з] и [с].

4. Выполняют упражнения, направленные на дифференциацию схожих английских и украинских звуков, слов и фраз.

1) Прочитай слоги. Сравни произношение английского [h] и украинского звука [x].

Чем они отличаются в образовании, звучании и произношении? Что общего у этих звуков в образовании, звучании и произношении? Какой звук (английский или украинский) мы произносим энергичнее?:

Английский язык	Украинский язык
[hamstə] – hamster - перевод на украинский язык	[хата] – хата, будинок – перевод на английский язык
[hen] – hen – перевод на украинский язык	[хек] – хек – перевод на английский язык
[ˈhɔ:s] – horse – перевод на украинский язык	[хоудити] – ходити – перевод на английский язык

2) Прочитай слова. Подчеркни те из них, значение которых ты узнал без помощи словаря:

Football, star, pilot, bird, helicopter, Henry.

С любым из этих слов составь словосочетание, запиши и переведи его на украинский язык.

Выводы. Таким образом, успешному формированию произносительных навыков учащихся начальных классов школ с украинским языком обучения способствует учёт психологических, лингвистических и методических условий.

Перспективой нашего исследования является разработка и апробация системы сопоставительных упражнений, направленных на совершенствование произносительных навыков английской речи учащихся начальных классов.

Список литературы

1. Девлетов Р.Р. Сопоставление как методический приём при обучении русскому языку учащихся национальной школы в условиях формирования национально-русского двуязычия. / Р.Р.Девлетов// Автореф. канд. дис. – М., 1991. – С. 37-42.
2. Державний стандарт початкової загальної освіти. – Початкова освіта. – Шкільний світ – Січень, 2006. – № 2(338) – 33.
3. Дыхательные упражнения. [Электронный ресурс] / Дыхательные упражнения.- Режим доступа: <http://angliiskie-texty.by.ru/eng/phon/exs.shtml>.
4. Роман С.В. Методика навчання англійській мові у початковій школі: Навч. посібник / С. В. Роман – К.: Ленвіт, 2005. – С. 208.
5. Футерман З.Я. Иностранный язык в детском саду: Вопросы теории и практики / З.Я. Футерман - К.: Радянська школа, 1984. – С. 144.

Шеремет О.В. Формування вимовних навичок англійської мови учнів початкових класів в умовах українсько-російського білінгвізму / О. В. Шеремет // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 168-173.

У статті розглядається проблема формування вимовних навичок англійської мови учнів молодших класів в умовах українсько-російського білінгвізму, а також розкриваються стадії початкового етапу даного процесу.

Ключові слова: вимовні навички, контактуючі мови, білінгвізм, фонематичний слух, методичні принципи, імітація, апроксимована вимова, стадії формування орфоепічних навичок.

Sheremet O.V. The forming of pronunciation abilities of the pupils of the primary school in Ukrainian- Russian bilingual conditions / O.V. Sheremet // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 168-173.

The article is devoted to the problem of the forming of pronunciation abilities of the pupils of primary school in Ukrainian- Russian bilingual conditions.

Key words: pronunciation abilities, contacting languages, bilingualism, phonematic hearing, methodical principles, imitation, approximately pronunciation, studies of forming of pronunciation abilities

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

УДК 811

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Плотникова Л. И.

*Белгородский государственный университет
E-mail: Plotnikova@bsu.edu.ru*

Статья посвящена инновационным тенденциям, отмечаемым в языке СМИ в настоящее время. Среди наиболее значимых выделено увеличение числа различного рода композитов. Это в первую очередь разнословные сложения, отражающие все сферы современной жизни. К инновационным тенденциям отнесены также активизация аббревиации, универбизации и рост окказионального словотворчества.

Ключевые слова: инновационные тенденции, словотворчество, компрессия, разнословное сложение, аббревиация, универбизация, окказионализмы.

Постановка проблемы. Известно, что язык средств массовой информации нацелен в первую очередь на то, чтобы привлечь внимание как можно большей слушающей и читающей аудитории к той или иной проблеме. Для этого автор использует самые разнообразные средства, наиболее ярким и образным среди которых является необычное, «диговинное», отсутствующее в языковой традиции, созданное им самим слово. Фиксация и изучение таких слов представляется задачей *актуальной*, так как вновь созданные слова не только социально детерминированы и отражают определенные реалии современной эпохи, но позволяют также выявить определённые тенденции языкового развития на том или ином этапе. *Цель* настоящей работы – на конкретном языковом материале продемонстрировать наиболее значимые инновационные тенденции, которые проявляются в языке СМИ в настоящее время.

Анализ языкового материала, извлеченного из средств массовой информации, показал, что одной из наиболее значительных тенденций, проявляющихся в русском языке в последнее время, продолжает оставаться тенденция «к экономии речевых усилий». Её проявлением можно считать значительное увеличение количества композитов различных типов. Среди лексических инноваций-конденсатов в первую очередь обращает на себя внимание резко увеличившееся число разнословных сложений, или биноминов. Исследователи по-разному пределяют существо и статус данных образований. Язык современных газет свидетельствует о значительной активизации биноминов в последнее десятилетие, ср.: *бизнес-план, покупка-продажа, фирма-спонсор, выставка-дегустация, магазины-конкуренты* и др. В подобного рода словах отражается стремление языка к удобным и компактным формам выражения, например: *Дашь студента-застройщика!* (заголовок, Житье-бытьё); *Кроме того, в наше мармеладное время журналистское (или как бы журналистское)*

интервью стало расхожей формой пиара, за которую интервьюируемые (или другие заинтересованные лица) просто-напросто платят деньги, официально или неофициально. Это конечно протитуировало жанр, сведя его к набору **вопросов-подлиз** (РГ); *Есть газеты-бабочки, а есть «Комсомолка»* (КП); **Человек-невредимка** (заголовок): *Новый премьер - человек, состоящий из сплошных достоинств с частицей «не».* Не имеет политических амбиций, не собирается использовать свою должность для избирательной компании, не принадлежит ни к одному клану... (МК). Последний пример интересен тем, что второй компонент составного наименования представляет контаминированное образование: *вредить* + *невидимка*. **Гений-самоучка** *разрабатывал свое творение 25 лет, а собрал всего за неделю* (заголовок, КП в Белгороде); **Мошенница - психологиня** *ловко перебрасывает в свою сумку их икру и красную рыбу* (АиФ); **Воровка-медоноска** (заголовок): *Пенсионеры Белгорода становятся жертвами напористой похитительницы, действующей под видом продавца меда* (Смена); **Люди-мотоциклы** (заголовок): *Байкеры сродни кентаврам - «железный конь» еще не прирос к телу, но к душе прикипел навсегда* (Смена) и др. Особенности структуры подобного рода слов находят отражение в их значении: объединяя в одно наименование два самостоятельно употребляющихся в языке слова, биномины выражают не автоматическое объединение значений двух слов – они несут новую смысловую нагрузку, которая выявляется в условиях определённого контекста с учётом фоновых знаний и опыта языковой личности.

Язык СМИ предоставляет исследователю многочисленные примеры разнословных сложений, которые отражают практически все сферы жизни. В количественном отношении довольно солидно представлена группа биноминов, включающих заимствованные элементы: *арт-тусовка, арт-шоу, байк-шоу, маркетинг-клуб, парадиз-коктейль, рейв-клуб, шоппинг-тур* и др. Отдельные заимствованные элементы интенсивно используются в составе разных биноминов: *блиц – блиц-викторина, блиц-вояж, блиц-опрос, блиц-рецензия; факс – факс-аппарат, факс-бумага, факс-машина, факс-модем.*

Активное создание подобного рода слов связано с тем, что с помощью компрессии развёрнутые наименования сокращаются до более компактных форм. Данное положение непосредственно относится и к аббревиации. Среди отмеченных аббревиатур преобладают названия учреждений, организаций различных типов: общественных, государственных, партийных, например: *НПФ* – негосударственные пенсионные фонды; *ГНИ* – городская налоговая инспекция, *МКЦ* – Молодёжный культурный центр и др. Процесс аббревиации — это особый процесс, в основе которого лежит действие механизма компрессии, сворачивающего многословное наименование в особую сокращённую форму. При этом осуществляется не только смысловое компрессирование, но и *переключение на иной способ обработки информации*. Таким образом, на основе механизма компрессии создается специфическая когнитивная структура, а в репрезентирующем ее знаке содержится указание на способ представления содержания мышления [1, с.4].

К числу активных компрессивных способов создания лексических инноваций по-прежнему относится универбизация, при которой происходит сокращение словосочетания в одно слово с сохранением его смыслового объёма: *фондовая биржа – фондовка;*

наружное наблюдение – *наружка*; шенгенская виза – *шенгенка*; дисконтная карта – *дисконтка*; криминальная газета – *криминалка*; муниципальный транспорт – *муниципалка*, виртуальная реальность – *виртуалка* и др. Собранный языковой материал подтверждает высокую активность отмеченной словообразовательной модели.

Активность функционирования универбов подтверждается увеличением числа новообразований с другими суффиксами: *медляк* – медленный танец, медленная музыка; *важняк* – важное дело; *верняк* – верное дело; *сходняк* – сходная цена; *тусняк* – неформальное общение; *передовуха* – передовая статья, *депрессуха* – депрессивное состояние и др.

Резко усилившаяся личностная тенденция, отмечаемая исследователями современного этапа развития СМИ, сказалась на значительном увеличении окказиональных, одноразовых, «диловинных» слов. Среди них обращает на себя внимание группа контаминированных образований как одно из ярких проявлений компрессии. Подобного рода слова наиболее ярко демонстрируют индивидуально-творческий подход к словопроизводству, в их создании наиболее выразительно раскрываются творческие возможности человека. Они рассчитаны, как правило, на эффект неожиданности, оригинальность, неповторимость, связаны с изобретательностью и нестандартностью. Контаминированные образования отличаются одноразовостью, их значение определяется с опорой на содержательно-концептуальную информацию целого текста: *КстатиСтика* (рубрика в МК) – *кстати* + *статистика*; *Кисс* «Вселенная» (о конкурсе красоты среди кошек) (заголовок, КП, 2006) – *мисс* + *кис*; *Призрак Россистана* (заголовок)... *Вчера в ряде СМИ появилось странное сообщение. В Кремле якобы обсуждают возможность объединения России в союзное государство не с Белоруссией, а с Казахстаном* (МК) – *Россия* + *Казахстан*; *Настоящий бендизм* (заголовок)... *В течение двух дней под сводами суперсовременной арены спортивного комплекса «Крылатское» будут что есть мочи лупить по оранжевому мячу игроки в бенди* (МК) – *бандитизм* + *бенди*; *Битие определяет сознание?* (заголовок, КП) – *бытие* + *битьё* и др.

В ряде гибридных новообразований происходит полное совмещение одного из исходных слов с частью другого, что на письме выделяется графически. Подобное явление получило название графического словообразования [2]: *СОЧИнение* на тему лета (АиФ); *ПЛохи* наши дела (заголовок): *Многие москвичи искренне считают, что Лужков хочет стать депутатом* (МК); *СТИХИю* в народ! В Москву пришел фестиваль поэтов (МК) и др.

Подобного рода слова имеют необычное графическое оформление, позволяющее читателю правильно определить границы тех слов, которые совмещаются автором в пределах одного окказионального образования: *Думские ХОББИты* (заголовок статьи о хобби членов Госдумы, МК); Свадебная *КАРРида* (заголовок)... *В общем, свадьба дочери украинского экс-премьера Евгении Тимошенко и британского рок-музыканта Шона Кара удалась на славу* (МК); *ПроМАШКА* вышла. *Шараповой помогла травма соперницы* (заголовок)... (МК); У Чухрая *поМАМУТнение!* (заголовок); ... *Спутником бывшей супруги актера и ресторатора Антона Табакова стал известный бизнесмен Александр Мамут* (МК); *Финиш с КОРВАЛолом* (заголовок); *ЦСК с Корвальо и без него - все-таки разные команды* (МК).

Довольно часто в языке СМИ образуются аббревиатуры от имен собственных – известных имен, названий популярных передач, кинофильмов, например: «Человек-паук» хочет в «НД» (кинофильм «Ночной дозор») (заголовок, ЮТ); - Кому этот приз достанется? – вопрошает за кадром тревожный мужчина. - Тому, кто лично МНЕ понравится, - кокетливо отвечает АБП (Алла Борисовна Пугачева) (КП); Невероятно, но факт: Вася Печень покинул территорию ББ (реалити-шоу «Большой Брат» на ТНТ); Жанр же, в котором работает БГ, совсем другой. Он называется просто - гребенчиков (РГ) и др.

Зафиксирован ряд интересных примеров – отаббревиатурных образований: ЦУ-Масшество (АиФ); БАБло оказалось фуфлом (заголовок): ...Березовский не переводил деньги на Украину (МК); Роспром раскатывает ГУПы (заголовок, КП) и др.

Выводы и перспективы. Таким образом, одним из универсальных свойств языковой способности человека является компрессия, лежащая в основе таких способов словообразования, как разнословное сложение, аббревиация, универбизация и контаминация. Созданные указанными способами лексические инновации, как правило, социально обусловлены и отражают определённые тенденции в сфере русского словообразования.

Список литературы

1. Мустафинова Э.Р. Аббревиация в русском языке: когнитивный аспект. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2001.
2. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. – Орел, 1998.

Плотнікова Л. І. Мова засобів масової інформації: інноваційні тенденції / Л. І. Плотнікова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 174-177.

Стаття присвячена інноваційним тенденціям, які відзначаються в мові ЗМІ в даний час. Серед найбільш значущих виділено збільшення числа різного роду композитів. Це в першу чергу разнословне складання, що відображають усі сфери сучасного життя. До інноваційним тенденціям віднесені також активізація аббревіації, універбізації і зростання оказіонального словотворчості.

Ключові слова: інноваційні тенденції, словотворчість, компресія, разнословне складання, аббревіація, універбізація, окказіоналізми.

Plotnikova L. I. Language of mass medias : innovative tendencies / L. I. Plotnikova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 174-177.

The article is devoted to the innovations marked in the language of mass-media at present. One of the most significant is the increasing number of various types of composites. At first it concerns the composition of different words reflecting all the spheres of modern life. The activation of abbreviation, univerbalization and the grows of occasional word creation also refer to the innovations.

Key words: innovations, word creation, compression, composition of different words, abbreviation, univerbalization, occasionalisms.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 811

МЕТАФОРИЧНА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ ОБРАЗНОГО СКЛАДНИКА КОНЦЕПТІВ SUCCESS<>FAILURE В АНГЛОМОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ

Щербина С. М.

*НПУ им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина
E-mail: sveta.sh@i.ua*

Стаття присвячена дослідженню метафоричної репрезентації концептів SUCCESS<>FAILURE в сучасному англомовному газетному дискурсі. Дослідження проводиться шляхом аналізу британських і американських видань, де метафора виступає одним із найважливіших засобів збільшення інформаційної цінності повідомлення.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, концепт, структура концепту, образний компонент, англомовний газетний дискурс, концептуальна метафора.

Постановка проблеми. Структура кожного концепту досить складна і багатогранна. Зокрема, складність її опису зумовлена динамічною природою механізмів мислення. Адже в процесі мислення складові структури концепту піддаються трансформації, в результаті якої компоненти одного концепту взаємодіють з компонентами інших концептів, що веде до змін кодування концепту в свідомості носія певної мови [2, с. 68].

Вивчення структури концепту в картині світу мовно-культурної спільноти відіграє важливу роль в сучасних лінгвістичних дослідженнях. Значна кількість наукових розвідок присвяченні дослідженню структури лінгвокогнітивного та лінгвокультурного концептів.

Структуру лінгвокогнітивного концепту зазвичай описують у вигляді когнітивних прошарків, які накладаються на чуттєво-образне ядро [2, с. 54]. Дослідження структури лінгвокультурного концепту включає в себе опис трьох його компонентів: поняттєвого, образного та ціннісного [1, с. 32].

Актуальність нашого дослідження зумовлена значущістю об'єкта дослідження, концептів SUCCESS<>FAILURE в життєдіяльності англомовного сучасного соціуму, про що свідчить значне поширення вживання даних концептів в інформаційному просторі англомовного дискурсу.

Метою нашого дослідження є опис образного складника лінгвокультурних концептів SUCCESS<>FAILURE, шляхом виявлення концептуальних метафор, що формують образний складник досліджуваних концептів в сучасному англомовному дискурсі.

Мета включає в себе виконання таких завдань:

1) аналіз метафоричних кореляцій, які демонструють специфіку функціонування метафори в структурі образного складника концептів SUCCESS<>FAILURE;

2) класифікація метафоричних кореляцій образного складника концептів SUCCESS \leftrightarrow FAILURE, репрезентованих в сучасному англomовному газетному дискурсі.

Як відомо, образна інформація в структурі будь-якого концепту представлена у вигляді концептуальних метафор. Проте сам механізм їх творення є досить специфічним для кожної мови, що зумовлено менталітетом нації-носія мови, міфологічними уявленнями та культурними традиціями [4, с. 174].

Образ, що лежить в основі метафоричного найменування є неповторним, оскільки характеризується набором специфічних саме йому асоціацій, що представляють для носія певної мови широкий діапазон для інтерпретації змісту тексту.

До появи концептуального аналізу метафора в основному слугувала стилістичним засобом. Нові погляди на проблему метафори, запропоновані Дж. Лаккоффом, М. Джонсоном, Е. Ортоні, Х. Ортега- і Гасеттом дозволили розглядати метафору не лише в функціональному аспекті, але й в когнітивному, де метафора постала важливим знаряддям мислення [3, С. 68-81].

Використовуючи здобутки класичної теорії лінгвістики, когнітивна лінгвістика інтерпретує концептуальну метафору як процес розуміння одного концепту в термінах іншого [6, с. 387]. Концепт, що осмислюється за допомогою метафори називається цільовим (target concept), або референтом, а концепт, що залучається до порівняння – висхідним (source concept) чи корелятом. Співвідношення між ними містять певний аспект для порівняння, що і становить підґрунтя концептуальної метафори [5, с. 245].

В процесі створення концептуальної метафори беруть участь чотири елементи: два види об'єктів (корелят і референт метафори) і ознаки кожного з них. В процесі метафоризації ознака кореляту метафори (який є носієм ознаки) приписується референту [6, с. 24]. Таким чином концептуальна метафора уподібнює гетерогенне і ототожнює подібне.

Як свідчать наукові дослідження Бацевич Ф.С., Кибрик А.А., Шейгал О.І., особливо яскраво образ метафори проявляє себе в публіцистичному стилі, де автор повідомлення використовує метафору як метод збільшення інформаційної цінності повідомлення за допомогою асоціацій. Так, наприклад, в одній із британських газет автор повідомлення асоціює успіх з вишуканою стравою, яку хочеться скуштувати знову і знову: *"When you get a **taste of success**, you want it again and again"*. (*The Times* October 11, 2009).

Щоб показати специфіку функціонування метафори в структурі образного складника концептів SUCCESS \leftrightarrow FAILURE в публіцистичному стилі, нами було відібрано 227 прикладів (методом суцільної вибірки) з британських та американських видань.

Результати проведеного дослідження свідчать про те, що знання представників англomовної спільноти про успіх та поразку найдоцільніше представити за допомогою трьох видів метафор: онтологічної, структурної та орієнтаційної. Ця типологія метафор обумовлена низкою чинників.

Саме онтологічні метафори є прикладом розуміння нашого досвіду в термінах об'єктів навколишнього світу. Інколи вони настільки пронизують наше мислення,

що ми не вважаємо їх метафорами [6, с. 28]. Наприклад: *On the eve of last month's US Open in Chicago, Perry was riding a wave of success that made him one of the most successful golfers in the world. He had won the two preceding events and then tied for third place at Olympia Fields (The Times July 10, 2003).*

Група онтологічних метафор, що були виокремлені в результаті дослідження, включає в себе декілька підгруп, сформованих на основі критеріїв живий/неживий об'єкт.

В першу підгрупу входять кореляції УСПІХ/ПОРАЗКА – ЛЮДИНА, які уподібнюють УСПІХ/ПОРАЗКУ людині та її фізіологічному стану.

I. УСПІХ/ПОРАЗКА як ЛЮДИНА

I.1. вбивця, який обирає собі жертву

SUCCESS: *Everyone loves the idea of a classic drive – a hazy dream of open roads, spectacular scenery and perfect play lists. But when does reality match the fantasy? From the Pacific Coast Highway to the Amalfi Coast, the world's great drives have become traffic-clogged, overexploited victims of their own success (The Independent March 23, 2008).*

FAILURE: *Human failure is a big killer who reveals its nature when disasters hit the world, according to a new report. (The Sunday Times April 10, 2008);*

I.2 людина з певним фізіологічним станом

SUCCESS/FAILURE: *The cases of treatment the drug addicts remind us that drugs are a symptom of failure, rather than success (The Times August 22, 2008).*

I.3 вчитель, який вчить та надихає на нові досягнення

SUCCESS: *"We do not feel like our job is anywhere close to being completed," Mr. Christie said after signing the budget bills at a fire station in South River, in Middlesex County. "What I feel like is this kind of success gives us the momentum to go further, faster and harder and tougher." (The New York Times June 29, 2010)*

FAILURE: *Scientific discovery takes a serendipitous and circuitous course. Yes, we learn through failure. But these arguments can be used to justify ANY line of research (The Times May 16, 2009)*

I.3 а) носій успіху є справжнім лідером

SUCCESS: *The erroneous perception that the name of a lawyer's alma mater dictates the lawyer's success leads droves of students to overpriced schools. When the overpriced schools can't place their grads, the schools fudge numbers to make their grads more competitive (The Times June 12, 2010).*

I.3 б) носій поразки – невдаха, який пасе задніх

FAILURE: *He loved the chance to be a hands-on father to his boys, he says, as opposed to the loving but often absent role model he had in his own father, a corporate lawyer. At the same time, he says, rewriting the norm meant that he "felt like a failure, and I felt alone, and yes, I'll admit it, I often felt like less than a man." (The New York Times June 16, 2010)*

Другу підгрупу становлять метафоричні кореляції УСПІХ/ ПОРАЗКА – ПРИРОДА.

II УСПІХ/ ПОРАЗКА – ПРИРОДА

II. 1. рослина

SUCCESS: *Posh wineries have scrimped the fruits of success from mere orchards and the cows have gone all glam organic and moo with a lilting hauteur so the peninsula has become something of a gastronomic and hedonistic playground (The Times September 10, 2006).*

FAILURE: *Everyone should pay attention to the roots of his failure and try to find out the way out if it is possible (The Times April 6, 2008)*

II. 2 тварина

SUCCESS: *Success is a tricky fish. How can anything like champagne corks have a dark side? (The Times March 30, 2010)*

II. 3 природне явище

SUCCESS: *On the eve of last month's US Open in Chicago, Perry was riding a wave of success that made him one of the most successful golfers in the world. He had won the two preceding events and then tied for third place at Olympia Fields (The Times July 16, 2003)*

FAILURE: *BP has put some claimants through paper mazes, repeatedly questioned legitimacy of claims by people whose businesses and lives are destroyed, been extraordinarily slow in making approved payments, has been issuing pennies instead of dollars, has lied, evaded or has been deliberately deceptive about the cause of the well explosion, violated BP's and the government's safety procedures while knowing the potential for catastrophe, had no emergency plan to deal with a deep-water failure (The New York Times June 22, 2010)*

В третю підгрупу входять метафори, які репрезентують УСПІХ/ ПОРАЗКУ як будову та УСПІХ/ ПОРАЗКУ як контейнер.

III УСПІХ/ПОРАЗКА – БУДОВА

III.1 опорна конструкція

SUCCESS: *Marlon Harewood's set-up for Nigel Reo-Coker's goal was a reward for the striker's persistence and muscular doggedness but it was West Ham's shape and the double cover Alan Curbishley used with such good effect that gave the platform for this success (The Sunday Times December 18, 2006).*

III.2 частини будови

FAILURE: *All around us is the wreckage of our failure to master the challenges confronting us. We see it in the many millions of Americans who remain out of work and whose hopes are not rising despite all the talk of economic recovery. (the New York Times May 23, 2010);*

IV УСПІХ/ ПОРАЗКА – КОНТЕЙНЕР: *The key to success is to get yourself into the mindset of the interviewer. Work out the job's key result areas — in other words, an employer's biggest headache or greatest opportunity. Look for quick wins: for example, if your potential boss is a poor organizer, how can you quickly put order into information retrieval? (The Times May 7, 2003); A new device gives a possibility to measure weight and blood pressure – key indicators of heart failure and the information is automatically transmitted to the doctor (The New York Times June 21, 2010).*

Наступну групу становлять структурні метафори. Згідно теорії Дж. Лакоффа, структурні метафори є метафорами в яких концепти зіставляються структурно, тобто структура одного концепту стає структурою іншого концепту [5, с. 15].

Групу структурних метафор становлять метафоричні кореляції пов'язані з уявленням УСПИХУ/ПОРАЗКИ як конкретної діяльності людини – спорту, бізнесу, приготування їжі, творчої діяльності.

I. УСПИХ/ПОРАЗКА – СПОРТ

I.1 Успіх – виграш

SUCCESS: *Chris Wood leads the field by two shots going into the final day of his first BMW PGA Championship at Wentworth (The Times March 3, 2009)*

I.2 Поразка – програш

FAILURE: *They always come round with a really good run before Christmas. They are still making a lot of chances. Sooner or later they are going to knock somebody for a quit a few goals (The Times April 4, 2010).*

II УСПИХ/ ПОРАЗКА – СТРАВА

SUCCESS: *Recipe for success lets hungry Edfors taste victory again. AT the beginning of the year, everyone in the sport in Europe was talking about a Swedish golfer who hit the ball a long way and hit it very straight. Henrik Stenson's colleagues in the Europe team for the Ryder Cup would be queueing up to play with him, it was felt. Although they are not talking about Stenson any more, they are still talking about a Swede. This time, it is Johan Edfors, and it is not just because he could act as a body double for Roger Federer Football itself is not the issue - although plenty wonder why cricketers prepare for a day's work playing with their feet and not their hands - nor is preparation or practice, two essential ingredients of success (The Washington Post March 23, 2010).*

FAILURE: *There is also the need to face errors and sins. There have been failures of love, and the taste of loss and failure is bitter and persistent – "love and the suffering that love likes" (The Times May 4, 2009).*

III. УСПИХ/ ПОРАЗКА – ТОВАР, який має свою ціну

SUCCESS/ FAILURE: *The market must provide a signal that the cost of failure is so high that failure is simply not an option. Only if BP is forced to sacrifice its dividend and market value will the oil industry get that signal, and engage precautionary procedures that it has unique capabilities in. The cost of failure is often ruinous but in the Champions League even the price of success can be steep. While Liverpool could never admit it, they must be ruining the evening they beat PSV Eindhoven to seize top spot in their group.*

IV УСПИХ – МИСТЕЦТВО: *Her success is a masterpiece of perseverance and ought to give a warm glow to all of those who think twice about whether it is worth all the pain and heartache...(The New York Time October 4, 2007)*

Значну кількість концептуальних метафор складають орієнтаційні метафори. На нашу думку це ще раз є свідченням того, що більшість наших фундаментальних знань представлено в термінах просторових понять верх/низ, вліво/вправо, вперед/назад тощо. Дану групу концептуальних метафор можна представити наступним чином:

I. УСПИХ /ПОРАЗКА – РУХ

I.1 Успіх – рух угору

SUCCESS: *Success makes a lot of things easier but it's difficult to maintain your place at the top (The Times April 8, 2010);*

I.2 Поразка – рух униз

FAILURE: *Richard Wilson, the chief executive of Tiga, the trade body representing the UK games industry, called the move "inspired", saying the Government had chosen "the future over the past, growth over decline, success over failure".* (The Independent March 23, 2009).

I. 3 Успіх – рух вперед

SUCCESS: *As one success follows another company finds itself in bewildering position. Apple was frequently dismissed by a larger and more successful competitors like Microsoft or Dell* (The Washington Post June 10, 2010)

I.4 Поразка – рух назад

FAILURE: *DC has become the sixth place in the nation when same-sex marriages can take place. This fact has taken a back seat to jobs and the economy* (The New York Time June 10, 2010)

Отримані результати дослідження дають підстави стверджувати, що образний складник лінгвокультурних концептів SUCCESS/FAILURE представлений значною кількістю концептуальних метафор, серед яких переважають орієнтаційні метафори УСПІХ/ПОРАЗКА – РУХ УГОРУ/ УНІЗ, ВПЕРЕД/НАЗАД. Таким чином, результати дослідження ще раз доводять твердження про те, що мислення в бінарних категоріях є одним із універсальних засобів пізнання світу людиною.

Перспективи дослідження вбачаємо в подальшому вивченні метафоризації образного складника концептів SUCCESS/FAILURE з використанням більшої кількості фактичного матеріалу та результатів асоціативного експерименту, проведеного з носіями англійської мови.

Список літератури

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
2. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / под ред. И.А. Стернина. – Воронежский гос. у-т, 2001. – 182 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Две метафоры // Теория метафоры. Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81
4. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 173-205
5. Lakoff G. Contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought/ – Cambridge / G. Lakoff: Cambridge University Press, 1993. – P. 202-251
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we Live By / G. Lakoff, M. Johnson – Chicago: Chicago University Press, 1985. – 242 p.

Щербина С. М. Метафорическая репрезентация образной составляющей части концептов SUCCESS<>FAILURE в англоязычной картине мира / С. М. Щербина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 178-184.

Статья посвящена исследованию метафорической репрезентации концептов SUCCESS<>FAILURE в современном англоязычном газетном дискурсе. Исследования проводятся путем анализа британских и американских изданий, где метафора выступает одним из самых важных способов увеличения информационной ценности сообщения.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, структура концепта, образный компонент, англоязычный газетный дискурс, концептуальная метафора.

Scherbina S. M. Metaphorical representations of vivid component of concepts SUCCESS/FAILURE is in english-language picture of the world / S. M. Scherbina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 178-184.

The article deals on metaphorical representations of concepts SUCCESS/FAILURE in modern English language newspaper discourse. The investigation is based on the analysis of British and American periodical newspapers where metaphor serves as one of the main devices of creation the informational value of articles.

Key words: cognitive linguistics, concept, the structure of concept, imagery component, English newspaper discourse, conceptual metaphor.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 811

ПОВТОРНЫЕ НОМИНАЦИИ В ТЕКСТАХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ

Дробышева Н. Л.

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия
E-mail: nat.d@list.ru*

Исследуется варьирование повторных номинаций на материале научно-технической периодики.

Ключевые слова: повторная номинация, специальная лексика, вариантность, лексико-семантические ряды.

Постановка проблемы. В современной лингвистике явление вариантности трактуется как «фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка» [1]. В терминоведении проблема вариантности специальной лексики, и прежде всего терминов, занимает особое место. С самого начала становления терминоведения вопросы вариантности в сфере терминов были предметом дискуссий и освещались во многих публикациях. Поначалу преобладала точка зрения сторонников нормализаторского подхода на термины как на особые языковые единицы, подчиняющиеся особым требованиям, сформулированным Д.С. Лотте и его последователями [2, с. 7-10, с. 29-38], и поддерживались волевые решения терминологических проблем, внедрялся запрет на варианты терминов. Вместе с тем в работах языковедов высказывались сомнения о правомерности предъявляемых к терминам требований и их несоответствии реальному функционированию в речи, в частности, о невозможности устранения явления вариантности в сфере терминов. Продвижение на пути понимания сущности термина, как сложного многослойного образования, в котором объединены естественный субстрат, логический суперстрат и терминологическая сущность, то есть способность оптимально выполнять функцию обозначения специального общего понятия в системе понятий специальной области знания и деятельности [3], а также разграничение сфер фиксации (лексикографический жанр) и сфер функционирования терминов (специальные научные тексты) способствовало и продвижению на пути осмысления наблюдаемых противоречий при употреблении терминов в речи, и между «желаемым и возможным» [4, с. 17].

В результате были смягчены предъявляемые к термину требования, в том числе и с точки зрения вариантности, а семантическое формальное и функциональное варьирование терминов становится актуальным предметом исследования ученых [5].

Проблема «требований, предъявляемых к термину», в частности вариантности терминов, и сегодня остается дискуссионной [3, с. 23, 24; 6, с. 18-39] и нуждается в детальном анализе.

В задачи настоящей работы входит изучение особенностей типов варьирования повторных номинаций и их роли в научно-техническом дискурсе. Материалом дан-

ной работы послужили научно-технические журнальные статьи, предназначенные для специалистов.

В научно-технических текстах часто описываются объекты, которые требуют подробного рассмотрения и многократно называются в пределах одного и того же текста. При этом при последующих упоминаниях предмет или явление, уже названное ранее, может получить то же, первоначальное, обозначение или приобрести другое наименование, отличающееся от первого и являющееся его вариантом. При повторной номинации, то есть другом наименовании объекта в контексте научно-технической публикации, варьирование способа наименования, подчиняясь общеязыковым закономерностям, имеет свои характерные особенности.

Главные типы отношений между единицами языка строятся на основе взаимозависимых парадигматических (вертикальных) и синтагматических (горизонтальных) связей. Соответственно в рамках одной и той же терминосистемы используются понятия парадигматического и синтагматического варьирования терминов. Рассмотренный материал показывает, что в семантическом отношении повторная номинация в специальных текстах предоставляет широкие возможности варьирования способа обозначения того или иного научно-технического объекта, цепочки наименований которого в контексте могут образовывать лексико-семантические ряды. Наиболее часто наблюдаются лексические варианты следующих типов.

Можно сказать, что первое место по частотности занимают повторные номинации, построенные на гиперо-гипонимических отношениях. Эти отношения самые общие, базируются на логико-семантической субординации и занимают пограничное положение между тематической классификацией лексики и синонимией, с которой они сближаются функционально (*арматура – запорный клапан, сантехнические изделия – ванна, терморегулятор – термостат*). Нередко повторные номинации актуализируют многоуровневую систему связей (*топливо – газ – природный газ, отопительный прибор – радиатор – чугунный радиатор*). Иерархия лексем отражает классификацию фрагмента профессиональной картины мира. Повторная номинация с заменой гипонима на гипероним (*конвектор – отопительный прибор, котел – теплотехническое оборудование*) актуализирует информацию об уровне классификационной принадлежности номината в рамках соответствующей терминосистемы: *При выработке ресурса насос заменяется новым агрегатом* // Теплый дом. - №2. – 2006. – С.227.

Обратный переход с заменой родовой номинации на видовую при однозначной соотнесенности ее с одним и тем же объектом имеет выделительный характер и направлен на предоставление дополнительной информации и конкретизацию номината (*фитинг – тройник; К производству биогаза относится также получение ледофиллаза, или биогаза из мусорных свалок* // Новости теплоснабжения. - №1. – 2008. – с. 20).

Краткие варианты или краткие формы терминов, выполняя роль проводников закона экономии языковых средств, достаточно частотны в актах повторных номинаций научно-технических текстов. Представляя собой структурно-семантические (разные по структуре и семантически тождественные эквиваленты) исходного

сложного или составного термина, краткие варианты образуются в результате различных способов сокращения (сжатия) полной формы термина.

Это прежде всего компрессия (*санитарные технические приборы – сантехприборы, трубная заготовка – трубозаготовка*), универбация (*пусковые и наладочные работы – пусконаладка, генератор озона – озонатор*), аббревиатура (*индивидуальный тепловой пункт – ИТП*).

Экономии языковых средств также способствует использование при повторной номинации символических и условных обозначений, химических формул и т.д.: *коэффициент избытка воздуха – α ; Использование железогидроокисных осадков (Fe-осадок) для получения красящего пигмента – сурика* // Сантехника. - №1. – 2006. – с.8.

Разноаспектные повторные номинации используются с целью расширить информацию об объекте, выделить разные его стороны и свойства. Актуализируя разное видение объекта, повторные наименования могут быть квалификативные и релятивные: *В общем случае подготовка воды состоит из **предварительной (докотловой) и коррекционной (внутрикотловой)** стадий* // Новости теплоснабжения. - №2. – 2006. – с. 42; *Несмотря на больший, чем в других схемах, расход труб и затраты на коллектор, **коллекторная** (ее также называют **лучевой**) система отопления получает все большее распространение* // Аква-Терм. - №5. – 2007. – с. 20.

Вместе с развитием научно-технической мысли происходит уточнение – упорядочение – терминологий, появляются современные варианты терминов. Эволюция терминов находит отражение и в вариантах повторных номинаций (*теплота сгорания – теплотворная способность, оксид углерода – окись углерода*).

В качестве вариантов терминов при повторных номинациях могут фигурировать авторские термины отдельных ученых или научных школ: *Такие известные фирмы, как Rehau, Wirsbo, Golan Plastics Products еще в 80-90-е годы прошлого века освоили непростое производство труб PEX-a по **методу Энгеля**, так называемую **РАМ-экструзию*** // Полимерные трубы. - №1. – 2009. – с.24.

Варьирование повторных номинаций путем привлечения иностранных заимствований из разных языков, и прежде всего интернационализмов, является типичным явлением для современного научного дискурса и отражает процессы расширения и разнообразие профессиональной коммуникации, одним из проявлений которого является синонимия между терминами национального и интернационального характера: *обезжелезивание – деферризация, датчик – сенсор; Наиболее ценные компоненты мусора отделяются для **повторного использования (рециклинг)*** // ЖКХ. - №6. – 2008. – с. 25.

Включенность языков для специальных целей в естественный язык и постоянный взаимообмен между специальной и общеупотребительной лексикой проявляется и в актах варьирования повторных номинаций. Здесь встречаются в качестве вариантов, наряду с терминологическими обозначениями, единицы общеупотребительной лексики, перенос синонимов из общеупотребительной лексики в специальную. При включении единиц общего языка в специальный они нередко модифицируют свое значение, в частности, в составе терминологических словосочетаний слова, не являющиеся синонимами, могут синонимизироваться: *фасонная часть – фа-*

сонное изделие – фасонный элемент – фасонная деталь; коллективный – общедомовой счетчик воды; Оплата коммунальных услуг в городах России рассчитывается по **однокомпонентному**, или **одноставочному**, тарифу, умноженному на объем материального носителя услуги // ЖКХ. - №6. – 2008. – с. 11.

Варьирование повторных номинаций иногда возникает в результате изменения порядка слов в словосочетаниях: *система вентиляции – вентиляционная система, частотный преобразователь – преобразователь частоты.*

Следует отметить усиление влияния устной профессиональной коммуникации на язык научно-технических публикаций. Профессионализмы, относящиеся к разговорной части специальной лексики, в научно-технических текстах могут использоваться в качестве стилистических вариантов терминов при варьировании повторных номинаций. Будучи связанными с обыденным знанием и являясь в значительной своей части результатом чувственно-сенситивного специального опыта, профессионализмы, как правило, отражают оценочные стереотипы соответствующей профессиональной сферы: *излив – гусак, смеситель – елочка, коллектор – распределитель – гребенка; Для обеспечения нормальной температуры воздуха в квартирах необходимо в тепловых пунктах иметь «весы» - счетчики тепла* // Водоснабжение и санитарная техника. - №11. – 2008. – с.16.

Повторные номинации также могут выполнять дифинитивную функцию: *В специальном дозаторе создается «псевдожидкость» - равномерная угольно-воздушная (в соотношении 2:1) смесь, поступающая через перфорированный диск в подающую трубу и далее – на горелку* // Аква-Терм. - №6. - 2007. – с. 9.

Варьирование повторных номинаций в специальной коммуникации позволяет избежать тех же обозначений, делает текст более информационно насыщенным, а также способствует естественному развитию текста. В специальных текстах могут наблюдаться сочетания различных типов вариантов повторных номинаций, образующих лексико-семантические ряды (цепочки), на выбор компонентов которых оказывают влияние как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

В отношении расположения в научно-технических текстах можно выделить сопряженные и дистантные повторные номинации [7]. Сопряженные повторные номинации следуют непосредственно друг за другом: *В теплоснабжении реализуется сжигание водоугольного топлива (ВУТ, жидкотекучая смесь размолотого угля и воды) в вихревых топках* // Аква-Терм. - №6. – 2007. – с. 9. Дистантные повторные номинации разделены другими высказываниями и создают наибольшие возможности варьирования способа наименования. В качестве примера ряда встречающихся в тексте номинаций объекта приведем сокращенный отрывок из журнала: *Повсеместно для поквартирного учета расхода воды применяются тахометрические водосчетчики. Условиями применения таких счетчиков воды определяются особенности их конструкции. Существует ряд характеристик бытовых водосчетчиков, связанных с их установкой. Чем больше присоединительный диаметр счетчика, тем больший объем воды может измерить прибор в единицу времени. Монтажная длина водосчетчика особенно важна для одноструйных моделей. Приборы учета воды с Ду 15-20 мм и монтажной длиной 130 мм и более могут устанавливаться без включения до и после них дополнительных патрубков* // Аква-Терм. - №6 – 2002.

– с. 51. С помощью лексико-семантического ряда повторных номинаций (*прибор, приборы учета воды, счетчик, счетчик воды, водосчетчик, бытовой водосчетчик, однотруйные модели, тахометрический водосчетчик*) описываемый объект предстает в вариантах разнообъемных и разноаспектных номинаций, что дает возможность расширить сообщаемую информацию о соответствующем фрагменте профессиональной картины мира.

Варьирование синтаксических конструкций термина в тексте сопровождается структурно-семантическими трансформациями исходного составного термина под воздействием терминологических, логических и языковых факторов. Следующий пример является иллюстрацией подобного типа замещений: *В настоящее время расширяется сфера применения мембранных напорных баков, служащих для компенсации расширяющейся воды. Завышенный объем бака удорожает его стоимость. Учет температуры демпфирующего газа является существенным фактором в определении объема мембранного бака. Переменное избыточное давление в закрытом расширительном баке ограничивается давлением в системе отопления. Объем расширительного мембранного бака может быть сокращен на 32 %. Описанная методика расчета обеспечивает снижение объема расширительного бака* // Аква-Терм. - №6. – 2005. – с. 72. Таким образом, в приведенной публикации в качестве замещающих друг друга наименований объекта использовались следующие варианты наименований: *бак, расширительный бак, мембранный расширительный бак, мембранный бак, мембранный напорный бак, закрытый расширительный бак*. Термины ряда актуализируют составляющие содержания называемого понятия, выделяя каждое из них и тем самым повышая информативность сообщения.

При этом демонстрируются классификационные представления о понятийной иерархии (*бак – расширительный бак – мембранный расширительный бак*) и получают специальное выражение отдельные признаки объекта (*мембранный напорный бак, закрытый расширительный бак*).

Проведенный анализ вариантов повторных номинаций в специальных текстах показал, что явление повторной номинации полифункционально. Повторные номинации могут выполнять терминологическую, компрессионную, дефинитивную, а также стилистическую функции.

Структура и состав выявленных на материале научно-технических текстов лексико-семантических рядов номинаций одного и того же объекта может быть различной (иерархическая, синонимическая, комплексная): *прибор – проточный водонагреватель – газовый проточный водонагреватель – газовый «проточник» - колонка; прибор – электромагнитный прибор – электромагнитный водосчетчик – магнитоиндукционный водосчетчик – домовый водосчетчик «Взлет»; прибор – обогревательный прибор – тепловентилятор – электроконвектор – ТВ 3/К «Бархан»*.

Рассмотренный практический материал показывает, что лексико-семантические ряды, формирующиеся в специальном тексте на основе варьирования повторных номинаций, нередко составляют цепочки данных об объекте (пучки смыслов) от наиболее общего категориального или субкатегориального (*предмет, процесс, прибор, аппарат, оборудование, устройство, продукт* и т.д.) через ряд промежуточных, характеризующих те или иные стороны объекта, до конкретного, например номенклатур-

ного, обозначения модели, типа, типоразмера. Подобный лексико-семантический ряд реализует собой процессы обобщения и конкретизации, присущие человеческому мышлению, которые совершаются между двумя полюсами когнитивных категорий общего и отдельного, общего и особенного, абстрактного и конкретного.

Выводы и перспектива. Функционирование ряда вариантов взаимозаменяемых специальных наименований объекта представляет собой типичное явление для научно-технических текстов.

Наиболее полные (развитые) специальные лексико-семантические ряды характерны для жанров авторских научно-технических текстов, научно-технических обзоров и рекламных текстов и представляют интерес для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Солнцев В.М. Вариантность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М., 1998. – С. 80-81.
2. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. – М., 1979.
3. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. – 2000. – №2 (5). – С. 20-30.
4. Гринев С.В. Лингвистические вопросы строительной информации (Обзор). – М., 1977.
5. Сложеникина Ю.В. Термин: семантическое, формальное, функциональное варьирование. – Самара, 2005.
6. Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г. Терминологические проблемы редактирования. – Львов, 1986.
7. Языковая номинация (Общие вопросы) / Отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М., 1977.

Дробышева Н. Л. Повторні номінації в текстах науково-технічної періодики / Н. Л. Дробышева // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 185-190.

Досліджується варіювання повторної номінації на матеріалі науково-технічної періодики.

Ключові слова: повторна номінація, спеціальна лексика, варіантність, лексично-семантичні ряди.

Drobysheva N. L. The repeated nominations are in texts of scientific and technical periodicals / N. L. Drobysheva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 185-190.

The variation of the recurring nomination has been investigated with the scientific and technical periodicals material.

Key words: recurring nomination, special vocabulary, variance, lexical semantic series.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК: 811.116.1'373.45/.46

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Алиева В. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: flassy2002@ukr.net*

В статье рассматриваются системные связи в области экономической терминологии, процесс активизации употребления иноязычных слов.

Ключевые слова: терминоведение, экономическая терминология, термин, иноязычное слово, заимствование.

Постановка проблемы. В современной науке терминоведение как самостоятельная научная дисциплина характеризуется существенными изменениями. Это связано с ростом числа терминов и расширением сферы их функционирования – от научной (узкоспециальной) области до повседневного общения.

Экономическая структура нового типа (товарно-денежный тип отношений) символизировала появление целого ряда новых экономических терминов: это слова доперестроечного времени, наполненные новым содержанием (биржа, банк, коммерция, рента, рынок и др.). Значительный пласт слов представляют иноязычные заимствования, возникшие под влиянием других языков. Глобальные изменения в мировой экономике, тесные контакты с западным миром нашли отражение и в интернационализации экономической терминологии. Выявление связей в современной экономической терминосистеме и анализ специфики экономических терминов иноязычного происхождения представляет особый лингвистический интерес.

Материалом для исследования послужили газетные тексты, имеющие отношение к экономике, финансам, бухучету, страхованию, управлению; словарные издания, призванные оказать помощь в изучении современной экономики.

В разные годы понятию заимствованной лексики и терминологии как особой языковой проблеме были посвящены работы таких лингвистов, как: В.В. Виноградов, В.С. Бондаренко, Н.С. Валгина, Г.М. Гак, В.П. Даниленко, Т.С. Коготкова, Т.В. Крючкова, Л.Н. Крысин, В.М. Лейчик, Д.Н. Шмелев и др.

Лексика как наиболее подвижная часть языковой системы ярко отражает изменения в жизни нашего общества. Отказ от идеологии коммунизма способствовал сближению Востока с Западом; определение базовых понятий, особенно в области политики и экономики, становится нейтральным и близким по семантике западно-европейским образцам.

Сравним:

Бизнес (англ.) – предпринимательская деятельность, дающая прибыль [ТСУ, с. 38].

Бизнес – 1. предпринимательская деятельность, связанная с коммерцией, производством и реализацией товаров, оказанием услуг населению и т.п.; 2. собир. предпринимательские структуры; бизнесмены [ТСА, с. 124-128].

Капитал – стоимость средства производства, являющаяся у капиталистов орудием получения прибавочной стоимости путем эксплуатации наемного труда [СРЯ, с. 232].

Капитал – денежные средства, ценные бумаги, недвижимость и т.п. как средство извлечения прибыли, получения дохода [ТСА, с. 438].

Заемствования из английского языка, главным образом в его американском варианте, – это один из наиболее живых и активных процессов, наблюдаемых в современном русском языке начала XXI столетия.

Новейшие достижения в области техники, экономики, спорта, искусства, культуры способствуют расширению корпуса терминов соответствующих терминосистем.

Сфера использования терминов – научный стиль, это тексты, рассчитанные на специалистов, которые не нуждаются в каких-либо комментариях и разъяснениях. Например, специальные термины экономической сферы: Деммередж (англ.) – предварительно согласованная дополнительная плата владельцу судна со стороны грузо-владельца (фрахтователя). - *Ставка Д. обычно предусматривается в чартерах.* [БЭС, с. 166].

Детеншен (англ.) - время простоя судна после контрсталии. - *В отличие от деммереджа, убытки за простой судна в этом случае оплачиваются не частично, а в полном объеме* [БЭС, с. 178].

Фьючерс (англ.) – вид срочных сделок на товарной или фондовой бирже: купля-продажа условий будущих контрактов с фиксацией их срока. - *Фьючерсные контракты заканчиваются реальной поставкой крайне редко.* [БЭС, с. 795].

Экономическая наука – это обширная область знаний, которая затрагивает не только законы и понятия экономической деятельности, но и ряд смежных отраслей. Поэтому термины иноязычного происхождения образуют многочисленные тематические группы, среди которых принято выделять следующие [2, с. 182-188]:

1. Названия частных и государственных структур, образующих разные типы объединений:

Консалтинг (англ.) – консультирование по широкому кругу вопросов экономической деятельности. С этим понятием связана деятельность *консалтинговых фирм и консалтинговых компаний*, выполняющих услуги по исследованию и прогнозированию рынков, разработке маркетинговых программ. - *Консалтинговые фирмы могут быть специализированы по отдельным профилям* [БЭС, с. 328].

Концерн (англ. – участие, интерес) – добровольное объединение предприятий, осуществляющее совместную деятельность [БЭС, с. 336].

Банковский концерн – объединение банков. Такие объединения связаны с крупными банками (или *холдинг-компаниями*), которые осуществляют финансовый контроль. - *Сегодня рынок в основном делят крупные холдинги.* [ТСА, с. 1052].

2. Названия различных экономических программ и видов коммерческой деятельности (купля-продажа товаров, аренда, торговое посредничество и др.):

Аутрайт (англ. – обычный, прямой) – обменная форвардная валютная операция, включающая премию или дисконт [БЭС, с. 42].

Ауттрейд (англ.) – неудавшаяся из-за непонимания сторон торговая сделка [БЭС, с. 42].

Данные узкопрофессиональные термины не отражены в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» [5].

Два заимствования, отмеченные как экономические в вышеуказанном Толковом словаре [ТСА, с. 28], отсутствуют в Большом экономическом словаре [3].

Аутплейсмент (англ.) – часть программы поддержки увольняемых сотрудников – оказание помощи в нахождении новой работы. - *В английском языке есть короткий, но затруднительный для перевода термин: outplacement. Слово «аутплейсмент» уже вошло в профессиональный язык российских специалистов по работе с персоналом* [БЭС, с. 98].

Аутсорсинг (англ.) – использование внешней организации (поставщика) для обработки финансовых данных при осуществлении коммерческих операций; экспорт услуг. - *Аутсортинг ресурсов. Аутсортинг процессов.* [ТСА, с. 99].

Объясняется данное обстоятельство тем, что Словарь актуальной лексики содержит обширный материал из современных источников (СМИ, художественная и научная литература). В словарных статьях анализируется живой (функционирующий) русский язык; он предназначен широкому кругу читателей.

Большой экономический словарь описывает термины, имеющие непосредственное отношение к экономике и финансам, он служит подспорьем студентам, руководителям предприятий, менеджерам, т.е. специализирован и отражает соответствующую терминологию.

3. Названия лиц экономической деятельности (статус, профессия, вид занятия):

Аутсайдер (англ. – посторонний) – биржевой спекулянт-непрофессионал; брокер, не являющийся членом биржи [БЭС, с. 42].

В Словаре актуальной лексики слово имеет расширенную семантику: 1. Спортсмен, команда, занимающие в соревнованиях одно из последних мест; 2. О ком-чем-либо, не выдерживающем конкуренции. - *Перед нами вновь был записной аутсайдер* [ТСА, с.98].

Джоббер (англ.) – спекулянт на фондовой бирже, профессиональный биржевик - *Джоббер не обладает правом выполнять функции брокера* [БЭС, с. 181].

Конмэн (англ.) – мошенник, не внушающий доверие. - *Конмэн встречается во всех видах предпринимательства* [БЭС, с. 327].

4. Названия ценных бумаг и валюты:

Евробонд (англ.) – еврооблигация. - *В пятницу холдинг АФК принял решение отложить выпуск евробондов* [ТСА, с. 333].

Еврооблигация – международная ценная бумага на предъявителя [БЭС, с. 221].

Европейская валютная единица (ЭКЮ) (англ. ECU) – не использующаяся в настоящее время условная валютная единица стран-членов ЕЭС [БЭС, с. 222].

В условиях научно-технического прогресса, повышения уровня образования наблюдается вторжение научных терминов в повседневный язык. Выход ряда экономических терминов за пределы специального использования обусловлен особен-

ностями данной терминосистемы (человеческое общество и человек как социальная единица).

Наиболее употребительные слова встречаются на страницах газет и журналов, очень часто без каких-либо пояснений. Например:

- Крайне редко население шло на *конвертацию* валютных займов в гривню (Деловая столица, № 27, 6.07.09, с. 9).

Или: Этот *конгломерат инвесторов* затеял судебные разбирательства по возвращению проданного до их властвования имущества (там же, с. 24).

Иногда специальные, мало известные читателю термины, содержат пояснения, которые раскрывают отдельные значения данного слова:

- Это похоже на ту же маскировку *хеджированием**, *дериватами** и пр. (2000, № 38, 15.12.09., с. 2).

Внизу статьи имеются сноски: *хеджирование (англ. hedge) – страховка, гарантия, страхование рисков от неблагоприятного изменения цены путем заключения сделок на срочном или биржевом рынке.

*Дериватив (англ. derivative) – финансовый инструмент цены или условия, которые базируются на соответствующих параметрах другого финансового инструмента, являющегося базовым.

- Последователи ученого предсказали период нефтяных кризисов и *стагфляции** 1970-х годов в рамках понижательной фазы четвертого Кондратьевского цикла (2000, №38, 23.10.09., с. 5).

Далее приводится сноска:

*Стагфляция (stagflation) – период, в течение которого хроническая инфляция сопровождается спадом или стагнацией экономической активности.

5. Названия новых профессий, определяющих становление новой модели экономики (маркетолог, менеджер, пиар-менеджер, коллектор, риэлтор и пр.) журналистами, использующими данные слова, как правило, не поясняются:

- Наш герой какое-то время трудился *маркетологом* в различных компаниях (Власть денег, № 39, 25.09.09., с. 46).

- Сегодня *риэлторы* утверждают, что их базы данных выросли как минимум на 25-30% (Деловая столица, № 27, 6.07.09., с. 22).

Таким образом, в настоящее время в современном русском языке функционируют слова, определяющие новые реалии и имеющие большую значимость. По степени частотности употребления они превосходят русские аналоги, большинство заимствованных слов стали незаменимыми. Слова типа *электорат*, *интеграция* чаще используются в статьях на экономические темы, чем, скажем, слово *выборщик* или *объединение*.

В процессе освоения иноязычные слова подвергаются изменениям, подчиняясь законам развития русского языка, они приспособляются к русскому словообразованию, грамматически вживаются в русское окружение.

Употребление экономической терминологии и ее активизация в области живого языка и в специальной терминосфере – особенность нашего времени.

Список литературы

1. Исследования по русской терминологии. Сборник статей / под ред. В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1971. – 231 с.
2. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000 – 480 с.
3. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – изд-е 2-е. – М.: Книжный мир, 2008 – 860 с.
4. Словарь русского языка / под ред. Р.М. Цейтлина. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.
5. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиков. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с. – (Библиотека словарей). – ISBN 5-699-15913-4.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка /Д.Н. Ушаков; под ред. д-ра филол. наук Татьянченко Н.Ф. – М.: Альта-Пресс, 2005 – 1216 с. – ISBN 5-93383-017-8.

Список сокращений

БЭС – Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – изд-е 2-е. – М.: Книжный мир, 2008 – 860 с.

СРЯ – Словарь русского языка / под ред. Р.М. Цейтлина. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.

ТСА – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиков. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с. – (Библиотека словарей). – ISBN 5-699-15913-4.

ТСУ – Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка /Д.Н. Ушаков; под ред. д-ра филол. наук Татьянченко Н.Ф. – М.: Альта-Пресс, 2005 – 1216 с. – ISBN 5-93383-017-8.

Алієва В. Н. Запозиченні економічні терміни в лексичній системі сучасної російської мови / В. Н. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 191-195.

У статті розглядаються системні зв'язки в галузі економічної термінології, термін, процес активізації вживання іншомовних слів.

Ключові слова: термінознавство, економічна термінологія, іншомовне слово, запозичення.

Alieva V. N. Adopted economic terms in lexical system of modern Russian language / V. N. Alieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 191-195.

The article is dedicated to the system connections in the field of economic terminology and the process of activization of foreign word usage.

Key words: the science of terms, economic terminology, term, foreign word, loanword.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА; НОВЕЙШИЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИЛОЛОГИИ

УДК 81'33

СОСТАВЛЕНИЕ ТЕЗАУРУСА ПО ЭКОНОМИКЕ НА БАЗЕ КОРПУСА УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Кривонос Е. А.

*Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь
E-mail: kerris@inbox.ru*

Статья посвящена представлению созданного «Тезауруса по экономике для иностранных граждан, изучающих русский язык (этап довузовской подготовки)» (ТЭИ-0), а также описанию этапов работы над словарем. ТЭИ-0 был разработан на базе исследовательского корпуса текстов по экономике, в котором содержится 41 учебный текст. Также в статье обоснована актуальность создания тезаурусного представления предметных областей.

Ключевые слова: тезаурус, корпус текстов, экономическая терминология

Постановка проблемы. В связи с увеличением информационного потока ежедневно возникает необходимость совершенствования как систем обработки и хранения информации, так и навигации в этих системах. Одним из путей решения проблемы в данном случае является систематизация неструктурированных данных. Представление знаний в формализованном виде не только значительно ускоряет процессы работы с информацией, но и повышает их продуктивность.

В свете указанного направления развития информационных технологий работа по моделированию предметных областей и представлению полученных данных в виде тезаурусов является весьма востребованным видом деятельности. Результат представляет собой гипертекст, который отражает иерархически организованную семантическую структуру определенной предметной области.

Представление тезаурусного описания предметных областей гуманитарных наук является более сложной задачей для реализации, чем естественно-научных дисциплин, в силу различных причин: наличия не единственной классификации объектов, недоопределенности некоторых объектов. Все это порождает терминологический разнобой, последствия которого проявляются в первую очередь при прикладном использовании данной информации, например в системах автоматического перевода, в сфере компьютерной лексикографии, компьютерной лингводидактики в связи с более широким распространением дистанционных форм обучения (e-learning), охватывающих с каждым все большее количество людей. Процесс глоба-

лизации обучения, когда стираются границы между странами, особенно в Интернет-пространстве, требует, насколько это возможно, однозначного и выверенного подхода к представлению о конкретной предметной области.

Актуальность данной темы подтверждается многочисленными исследованиями по системному описанию предметных областей, например: «Функциональная модель двуязычного экологического словаря-тезауруса» М. А. Ковязиной, «Лингвистическая модель двуязычного электронного текстоориентированного словаря юридических терминов : на материале Конституции Российской Федерации, Конституции Французской Республики и Конвенции о защите Прав человека и основных свобод» А.В. Русаковой, «Тезаурусное моделирование английских грамматических терминов морфологии и морфосинтаксиса» Е.Ю. Горбунова. В книге «Семантика информационных технологий: Опыты словарно-тезаурусного описания» Ю.Н. Филипповича и А.В. Прохорова [1] описана методика и алгоритмы дистрибутивно-статистических методов анализа естественно-языковых описаний предметных областей и построения на их основе словарей-тезаурусов, подробно рассмотрен программный комплекс Интерлекс, использованный для исследования и приведен семантический словарь-тезаурус предметной области «Информационные технологии».

В данный момент тезаурусному описанию русскоязычной экономической терминологии посвящено не так много исследований, несмотря на то что экономика является одной из основ жизнедеятельности общества. Это работы З.И. Комаровой и А.А. Прошиной «Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике» [2], Ю.В. Рождественского «Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование: словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус)» [3], Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН РАН по экономике и демографии [4].

Монография «Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике» [2] посвящена описанию первого опыта сопоставительного моделирования экономической терминотерии в русском и немецком языках с целью терминографирования. Особенность предлагаемой модели заключается в ее универсальности, что позволяет совместить функции толкового, переводного и идеографического терминологического словаря.

Одной из главных причин небольшого количества работ, посвященных моделированию экономической концептосферы, следует назвать состояние самой русской экономической терминологии, которая в связи с политическими событиями конца 20 – начала 21 века подверглась глобальной трансформации и в данный период еще находится в стадии становления. Все вышеперечисленные исследования были ориентированы на максимально полное описание русской экономической терминологии. Но мы бы хотели обратить внимание на необходимость создания тезаурусного описания концептосферы экономики в несколько ином аспекте. По данным исследования рынка образовательных услуг в ближайшие пять лет прогнозируется существенное его увеличение. В первую очередь прирост рынка ожидается за счет иностранных граждан, которые пожелают получить высшее образование на русском языке. С учетом развития современного общества повышается и уровень требований к учебно-методическому обеспечению образовательного процесса. Поэтому удовлетворить все возрастающие потребности без использования методов автома-

тической обработки текста в ближайшее время уже будет невозможно. Цель активного внедрения новых информационных технологий автоматического анализа текста на этапе подготовки учебно-методического материала – получение новых интеллектуальных продуктов. Одним из таких продуктов является ряд специализированных адаптированных тезаурусов, которые будут соответствовать требованиям, предъявляемым к уровням владения русским языком. Отсутствие четко описанных понятийных минимумов по специальностям порождает такие проблемы, как-то: субъективность и интуитивность в определении языковой компетенции иностранного специалиста при тестировании по языку специальности, отсутствие критериев определения соответствия текста по специальности уровню владения языком и т.д. Создание же тезаурусов, ориентированных именно на иностранных граждан, позволит начать решать указанные проблемы, а также не только окажет неоценимую помощь в методическом обеспечении учебного процесса для иноязычной аудитории на более высоком профессиональном уровне, но и будет способствовать усвоению иностранцем корректной семантической структуры понятийной области, исключая факты интуитивности или непонимания при восприятии информации на неродном языке. Следует отметить, что наиболее важны подобные тезаурусные описания на этапе получения первичных знаний о системе любой понятийной области. Поэтому представляется весьма актуальным в первую очередь проведение работы по созданию тезаурусов, которые ориентированы на иностранных граждан, обучающихся на подготовительных отделениях вузов. Подобные тезаурусы должны быть созданы для различных специальностей.

Целью нашей статьи является представление созданного «Тезауруса по экономике для иностранных граждан, изучающих русский язык (этап довузовской подготовки)» (ТЭИ-0), а также описание этапов работы над словарем.

Материалом для исследования явились учебные тексты по экономике на русском языке из учебно-методического комплекса «Экономика» для иностранных граждан [5], активно применяемого в учебном процессе на факультете доуниверситетского образования БГУ. Всего в исследовательский корпус текстов по экономике для этапа довузовского обучения (ИКТ-0) был включен 41 учебный текст.

Работа по разработке ТЭИ-0 была разбита на несколько этапов. На первом этапе работы над ТЭИ-0 тексты из ИКТ-0 были обработаны. В результате содержание каждого текста было представлено в виде семантической сети, и для каждого текста создан минитезаурус. На втором этапе полученная в ходе обработки текстов из ИКТ-0 информация была обобщена, что позволило определить круг терминологических единиц, подлежащих упорядочиванию. Следующим этапом в работе явилось структурирование информации в соответствии с моделью тезауруса, описание которой представлено ниже. Результатом деятельности является ТЭИ-0 – «Тезаурус по экономике для иностранных граждан, изучающих русский язык (этап довузовской подготовки)».

Опытная модель построения двуязычного словаря-тезауруса по экономике, предназначенного в первую очередь для целевого использования в учебном процессе, подробно описана в монографии З.И. Комаровой и А.А. Прошиной [2]. Авторы отмечают, что моделируемый словарь сочетает в себе типологические характеристики идеографического, толкового и переводного словаря и выполняет все основ-

ные словарные функции: систематизирующую, справочную, нормативную и учебную. Наличие в словаре дефиниций необходимо, потому что экономическая терминосфера находится в стадии формирования, что влечет за собой некоторую неупорядоченность. Кроме того, созданный нами ТЭИ-0 ориентирован на иностранных студентов, поэтому в учебных целях наличие полной дефиниции, готовой для воспроизведения мы считаем необходимым. В круг наших задач не входит создание двуязычного тезауруса, поэтому мы заимствуем предложенную авторами модель, за исключением компонентов, связанных с переводом на иностранный язык.

Модель тезауруса включает в себя следующие части: иерархический систематический указатель; алфавитный лексико-семантический указатель; пермутационный указатель; алфавитный указатель.

Всего в ТЭИ-0 содержится 328 элементов (терминов и терминологических словосочетаний).

В **иерархическом систематическом указателе** представлены только термины и терминологические словосочетания, которые расположены в соответствии с входением в понятийное поле.

В ТЭИ-0 концептосфера *Экономика* делится на две большие концептуальные области *Экономические науки* и *Хозяйственная деятельность людей*. Понятие *экономика* имеет числовой код 0, в силу того что является точкой отсчета для осуществления кодирования других единиц с целью отражения положения элемента в терминологической системе. В соответствии с нашими потребностями мы используем для обозначения концептуальных областей буквенный код – латинские буквы: для области *Экономические науки* – код *N*, а для области *Хозяйственная деятельность* – код *D*. Третий и последующие уровни иерархии в ТЭИ-0 реализуются только для области *N*. В силу того что область *N* предполагает наличие комплекса наук, то, на наш взгляд, для каждой уместно использовать не числовой код, а буквенный. Вследствие данного обстоятельства концептуальные области третьего уровня иерархии рациональнее кодировать также с помощью латинских букв, исключая *N* и *D*, закрепленные за вторым уровнем иерархии. Учебной программой ФДО предусмотрено изучение основ только одной из комплекса экономических наук – экономической теории; ей присвоен код *R*. На четвертом уровне мы выделили области *R 1 Общая экономическая теория*, *R 2 Микроэкономика*, *R 3 Макроэкономика*, *R 4 Мировая экономика*. При распределении отобранных терминов и терминологических словосочетаний мы создали структуру, в которой 12 уровней. Приведем в качестве примера фрагмент иерархического указателя:

R 1.6 Производство

R 1.6.1 Факторы производства

R 1.6.1.1 Материальные ресурсы

R 1.6.1.1.1 Земля

R 1.6.1.1.2 Капитал

R 1.6.1.1.2.1 Вещественный капитал

R 1.6.1.1.2.1.1 Средства производства

R 1.6.1.1.2.1.1.1 Средства труда

R 1.6.1.1.2.1.1.2 Предметы труда

R 1.6.1.1.2.1.1.2.1 Сырье
 R 1.6.1.1.2.2 Человеческий капитал
 R 1.6.1.1.2.3оборотный капитал
 R 1.6.1.1.2.4 Основной капитал
 R 1.6.1.1.2.5 Денежный капитал
 R 1.6.1.2 Людские ресурсы
 R 1.6.1.2.1 Труд
 R 1.6.1.2.1.1 Рабочая сила
 R 1.6.1.2.2 Предпринимательская деятельность

Мы бы хотели уточнить, что нашей задачей является не максимально полное описание конкретной концептуальной области, а определение и представление минимума специальной терминологической лексики, необходимой для понимания адаптированных текстов по экономике. И на включение терминологической единицы в минимум только должен влиять факт нахождения ее в тексте, включенном в ИКТ-0.

В **алфавитном лексико-семантическом указателе** содержатся полные словарные статьи, упорядоченные в алфавитном порядке. Все статьи строятся по образцу: 1. дескриптор, выделенный жирным шрифтом; 2. дефиниция дескриптора, выделенная курсивом; 3. вышестоящий дескриптор (дескрипторы) с пометой **BT**; 4. нижестоящий дескриптор (дескрипторы) с пометой **NT**; 5. синонимы (помета **S**); 6. термины, обозначающие противоположные понятия (помета **A**); 7. буквенный, числовой или буквенно-числовой код, указывающий на положение терминединицы в системе. Приведем примеры словарных статей:

Инфляция – это обесценивание денег, которые находятся в обращении; падение их покупательной способности

BT макроэкономические проблемы

NT типы инфляции

A дефляция

R 3.6.2

Национализация – превращение объекта, имущественного комплекса, экономического ресурса или предприятия из собственности частной в собственность государства

BT преобразование форм собственности

R 1.9.6.1

Предельные издержки производства – издержки, связанные с производством еще одной единицы продукции

BT виды издержек производства

S дополнительные издержки производства

R 2.5.2.2.5

Подобное представление позволяет не только актуализировать иерархические отношения между элементами терминосистемы, но эксплицировать отношения синонимии и антонимии, что в комплексе оптимизирует процесс восприятия новой информации: обучаемый не затрачивает время на установление связей между понятиями – они уже установлены и наглядно продемонстрированы.

Кроме того, лексико-семантический указатель дает возможность оценить, насколько развиты отношения синонимии и антонимии понятий.

Пермутационный указатель содержит только термины, упорядоченные по алфавиту для каждого слова, в составе термина, т.е. формируются словообразовательные гнезда. Поэтому терминологические сочетания могут дублироваться в нескольких гнездах. Подобные пермутационные указатели облегчают поиск многословных терминов.

Макроэкономика

Показатели **макроэкономики**

Макроэкономические проблемы

Макроэкономическое равновесие

Идеальное **макроэкономическое** равновесие

Общее **макроэкономическое** равновесие

Реальное **макроэкономическое** равновесие

Частичное **макроэкономическое** равновесие

Кроме того, собранный и сгруппированный подобным образом материал является источником для описания структуры терминологических словосочетаний.

В **алфавитном указателе** содержатся только термины, расположенные в алфавитном порядке. Для каждого термина указан буквенно-числовой код.

Выводы и перспектива. Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, содержание и организация частей созданного ТЭИ-0 в полном объеме позволяют реализовать заявленные систематизирующую, справочную, нормативную и учебную функции. ТЭИ-0 необходим как для облегчения процесса усвоения основных понятий экономической терминологии на русском языке, так и для осознания связей и отношений между элементами терминологической системы. Во-вторых, ТЭИ-0 – является лексическим минимумом по языку специальности (экономический профиль) для этапа довузовского обучения иностранных слушателей.

Следует отметить, что в данный момент ощущается острая необходимость в создании подобных тезаурусов по различным специальностям с учетом уровней владения русским языком. В первую очередь важно удовлетворить запросы на данные минимумы для этапа довузовского обучения иностранных граждан, в силу того что именно отсутствие хороших основ знаний в начале обучения является тем негативным фактором, которое тормозит дальнейшее обучение любого индивидуума.

Список литературы

1. Филиппович, Ю.Н., Прохоров, А.В. Семантика информационных технологий: Опыт словарно-тезаурусного описания. С предисловием А.И. Новикова / Ю.Н. Филиппович, А.В. Прохоров. – М.: МГУП, 2002. – 368 с.

2. Комарова, З.И., Прошина, А.А. Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике : Монография / З.И. Комарова, А.А. Прошина. – Екатеринбург: Форум-книга, 2009. – 276 с.
3. Рождественский, Ю.В. Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование: словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус) / Ю.В. Рождественский. – М.: Флинта : Наука, 2002. – 108 с.
4. Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по экономике и демографии / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Отдел научно-библиографической информации; Архангельская В.А. при участии Мдивани Р.Р. (классификационный указатель). – М.: ИНИОН РАН, 2001. – 494 с.
5. Родионов, В.Н. Экономика : учеб.-метод. комплекс для иностранных слушателей фак. доунив. образования БГУ / В.Н. Родионов, А.В. Воробьев, Т.З. Сафронова. – Мн.: БГУ, 2006. – 240 с.

Кривонос Е. А. Складання тезауруса по економіці на базі корпусу учбових текстів по спеціальності / Е. А. Кривонос // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 196-202.

Стаття присвячена представленню створеного «Тезауруса по економіці для іноземних громадян, які вивчають російську мову (етап довузовської підготовки)», а також описанню етапів роботи з словником. Даний Тезаурус був розроблений на базі дослідного корпусу текстів по економіці, якій вміщують 41 учбовий текст. Також в статті обоснована актуальність тезаурусного представлення предметних галузей.

Ключові слова: тезаурус, корпус текстів, термінологія по економіці.

Krivoson E. A. Drafting of thesaurus on economy on base of corps of educational texts on speciality / E. A. Krivoson // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 196-202.

The article is about the presentation of the created «Thesaurus on economy for foreign students, studying Russian, being of the pre-education stage», and also about the description of the stages of work on the dictionary. This Thesaurus has been developed on the basis of research into the corps of texts on economy, which included the 41 educational text. Also the actuality of Thesaurus presentation of any subject domains has been demonstrated.

Keywords: thesaurus, corps of texts, economic terminology

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 82.512.45. "19": [17+111.852]

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Сеферова Ф. А.

*РВУЗ "Крымский инженерно-педагогический университет", г. Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

Статья посвящена переводу – своеобразному виду художественного творчества. Сегодня перевод прочно занимает своё место в литературе как вполне самостоятельный и своеобразный вид художественного творчества. Переводческой манере И.Франка, Н.Мирошниченко, В.Ляхевича и других переводчиков антологии крымскотатарской поэзии XIII–XX столетий «Окрушина сонця» (2003) свойственно «отдаление от слов» с целью более верного и глубокого выражения авторской идеи.

Ключевые слова: национальная идиоматика, традиции, восточная лексика, специфические сравнения, художественный перевод.

Постановка проблемы и актуальность избранной темы статьи обусловлена потребностью освещения особенностей поэтического перевода. Реконструкция разных концептов и фрагментов языковой картины мира является предметом исследований таких учёных, как Л.С. Бархударов, В.С.Владимиров, Н.Джусойты, В.Н.Комиссаров, А.В.Фёдоров и многих других. Имеющиеся отрывочные издания и их переводы, осуществлённые переводчиками не были доступны широкому кругу украинского читателя. Благодаря полному поэтическому переводу приведений на украинский язык предоставлена возможность познакомиться с содержанием антологии крымскотатарской поэзии XIII – XX ст. «Окрушина сонця» («Кунештен бир парча», 2003).

Цель: показать особенности обобщённо-художественной формы поэтического перевода, а также мастерство переводчиков в воссоздании манеры изложения, стихотворной речи крымскотатарских поэтов.

Крымскотатарская литература располагает множеством разнообразных по содержанию больших и малых поэтических сборников, относящихся к различным периодам её развития. Крупнейшей по объёму, своеобразной по композиции, важной по идейному содержанию памятником этой литературы является антология крымскотатарской поэзии XIII – XX столетий «Окрушина сонця» – «Кунештен бир парча» (2003).

В ней представлены поэмы, баллады, стихотворения и опытных мастеров слова, и молодёжи – ищущей, экспериментирующей. Составители: украинский поэт, переводчик Н.Мирошниченко и крымскотатарский поэт, переводчик Ю. Кандым.

В настоящей работе мы хотели бы остановиться на двух главных вопросах, связанных с этим изданием: во-первых, вопросе о том, как переводчики представили «панораму крымскотатарской поэзии за восемь столетий» [1, с.3] широкой массе читателей; во-вторых, на качестве самого перевода антологии «Окрушина сонця».

Произведения, написанные в разные периоды истории крымскотатарской литературы и переведённые украинскими переводчиками, в общей композиции сборника преисполнены определенной идейно-философской направленности и художественной выразительности. Настоящее у крымскотатарских мастеров слова связано с прошлым и будущим, и это временное триединство вырастает в антологии в глобальный образ: по сути, историзм, как важная грань мировосприятия героев, становится мерилom человеческого существования и чётким определяющим между этико-эстетическим и безнравственным.

Переводчики антологии сумели в основном верно воссоздать в формах украинской речи «... ту реальную ситуацию, ту внеязыковую действительность, которая в данном тексте описывается» [6, с.18]. Во многом переводы близки к оригиналу и, отметим, это не «копирование» подлинника, а творческое его освоение. Читатель получил возможность увидеть черты национального характера героев, проникнуть в национальную психологию лирического героя, постигнуть специфический быт крымских татар.

„Так судилося, що Бора Гази Герай Газай – перший поет, з якого Україна почала відкривати для себе світ кримськотатарського красного письменства, – пише Н. Мирошниченко. – Тим зовдячуємо Іванові Франкові, котрий у січні 1915 року написав статтю „Кримський хан Газі –Гірей (1588–1607) і дещо з його віршів”. Франко при цьому користався виданою у Відні книжкою австрійського сходознавця Гамера-Пурстала „Вірші хана Криму”. Взявши відти кілька газелей, звіршував їх українського. І хоч це не переклади, а, скорше, переспіви, проте значення їх – непромину-ще”[1,с.10].

Отметим, что большинство газелей Бора Газы Герая – сжатые до упругости образной пружины народные мысли, выраженные в фольклорно-афористичной по типу форме параллелизма, где структурная связь стилевых рядов, сходство или контраст тропов художественно выявляют не только единство композиции, но и целостность идеи. И.Франко весьма ответственно подошёл к поэтическому наследию Бора Газы Герая, к его языку, богатому пословицами, афоризмами: «Проста душа для нас ліпша як простий ріст, Від чорних брів миліший кінський хвіст. До луків тужимо ми все й до гострих стріл, Більш ніж до гарних лиць та до жіночих тіл...» (Кінський хвіст – бунчук, що служив татарам за воєнний стяг. Прим. І.Франка) («Райете мейль идериз, кьамет-и диль-джю ерине, Тугъа диль багъламышыз – какюль-и хош-бу ерине. Херес-и тиру кеманчыкъмады дильден асла: Навек-и гъамзе-йи диль-дюз иле абру ерине») [1, с. 67].

Нельзя не отметить добротную работу и В.Гримича при переводе поэмы «Млинове коло» («Долаб»), не только бережно сохранившем лексический фонд поэмы, но и передающего то, что называется сенсорным строением его стиха – душевную тональность, сложные оттенки настроения. Посвящая своё произведение сильным мира сего, Бора Газы Герай преследовал цель воздействовать на них: «Урок цей ти, хане, до серця прийми: В цій тлінній оселі лиш гості всі ми. І сам перед світом шануйся, не пнишь, Бо й я над слабкими сміялось колись.» («Сёзюмден ибрет алгъыл сен де, эй, хан, Фелек милькинде варсыз джюмле михман. Гіурур итме сакіін сен де джихана, Гюлердим бен де нидже натувана.») [1, с.79].

Как известно, поэтический перевод по своему характеру обычно носит обобщенный характер. Так, содержание и идея отдельных строк, эпизодов на переводимый язык передается в обобщенной художественной форме. При таком переводе на каждую строку переводимого произведения не всегда соответствует отдельная переводная строка. Переводческой манере В.Куринского (пер. ст. Э. Фазыла «Ойчан денъиз» («Замислене море»), Д.Кулиняка (пер. ст. М. Абляимова «Сагълыкълашмай къачты чечеклер» («Не прощаючись, квіти втекли»)), С.Литвина (пер. ст. Д. Османа «Янгъгызлыкълта» («У самотині»)) свойственно именно такое выражение авторской мысли.

Однако Н. Мирошниченко придерживается строгого принципа подстрочного перевода. Ему удаётся найти, возможно, единственно правильный путь при переводе конкретных национальных реалий, передать почти в первозданности некоторые языковые особенности стихотворения Ш. Селима «Чѣль къадыны» – «Степовичка», как, например, в случае с переводом названия полынь-травы – «ювшан» – «евшан-травя», «къатыкъ» – «катик» (кислое молоко): «Вона – евшан-травя у полі дикім. Що ліпш її сметани та катику ?! » («Ювшан киби чѣльнинъ дюльбер накъшыдыр, Сют, къаймагы, **къатыгы** пек яхшыдыр») [1, с. 686]. Благодаря введённому переводчиком внутриконтекстовому пояснению «вона – евшан-травя у полі дикім», появилась возможность адекватного воспроизведения инварианта оригинала, причём, изобразительные элементы перевода и подлинника в функциональном смысле равноценны.

В текстах переводов не раз встречается национальная идиоматика, специфические сравнения, и каждый раз переводчики находят возможность по-разному, но обязательно верно передать, содержание подлинника. Так, при переводе крымскотатарской пословицы «Алмагъан бералмаз, ялмагъан кульмез» в стихотворении Э.Шемъи-заде «Йырларым»- «Мої пісні» переводчик П. Коробчук использовал простой способ калькирования и тем самым добился полной тождественности смыслового звучания и ритмического строя фразы на украинском языке: «А хто не узяв – той оддати не зміг, Хто скорби не знав – не віда про сміх. Якщо з ним ітимуть пісні й почуття, – Ніколи не згасне, хоч в землю він ліг» («Алмагъан бералмаз, ялмагъан кульмез, Яш юрек севгисиз яшавгъа конмез. Ёлунда сизлердей аякъдаш барда, Аяты сѣнсе де, ильхамы сѣнмез!») [1, с.341].

Традиционный в восточной поэзии жанр миниатюр-апологов широко представлен у Эшрефа Шемъи-заде, разбросанными по книге философскими, аллегорическими четверостишиями, точно и проникновенно переведёнными в основном В. Ткаченко: «Нехай живе собі століття Змія, котра в мій бік сичить », Так розмірковує байдужий, Егоїстичний чоловік.» («Манъа тиймеген йылан Бинъ яша-сын», – деген сѣз, Тек озюни ойлагъан, Эгоистнинъ сѣзюдир») [1, с. 351]. В. Ткаченко отделяется от слов текста, тем самым приближаясь к смысловой структуре выражения в целом, стремясь сохранить «дух в ущерб букве» [5, с.265]. Невзирая на то, что в переводе неожиданно появились слова „в мій бік сичить”, есть все основания говорить о так называемой переводческой „интерпретации”, не противопоставленной понятию „перевод” и составляющей, по верному утверждению В.Комиссарова, „неотъемлемую часть переводческого процесса” [2, с. 19] .

Заслуживает достойной оценки и работа В.Куринского. Так, в тонкой фонической организации стиха в стихотворении Э.Фазыла «Дві колиски» («Эки бешик») мы ощущаем интонацию, которая как бы подсказана системой доминантных нежных фонем: «Поряд колись дві колиски стояли, – Рость коренилась **листя** **буяло**. Твій батько бажав мені **мужніх** **далей**, Мати моя твої коси **плекала**» («Эки бешик ян-янаша саллангъан, – Эки фидан тамыр аткъан, даллангъан, Бабанъ манъа эрлик ёлу адагъан, Анам сенинъ сачларынъны тарагъан») [1, с.587]. Улавливая смысл и дух стихотворения, переводчик В. Куринский создаёт именно то впечатление «благодарного гимна» во славу материнства, которое составляет поэзию «Поклонения» («Седжде») у Э.Фазыла.

Метафора холода часто является отрицательным тропом у многих крымскотатарских мастеров слова. Как символ беды, одиночества она использована, например, у М.Аблялимова в стихотворении «Сагълыкълашмай къачты чечеклер» - «Не прощаючись, квіти втекли...» в переводе Д.Кулиняка: «Не натішившись сонцем, теплом, У калюжі трава скрижаніла. Все блищить, мов обсіпане кришенням склом, – Забіліли сніги, заболіли...» («Кунешнинъ ал нуруна тоймай Асретликте ёл четинде къакъ, Къатты ерге яйылгъан джамдай Къар тешельген, тарлалар ап-акъ») [1, с. 593], Д. Османа «Янгъызылыкъта»-„У самотні ” в переводе С.Литвина: „Отут у краю снігопаду, Самотнній до відчаю я: Ні моря, ні гір, ні цикади – Далеко Вітчизна моя” («Къар токътамай эп ягъа бере, Беяз чечеклерни кыдырам. Янгъызым мен бу сувукъ ерде...») [1, с. 727].

Существует мнение, что перевод обогащает воспринимающую литературу, творческий опыт и уроки мастерства усваиваются поэтами и переводчиками [3, с.18]. Переводчик же лишь в том случае может называться художником, если, проявив творческое отношение к оригиналу, побудит читателя почувствовать дух подлинника, «даст возможность ощутить чувства и мысли мастера слова, создавая при этом иллюзию первоизданности» [5, с.18]. Не что иное, как иллюзию, так как перевод «это искусство «вторичное», искусство перевыражения оригинала в материале другого языка» [3, с.52], где «перевыражение» должно подчиняться правилам, одно из которых по утверждению авторитетного теоретика перевода А. Фёдорова звучит «...перевести – значит верно и точно передать средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого...» [6, с.138].

Вывод и перспектива. Удачный перевод антологии крымскотатарской поэзии XIII – XX столетий «Окрушина сонця» («Кунештен бир парча») показал, что нет непередаваемых произведений, ибо каждый высокоразвитый язык – эффективное и действенное средство для передачи содержания в единстве с формой и возможностями другого языка.

Список литературы

- 1.Окрушина сонця. Антологія кримськотатарської поезії XIII –XX ст. Упорядники М.Мирошниченко, Ю.Кандим. – К.: 2003.– 792с.
- 2.Комиссаров В.Н. Перевод и интерпретация. Сборник: „Тетради переводчика „ – Выпуск №19. – М.: изд-во „ Высшая школа”. – 1982.– С. 18 –20.
- 3.Бархударов Л.С. Что нужно знать переводчику? Сборник: „Тетради переводчика”. – Выпуск № 15. – М.: изд-во „ Международные отношения”. – 978. – с.17–19.

4.Владимиров В.С. О специфике художественного перевода и его теории // Философские науки. – 1978. – № 5. – С.50 – 53.

5. Джусойты Н. Исправительный перевод? Ответ на открытое письмо Н. Мориц // Дружба народов. – 1979. – № 6. – С.263 – 266.

6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: „Высшая школа”. – 1983. – 217 с.

Сеферова Ф. А. Поетичний переклад і національна специфіка / Ф. А. Сеферова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 203-207.

В статті розглядаються особливості поетичного перекладу літературно-художнього видання „Окрушина сонця”. Поетичні твори подані в оригіналі та в перекладах українською мовою. Описана специфіка перекладу творів кримськотатарських поетів.

Ключові слова: кримськотатарська література, словесна творчість, специфічне злиття, символізація національних рефлексій.

Seferova F. A. Poetic translation and national specific (on material of Crimean Tatars poetry) / F. A. Seferova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 203-207.

The article analyses the problems of translation in poetry. Given article offers the concept of interpretation based on translations of I.Franko, N.Miroshnichenko, and V.Lyahevich of Crimea Tatars poetry of XIII-XX c. Axiological aspect of Crimean Tatar’s poetry is consecrated in the article.

Key words: Comparison, traditions, art, poetry, translation, translator, axiological aspect, interpreter.

Поступила в редакцію 01.09.2010 з.

УДК 06.053.56

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Меметов И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: isken25@mail.ru*

Новизна данного исследования заключается в использовании методов и техники перевода с иностранного языка, в данном случае с турецкого. В работе раскрываются цель и объект перевода. Виды перевода слов и выражений. Особенности перевода неологизмов, метафор и идиом. Тонкости в передаче имен собственных и названий т.к. в связи с тем, что турецкий язык имеет латинскую графику, а русский - кириллицу, при письменном переводе с турецкого языка возникают трудности.

Ключевые слова: турецкий язык, теория перевода, виды переводов

*"Диктаторы должны бояться
своего переводчика и своего дантиста,
так как они более могущественны,
чем они сами."
(Сэр Уинстон Черчилль)*

Постановка проблемы. В данной статье делается попытка показать тонкости переводов с одного языка на другой. Здесь рассматриваются различные виды переводов с турецкого языка и применение их. А так же место перевода в современном языкознании.

Цель данной статьи - показать: во-первых, что перевод с турецкого языка может осуществляться, на другой неродственный, родственный, близкородственный, во-вторых, с литературного языка на диалект и наоборот, в третьих, с языка древнего периода на современный язык.

Характерной чертой современного языкознания является повышенный интерес к проблемам перевода.

Перевод - важное вспомогательное средство, которое обеспечивает выполнение языком его функций общения, когда люди выражают свои мысли на разных языках. Таким образом, справедливо трактовать перевод как акт межкультурной коммуникации.

Теория перевода - теория соответствий, вскрывает общие закономерности переводческого процесса, основанные на функциональной зависимости.

Различают следующие виды переводов:

Дословный перевод можно считать своего рода заготовкой, или "болванкой", которую еще необходимо обработать, то есть отредактировать. Дословный перевод может устроить в тех случаях, когда в переводимом примере в обоих языках одинаковая структура предложения, а слова в одном языке имеют однозначные соответствия.

Для передачи смысла предложений прибегают к *литературному*, адекватному переводу. При литературном переводе, а именно он и считается правильным, для передачи значения лексических единиц используются эквиваленты, т.е. прямые соотвествия, аналоги слова синонимического ряда или описательные средства.(1)

Полный *письменный* перевод не нуждается в определении. Здесь всё ясно из названия.

Реферативный перевод текста представляет собой изложение основных мыслей оригинала на языке перевода. Обычно задание сделать реферативный перевод сопровождается указанием объёма перевода (например, одна страница на компьютере, размер шрифта 12, интервал 1,5).

Аннотационный перевод текста по размеру не превышает одного абзаца; иногда он может быть ограничен двумя-тремя предложениями. Это сжатая передача смысла оригинала средствами другого языка.¹

Задача переводчика - передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Критерием точности является тождество информации.(3)

При переводе переводчик должен решить две задачи: правильно понять содержание высказывания (текста) на языке оригинала и полно и точно передать это содержание средствами языка перевода.

Переводчику с турецкого языка и на турецкий необходимо:

1) иметь определённый запас слов турецкого языка (в том числе специальной терминологии в определенных областях знаний);

2) знать грамматику турецкого языка с которого и на который будет выполнен перевод, иначе слова останутся лишь "кирпичами", из которых не удастся ничего "построить";

3) владеть техникой перевода и уметь эффективно пользоваться словарем. Прже чем открывать словарь, знать все особенности построения словаря;

4) иметь представление об области знания, к которой относится переводимый текст . (1)

Цель перевода - как можно ближе познакомить читателя с текстом на иностранном языке, которого он не знает.

Перевод с турецкого языка может осуществляться, на другой неродственный, родственный, близкородственный, во-вторых, с литературного языка на диалект и наоборот, в третьих, с языка древнего периода на современный язык.

Объектом теории перевода является сам процесс перевода, анализ, истолкование и понимание оригинала и его конечная форма, получаемый в результате отбора соответствующих средств выражения, таким образом происходит сознательное установление отношений между оригиналом и транслятом.

Лингвистическая теория перевода анализирует, обобщает и объясняет факты переводческого опыта, устанавливает соответствия и расхождения между языками и служит научной основой для переводческой практики.

Общие выводы теории перевода могут служить основой для конкретных практических решений. На первом этапе трансляционная лингвистика занималась изу-

чением результатов переводческих процессов, сопоставляя в статике оригинал и текст перевода (транслят) друг с другом.

В ходе перевода языки сопоставляются, заменяют друг друга в коммуникации.

На определенном этапе стало ясно, что перевод, являясь неотъемлемой частью объекта языкознания, представляет собой особый вид речевой деятельности, что вызвало интерес к динамической, процессуальной стороне перевода. И тем самым отразилось в разработки динамических лингвистических моделей перевода.

Перевод слов

Установление значения слова

При переводе с турецкого языка необходимо обнаружить слово в родном языке, которое является близким по значению турецкому слову. Такое слово в теории перевода называется лексическим, или словарным, соответствием.

Для правильного использования лексических, или словарных, соответствий следует различать следующие типы смысловых отношений между словами:

Значения слов в турецком и родном языках полностью соответствуют друг другу. Независимо от контекста, значение турецкого слова передаётся одним и тем же эквивалентом. К таким словам (они составляют около 30 процентов словарного става языка) относятся имена собственные, числительные, названия дней недели и месяцев, многие научные и технические термины, географические названия и др.: Kanada, iki, beş, Pazar, Cüma, Mart, Eylül, traktör, inflasyon, Amerika, Asya.

2. Если значению турецкого слова соответствует несколько слов в родном языке, мы имеем дело с вариантным соответствием. Это наиболее распространённый тип смысловых отношений между словами. Задача выбора нужного варианта довольно сложная, и переводчик должен учитывать роль контекста, то есть окружения, в котором встречается данное слово. Например, турецкому слову şaban в русском языке соответствуют 1. шабан (восьмой месяц лунного календаря) 2. ненормальный, глупый, придурковатый; или тур. saat- 1. час, часы; 2. время; 3. счетчик.

Безусловно, большинство слов турецкого языка являются многозначными, причем каждому такому слову в русском языке соответствует несколько значений, которые совершенно отличны друг от друга.

Чтобы перевести многозначное слово, сначала находится нужное значение, а потом в пределах этого значения надо отыскать соответствующее для данного контекста вариантное соответствие.

Для перевода специального текста рекомендуется пользоваться специальным словарём.

Например: пофразовый перевод текста

İçinde ben de vardım

(Внутри был и я)

Bir gün komşuları Носауа sormuşlar (однажды: «один день» соседи Ходжу спросили), ‘Носам (Ходжа: «мой ходжа»), dün gece (вчера вечером, ночью) sizin evden gürültüler duyduk (из вашего дома шум: «шумы» мы слышали; *duymak* — слышать, чувствовать). Önemli bir şey mi oldu? (важное что-то случилось; *mi* — вопросительная частица)”. Носа cevap vermiş (Ходжа ответил: «ответ дал»), ‘Yok,

canım... (нет, дорогой...) Benim kaftan (мой кафтан) merdivenden yuvarlandı (с лестницы скатился; *yuvarlanmak*). Meraklı komşular (любопытные соседи), 'Olur mu (возможно ли: «бывает ли») Hoca kaftan o kadar ses çıkarır mı (/чтобы/ кафтан столько шума поднял)?' demişler (сказали они), Hoca da cevap vermiş (и Ходжа ответил) 'İçinde ben de vardım' (так внутри и я был: «внутри него я тоже был»)

Интернациональные слова и "ложные друзья" переводчика

К интернациональным словам (интернационализмам) относятся заимствования из других языков. Такие слова могут быть сходны по звучанию, написанию и значению:

Абажур - abajur, интернационалист – *enternasyonacı*, философия – *felsefe*, трансформатор – *transformatör*, телевидение - *televizyon*, TV.

Существует гораздо больше слов, которые мы называем псевдоинтернациональными, или "ложными друзьями" переводчика. В русском языке эти слова можно подразделить на две группы:

1) слова, которые имеют сходное написание и произношение, но совершенно другое значение по сравнению с турецким языком.

2) более сложными случаями являются "ложные друзья" переводчика, которые лишь в одном или двух значениях совпадают с русскими словами, но расходятся в остальных.

Неологизмы

Проблема перевода неологизмов (новых слов, появившихся в языке в связи с развитием общества и появлением новых понятий) занимает особое место в переводческой практике.

Само понятие "неологизм" относительно. То, что было неологизмом сто лет назад (самолёт, лётчик) или позже (телевидение, меченый атом), уже не является таковым сейчас именно в силу развития общества, науки и техники, а, следовательно, и языка.

Существует несколько способов образования неологизмов:

- создание новых слов на основе имеющихся в языке словообразовательных средств (суффиксов, префиксов, словосложения и др.).

- переосмысление существующих в языке слов, то есть придание им новых значений. Так, например: *magaza vitrini* - витрина магазина и *magazin* - иллюстрированный журнал, *magnetik* – 1) магнитный; *magnetik alan* - магнитное поле; *magnetik fırtına* - магнитная буря, 2) магнитный железняк, *atmosfer* - 1) атмосфера 2) атмосфера, обстановка, окружающая среда, воздух (ср. например, с *hava*);

- заимствования из других языков. Например: *atom* – атом, *laborant* – лаборант, *lâborantuvâr* – лаборатория, *labrador* – лабрадор, *kültür* – культура, *kültür ataşesi* - атташе по культурным вопросам.

Метафоры и идиоматические выражения также могут быть источником образования неологизмов. Для переводчика это, наверное, самый сложный случай, поскольку он требует глубокого знания реалий страны, с языка которой делается перевод. Помощниками здесь могут быть словари идиом турецкого языка. К турецким метафорам можно отнести следующие примеры: ... *karşısında yutkunmak* - глотать

слиюнки (о чём-л. очень желаемом), *karınca uyuvası gibi kaynamak* - кишеть как муравейник, *kedi ile köpek gibi* - как кошка с собакой.

Передача имен собственных и названий

В связи с тем, что турецкий язык имеет латинскую графику, а русский - кириллицу, при письменном переводе с турецкого языка возникают трудности, связанные с передачей имён собственных и названий.

Так турецкие имена собственные передаются на русский язык следующим образом. Например: *Mahmut* - Махмуд, *Cumhurbaşkanı Mustafa Kemal Atatürk* - президент Мустафа Кемаль Ататюрк, *Sayı Erdoğan Bey* - Уважаемый господин Эрдоган, *Kaunakam Erol Bey* - Губернатор господин Эрол, *Sayın Prof. Dr. Hasan Eren* - Уважаемый профессор доктор Хасан Эрен, *Hamdi Bey* - Господин Хамди, *Mustafa Efendi* - Господин Мустафа, *Zeynep Hanım* - Госпожа Зейнеп, *Bay Ali Çiçekçi* - Господин Али Чичекчи, *Prof. Dr. Mehmet Kaplan* - Профессор доктор Мехмет Каплан, *Doktor Behçet Uz* - Доктор Бехчет Уз, *Mareşal Fevzi Çakmak* - Маршал Февзи Чакмак, *Yüzbaşı Cengiz Topel* - Капитан Дженгиз Топель;

Fatih Sultan Mehmet - Фатих Султан Мехмет, *Genç Osman* - Молодой Осман,

Avcı Mehmet - Охотник Мехмет, *Nişancı Mehmet Paşa* - Стрелок Мехмет Паша, *Deli Petro* - Безумный Петр.

Почему так происходит? Значит ли это, что не существует чётких правил для передачи имён собственных?

Все дело в том, что в силу некоторых особенностей латинского (турецкого) алфавита происходит следующее: во первых – в латинском (турецком) алфавите отсутствует литера «мягкий знак» (Ь); во вторых – в середине слова, следуя грамматическим правилам турецкого языка, наблюдается выпадение некоторых согласных фонем, таких как: “**h**”, “**ğ**” и др.(см. грамматику турецкого языка).

Общим правилом для переводчика турецкого языка является то, что в турецком предложении глагол часто ставится в конце, что не соответствует грамматике русского языка. Так, например в предложениях: *Ona para verdiler* - Ему дали деньги. *O çabuk, çabuk koştu* - Он побежал очень быстро. *Biz dün dostumla beraber bir tarihi müzeyi seyrettik* - Вчера мы с другом ходили смотреть музей истории и т. п.

Таким образом, следует, что для адекватного турецкого текста переводчик не может не учитывать грамматического значения форм иностранного предложения. Неверная передача значения турецких грамматических форм и конструкций приводит к искажению смысла оригинала. В практике перевода необходимо одновременно учитывать семантику лексики и особенности грамматики. Иными словами, переводчик всегда имеет дело с лексико-грамматическими соответствиями.

В целом можно выделить следующие группы текстов :

1. художественные
2. публицистические
3. газетно-информационные, документальные, деловые, специально-научные

На основе критерия функции и стиля языка и речи В.С. Виноградов выделяет 6 основных функционально - стилистических типов текстов:

1. Разговорные (разговорно -бытовые, разговорно-деловые) выполняют

функцию общения, реализуются в устной диалогической форме

2. Официально-деловые (государственные, дипломатические, политические, коммерческие, юридические. Основная функция сообщения и регулирования, существует в письменной форме.

3. Общественно-информативные. Содержат различную информацию СМИ,

Функция информирования и воздействия вплоть до манипуляции сознанием. Устная и письменная форма.

4. Научные тексты очень многообразны : тексты специальные, научно- популярные. Последовательное, логичное, доказательное изложение объективного научного знания. Реализуются в письменной и устной формах.

5. Художественные тексты (худ. литература), литературная критика, публицистика. Функции - воздействия и эстетическая, происходит художественно-эстетическое познание мира, используются все единицы и стили литературного языка.

6. Религиозные сочинения, апокрифы, жития, проповеди, теология. Устная и письменная формы.²

Все вышеуказанные функционально-стилистические типы текстов имеются в турецком языке.

Переводчик - это специалист в сфере межкультурной коммуникации, который является связующим звеном между зарубежными и отечественными партнерами. Перевод является способом преодоления языковых и культурных барьеров. Работа через переводчика позволяет сторонам выиграть время.

Переводчик - это "терминовед, лексикограф, специалист в области международной торговли, лингвист-прикладник, технический редактор, консультант, консультант по связям с общественностью, эксперт в области компьютерного проектирования и производства, редактор иностранной литературы, эксперт в области издательской работы.

Переводчик - это специалист в области информации и документации, специалист по созданию разных видов текста: резюме, комментария, составление протоколов, редакция, подготовка текста для машинного перевода, редактирование после машинного перевода.

В настоящее время изменяется характер переводческой деятельности - доминирует информативный или деловой перевод, в результате которого должен иметь место аутентичный текст на двух языках.

В 40-50е годы в Европе организуются переводческие вузы, тогда и возникла необходимость в преподавателях турецкого языка. Это были в основном лингвисты, которые стали передавать свои идеи.

В конце 50-х встал вопрос и о машинном переводе. Изменился характер перевода и заказа. В центре внимания находятся широко применяемые языки и перевод специализированных научных конференций.

Выводы и перспектива. Появились новые виды перевода - синхронный, последовательный на конференциях, радио- и телепередач (СМИ), магнитофонных записей, характерным признаком которого является удаленность переводчика от места. Роль переводчика в современном мире будет возрастать. А переводчики с

русского языка на турецкий и с турецкого языка на русский в связи с расширением культурных, экономических и политических связей будут востребованы.

Список литературы

1. Слепович, В. С. Курс перевода, Минск, 2002. -304 с.
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы).- М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001.– 224 с.
3. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика.- Москва, 1973. - 278 с.

Меметов І. А. Деякі особливості перекладу з турецької мови / І. А. Меметов// Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 208-214.

Новизна даного дослідження полягає у використанні методів і техніки перекладу з іноземної мови, в даному випадку з турецької. У роботі розкриваються мета і об'єкт перекладу. Види перекладу слів і виразів. Особливості перекладу неологізмів, метафор та ідіом. Тонкощі в передачі власних назв і назв тому у зв'язку з тим, що турецький мова має латинську графіку, а російська - кирилицю, при письмовому перекладі з турецької мови виникають труднощі.

Ключові слова: турецька мова, теорія перекладу, види перекладів

Memetov I. A. Some features of the translation from Turkish / I. A. Memetov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 208-214.

The novelty of this research is to use methods and techniques of translation from foreign language, in this case with the Turkish. The paper disclosed the purpose and object of translation. Types of translating words and phrases. Features of the translation of neologisms, metaphors and idioms. Subtleties in the transfer of proper names and titles as due to the fact that the Turkish language has a Latin alphabet, and Russian - Cyrillic in the translation from the Turkish language difficulties.

Keywords: Turkish language, translation theory, types of transfers

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 821. 214.21+821.512.162

ПРИНЦИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ОСНОВЕ ПЕРЕВОДА «БХАГАВАДГИТЫ» НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК)

Садыгова У. Г.

*Бакинский славянский университет,
Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье исследуется интерпретация общих вопросов восприятия древних эпических текстов, анализ особенностей «Бхагавадгиты» как религиозно философского произведения, освоение методики перевода «Бхагавадгиты» на азербайджанский язык; сравнение духовных знаний «Бхагавадгиты» и «Корана».

Ключевые слова: эпический текст, анализ, религиозные тексты

Постановка проблемы. Основой конкретного восприятия любого вида литературы или жанра является психическая деятельность личности. Приблизиться к пониманию того, как читатель (переводчик) постигает неисчерпаемость смыслов, чувств, образов, идей стихов, позволяет теоретические знания о чтении, их детальный анализ на основе множественных подходов. Чтение – явление многоликое и многогранное. И, прежде всего, его можно рассматривать как психический мир в миниатюре. Психологический механизм читательской деятельности (в том числе переводчика) реализуется на всех уровнях – от психофизиологического до социально-психологического интегративно.

Целью исследования является определение общей системы знаний по теории восприятия и интерпретации в переводе эпического произведения на примере перевода «Бхагавадгиты» на азербайджанский язык. Цель исследования предполагает решения **следующих задач:** интерпретация общих вопросов восприятия древних эпических текстов; анализ особенностей «Бхагавадгиты» как религиозно философского произведения; освоение методики перевода «Бхагавадгиты» на азербайджанский язык; сравнение духовных знаний «Бхагавадгиты» и «Корана» и т.д.

Методы исследования ориентированы на мыслительные действия, обязательные для целостного и всестороннего постижения предмета переводчиком. Методология исследования ориентируется на опыт современного литературоведения, переводческой науки и распространяет его на изучение всего историко-литературного процесса.

Основной материал. «Бхагавадгита» в переводе на азербайджанский язык вышла в 1991 году в издательстве «Бхактиведанта Бук Траст» под названием «Bhagavat-gita oldugu kimi». В этом объемистом издании даны подлинные санскритские тексты с азербайджанской транслитерацией, дословным и литературным переводами и подробными комментариями. Как указано в предисловии книги азербайджанский перевод сделан а английского издания 1971 года. Однако наш скрупулезный сопоставительный анализ текстов показывает, что азербайджанский перевод сделан

не с английского, а с русского варианта книги, изданным в том же издательстве в 1984 году. В издании на русском языке дается примечание переводчиков (к сожалению, в азербайджанском варианте такого примечания нет и вообще не указаны имена переводчиков), где отмечается: «В процессе работы над этой книгой мы оставили многие санскритские слова без перевода, поскольку перевод не отразил бы их полного значения. Такие слова вводятся курсивом, затем, при повторном употреблении, идут обычным шрифтом, и склоняются в соответствии с правилами русского языка. Кроме того, некоторые слова употребляются в специфическом значении, и потому при первом появлении отмечаются звездочкой. Объяснения как этих, так и санскритских слов можно найти в глоссарии» [1, 5].

Все указанные переводческие приемы точь-в-точь применены и в азербайджанском издании. Для убедительности наших слов сопоставим любой фрагмент текста поэмы, начиная с санскритского подлинника, русской и азербайджанской транслитераций, дословным и литературным переводами и комментариями. Выберем для удобства небольшой по объему текст:

Текст на русском языке [2, 46]

саньджая увача

эвам уктварджунах санкхье ратхопастах

упавишат висриджья са-шарам чапам

шока – самвишна – манасах

санджаях – Санджая; увача – сказал; эвам – таким образом; уктва – говоря; арджунах – Арджуна; санкхья – на поле боя; ратха – колесница; упастхах – расположенный на; упавишат – снова сел; висриджья – отложив; са-шарам – вместе со стрелами; чапам – лук; шока-стенания; самвишна – страдающий; манасах – в мыслях.

Санджая сказал: «Произнеся эти слова, Арджуна отбросил в сторону лук и стрелы и сел в колеснице, преисполненный горя».

Комментарий: Осматривая позиции врага, Арджуна стоял в колеснице, но страдание его было столь глубоко, что он сел, отложив свой лук и стрелы. Только тот, кто, будучи предан Господу, обладает величием души и сердечной добротой Арджуны, достоин обрести духовное знание.

Так заканчивается комментарий Бхактиведанты к первой главе «Шримдд – Бхагавадгиты», под названием «На поле битвы Курукшетра». [1, 80-81].

Текст на азербайджанском языке: sancaya uvaca

evam uktvarjunah sankhye pathonastha

upaviṣat viṣṭjya sa-ṣaram capam

çoka – samviṣṇa - manasah

sancaya uvaca - Sancaya dedi; evam - beləliklə; uktva - deyərək; arjunah - Arcuna; sankhye - döyüş çölündə; patha - dərduənə; upasthe - yerləşən; upaviṣat- yenə oturdu; viṣṭjya - kənara qoyaraq; sa-ṣaram - oxlarla birlikdə; capam - yay; çoka - təsüf edərək; samviṣṇa - iztirab çəkən; manasah - fikrində.

Sancaya dedi: «Bu sözlərə deyib, Arcuna ox-Kamanını kənara atdı və qəm- qüssə içində qərdunəyə oturdu».

Тут, как говорится, нет необходимости тщательно анализировать два сопоставимых текста на уровне лексики или же стилистики (естественно, что азербайджанский вариант соответствует нормативам синтаксиса данного языка), на наш взгляд, вполне достаточно визуального «освидетельствования», чтобы узнать оригинал и перевод.

В таких случаях, ученые говорят – комментарии излишни. Но одно не является излишним – это признание языка-посредника, посредством которого был сделан перевод на азербайджанский язык. В дальнейшем, в процессе нашего научного анализа, мы попытаемся продолжить наблюдения вышеуказанного порядка. Что же касается объекта анализа в качестве оригинала, то, в первую очередь, за основу будет браться пословный перевод с санскритского, русский вариант перевода (1984 года), буквальный и литературный переводы (1960 года) академика Б.Л. Смирнова, литературный перевод (1985) В.С. Семенцова. Переводным же текстом для сопоставления будет служить единственное, указанный нами выше, издание. При необходимости мы будем давать свой перевод, который, на наш взгляд, более верно отражает специфику оригинала.

Существуют разные пути подхода к анализу переводов древних текстов. Вот некоторые из них: проводить сравнительно-сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода; всего произведения от начала до конца; выборочный анализ на уровне семантико-стилистического или функциональной коммуникативности – можно и параллельный; анализ композиционной структуры с выборочным привлечением текста переводов для установления логической последовательности, повторяемости образов и символов, выявления изъянов перевода в этой иерархии, как нарушения целостной картины восприятия сакрального текста и др. Мы убеждены, что последний принцип анализа является более продуктивным и конкретным. В поддержку нашего выбора выступает и характер текста, являющимся философским и поэтическим. В противном случае, объем анализируемых переводов и комментариев к ним (множество философских терминов, многозначность поэтических символов, сложность сохранения сакрального смысла) не влез бы в рамки одной диссертации. В этой связи нелишне вспомнить общеметодологическую идею К.Леви-Стросса: «У терминов никогда не бывает внутренне присущего им значения: значение определяется «позицией», исторической функцией и культурным контекстом, с одной стороны, а с другой – структурой системы, где они и призваны фигурировать» [3, 13]. Кроме того, анализ текстов сопровождается стремлением наметить и систематизировать вопросы, подлежащие детальной исследовательской работе, что позволяет раскрыть роль поэмы в мировом историко-культурном процессе. Во введении к книге на азербайджанском языке А.Ч. Бхактиведанта Свами знакомит нас с причиной обращения им к «Бхагавадгите», с ее идеей, композицией, с комментариями к ней, с тем божественным значением, которое имеет она для каждого человека. Здесь мы сознательно приведем русский вариант перевода в качестве оригинала, чтобы еще раз подтвердить вышеуказанное нами предположение о том, что перевод на азербайджанский язык был сделан с русского текста:

«Здесь Господь сообщает Арджуне, что об этой системе йоги, описанной в Бхагавад-гите», сначала было поведено богу солнца, бог солнца объяснил ее Ману, а

Ману объяснил ее Икшвану, и таким образом, путем ученической преемственности, от одного рассказчика к другому, эта система передавалась далее. Но с течением времени она была утеряна. Поэтому Господь должен снова поведать о ней, на этот раз Арджуне на поле битвы Курукшетра» [2, 17]. Перевод: «tanrı burada Arcunaya bu yoqa sisteminin (Bhaqavad-qita) öncə qünəş tanrıçasına danışıldığını, qünəş tanrıçasının onu Manuya, Manunun isə Ikşvakuya izah etditini və beləliklə də, bu yoqa sisteminin şaqird ardıcılığı ilə bir hekayətçidən diqərinə ötürüldüyünü bildirir. Lakin vaxt ötdükcə bu bilik itirildiyi üçün Tanrı bu dəfə onu Kurukşetra döyüş meydanında Arcuna söyləyir.

Как видим, в переводе точно передана лексика и стилистика оригинала, лишь с корректировкой последних предложений, которые из простых стали осложненными в связи их соединением.

Первая глава, как указывает А.Ч.Бхактиведанта Свами во введении, на самом деле начинается со словом «Dharmakshetre». Это первое слово не просто указывает на то, что действие развивается на «поле Куру», где происходило сражение Бхаратов, а несет в себе несколько важных сакральных идей. Во-первых, «Dharmakshetre» («Дхарма-кшетра») переводится как «dini ayinlər icra olunan yer» [4, 48], то есть «место, где совершаются религиозные обряды», и, как упоминается в «Ведах» – «место поклонения, даже для обитателей небес» («həttə səma sakinlərinin də sitatış yeri») [4, 48]. Во-вторых, кроме этих значений, указанных в комментариях к первому стиху, оно переводится и как «поле чести, доблести, закона» («namus, qeyrət, qanin meydanı»).

Таким образом, указанные значения поля имеют двойственный смысл: исторический (в смысле эпоса) и религиозно-философский. Особое внимание в древних текстах уделяется религиозно-философскому смыслу. В индийской философии дхарма как термин в зависимости от позиции в тексте или в контексте принимает разные значения. Например, дхарма переводится как «основа, опора, нравственная опора – закон, обычай, обязанность» («binövrə, əsas, dayaq, mənəvi dayaq - qanun, adət, borc»). Слово «кшетра» в терминологическом понимании может принимать значения «объект, природа, материя» («obyekt, təbiət, materiya»). Итак, эта полифония значений указывает на важность названия, поставленного первым, вступительным словом к глубоко философско-литературному произведению. Как раз – таки именно такая причина напоминает нам принятый в древности прием, с чего начинались эзотерические тексты, то есть тот «ключ», который открывал с самого начала смысл, идею всего произведения. Может быть, поэтому, уже имея «ключ» такого рода, священный текст поэмы не начинается с традиционного восхваления Творца, перечисления его отличительных признаков, призывов-обращений к нему и просьб. Академик Смирнов ссылается на книгу «Шатапатабрахман», где говорится: «Агни, Индра, Сома, Вишну, Микха и все другие боги, за исключением Ашвин, присутствовали при жертвоприношении. Курукшетра было место, где совершались жертвы, поэтому говорят, что Курукшетра есть место, где боги совершают жертвоприношения» (3, 250)

Выводы и перспектива. Результаты исследования перевода «Бхагавадгиты», как древнего эпического произведения, которые, в свою очередь, вполне применимы ко всем видам такого перевода, для адекватного понимания и интерпретации

требуют следующих экспликационных процессов: буквального и литературного переводов, примечания к непонятным и «темным местам», исследовательский комментарий и толковый словарь.

Список литературы

1. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода [Текст]. - М., 1975.- 231 с.
2. Бхагавад-гита как она есть [Текст]. -Из-во «Бхагаведанта Бук Траст», 1984. – 832 с.
3. Борисова, Л.И. Лексические трудности перевода [Текст]. - Англо - русский словарь - справочник. - М., 1999.- 242 с.
4. Bhagavat – gita oldubı kımı [Текст]. Bhaktivetanta buk trast. 1991-896 s.(на азерб. языке)

Садигова У. Г. Принципи сприйняття епічного тексту (на основі перекладу «Бхагавадгити» на Азербайджанська мова) / У. Г. Садигова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 215-219.

У статті досліджується інтерпретація загальних питань сприйняття давніх епічних текстів, аналіз особливостей «Бхагавадгити» як релігійно філософського твору, освоєння методики перекладу «Бхагавадгити» на азербайджанську мову; порівняння духовних знань «Бхагавадгити» і «Корану».

Ключові слова: епічний текст, аналіз, релігійні тексти

Sadigova H. H. Principles of perception of the epic text (on the basis of transfer of "Bhagavadgita" into the Azerbaijan language) / H. H. Sadigova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 215-219.

In article interpretation of the general questions of perception of ancient epic texts, the analysis of features of "Bhagavadgity" as religiously philosophical product, development of a technique of transfer of "Bhagavadgity" on the Azerbaijan language is investigated; comparison of spiritual knowledge of "Bhagavadgity" and "Koran".

Keywords: the epic text, the analysis, religious texts

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК. 811.161.1

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ВРЕМЕННОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ (ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Эфендиева Ч. А.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Отражение культурной семантики временного кода осуществляется временными фразеологизмами, источником культурной интерпретации которых выступают символы. В статье рассматривается не только список временных фразеологизмов, но и способы отражения их в турецком языке.

Ключевые слова: временной код, культура, фразеологизм

Постановка проблемы. Фразеологическая картина мира того или народа - это прежде всего мастерство и искусство этого народа представлять сложные концепты (понятия, имеющие философско-познавательную и этнокультурную ценность) в виде образов [1, 204]. Отражение культурной семантики временного кода осуществляется временными фразеологизмами, источником культурной интерпретации которых выступают символы. Рассмотрим несколько временных фразеологизмов. Ниже приводится не только список временных фразеологизмов, но и способы отражения их в турецком языке.

1. Символ короткого времени

- **калиф на час:** человек, наделенный или завладевший властью на короткое время [2, I, 483] «kısa süre yönetimde olmak, bir gün süren beylik» [3, 112];
- **рыцарь на час:** о человеке, живущем благородными порывами, но неспособном к длительной борьбе [2, 286] «arada bir yiğitliği tutan, bir an için kahraman» [3, 239];
- **в мгновение ока, в один миг, в два счета:** вмиг, моментально, очень быстро [2, I, 575, 305] «göz açıp kapayıncaya kadar, bir anda, şimşek gibi, bir çırpıda» [3, 18];
- **с бухты-барахты:** вдруг, без видимой причины, без основания; необдуманно (поступать, делать что-либо) [4, 52] «hiç düşünmeden, balıklama» [3, 241];
- **легок на ногу:** о том, кто много, быстро ходит, не уставая [2, I, 539] «yürümekten korkmaz, yorulmak bilmez, ayağına çabuk» [3, 123];
- **легок на подъем:** о человеке, отличающемся готовностью пойти, поехать куда-либо, решимостью к действию [2, II, 46] «hareketli, canı tez, canlı» [3, 123];

- **легок на помине**: о том, кто появляется в тот момент, когда о нем говорят [2, I, 539] «iyi adam lafının üstüne gelir, tam sözünü ediyorduk, iti an çomoğı kap» [3, 124];
- **без году(а) неделя(ю)**: совсем недавно; очень недолго [2, I, 259] «1. dün bir bugün iki, daha dün, çok kısa süre önce; 2. çaylak, deneyimsiz» [3, 3];

2. Символ давности

- **испокон века**: издавна, с незапамятных времен [2, I, 105] «çok eskiden, Nuh Nebi'den beri, ezelden beri, bildik bileli» [3, 101];
- **во веки веков**: всегда, вечно, навсегда, навечно; никогда (в конструкциях с отрицанием) [2, I, 105] «sittin sene, sonsuza dek, hayatta, hiçbir zaman» [3, 34];
- **до гробовой доски**: до самой смерти, до конца жизни [4, 145] «ölünceye dek, mezara kadar» [3, 72];
- **по гроб жизни**: до самой смерти, до конца жизни [4, 120] «ölünceye kadar, mezara kadar» [3, 200];
- **во время оно (оны)**: когда-то, очень давно [2, I, 728] «çok önceleri, fi tarihinde, bir zamanlar» [3, 34];
- **при царе Горохе**: очень давно [2, II, 718] «millattan önce, çok önceleri, Tanrı bilir ne zaman» [3, 217];

3. Символ возраста

- **из молодых да ранних**: о человеке, сразу проявляющем себя на каком-либо поприще (чаще с отрицательной стороны) [2, I, 602] «yaşına göre uyanık, çok bilmiş, büyümüş de küçülmüş» [3, 99];
- **молодо-зелено, молоко на губах не обсохло**: об очень молодом, неопытном человеке [2, I, 602-603] «ağzı süt kokuyor, acemi çaylak» [3, 137];
- **вступать в возраст (в года, в лет)**: стать взрослым, достигнуть зрелости [2, I, 159] «yaşını başını almak, olgunlaşmak» [3, 44];
- **выходить (выйти) из возраста (лет)**: стать старше какой-либо возрастной нормы для поступления куда-либо, для выполнения каких-либо обязанностей [4, 99] «yaşını başını almak, tohumla kaçmak» [3, 53];

4. Символ раннего и позднего времени

- **дневать и ночевать**: находиться безвыходно, неотлучно или бывать очень часто [4, 140] «postu sermek, kamp kurmak, yerleşmek, hiç çıkmamak» [3, 71];
- **на ночь глядя (идти, ехать)**: поздно вечером, ночью [2, I, 676] «gece vakti, kör karanlıkta (gitmek)» [3, 146];
- **ни свет ни заря, с утра пораньше**: очень рано, на рассвете [2, I, 421] «sabahın kör karanlığında, çok erken, horozlar ötmeden» [3, 246];
- **чуть свет**: рано утром [2, II, 302] «sabahın köründe, gün ağarırken horozlar öterken» [3, 316];
- **чем свет**: рано утром [2, II, 302] «gün ağarmadan, kargalar kahvaltı etmeden» [3, 312];

- **от зари до зари, от темна до темна:** с утра до вечера, весь день, с вечера до утра, всю ночь [2, I, 421] «sabahtan akşama kadar, durup dinlenmek bilmeden, aralıksız» [3, 182];
- **хоть глаз выколи:** совершенно ничего не видно, о полной темноте, мраке [4, 94] «zifiri karanlık, göz gözü görmüyor» [3, 307];

5. Символ надежды и ожидания

- **ждать у моря погоды:** рассчитывать, надеяться на что-либо, не предпринимая ничего, оставаясь пассивным [2, I, 382] «eli kolu bağlı beklemek, işi olurluna bırakmak» [3, 79];
- **(ждать) когда (пока) рак свистнет:** неизвестно когда, никогда [2, II, 217] «boşuna, çıkmaz ayın son çarşambasına kadar (beklemek)» [3, 115];
- **до морковкина заговенья:** о неопределенно долгом сроке, о времени, которое никогда не наступит [2, I, 607] «sittin sene, kırk yıl, çıkmaz ayın son çarşambasına kadar, Allah bilir ne zamana kadar, çok uzun süre» [3, 73];
- **до новых (свежих) веников:** употребляется как угроза наказания, которое долго не забудется [2, I, 108] «ömür boyu, hayatta, asla» [3, 73];
- **битый час:** очень долго, о потраченном на что-либо времени [4, 515] «saatlerce, çok uzun süre» [3, 6];
- **откладывать (отложить) в долгий ящик:** на неопределенно длительное время [4, 543] «çıkmaz ayın son çarşambasına bırakmak, sürekli ertelemek, sürüncemede bırakmak» [3, 185];
- **после дождичка в четверг:** неизвестно когда [2, I, 340] «çıkmaz ayın son çarşambasına, Allah bilir ne zaman» [3, 214];

6. Символ неожиданности и внезапности

- **как гром среди ясного неба:** неожиданно, внезапно (обычно случившемся) [2, I, 288] «pat diye, damdan düşercesine, aniden» [3, 104];
- **как (будто, словно) из-под земли вырос:** появиться внезапно, неожиданно [2, I, 436] «birdenbire, aniden, yerden bitercesine» [3, 106];
- **откуда ни возьмись:** неожиданно, внезапно, неизвестно откуда [2, I, 133] «damdan düşercesine, nereden çıktıysa, aniden, apansız» [3, 187];
- **как (будто, словно) с неба свалился:** неожиданно появиться [2, I, 644] «hiç beklenmedik anda, damdan düşercesine, pat diye» [3, 110];
- **как (будто, словно, точно) снег на голову (упасть, явиться):** неожиданно появиться [2, I, 644] «aniden, pat diye, damdan düşer gibi (gelmek)» [3, 111];

7. Символ исчезновения

- **как корова языком слизала (слизнула):** о быстром и полном исчезновении кого-либо или чего-либо [2, II, 363] «aniden, yer yarılmışta içine girmişçesine (ortadan kaybolmak)» [3, 106];
- **как (будто, словно) сквозь землю провалился:** бесследно исчезать пропадать скрываться куда-либо [2, I, 436] «sanki yer yarılıp da içine girmek, aniden yok olmak» [3, 111];

- **кануть в лету:** быть забытым, бесследно исчезнуть [4, 193] «yok olmak, silinmek, tamamen unutulmak, mazi olmak» [3, 113];
- **как в воду канул:** бесследно исчез [2, I, 150] «sanki yer yarıldı da içine girdi, yok oldu» [3, 104];
- **как водой смыло:** бесследно исчез [2, I, 150] «tamamen kaybolmak, silinip gitmek» [3, 104];

8. Символ быстроты

- **(бежать, мчаться, лететь) как на пожар:** очень быстро, торопливо (что-либо делать) [2, II, 47] «alelacele, ateş almayaya gider gibi» [3, 107];
- **как (будто, словно, точно) с цепи сорвался:** а) о шумном поведении, стремительном беге, чрезмерной радости и т. п. человека, почувствовавшего себя на свободе, б) о поступках, поведении, действиях человека, переставшего сдерживать себя, потерявшего самообладание, контроль над собой [2, II, 435] «yerinden fırlamak, zincirden boşalmışçasına atılmak» [3, 110];
- **на живую руку:** быстро, поспешно [2, II, 279] «alelacele, tez elden, baştan savma» [3, 144];
- **на скорую руку:** быстро, поспешно [2, II, 279] «1. çabucak, tez elden, alelacele, 2. baştan savma, özenmeden» [3, 149];

9. Символ конца

- **песенка (песня) спета:** наступает или наступил конец чему-либо [4, 318] «iş bitti, defteri dürüldü, miyadı doldu, sonu geldi» [3, 196];
- **положить конец (чему):** полностью закончить что-либо [2, I, 507] «nokta koymak, son vermek, dur demek» [3, 211];
- **приходить (прийти), попадать (попасть) к шапочному разбору:** прийти к самому концу, окончанию чего-либо (когда все присутствующие расходятся) [2, II, 783] «iş işten geçtikten sonra gelmek, sonuna doğru gelmek, sonuna yetişmek» [3, 220];

10. Символ ближайшего времени

- **с минуты на минуты, с секунды на секунду (ждать, прийти, появиться):** в самое ближайшее время, вот-вот (о чем-либо ожидаемом) [2, I, 593] «her an, çok kısa süre sonra, neredeyse (beklemek, gelmek, ortaya çıkmak)» [3, 243, 245];
- **с часу на час:** а) все более с течением времени, непрерывно, б) в самое ближайшее время [2, II, 735] «her an, an be an» [3, 246];
- **со дня на день:** в ближайшее время [2, I, 324] «1. her an, çok yakında, neredeyse, 2. günden güne, her geçen gün» [3, 268];
- **тут как тут:** моментально появляться [2, II, 550] «o anda, anında, şip diye» [3, 293];
- **на носу:** скоро наступит, произойдет и т.п. что-либо [2, I, 674] «çok yakın bir zamanda, neredeyse şimdi» [3, 146];
- **без пяти минут:** почти (стал кем-либо по профессии, положению и т.п.) [4, 248; 2, I, 593] «neredeyse, yaşı yarıya (meslekler için)» [3, 4];

- завтрашний день: о ближайшем будущем [2, I, 397] «çok yakın gelecek, bugün yarın» [3, 84];
- **не сегодня-завтра**: в ближайшее время [2, II, 324] bugün yarın, bugünlerde, çok yakında [3, 162].

11. Символ медленности

- **через час по чайной ложке**: помалу, очень медленно [2, II, 734] «ağır aksak, çok yavaş» [3, 312];
- **черепашьим шагом (идти, двигаться)**: очень медленно, едва двигаясь, о медлительном, нерасторопном человеке (бранно) [2, II, 744] «kaplumbağa adımlarıyla, çok aheste» [3, 313];
- **час от часу**: все более с течением времени (о том, что нарастает или слабеет) [2, II, 735] «giderek, adım - adım, zaman geçtikçe, yavaş-yavaş» [3, 311].

12. Символ начала

- **час пробил (пробьет)**: настало, настанет время [2, II, 736] «zamanı geldi, saati geldi» [3, 311].
- **лед тронулся**: о начале какого-либо действия, движения [2, I, 540] «ilk adım atıldı, temel atıldı, işe başlandı» [3, 124];
- **в первую голову (очередь)**: прежде всего [2, I, 261] «herkesten önce, en başta, öncelikle, ilk iş olarak» [3, 19];
- **медовый месяц**: а) первая пора супружеской жизни, б) о начальном счастливом периоде чего-либо [2, I, 577] «1. balayı, cıcım ayı, 2. en iyi dönem, en parlak dönem» [3, 133];

Некоторые из временных фразеологизмов не относятся к вышеуказанным символам. К ним относятся следующие временные фразеологические единицы:

- **не ровен час**: а вдруг, может случиться (для выражения опасения, ожидания чего-либо неприятного) [2, II, 259] «her şey olabilir, hiç belli olmaz, kim bilir, ola ki» [3, 161].
- **до поры до времени**: до подходящего момента, до известного случая [2, I, 181] «belirli bir süre, şimdilik» [3, 73];
- **искать вчерашний день**: о бессмысленности, бесполезности каких-либо поисков [2, I, 469] «geçmişe uyanmak, dünü aramak» [3, 101];
- **на злобу дня**: то, что в данный момент привлекает, занимает всеобщее внимание [2, I, 439] «güncel olay, günün konusu» [3, 143];
- **ловить на лету**: быстро понимать, усваивать [2, I, 543] «1. havada kapmak, hemen anlamak, 2. kulak kesilmek, hiçbir şey kaçırmadan anlamaya çalışmak, dikkatle dinlemek» [3, 127];
- **от случая к случаю**: не постоянно, не систематически [2, II, 373] «zaman- zaman, arada bir, ara – ara» [3, 183];
- **переливать из пустого в порожнее**: 1. заниматься бесполезным делом; бесцельно тратить время, 2. проводить время в разговорах, пустой болтовне [4, 316] «1. boş işlerle zaman harcamak, boşa kürek çekmek, 2. boş laflarla zaman öldürmek» [3, 194];

- **семь пятниц на неделе:** о том, кто часто меняет свои решения, настроения [2, II, 180] «günü gününe uymayan, ne dediği belirsiz» [3, 257].

Выводы и перспектива. Таким образом, мы рассмотрели только один из многих аспектов, представляющих трудность для студентов-иностранцев в обучении русскому языку. В дальнейшем мы продолжим исследование в данной области, так как фразеология любого языка мира является сложным и в то же время наиболее интересным аспектом языка.

Список литературы

1. Солодуб, Ю. П., Альбрехт, Ф. Б., Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка [Текст].- Москва, Наука, 2003
2. Тихонов, А. Н., Королькова, А. В., Ломов, А. Г., Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Текст].- Москва, Наука. - т. 1- 2. - 2004
3. Süer, Ö. A. Rusça-Türkçe Deyimler Sözlüğü [Текст].- Ankara, T. C. Kültür Bakanlığı Yay. – 2280. - 1999
4. Молотков, А. И., Войнова, Л. А., Жуков, В. П., Федоров, А. И., Фразеологический словарь русского языка [Текст].- Москва, Русский язык, 1986

Ефендієва Ч. А. Способи передачі тимчасового коду російської культури в іноземній мові (фразеологічний аспект) / Ч. А. Ефендієва // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 220-225.

Відбиття культурної семантики тимчасового коду здійснюється тимчасовими фразеологізмами, джерелом культурної інтерпретації яких виступають символи. У статті розглядається не тільки список тимчасових фразеологізмів, а й способи відображення їх у турецькій мові.

Ключові слова: тимчасової код, культура, фразеологізм

Efendiyeva C. A. Ways of transfer of a time code of Russian culture in a foreign language (phraseological aspect) / C. A. Efendiyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 220-225.

Reflection of cultural semantics of a time code is carried out by time phraseological units, as a source of which cultural interpretation symbols act. In article it is considered not only the list of time phraseological units, but also ways of their reflection in Turkish language.

Keywords: a time code, culture, a phraseological unit

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 811.161.1+811.161.2+811.411.21+811.512.161

**РАСШИРЕННЫЙ ПОИСК МОДЕЛЕЙ ЭКВИВАЛЕНТНОГО ПЕРЕВОДА
ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА
(НА УРОВНЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ РУССКОГО,
УКРАИНСКОГО, ТУРЕЦКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Шеремет В. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: sheremetvitaliy@gmail.com*

падежа на базе русского, украинского, турецкого и арабского языков и способы нахождения лингвистических соответствий между ними.

Ключевые слова: языкознание, сравнительная грамматика, сопоставительная грамматика, русский язык, украинский язык, турецкий язык, арабский язык, компьютерная лексикография, падеж.

Постановка проблемы. Разработка проблем сравнительно-сопоставительного языкознания, которые связаны с созданием систем электронного перевода, является актуальным направлением в современной лингвистике. Эта работа продолжает наши прошлые исследования в указанном направлении [1] и базируется на предположениях касательно расхождения между падежами, впервые в области тюркологии выдвинутых в работах Л. С. Оказ [2].

Объектом нашего исследования стали 100 лексических и фразеологических единиц (лингвистических эквивалентов) в указанных языках, которые были извлечены из лексикографических источников [3-16]. Их формами мы заполнили таблицы соответствий в рамках грамматической категории падежа. Лексические и фразеологические единицы подбирались по принципам синонимичности и многозначности. Отбор проводился на основе параллельных текстов, Интернет текстов и текстов художественных произведений на всех указанных языках [17-22].

Исследование проводилось **методами** сравнительного, сопоставительного анализа, описательным методом на базе методики наблюдения за грамматической категорией падежа, в расширенном ее понимании, в русском, украинском, турецком, арабском языках.

Цель. Установить спектр моделей эквивалентного перевода грамматической категории падежа (на уровне лингвистических соответствий русского, украинского, турецкого и арабского языков) для дальнейшей работы по созданию базы многоязыкового электронного словаря лингвистических соответствий. Достичь поставленной цели, на наш взгляд, можно при условии решения следующих задач: **1.** Установления функциональной парадигмы грамматической категории падежа. **2.** Введение понятийной и фразеологической составляющей в описание слова.

1. Как показали предыдущие исследования [23], рассмотрение грамматической категории падежа только с точки зрения общих теорий [24 – 27] недостаточно. Создание

качественной переводческой программы (которая была бы ориентирована на перевод с/на тюркские и семитские языки) требует следующих критериев: 1) разработки падежной парадигмы с учетом лингвистических расхождений и соответствий; 2) создания комментариев, которые бы сопровождали слова семантической информацией.

Чтобы установить методы нахождения межъязыковых соответствий мы были вынуждены прибегнуть к созданию новой парадигмы падежа. В процессе ее создания, мы исходили из того, что: 1) восприятие человека ограничено пространством, субъект-объектными отношениями, временем, 2) мы можем мыслить только про то, что воспринимаем, 3) язык – результат мышления, 4) язык – отображение пространственных, субъект-объектных, временных отношений, 5) мышление универсально, 6) наличие выразителей выше перечисленных элементов – универсально для всех языков. Далее мы группировали выразители этих отношений по той функции, которую они выполняют в предложении (при этом учитывались синтактико-морфологические особенности каждого языка в отдельности)

Так как влияние на категорию падежа со стороны выразителей времени минимально (например, расхождение в управлении предлога обозначающего временное расположение (когда?) и пространственное (где?) в русском, украинском языках), мы решили не предавать ей внимания на данном этапе и оставить для дальнейшего включения в эту переводческую систему глаголов и особенностей временных отношений.

В системе перевода лингвистических эквивалентов наиболее показательными нам видятся следующие функциональные модели (см. таб. 1.1., 1.2.):

Таблица 1.1. Некоторые функциональные модели в системе русско-арабского, арабско-русского перевода

прямого воздействия (кого? что?)	вдвойне переходного воздействия при масдаре	сопутствующего объекта (с чем? с кем?)	способа взаимоотношения с внешними объектами (указание совершения чего-либо при помощи чего-то)	способа взаимоотношения с внешними объектами (когда указывается способ совершения действия).	описания качества процесса
Ударить сына	Декламация поэтом стихов	...и когда я возвращаюсь в мою деревню на своих ногах (я) с машиной, и ужинаю своим кусом хлеба, и ложусь спать уже стоит поздняя ночь	покупка за деньги	...и сажусь в машину...и иду за ней пешком	ежедневно
ضرب ابنًا	إنشاد الشاعر اشعاراً	و إلى ان أعود إلى قريتي على قدم انا و العربية و اتعشى بلقمتي و أضع جنبي إلى الارض يكون الليل قارب الإنتصاف	إشراء بنقدٍ	... و حملنا العربية... و جئت بها ماسياً	يوماً

Как показано в таблице 1.1., данные модели перевода выявляют следующие особенности: 1) выразители прямого действия (без уточняющих дополнений про которые речь будет идти дальше) оформляются в указанных языках В.п.; 2) для выражения вдвойне переходного действия (при масдаре) в арабском языке использует-

ся Р.п. для выражения субъекта, В.п. для выражения объекта; **3)** для выражения сопровождающего субъекта в арабском языке используют сочетание « $\text{ف} + \text{و}$ » - предлог [wa] и показатель В.п. имени существительного, в то время как в русском языке: Т.п. с предлогом «с»; **4)** во время передачи способа взаимодействия с внешним объектом (при помощи чего?), в арабском языке используется предлог بـ [bi] с последующей постановкой имени в Р.п., в русском языке – Т.п.; **5)** указывая способ действия, в арабском языке, необходимо использовать *причастие* в В.п., в русском языке эквивалентом будет *существительное* в Т.п.; **6)** передавая функциональное соответствие арабскому имени в В.п. которое описывает качество процесса, в русском языке прибегаем к использованию *наречия*.

Согласно **таблице 1.2.:** **1)** выражение обыкновенного прямого воздействия в турецком языке не отличается от арабского языка и обозначается В.п.; **2)** но во время передачи влияния на неопределенный объект применяется *неоформленный* В.п. Т.е., для выявления лингвистического соответствия, в данном случае, играет роль лексико-грамматическая категория определенности/ неопределенности; **3)** при вдвойне переходных глаголах один из субъектов влияния, как в русском, так и в турецком языках выражается при помощи В.п., а объект, при помощи которого совершается действие, – Д.п.

Таблица 1.2. Некоторые функциональные модели в системе русско-турецкого, турецко-русского перевода

прямого воздействия на определенный объект (кого? что?)	Прямого воздействия на неопределенный объект (ничем не выделяющийся из ряда других)	Выражение действия при котором явно выделяется субъект действия, объект действия (то, на что было направлено действие) и второй субъект, на который воздействуют при помощи объекта.
Ударить сына	Ударить мальчика (какого-то)	Девушка скормила мясо своей кошке
Oğulu vurmak	Oğlan vurmak	Kız eti kedisine yedirmişmiş

В украинском языке нахождение функциональных соответствий трудностей не вызывает – почти все случаи словоупотребления совпадают. Таблицы функциональных моделей, как мы убедились, имеют такие недостатки: **1)** они порождают большое количество словоформ, которые нельзя употребить в речи; **2)** не учитывают фразеологическое и семантическое значение слов.

2. В связи с недостатками функциональной парадигмы категории падежа, следующий шаг к созданию модели эквивалентного перевода мы видим в добавлении понятийной и фразеологической сопровождающей информации к слову, которая бы посредством дифференциации значения слова не позволяла употреблять неправильные формы. Считаем необходимым в этом плане детализировать понятийный состав слова, разделив его на: **1)** лексическое значение; **2)** понятийно-качественный ореол [28]; **3)** пресуппозицию [29].

В свою очередь эти элементы имеют собственное членение (см. таб.1.3., 1.4.).

Выводы. Как видим, невозможно относиться к падежу, как к категории присущей только имени существительному. Поэтому рассмотренные выше модели перевода основываются на понимании падежа как явления уровня концепта. В свете вышесказанного, для достижения эквивалентного перевода необходимо: **1)** разделе-

ние грамматических категорий и значений на функциональные модели, которые выражают временные, субъект-объектные и пространственные отношения. А также, потому, что важно не только правильно перевести форму слова, но и правильно употребить ее: 2) добавление в базу программы-переводчика моделей, которые бы ограничивали употребление слов согласно дифференциации элементов его понятийного состава.

Таблица 1.3. Лексический и затекстовый уровни членения слова с некоторыми примерами дифференциации

лексический			Затекстовый (пресуппозиция)			
лексические	фонетические	стилистические	Семантико-грамматические	фонетические	семантические	стилистические
Система синонимов	Род, тип склонения (в рус., укр.)	Система неологизмов, жарганизмов, жаргонизмов и т.п.	Система предлогов	число	Система одушевленного/ неодушевленного	Система многозначных слов

Таблица 1.4. Понятийно-качественный уровень понятийного состава слова с некоторыми примерами дифференциации

Понятийно-качественный					
семантические	фонетические	Семантико-грамматические	Стилистические	Фразеологические	концептуальные
Система различия между породами араб.яз. (семантика влияет на форму)	Акцентная парадигма	Система прямо-переходных глаголов (семантика глагола влияет на падеж)	Система устойчивых клише	Система идеофразеоматических единиц	Система вхождения в тот или иной концепт

Преимущества и перспективы разделения на функциональные модели видим в следующем:

1) возможность дальнейшего включения в систему перевода, помимо существительного и некоторых форм глагола, всех глаголов и их грамматических значений;

2) отсутствие путаницы в управлении предлогов во всех рассматриваемых языках (например, с предлогом *baş*, который может обозначать как место расположения «*masa başında oturduk*» «мы сидели за столом (подстрочный перевод выполнен автором самостоятельно)» вместе с местным падежом, так и субъект-объектные отношения направления действия «*masa başına oturduk*» «мы сели за стол», субъект-объектные отношения способа действия «*Kelime başına ne kadar gelir alırsınız?*» «сколько прибыли вы получаете за слово?» вместе с Д.п.. Как видим, без разделения на функциональные модели было бы тяжело объяснить, почему в последнем случае мы перевели *за слово*, а не *за словом*). В арабском языке, например, с предлогом *على*, который обозначает пространственное отношение «на» *جلس على الكرسي* «он сел на стул», и субъект-объектное отношение «на» *صعد على الجبل* «он поднялся на гору»);

3) четкая дифференциация по функциям уменьшает семантические ошибки в переводе.

Членение понятийного состава слова также не исчерпывает всех перспектив и предусматривает: **1)** возможность добавления в систему перевода фразеологических единиц; **2)** достижения правильного словоупотребления.

Перспективность данной работы в сфере преподавания языков мы видим в следующем: **1)** преподавание материала с использованием понятийной сопровождающей информации для создания индивидуального представления про реалии у учащихся вместе с **2)** применение таблицы функциональных соответствий для детального ознакомления со словоизменением.

Список литературы

1. Шеремет В. В. Сравнительно-сопоставительный анализ грамматической категории падежа имен существительных (на уровне лингвистических соответствий русского, украинского, турецкого и арабского языков) // Культура народов Причерноморья. – 2010. – №107 – С. 136 – 139. – ISSN 1562-0808.
2. Оказ Л. С., Алиева В. Н. Типологически значимые аспекты сопоставления грамматической категории крымскотатарского и русского языков (именные части речи) // Культура народов Причерноморья, №147. – Т2. – 2008. – С. 96 – 99.
3. АBBYY Lingvo Online Dictionary [электронный ресурс], режим доступа: <http://lingvo.abbyyonline.com/>.
4. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [электронный ресурс], режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Фразеологический%20словарь/>.
5. Словники України он-лайн [электронный ресурс], режим доступа: <http://lcorp.ulif.org.ua/dictua/>.
6. Atasözleri sözlüğü [электронный ресурс], режим доступа: <http://sozcukara.com/atasozleri-sozlugu.html>.
7. Толковый словарь украинского языка [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.slovnky.net/>.
8. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс], режим доступа: www.ruscorpora.ru/.
9. Национальный корпус украинского языка [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209>.
10. Arabic corpus compilation [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.qamus.org/corpus.htm>.
11. Synonyms resource [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.synonyms.net/?aspxerrorpath=/bs.aspx>.
12. Edward William Lane's Arabic-English Lexicon (Dictionary) [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.studyquran.co.uk/LLhome.htm>.
13. Rusça-türkçe sözlük [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.ruscasozluk.gen.tr/>.
14. Словарь синонимов русского языка [электронный ресурс], режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Словарь%20синонимов/>.
15. Арабско-русский словарь. Около 42 000 слов / [авт.-состав. Баранов Х. К.]. – М.: издательство «Русский язык», 1977. – 944 с.
16. Борисов В. М. Русско-арабский словарь. 42 000 слов / Белкин В.М. – М., «Сов. Энциклопедия», 1997, 1120 с.
17. Толстой Л. Н. Война и мир [электронный ресурс], режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/.
18. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание [электронный ресурс], режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0060.shtml.
19. Fyodor Mihaylovi Dostoyevski Suç ve ceza. Cilt 1, – Ankara. – ISBN:975-7782-60-2.
20. Lev Nikolayeviç Tolstoy Harb Ve Sulh [электронный ресурс], режим доступа: www.kitapsevenler.com.
21. ليو تولستوي الحرب و السلم، حقوق الطبع محفوظة: لمكتبة مدبولي، الطبعة الاولى، القاهرة، 1995م

22. دوستویفسکی الجرمة و العقاب الترجمة الكاملة ترجم و روجع على النص الروسي. ترجمة فايزكم نفش الكردي. دار البقطة العربية، دار مكتبة الحياة، دمشق، بيروت
23. Там же [1].
24. Сидоренко Е. Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка. В 5 частях [текст] / Сидоренко Е. Н. - Ч 1: общие вопросы частей речи. Имя существительное. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2005. – С. 78-84 ISBN 966-354-042-7.
25. Горпинич В. О. Морфологія української мови [текст] / Горпинич В. О. – Київ: Видавничий центр «Академія», 2004. – С. 169 – 179.
26. Tahir Nejat Gencan dilbilgisi [текст]. – Ankara, 2001. – С. 112 – 131.
27. Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка [текст] / Юшманов Н. В. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 1999. – С. 71 – 80.
28. Журавлев А. П. Звук и смысл: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов [текст] / Журавлев А. П. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: Просвещение, 1991. – 160 с. – ISBN: 5-09-003170-3.
29. Лексическая семантика [электронный ресурс], режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_67.shtml.
30. Дремов А. Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/>.

Шеремет В. В. Розширений пошук моделей еквівалентного перекладу граматичної категорії відмінка (на рівні лінгвістичних відповідників російської, української, турецької, арабської мов) / В. В. Шеремет // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 226-231.

У статті розглядаються особливості вираження граматичної категорії відмінка на базі російської, української, турецької, арабської мов і способи знаходження лінгвістичних відповідників між ними.

Ключові слова: мовознавство, порівняльна грамати́ка, зіставна грамати́ка, російська мова, українська мова, турецька мова, арабська мова, комп'ютерна лексикографія, відмінки.

Sheremet V. V. Broadened search for patterns of case's grammatical category equivalent translation (on the level of linguistic equivalents of the Russian, Ukrainian, Turkish, Arabic languages) / V. V. Sheremet // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 226-231.

In this article the expression peculiarities of case's grammatical category on the base of the Russian, Ukrainian, Turkish, Arabic languages are observed

Key words: linguistic, comparative grammar, contrastive grammar the Russian language, the Ukrainian language, the Turkish language, the Arabic language, computer linguistics, case.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 811.161.1:81'33

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ НА РУССКОЯЗЫЧНЫХ WEB-САЙТАХ УКРАИНЫ

Черняевская О.Г.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: olesyablack@list.ru*

В статье рассматриваются некоторые вопросы относительно гипертекстовой организации информационной структуры web-сайтов юридической направленности и лингвистического оформления гиперссылок, составляющих меню данных web-сайтов.

Ключевые слова: гиперссылка, web-сайт юридической направленности, синтаксическая конструкция

Постановка проблемы Одной из важных задач современного общества является повышение правовой культуры. Мы получаем правовые знания из официальных вестников законов, учебных изданий, газет, консультаций юристов и средств массовой информации. Сравнительно новым каналом получения правовых знаний является Интернет. Коммуникативное пространство Интернета становится одним из основных каналов популяризации правового знания в обществе и, следовательно, влияет на повышение правовой культуры. Новые информационные технологии позволяют хранить и оперативно передавать большие объемы правовой информации и взаимодействовать с большим количеством участников юридической коммуникации. Лебедева Н.Н. отмечает, что, «будучи агентом правовой социализации, Интернет обладает потенциальной возможностью воспитывать уважение к правовому закону, развивать правовое мышление, формировать правовую культуру и обеспечивать социально активное поведение в правовой сфере» [6, 133]. Интернет способствует распространению правового знания и является новой коммуникативной средой его представления. Изучение лингвистических особенностей гипертекстовой организации информационной структуры web-сайтов юридической направленности является интересным материалом для лингвистического анализа, так как позволяет выделить основные синтаксические конструкции в интерфейсе, с помощью которых представлены основные блоки информации на пространстве данных web-ресурсов, определить степень комфортности навигации по данным тематическим ресурсам для широкого круга Интернет аудитории, выявить специфические стилистические и жанрово-композиционные особенности представления правового знания в сети Интернет.

Целью данного исследования является выделение лингвистических особенностей презентации правового знания на пространстве специализированных web-сайтов юридической направленности, рассмотрение синтаксических конструкций, которые используются в оформлении интерфейса и обеспечивают комфортный поиск информации и коммуникацию адресатов юридической информации.

Общий анализ исследований и публикаций по проблеме

Влияние Интернета на различные сферы общественной жизни вызывает постоянный интерес в научной среде. Проводятся исследования свойств языка Интернета как специфического средства коммуникации (Д. Кристалл, Е. Горошко), рассматриваются характеристики русского языка, используемого в российском Интернете (Г.Н. Трофимова, 2001, Л. Ю. Иванов, составляются классификации интернет-метафор русского языка (А.Е. Войкунский), анализируется компьютерный (электронный, виртуальный, сетевой, Интернет- дискурс (Е.Н.Галичкина), когнитивно-прагматические особенности электронной коммуникации (И.А. Хребтова), сценарии диалога в web-пространстве (С.С.Дикарева).

Объектом нашего исследования стали материалы русскоязычных web-сайтов юридической направленности украинского сектора Интернет.

В статье Дикаревой С.С. Чернявской О.Г. «Язык права в Интернет-коммуникации: когнитивные и прагматические измерения» отмечается, что «лингвистический мониторинг юридических Интернет-ресурсов и изучение когнитивных установок создателей Web-ресурсов и прагматических составляющих информации представляет собой актуальную лингвистическую задачу» [3, 263]

Мы рассматриваем web-сайт юридической направленности как пространство, на котором существуют различные комплексы ситуаций и представлены юридические знания для широкой аудитории. Выделяются 4 основных типа web-ресурсов, объединенных общей юридической тематикой:

- 1) *порталы и сайты органов государственной власти;*
 - 2) *базы законодательства;*
 - 3) *правовые СМИ в сети Интернет;*
 - 4) *сайты юридических фирм и страницы известных юристов*
- [3, 263]

Доступ к информации юридической направленности осуществляется через пользовательский интерфейс соответствующих web-страниц. Он представляет собой, как правило, сочетание навигационных меню, графики и текстовой информации. Юридическая информация на пространстве web-сайта имеет гипертекстовую структуру и сгруппирована и упорядочена в значимые части (разделы) с помощью гиперссылок, которые оформлены различными синтаксическими единицами (предложениями, словосочетаниями, отдельными словоформами). Гиперссылки выполняют функцию заголовков и обозначают блоки информации, которые тематически связаны с линейным текстом или с другими гипертекстовыми структурами на других страницах сайта. Как отмечает А.А.Атабекова, «ссылки характеризуют своеобразие Web-страницы по сравнению со страницами газет и журналов: на одной Web-странице, помимо основного линейного текста, расположены заголовки других тематически связанных с ним текстов, находящихся на других страницах, часто связанных отношениями определенной иерархии» [1, 76].

Рассмотрим отношения иерархии в представлении блоков информации на web-сайтах юридической направленности на нескольких конкретных примерах.

Проанализируем гипертекстовую организацию меню Интернет-ресурса первого типа – сайта Верховная Рада Автономной Республики Крым (<http://www.rada.crimea.ua/>).

Главное меню данного сайта состоит из следующих пунктов: Новости; Председатель ВР АРК; Структура ВР АРК; Символы и знаки отличия АРК; Основы деятельности ВР АРК; Норматворческая деятельность; Работа с обращениями граждан; Счетная палата ВР АРК; Крымское землячество в Киеве; Архивная версия сайта.

Все гиперссылки, представленные в главном меню, имеют различную «глубину»: то есть иерархическая структура меню имеет несколько уровней. Например, гиперссылка Председатель ВР АРК обозначает собой меню второго уровня: Биография; Фотогалерея; Интервью, выступления; Советы по молодежной политике при Председателе ВР АРК; Совет по человеческой безопасности и развитию при Председателе ВР АРК; Совет по делам инвалидов при Председателе ВР АРК; Мероприятия «Найди солдата!»

Гиперссылка Мероприятия «Найди солдата!» раскрывает меню третьего уровня: Нормативно правовые акты; Информация.

Гиперссылка Нормативно правовые акты далее раскрывает четвертый уровень меню – гиперссылки на конкретные нормативно-правовые документы: Решение Верховной Рады Автономной Республики Крым № 1084-5/08 от 18.12.08; Решение Верховной Рады Автономной Республики Крым № 835-5/08 от 16.04.08; Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым № 607-5/07 от 24.10.07

Нормативно-правовые акты представлены в виде линейного текста без гипертекстовой структуры и полностью соответствуют печатной версии. Также при навигации по данному сайту адресат может по гиперссылкам перейти к конкретным текстам законов, документам, образцам оформления документов, статьям и т.д.

Таким образом, от наиболее общей информации, представленной в виде гиперссылок, адресат переходит к конкретной информации и в результате - к линейному тексту. Предоставление доступа к полнотекстовым нормативно-правовым актам является специфической чертой web-ресурсов юридической направленности. Композиционная организация меню сайта имеет четкую, логичную структуру.

Рассмотрим гипертекстовую организацию меню сайта четвертого типа (сайты юридических фирм и страницы известных юристов) - сайта юридической компании «Приоритет» <http://prioritet.jurportal.org/index.htm> Основное меню сайта имеет двухуровневую структуру и состоит из следующих пунктов: Главная; Услуги компании; Юридическая консультация; Контакты; Карта сайта.

Далее, пункт главного меню Услуги компании имеет подменю второго уровня, который состоит из следующих пунктов: *Услуги адвоката; Абонентское юридическое обслуживание; Регистрация, перерегистрация предприятий; Ликвидация предприятий; Юридическое сопровождение сделок с недвижимостью; Правовая поддержка клиентов при проведении налоговых проверок, а также споров с другими контролирующими органами; Юридические консультации.*

Каждая из данных гиперссылок обозначает собой линейный текст с элементами гипертекста (внутренние гиперссылки на конкретные части линейного текста). Дан-

ный Интернет-ресурс имеет двухуровневое меню, что отражает общую картину представления юридических знаний на web-сайтах четвертого типа (сайты юридических фирм и страницы известных юристов). Основная информация данных сайтов (линейный текст) представлена на главной странице и на страницах связанных гиперссылками с главным меню.

Далее от анализа иерархической структуры меню web-сайтов юридической направленности перейдем к анализу синтаксических конструкций, которые реализуются в названиях пунктов меню юридических web-сайтов. Каждый из данных пунктов меню представлен гиперссылкой, которая, как уже отмечалось ранее, оформлена различными синтаксическими единицами: предложениями, словосочетаниями, отдельными словоформами.

Анализ web-сайтов четырех типов показал, что в оформлении меню первого уровня web-сайтов доминируют имена существительные в именительном падеже в формах единственного и множественного числа ($N_{1\text{ sg}}$, $N_{1\text{ pl}}$).

Приведем некоторые примеры:

$N_{1\text{ sg}}$ - Право <http://www.prava.net.ua/>; ЮППремия <http://www.yurpractika.com/>; Закон <http://www.pravouch.com/>; Приватизация <http://www.prava.net.ua/>; Кодекс <http://pravoved.in.ua/>; Подписка <http://www.yurpractika.com/>

$N_{1\text{ pl}}$ - Комментарии <http://pravo.com.ua/>; Рубрики; Законы <http://www.uapravo.org/>; Суды <http://pravo.com.ua/>; Алименты <http://www.prava.net.ua/>.

Для указания адресата юридической информации при оформлении пунктов меню используется конструкция N_3 - Юристам <http://vash-yurist.com.ua/>, Юристу <http://www.ligazakon.ua/>, Частным лицам <http://tcg.net.ua/>.

Также были выделены следующие наиболее часто встречающиеся номинативные конструкции:

$N_{1\text{ sg}}$ и $N_{1\text{ sg}}$ - Отцы и Дети <http://www.prava.net.ua/>, Банк и Клиент <http://www.prava.net.ua/>, ДТП и ПДД <http://www.prava.net.ua/>;

$N_{1\text{ sg}}$ $N_{1\text{ sg}}$ и $N_{1\text{ sg}}$ - Усыновление, Опека и Попечительство <http://www.prava.net.ua/>;

$N_{1\text{ sg}}$ / $N_{1\text{ sg}}$ - Регистрация/Пропуска <http://www.prava.net.ua/>;

Вызывает интерес конструкция N_1 & N_1 - Банковское право & Финансы <http://www.4lawyers.ru/>; ГЧП & Инфраструктура <http://www.4lawyers.ru/>. Употребление союза and (&) на английском языке отражает специфическую черту Интернет-дискурса – инкрустацию англицизмов в оформлении меню web-сайтов.

Отдельного внимания заслуживают именные конструкции с предлогами в оформлении пунктов меню данных web-сайтов. На проанализированных страницах для оформления ссылок используются предложные конструкции для таких указания на того, кому адресована информация или о чем эта информация. Выделены следующие именные конструкции:

О N_6 - О проекте <http://www.yurist.kharkov.ua/>, О cauime <http://www.4lawyers.ru/>.

Для N_2 - Для юристов <http://www.jurist.net.ua/>, Для частных лиц <http://www.lawyersunion.org.ua/>, для иностранцев <http://www.yurist3000.com.ua/>.

Результаты проведенного лингвистического анализа в дизайне web-сайтов юридической направленности активно используются местоимения. Предпочтение отдается личным, притяжательным и вопросительным местоимениям.

Для оформления гиперссылок на информацию о деятельности, составе и проектах различных правовых организаций, используется форма притяжательного местоимения первого лица. Приведем некоторые примеры: *Наши публикации* <http://www.yurist3000.com.ua/>; Про нас <http://www.lawyersunion.org.ua/>; Наши клиенты <http://jurdopomoga.com.ua/>; Наши юристы <http://vash-yurist.com.ua>. В меню web-сайтов юридической направленности используются императивные и инфинитивные глагольные конструкции, которые определяют действия пользователя на пространстве web-страницы. Они обозначают потенциальные действия и побуждают к активному действию - использованию предлагаемых услуг и обмену информацией.

Также императивные конструкции побуждают получить дополнительную информацию.

Часть императивных глагольных конструкций традиционно используется в оформлении web-страниц. Выделены следующие наиболее часто встречающиеся глагольные конструкции: **V inf** - Ответить <http://www.yurist.kharkov.ua/>; Войти!! <http://pravo.com.ua/>; **V inf N₄** Задать вопрос <http://jurdopomoga.com.ua/>; Просмотреть статистику; <http://www.yurist.kharkov.ua/>; **Заказать** **регистрацию** <http://www.copyright.com.ua/>;

V inf c Pron₅ - Связаться с нами <http://www.4lawyers.ru/>

Выводы Подводя итог, подчеркнем, что юридическая информация на пространстве web-сайта сгруппирована и упорядочена в значимые части разделы с помощью гиперссылок, оформленных различными синтаксическими единицами. Иерархия размещения гиперссылок отражает рационально-логическую структуру гипертекстового представления правового знания в Интернете. В рамках данного исследования были рассмотрены некоторые структуры представления правового знания на web-сайтах юридической направленности различных типов и способы его концептуальной организации на пространстве Web-сайтов. Выявлены основные синтаксические конструкции, используемые в оформлении главного меню юридических web-сайтов, которые отражают специфику представления правового знания в сети Интернет.

Список литературы

1. Атабекова А.А. Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web-страницах : автореф. дис. на соиск. степени докт. фил. наук: спец 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Атабекова Анастасия Анатольевна; Российский университет дружбы народов. - Москва, 2004. - 35, [1] с.вкл.обл.: ил. - Библиогр.: с. 34-35.
2. Войскунский А.Е. Метафоры Интернета / А.Е. Войскунский // Вопросы философии. — М, 2001. — № 11. — С. 97-112.— Библиогр.: с. 111-112.
3. Дикарева С.С. Диалогическое пространство и сценарии жанров Интернета / С.С.Дикарева // Горизонти прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій: Матеріали міжнародної конференції Megaling'2007. — 2007. — С. 495-500

4. Дикарева С.С. Чернявская О.Г. Язык права в интернет-коммуникации: когнитивные и прагматические измерения /С.С. Дикарева, О.Г. Чернявская //Лінгвістичні студії: Сб. наук. проць/ Донецький нац. ун-т; наук. ред.. А.П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ. - 2010. – Вип..21. - с. 260-267. Библиогр.: с. 267.
5. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е.Н. Галичкина; Волгоградский гос. пед. ун-т. - Волгоград, 2001. — 19 с. : с.вкл.обл.: ил. – Библиогр.: с. 17-19.
6. Лебедева Н.Н. Право. Личность. Интернет / Лебедева Н.Н. – Москва : Волтерс Клувер, 2004. - 232. – ISBN: 5-466-00048-5.
6. Трофимова Г.Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : автореф. дис. на соиск. степени докт. фил. наук: спец 10.02.01 «10.02.01 » / Трофимова Г.Н. ; Рос. ун-т дружбы народов. - М., 2004 – с.вкл.обл.: ил. – Библиогр.: с. 34-35.
7. Crystal, D., Language and the Internet / David Crystal. –Cambridge: Cambridge University Press, 2001 - 272 pp. - ISBN 0521868599.

Чернявська О. Г. Синтаксичні особливості представлення юридичної інформації на російськомовних web-сайтах України / О. Г. Чернявська // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 232-237.

У статті розглядаються деякі питання відносно гіпертекстової організації інформаційної структури web-сайтів юридичної спрямованості і лінгвістичного оформлення гіперпосилань, що становлять меню даних web-сайтів.

Ключові слова: гіперпосилання, web-сайт юридичної спрямованості, синтаксична конструкція

Chernyavskaya O. Syntactic features of legal information presentation on the ukrainian web-sites in the russian language / O. Chernyavskaya // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 232-237.

The article deals with some aspects of hypertext arrangement of legal web sites information structure and linguistic design of hyperlinks that make up the menu of these web-sites.

Key words: hyperlink, legal website, syntactic construct

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

УДК 82.0

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ РОМАНЫ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «БУРАННЫЙ ПОЛУСТАНОК» И «ПЛАХА»

Силин В. В.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: marinakravtsova2008@yandex.ru

Романы Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» и «Плаха» являются диалогическими. Конфликт в них представлен двумя равноправными идеями, противопоставленными в бинарной оппозиции. Этот конфликт выражен имплицитно в двух легендарных сюжетах и проецируется на современные сюжеты романа, способствуя интерпретации его идейного содержания. Конфликт не решается, автор предлагает читателям самостоятельно решить его.

Ключевые слова: диалогизм, бинарная оппозиция, всезнающий, имплицитный повествователь.

Постановка проблемы. Роман «Буранный полустанок» (1974) принес большую известность его автору и сделал популярной легенду о *манкурте*, воспроизведенную в этом произведении. В наше время довольно часто можно услышать идею, выраженную в этом романе, что человек, который пренебрегает культурными традициями своего народа, уподобляется манкурту – рабу, который не узнал собственную мать и потому убил ее по приказу своего злого хозяина. Однако подобная интерпретация романа Айтматова не охватывает всей его идеологии, так как это произведение – *диалогическое*, а потому сложное и идейно неоднозначное. Такой интерпретации противоречит, в частности, другая легенда романа – легенда о народном певце Раймалы-ага, пожилом человеке, который *вопреки* всем традициям безнадёжно влюбился в юную красавицу и не желает отказываться от своей любви. Роман «Плаха» (1987) – такой же сложный, как и «Буранный полустанок». Две легенды о Христе, пересказанные и идейно противопоставленные в нем, также способствуют формированию его диалогизма.

Цель исследования. В статье поставлена цель – определить структурные компоненты, формирующие диалогизм романов Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» и «Плаха», для коррекции интерпретации их идейного содержания.

Актуальность и новизна исследования. Актуальность исследования состоит в том, что романы Айтматова еще не рассматривались в диалогическом аспекте; новизна заключается в диалогической интерпретации их идейного содержания, исключающей однозначные монологические выводы.

Анализ публикаций. При анализе текстов романов «Буранный полустанок» и «Плаха» использовались работы, характеризующие основные компоненты поэтики,

образующей диалогизм, и прежде всего, книга М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Анализ текстов этих романов, сделанный Г.Д. Гачевым, выбран как типичный образец монологической интерпретации для его сопоставления с предлагаемой диалогической интерпретацией.

Основной материал. Роман «Буранный полустанок» можно разделить на две разножанровые истории. В центральной, *реалистической*, основной сюжетной линией является поездка Едигея, главного героя романа, на старинное кладбище Ана-Бейит. Вместе с другими людьми он везет хоронить Казангапа – старика, с которым долгие годы проработал на железнодорожном полустанке Боранлы – Буранным, находящемся посредине пустыни Сары-Озек. Сюжетная линия пунктирна, так как она прерывается повествованием об основных событиях жизни Едигея на этом полустанке. Происходящие события показывают, что, проживая в малонаселенном изолированном месте, он плохо представляет себе внешний мир. Эта мысль подчеркивается автором в виде повторяющегося, как рефрен, образа проносящихся мимо полустанка пассажирских поездов, за окнами которых существует огромный мир и иная, незнакомая ему жизнь. Мир, находящийся за пределами полустанка, кажется Едигею непостижимым, и это лучше всего выражено в образе космодрома, секретного охраняемого объекта, на территории которого оказалось древнее кладбище, доступ к которому запрещен. Более того, внешний мир кажется ему враждебным, что представлено в появлении на полустанке сотрудников НКВД, которые арестовали по ложному доносу его соседа Абдулатипа, доброго человека и хорошего семьянина. Этот человек умер вскоре после ареста только потому, что его сердце не вынесло разлуки с семьей. Будучи неспособным объяснить себе жизнь внешнего мира, Едигей отгораживается от него. Это проявляется в том, что он стремится найти моральную опору в народных традициях: он хоронит соседа по мусульманскому обряду, хотя с трудом вспоминает молитвы, и интересуется легендами своего народа. Такое явление называют возвращением «к истокам» или «к своим корням».

Вторая история, которая также проходит пунктирной линией через весь роман, представлена в форме *фантастического* произведения. Речь в ней идет о том, что советские и американские космонавты, которые находятся на космической станции «Паритет», вступили в контакт с некой внеземной цивилизацией и даже посетили планету, находящуюся в иной галактике. От инопланетян они узнали, что Земле грозит большая катастрофа – эрозия планеты, и хотят сообщить об этом своему руководству. Но государственные руководители СССР и США отказались от сотрудничества с инопланетной цивилизацией и отгородились от нее щитом из ракет, принеся в жертву космонавтов, которым не суждено больше вернуться на Землю. Такой поступок руководства двух государств был оправдан страхом перед неизвестностью, страхом перед возможной гибелью земной цивилизации в результате межпланетных контактов.

Кроме двух историй, в романе изложены также *две легенды*, одна из которых объясняет происхождение кладбища Ана-Бейит. В ней рассказывается об одном манкурте – так называли в древности пленников, которых жестокие жуаньжуани, легендарный кочевой народ, подвергали чудовищной пытке. Им обрывали голову и одевали на голову шири, выйную часть шкуры забитого верблюда, которая прили-

пала к голове, как пластырь. Затем им одевали деревянную шейную колодку, чтобы было невозможно содрать шири о землю, связывали руки и ноги и оставляли в степи. Высыхающий на солнце пластырь, как обруч, так сильно сжимал их голову, что большинство пленников умирали. Но те, кто выживал, теряли рассудок и становились манкуртами, то есть людьми без памяти и послушными рабами, которые обычно использовались в качестве пастухов. Герой легенды, насильно лишенный человеческой памяти и превращенный фактически в животное, по приказу хозяина убивает Найман-Ана, собственную мать, которая многие годы разыскивала его. Место, где ее похоронили, стало кладбищем Ана-Бейит – Материнский Упокой.

Вторая легенда – это рассказ о народном певце (жырау) Раймалы-ага, который, будучи уже старым человеком, полюбил девушку по имени Бегимай. Легенда эта также трагична, потому что общество, и его брат Абдильхан в том числе, осудило его, поскольку такая любовь противоречила народным обычаям. И чтобы Раймалы-ага не смог встретиться с Бегимай, брат убил его коня, а люди объявили сумасшедшим и привязали к березе. Несчастному влюбленному, привязанному к дереву, оставалась только одна возможность – слагать и петь песню о своей любви. Легенду эту рассказывал Казангап, и предназначена она была Едигею, который был влюблен в Зарипу, жену Абдулатипа. Подобно легендарному певцу, он порывался уехать вслед за ней, когда она покидала полустанок после смерти мужа, но так и не решился.

Монологическая интерпретация романа, а именно поиски *положительной* однозначной идеи, обычно ориентируется на мировосприятие Едигея, и приводит исследователей к выводу, что Айтматов призывает этого героя не забывать народную культуру, его обычаи и традиции. Эта идея очевидна, так как автор сам изложил ее в предисловии романа. «Человек без памяти прошлого, - писал он, - поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем» [1, с.2]. Однако исследователи не обращают внимание на то, что подобная трактовка не согласуется с фантастической историей романа, о которой Едигей не имеет никакого представления. Дело в том, что в ней отсутствуют герои, которые, подобно Едигею, ищут пути к истокам национальной культуры. Г.Д. Гачев попытался найти идейное соответствие между двумя сюжетами следующим образом: он заявил, что в «Буранном полустанке» «сюжет человеческий и космический сходятся» и определил это сходство в том, что Едигей основал новое кладбище, а космонавты дерзнули войти в контакт с инопланетянами [3, с.594]. Однако отмеченные Гачевым факты указывают скорее на несходство этих героев: космонавты не испугались выйти навстречу новому, неизвестному, а Едигей боится неизведанности и ищет опоры в прошлом, в древних традициях. И похоронить старика на новом месте ему пришлось потому, что старинное кладбище было закрыто.

Диалогическая интерпретация определяет соответствие двух историй путем сопоставления легендарных сюжетов с реалистическим и фантастическим сюжетами. Легенды, как более древние жанры, иносказательно выражают определенные концепции человеческого поведения, или *архетипы*, а их сопоставление с сюжетами современных сюжетов позволяет выявить всю глубину их идейного содержания. Если сравнить легенду о манкурте с другими историями романа, то можно легко

обнаружить их структурную идентичность: манкурт, изолировавшийся от всех людей, похож на Едигея, отгородившегося от внешнего мира на своем полустанке, и на тех представителей Земли, которые предпочли укрыться от инопланетян за щитом из ракет. Эта структура напоминает *шар*: черепная коробка манкурта, полустанок, окруженный пустыней, земной шар. Идея, полученная от такого сравнения, противоречит распространенной трактовке «Буранного полустанка», потому что она противостоит положительному аспекту возврата к народным истокам как отрицательный факт, как губительная самоизоляция. И образ Едигея приобретает отрицательное значение, так как боязнь неизвестности делает его похожим на манкурта и на политиков из фантастической истории. Как писал Освальд Шпенглер, «все боязливые люди дорожат преданиями. Все социальные предания выражают страх известного сословия перед непредвиденным» [6, с.285]. Эта идея также изложена в предисловии Айтматова, но исследователи не обращают на нее внимание. Представлена она как «парадокс» по отношению к позитивной задаче изучения национального культурного наследия, так как Айтматов пишет, что существует «самодовольный, чванный шовинизм, которому необходимо возводить вокруг себя китайскую стену, ибо только за ней может поддерживаться миф о превосходстве одного народа над всеми другими» [1, с.2].

Если легенда о манкурте служит в романе «Буранный полустанок» выявлению манкуртов в реалистической и фантастической историях, то легенда о Раймалы-ага выявляет их противоположности. Идейная концепция этой легенды представляет такого безрассудно смелого человека, как певец Раймалы-ага, который презирает любые законы и традиции, которые встают помехой на его пути к счастью. Манкуртами в этой легенде предстают те, кто, прикрываясь обычаями, физически расправляются с ним и разлучают с любимой. Певцу близка по духу Найман-ана, мать манкурта, которая не испугалась смертельной опасности и не отказалась от поисков любимого сына, хотя обычно родственники отказывались от манкуртов, считая их пропащими людьми. Похожа на него Зарипа, любимая женщина Едигея, которая не побоялась покинуть привычную жизнь полустанка и отправилась осваивать новую жизнь в незнакомом мире. Похожи на него космонавты, которые не испугались неизвестности и хотят спасти Землю от катастрофы.

Таким образом, две легенды, изложенные в романе «Буранный полустанок», выражают конфликт двух противопоставленных идей, касающихся отношения людей к своему национальному культурному наследию. Легенда о манкурте утверждает необходимость бережно хранить культурные ценности, чтобы не уподобляться манкурту, забывшему родину и собственную мать. Легенда о влюбленном певце, напротив, говорит о необходимости отказываться от народных традиций, если они ущемляют свободу человека и социальный прогресс. Конфликт идей этих двух древних народных произведений проецируется на сюжеты реалистической и научно-фантастической историй и таким образом служит их интерпретации.

Идеи романа противопоставлены друг другу в *бинарной оппозиции*. Именно такой принцип диалогического противопоставления Бахтин находит у Достоевского, когда отмечает: «Все в его мире живет на самой границе со своей противоположностью. Любовь живет на самой границе с ненавистью, знает и понимает ее, а нена-

висть живет на границе с любовью и также ее понимает» [2, с. 238]. Бинарную оппозицию В.Руднев определяет как «универсальное средство познания мира, которое особенно активно использовалось и, главное, было осознано как таковое в XX веке» [4, с. 50].

Противопоставленные идеи *равноправны*, потому что спорны, так как каждая из них имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Возвращение к истокам национальной культуры обычно приветствуется, но оно чревато самоизоляцией, развитием шовинизма и социальной отсталостью; отказ от культурных пережитков, которые встают помехой на пути социального и духовного развития, также считается прогрессивным, но может привести к утрате национальной идентичности. Согласно принципу «персонификации идей» диалогической теории Бахтина, «образ идеи неотделим от образа человека – носителя этой идеи» [2, с. 113]. Поэтому диалогизм состоит в равноправном противопоставлении идей и выражающих их «самосознаний»: *«Всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных с ним сознаний»* [2, с. 66].

Поскольку в «Бурном полустанке» носителями идей являются не герои произведения, а повествователи, то противопоставленные идеи распределены между *эксплицитным* всезнающим повествователем, который излагает истории и легенды романа «Бурный полустанок», и *имплицитным* повествователем, который выражает иносказательные идеи легенд. В эксплицитном повествовании преобладает точка зрения Едигея, который вспоминает о событиях своей жизни и жизни других обитателей полустанка и который знает легенду о манкурте и легенду о певце. Но, вместе с тем, всезнающий повествователь излагает рассказ о контакте космонавтов с инопланетной цивилизацией, о котором Едигей ничего не знает. Эксплицитное повествование наиболее заметно выражает положительный аспект идеи возврата к истокам, но оно представляет *субъективную* точку зрения Едигея, а отрицательный аспект, заметный в фантастической истории, остается вне внимания. Едигей также не интерпретирует иносказательные идеи легенд, их «тайный» смысл выражает условный, имплицитный повествователь [5]. Этот повествователь указывает на *объективность* конфликта позитивного и негативного в возврате к истокам, способствуя раскрытию этого конфликта в реалистическом и фантастическом сюжетах.

Важным условием диалогизма является *незавершенность* участников подразумеваемого диалога, которая состоит в неизменности их мировоззрения. По этому поводу Бахтин отметил, что «ни в одном из романов Достоевского нет диалектического становления единого духа, вообще нет становления, нет роста совершенно в той же степени, как их нет и в трагедии» [2, с. 35]. В соответствии с принципом «персонификации идей» участники «большого диалога» не отказываются от своих идей, и их конфликт остается *нерешенным*. В «Бурном полустанке» действительно никто из героев реалистической и фантастической историй не меняет мнение, и идейный конфликт не решается. В результате создается особый прагматический эффект: поскольку автор уклоняется от решения конфликта произведения, то задуматься над его решением предлагается читателям. Это не позволяет характеризовать «Бурный полустанок», подобно Гачеву, как «роман-притча», потому что притча – монологический жанр, в котором выражается однозначная иносказательная идея [3, с.591].

В романе «Плаха» Айтматов продолжает эксперимент, начатый в «Буранном полустанке», так как он состоит из двух *реалистических* историй о двух современниках, *фантастической* истории о волках и *двух легенд*. Начинается роман с рассказа об Акбаре, степной волчице с синими глазами, которая обитала вместе со своим волком Ташчайнаром – Камнедробителем в Моюнкусской саванне. Эта история фантастична, так как излагается с точки зрения волчицы, которая как бы обладает человеческими чувствами. Например, она пощадила беззащитного человека, который стал играть с ее волчатами. Но люди оказались более жестокими, чем волки. Чтобы выполнить план по сдаче мяса, они устроили хищническую охоту на сайгаков, используя для этого вертолет, автомобили и современное оружие. Волчата Акбары все погибли: кто под огнем охотников-расстрельщиков, кто под копытами обезумевших сайгаков. Гонимые людьми, Акбара и Ташчайнар навсегда покидают родные Моюнкумы, чтобы поселиться в Прииссыккульском нагорье. Только один человек выступил против истребления животных, за что был связан охотниками и брошен в кузов грузовика на туши расстрелянных сайгаков.

Далее идет рассказ о судьбе этого человека и представлен он в основном с его точки зрения. Сын дьякона, Авдий Каллистратов учился в духовной семинарии, но был изгнан за ересь. После семинарии он поступил на работу в областную комсомольскую газету, и был направлен в командировку в Моюнкумы, чтобы собрать материал о сборщиках анаши, так как проблема распространения наркомании среди молодежи беспокоила общественное мнение. Оказавшись среди «гонцов», которые зарабатывали большие деньги сбором и доставкой анаши, Авдий стал призывать их отказаться от преступной деятельности и покаяться перед Богом и людьми. В ответ на призывы Авдия «гонцы» жестоко избили его и выбросили на ходу из вагона. Авдий мог попросить их вожака спасти его, но не стал делать этого, вспомнив, что «один чудак галлилейский» не попросил пощады и лишился жизни.

За историей об Авдии следует легендарный эпизод, заимствованный из Евангелия, в котором описан допрос Иисуса Христа Понтием Пилатом. Представлен он как видение Авдия, находящегося без сознания, и содержание его несколько изменено. В легенде внимание сконцентрировано на том, что Иисус избит людьми, которые совсем недавно кричали ему «Осанна сыну Давидову!», и на подозрительности Пилата, который не верит в искупительную миссию Христа, считая, что он домогается верховной власти. Интересной в идейном отношении представляется также другая легендарная история, изложенная в виде воспоминания Иисуса об одном событии, которое произошло с ним в детстве. Когда Богородица катала его в лодке по Нилу, и на них напал крокодил, она обратилась к Господу с просьбой спасти ее сына, и лодка сама пристала к берегу. Иисус же не просит о спасении и добровольно идет на смерть, чем удивляет Пилата, который «умывает руки», потому что, по его мнению, Сын Божий сам себе подписал приговор.

Авдий Каллистратов выжил после избиения, его история продолжается и как бы повторяется. Приехав во второй раз в Киргизию, чтобы встретиться с любимой женщиной, он принимает предложение подработать охотой на сайгаков. Когда же он увидел, что охота превратилась в бойню, он стал уговаривать «хунту», как называли себя охотники, прекратить истребление животных. За этот «бунт на корабле»

охотники связали Авдия, истязали его, заставляя отречься от Бога, а затем привязали его к саксаулу, выражая желание распять его, как Христа. Распятый Авдий умер, увидев перед смертью Акбару, которая покидала Моюнкумы, и Акбара узнала в нем того человека, которого она не убила, когда он играл с ее волчатами.

Следующая история начинается вроде бы вне связи с предыдущими, так как она представлена с точки зрения нового персонажа, Базарбая Нойгутова. Это отрицательный персонаж, так как он жадный, завистливый, пьяница и бьет свою жену. Но связь все таки обнаруживается, так как Базарбай похищает четырех волчат из логова Акбары, обосновавшейся на новом месте. Спасаясь от преследования волков, Базарбай скрывается в доме чабана Бостона Уркунчиева. Бостон – хороший специалист, трудолюбивый и добрый человек. Его уважают чабаны, потому что, благодаря его компетенции, они хорошо зарабатывают. Только ленивый и завистливый Базарбай ненавидит его и поэтому отказывается отвезти волчат обратно в логово, несмотря на предупреждения Бостона, что волки будут мстить за похищенное потомство. Так и случилось – волки стали резать овец, нападать на людей. Тогда Бостон устроил засаду и убил Ташчайнара. Но финал истории чабана трагичен, так как заведенная Акбара похитила его маленького сына. И чтобы спасти его, Бостон был вынужден стрелять в волчицу, но убил не только ее, но и сына. После этого он отправился к Базарбаю, застрелил его и пошел в направлении Иссык-Куля, чтобы упокоить свою душу в его водах.

Монологическая интерпретация «Плахи» ориентируется только на выявление *оптимистической* идеи романа. Поскольку в нем ставится вечная проблема порочности людей, таких, как «гонцы» за анашой, как охотники, истребляющие сайгаков, как злобный и завистливый Базарбай, как подозрительный и циничный Понтий Пилат, то, критикуя порочных людей, писатель, конечно, противопоставляет им благородных персонажей – Иисуса, Бостона, Авдия и даже Акбару. Поэтому Гачев отмечает, что «у Айтматова контекст этический: человек призван к нравственному творчеству; спасение мира и ценностей человечества – через совесть, раскаяние, жертву» [3, с. 603]. Идея эта позитивная, потому что в ней выражена вера, что зло не все-сильно, пока находятся люди, которые, подобно Христу, стремятся спасти мир.

Диалогическая интерпретация сопоставляет структуры современных историй с легендарными сюжетами романа. Оптимистическая идея, в частности, определяется при сопоставлении историй романа с легендой о чудесном спасении Иисуса на Ниле, так как в ней утверждается, что Господь благоволит тем, кто творит добро. Поэтому молитва Богородицы спасла ее Сына. Когда современные истории сопоставляются с эпизодом о Понтии Пилате, то в романе обнаруживается *пессимистическая* идея: Иисус пришел к людям с добром, но они ему не поверили и распяли; Авдий погиб за свои проповеди добра; за свое доброе отношение к людям пострадала от них волчица Акбара; пострадал от злого человека и хороший человек чабан Бостон, потерявший сына. Сопоставление историй приводит к грустному выводу о том, что человека, несущего людям добро, никогда не понимают, подозревают в злом умысле и распинают. Идея эта была также замечена Гачевым: «А что, если существует на свете закономерность, согласно которой мир больше всего наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа?..» [3, с. 603]. Монологический

подход не позволил критику отметить диалогическое противопоставление идей романа, поэтому он сформулировал пессимистическую идею в виде риторического вопроса, чтобы, вероятно, не противоречить собственной оптимистической идее.

На самом деле диалогизм романа «Плаха» состоит в противопоставлении в *бинарной оппозиции* двух аспектов идейного конфликта, один из которых призывает творить добро, так как это богоугодное дело, а другой – отказаться от этого, так как добродетельные поступки люди не понимают. Оба аспекта *равноправны* в своем противопоставлении, потому что имеют как положительные, так и отрицательные аспекты: добродетель предполагает труд и даже жертвенность, отказ от добродетельности выгоден тем, что освобождает от всякого усилия.

В «Плахе» все истории излагаются, как и в предыдущем романе, *всезнающим* экзегетическим повествователем, поскольку он один в курсе всех событий, многие из которых представлены с точки зрения их участников. Следует отметить, что для манеры повествования Айтматова в целом свойственны постоянные, почти незаметные переходы от традиционного экзегетического повествования к *субъективным* точкам зрения. Поскольку речь идет в основном о субъективном мировосприятии добрых людей – Авдия, Бостона, а также волчицы, то *эксплицитный* всезнающий повествователь является выразителем оптимистической идеи романа. Конфликт идей, представленный в *объективном* иносказательном значении двух легенд о Христе, выражает *имплицитный* повествователь. Этот идейный конфликт позволяет выявить в современных историях диалогическое противопоставление оптимистической и пессимистической идей. Несмотря на завершенность сюжетов каждой из историй романа, его идейный конфликт остается *нерешенным*, предоставляя читателям возможность определить свое отношение к его решению.

Выводы. Анализ романов «Буранный полустанок» и «Плаха» Чингиза Айтматова показывает, что это диалогические произведения, в которых обсуждаются положительные и отрицательные аспекты идей, противопоставленных в бинарной оппозиции. Идейный конфликт выражен имплицитно двумя легендарными сюжетами и проецируется на современные сюжеты, изложенные эксплицитно, позволяя выявить диалогизм романа. Идейный конфликт в романах не решается, так как писатель предлагает читателям самим задуматься над его решением.

Перспективы. Данное исследование предлагает отказаться от *монологической* интерпретации диалогических двухплановых произведений как некорректной.

Список литературы

1. Айтматов, Чингиз. Буранный полустанок; Плаха // М.: Профиздат, 1989. – 608 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – Изд. 2. – М.: Сов. писатель, 1963. – 362 с.
3. Гачев Г. Д.Задумавшийся скиф. О Чингизе Айтматове и его романах // Чингиз Айтматов. Буранный полустанок. Плаха. – М.: Профиздат, 1989. – с.585-608.
4. Руднев В.А. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2003. – с. 50-51.
5. Силин В.В. Имплиcitный повествователь // Культура народов Причерноморья, № 37, 2003. – с. 289-296.
6. Шпенглер, Освальд. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. – Том 1. – Минск, ООО Поплури, 1998. – 688 с.

Силін В. В. Діалогічні романи Чингіза Айтматова «Бураний полустанок» і «Плаха» / **В. В. Силін** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 238-246.

Романи Чингіза Айтматова «Бураний полустанок» і «Плаха» являються діалогічними. Конфлікт в них складається з двох рівноправних ідей, протиставлених в бінарній опозиції. Цей конфлікт виражено імпліцитно у двох легендарних сюжетах і проєцирується на сучасні сюжети роману, сприяючи інтерпретації його ідейного змісту. Конфлікт не розв'язується, автор пропонує читачам самостійно розв'язати його.

Ключеві слова: діалогізм, бінарна опозиція, всезнаючий, імпліцитний оповідач.

Sylin V.V. Dialogical novels by Chingiz Aitmatov “Stormy station” and “The Scaffold” / **V.V. Sylin** // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 238-246.

The novels by Chingiz Aitmatov “Stormy station” and “The Scaffold” are dialogical. Their conflict consists of two equal ideas opposed in binary opposition. This conflict is implicitly expressed by two legendary themes and applied on the novel’s contemporary themes helping interpretation of its ideological meaning. The conflict is not resolved, the author suggests to readers to resolve it by them-selves.

Key words: dialogism, binary opposition, omniscient, implicit narrator.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК. 811.512.162

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Кафарова С. Г.

*Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Азербайджанская детская литература является составной частью Азербайджанской литературы. Во всех классификациях литературных процессов Азербайджанской детской литературе отнесено отдельное место. В статье дается общий анализ истории Азербайджанской детской литературы.

Ключевые слова: детская литература, учебник, классификация

Постановка проблемы. Азербайджанская детская литература является составной частью Азербайджанской литературы. Во всех классификациях литературных процессов Азербайджанской детской литературе отнесено отдельное место. Как в классификациях советского и постсоветского периода, так и в современных классификациях, можно рассмотреть детскую литературу как органическую часть всеобщей литературы: «Любая литература делится на шесть категорий:

1. Агитационная литература, агитеза. Такая литература была во времена СССР, власть сама платила писателям - поэтам, чтобы те прославляли коммунизм и Ленина. Но при таком режиме появляются писатели - диссиденты, обнаруживается богема, андеграунд: Бродский, Солженицын, Аксенов, Давлатов, Лимонов и пр. Ныне диссидентов быть не может никак, ибо писать можно все что угодно.

2. Религиозная литература. Такие книги пишутся лишь на религиозные темы, это в данный момент происходит в Иране, Саудовской Аравии, многих иных набожных арабских странах, где царит мощная цензура. Кстати, такой порядок существовал в странах Европы в средние века, при инквизиции.

3. **Детская литература**, она предназначена лишь для детей, для развития, формирования у них мышления. Сказка о Царе Солтане, о рыбаке и рыбке, Гарри Потер и пр.

4. Классическая литература. Сюда относятся серьезные книги, романы и повести на тему философии, религии, войн, взаимоотношений между людьми. В качестве примера можно назвать таких классиков как Толстой, Достоевский, Гоголь, Бальзак, Гюго, Ремарк, Хемингуэй, Фолкнер, и пр.

5. Развлекательная литература: детективы, фэнтези, любовные, комические романы.

6. И последняя шкала, это общая литература, ныне она повсюду: в США, в Африке, Европе, и странах СНГ» [1]

Методологическим принципом изучения детской литературы в общности и Азербайджанской детской литературы в частности, является принцип историзма. Как известно, основной ее смысл заключается в том, что любой объект в обществе, в духовной жизни или в культуре и в искусстве при исследовании необходимо рас-

смаивать в процессе развития. Только по методологическому принципу можно установить внутреннюю структуру Азербайджанской детской литературы, ее специфические особенности, закономерности ее развития и качественные изменения и т.д. этот принцип также помогает рассматривать Азербайджанскую детскую литературу в тесной связи с исторической обстановкой.

Как известно, при исследовании того или иного литературного явления общественной жизни, развивающегося в течение длительного времени, принципиально важное научное значение имеет периодизация. С ее помощью устанавливаются относительные границы значительных изменений в зависимости от исторических условий, что поможет увидеть новое и традиционное в каждом отрезке истории и на этой основе установить закономерности развития, исследовать историю и создать теорию. Без научно обоснованной периодизации нельзя обойтись и в истории Азербайджанской детской литературы. При этом, не стоит отождествлять ее с периодизацией Азербайджанской литературы для взрослых неправомерно, так как Азербайджанская детская литература имеет свои особенности и тесно связана не только с нею, но и с другими областями культуры. Но этот факт не исключает, связей Азербайджанской детской литературы с периодизацией истории Азербайджанской литературы для взрослых, а также с другими дисциплинами, такими как история педагогики, история просвещения.

В истории Азербайджанской детской литературы можно наблюдать несколько периодизаций. Но любая периодизация относительна, и зависит, в первую очередь от уровня исследованности предмета. Исходя из вышесказанного, в общих чертах, можно разделить историю Азербайджанской детской литературы на несколько этапов:

1. Азербайджанское устное народное творчество и детская литература
2. Классическая Азербайджанская детская литература
3. Азербайджанская детская литература конца XIX начала XX веков.
4. Азербайджанская детская литература конца XX начала XXI веков.

Естественно, каждый из этих этапов делится на несколько периодов, которые отличаются свойственными особенностями, новыми явлениями. Каждый из этапов также имеет свои характерные произведения и ведущих писателей.

Азербайджанское устное народное творчество и детская литература.

Произведения Азербайджанского устно поэтического творчества издревле являются составной частью детской литературы. Некоторые из них (в особенности детский фольклор) создавались специально для маленьких читателей, другие же перешли к ним из числа бытовавших первоначально только среди взрослых. Хранителями и распространителями фольклора были те, кто занимался воспитанием (родители, бабушки и дедушки, няни), а также сами дети. При передаче из поколения в поколение эти тексты постоянно обрабатывались, оттачивались и шлифовались, достигая художественного совершенства.

Этот период Азербайджанской детской литературы полностью включает в себя жанры Азербайджанского детского фольклора (сказки, детские песни, считалки, прибаутки, колыбельные песни и т.д.) а также народную педагогику, при этом, тра-

диционные жанры Азербайджанской устной народной литературы также являются основным источником для разработки Азербайджанской детской литературы.

Например, если «Китаби-Деде Коркут», «Короглы» и другие эпосы и эпико-драматические жанры Азербайджанского фольклора слишком сложны для восприятия детского мышления, то в обработке ведущих и основных сюжетов этих эпических текстов и простое переложение народных сюжетов и создание на их основе новых произведений для детей писателями, они становятся образцами детской литературы.

Классическая Азербайджанская детская литература. Этот этап азербайджанской детской литературы включает в себя произведения классиков Азербайджанской литературы средневековья. Эти произведения, как по жанру, так и по содержанию, отличаются от собственно детской литературы. Потому, что они с одной стороны, были написаны в жанрах классической восточной литературы (газели, касиды и т.д.), а с другой не предназначались для детей. В творчестве ведущих классиков Азербайджанской литературы Низами, Физули и т.д. можно увидеть литературные образцы, посвященные детям. А также произведения с дидактическим содержанием, которые с легкостью воспринимаются и включаются в школьные учебники и сборники для детей.

Азербайджанская детская литература конца XIX начала XX веков. История Азербайджанской литературы конца XIX века богата произведениями для детей. В литературном наследии азербайджанских поэтов классиков XIX века – С.А.Ширвани, К.Б.Закир, М.Ф.Ахундов и т.д. заметно влияние народного творчества. На этом этапе появляются басни и стихотворения с дидактическим содержанием. С уверенностью можно сказать, что именно на этом этапе закладывается фундамент профессиональной Азербайджанской детской литературы.

Но, конечно же, самое бурное развитие Азербайджанской детской литературы связано с движением просвещения в конце XIX века. Открытие новых школ, привлечение образованных людей к воспитанию младшего поколения послужило развитию и качественному изменению Азербайджанской детской литературы.

Начало XX века в Азербайджанской детской литературе знаменательно формированием детской прессы (журнал «Дебистан» 1906-1908, «Рехбер» 1906-1907, «Мектеб»-1911-1920 и т.д.). Именно газеты и журналы, предназначенные для детского восприятия, сделали возможным агитацию и распространение детской литературы. Эти средства массовой информации также послужили стимулом для создания новых образцов Азербайджанской детской литературы (А.Шаик, Р.Эфендиев, Ф.Кочарлинский, А.Сиххат, С.С.Ахундов и др.).

Первые учебники, отвечающие требованиям и уровню образования того времени, были написаны и составлены именно на этом-третьем этапе Азербайджанской детской литературы («Ветен дили» - «Родной язык» Черняевского, «Балалара хедийе» - «Подарок детям» Кочарлинского, «Гульзар» А.Шаика и т.д.)

Азербайджанская детская литература конца XX начала XXI веков. Последний этап Азербайджанской детской литературы характеризуется появлением детских писателей. Эти писатели на протяжении всего своего творчества занимались созданием литературных текстов, предназначенных для детского восприятия

(И.Тапдыг, Х.Алибейли, З.Халил и т.д.). Продолжая самые передовые традиции своих предшественников, эти писатели и поэты создают новые шедевры Азербайджанской детской литературы.

Выводы и перспектива. В последние года Азербайджанская детская литература становится более содержательной, художественно совершенной, актуализируется, полнее отвечает своему назначению и в новом качестве воздействует на сопряженные с нею области. Все эти проблемы ждут своего более полного исследования на новом, современной уровне.

Список литературы

1. Гасанов, Э. О союзе писателей Азербайджана, об азербайджанской литературе [Электронный ресурс] // http://lit.lib.ru/g/gasanow_e_g/text.html

2. Антология Азербайджанской детской литературы [Текст]. - в 3-х томах, том 1. Баку, 2005. - 248 стр. (на азерб. языке)

Кафарова С. Г. Азербайджанська дитяча література: загальні питання / С. Г. Кафарова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 247-250.

Азербайджанська дитяча література є складовою частиною Азербайджанської літератури. У всіх класифікаціях літературних процесів Азербайджанської дитячої літературі віднесено окреме місце. У статті дається загальний аналіз історії Азербайджанської дитячої літератури.

Ключові слова: дитяча література, підручник, класифікація

Kafarova S. H. The Azerbaijan children's literature: the general questions / S. H. Kafarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 247-250.

The Azerbaijan children's literature is a component of the Azerbaijan literature. In all classifications of literary processes to the Azerbaijan children's literature the separate place is carried. In article the general analysis of history of the Azerbaijan children's literature is given.

Keywords: the children's literature, the textbook, classification

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 820/89 (100-87)

**ПАНЕГИРИК В РАМКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ СИЛЛАБИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.
ВОСХВАЛЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ МЕСТНОСТИ**

Усеинов Т. Б.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: useinovtb@mail.ru*

В предложенной статье рассматривается восхваление географической местности в средневековой крымскотатарской силлабической поэзии.

Ключевые слова: панегирик, средневековая крымскотатарская силлабическая поэзия, образная система.

Актуальность. Панегирик остаётся неизученной областью средневековой крымскотатарской силлабической поэзии.

Цель работы – изучение образной системы народных хвалебных поэтических форм, а также определение их особенностей.

Постановка проблемы. Важное место в поэтическом наследии народных поэтов (ашыков) занимает *восхваление* городов, крепостей, селений, а также географических названий (рек, гор, долин и т. д.).

Отмеченная особенность творчества связана с образом жизни *ашыков* – они, как правило, странствующие по всей Османской империи (и Крымскому ханству, как её неотъемлемой составной) поэты-исполнители.

В каждом новом городе (крепости, селении), где они задерживаются на неопределённый срок, ашыки знакомятся с местными достопримечательностями, а затем слагают о них *хвалебные произведения*. Иногда эти сочинения пишутся по собственной воле автора, а порой и по заказу состоятельного местного мецената.

Традиционно, поэты для *восхваления*, этого вида, выбирают народную форму поэзии *дастан*. Она проста в написании и доступна, в понимании, для широкого народного слушателя.

Признанным мастером *хвалебных дастанов*, всей Османской империи считается Ашык Омер (...–1707). Его перу принадлежат ряд произведений, в которых раскрывается образная система “*восхваляемая местность – восхваляющий*”, среди которых необходимо упомянуть “*Дастан о Стамбуле*”, объёмом в 17 бентов и “*Дастан о Бурсе*”, объёмом в 25 бентов.

Если, при написании *хвалебной кошмы* (посвящённой человеку), поэты-ашыки ориентировались на *хвалебную газель*, то при написании народного *хвалебного дастана* (посвящённого географической местности), по нашему мнению, они отталкивались от правил написания дворцовой арабской *касыды*, а именно старались придерживаться канонизированных правил разделения композиции хвалебного произведения на три составные части. Специфической стороной являлось лишь то, что в роли объекта *восхваления* выступал не человек, а местность.

Раскрытие трёхчастной композиции являлось достаточно сложным занятием для народного поэта, к тому же ограниченный объём *дастана* не позволял это сделать в необходимой степени. Потому средневековые ашыки умышленно (об этом свидетельствуют ряд дастанов Ашыка Омера) свои *восхваления* строят на основе двухчастной композиции.

Этот опыт имеет глубокие корни в восточной мусульманской поэзии и не несёт оригинального характера.

Отход от канонизированных правил написания *касыды* (в области композиции) наблюдается даже в самой *дворцовой поэзии* – в средневековой тюркоязычной поэзии *касыды* часто пишутся без *вступления*, а *повествование* сразу же начинается с *мадха* (*восхваления*). И это, в большей степени, характерно для узбекских *касыд* газневидского периода.

Эти стихотворные произведения носят название на среднеазиатский манер “*касида-йи муджаррада*” или же “*къасыда-йи муджаррада*” (букв. “голая *касыда*”). Для литературных критиков *касыда* без *вступления* подобна “оголённой”, неполноценной поэтической форме.

К примеру, средневековый узбекский поэт Лутфи, известный слагатель *хвалебных од*, посвятил одну из них “отцу Улугбека Шахруху, которая начинается не с *насиба*, а непосредственно с *мадха*” [1, с.60]. Эта *касыда* сохранилась до сегодняшнего дня.

Отсутствие *насиба* в данных произведениях, зачастую, компенсируется наличием *отступления* или *отступлений*.

Имея в виду огромное одухотворяющее влияние узбекской классической поэзии на средневековую крымскотатарскую литературу (вспомним влияние, на творчество крымского правителя – Газы Герая хана II (1554-1607) узбекского классика Средневековья – Алишера Навои (1441-1501) закономерным выглядит и заимствование двухчастной композиции, как в рамках *дивана*, так и в рамках *письменной народной литературы*.

В виде примера, рассмотрим дастаны А. Омера – “*Дастан о Стамбуле*” и “*Дастан о Бурсе*”, являющиеся *восхвалениями географической местности*.

В композиционном отношении, эти произведения *двухчастны*, т. е. в них отсутствует *вступление*, а произведение начинается непосредственно с *описания путешествия*, за которым следует *восхваление*.

Традиционно народные *дастаны* начинаются с приезда *восхваляющего* в *восхваляемую* местность, назовём её “*описание путешествия*”.

В “*Дастане о Стамбуле*” поэт приплывает, в столицу империи, на судне и останавливается в одном из районов города. Отмеченным одним бентом и ограничивается *первая композиционная часть* хвалебного произведения:

...2. На якорь поставили и мы своё судно,

В Чатлады разместились все.

В Кумкапы продолжали мы время удовольствия (развлечения),

Премного благодарны Богу за эту долю... [2, с.48].

Если в предыдущей форме поэзии автор отводит внимание (хотя ограниченное и поверхностное) описанию самого акта прибытия, в другом произведении “*Дастан о Бурсе*”, поэт об этом обмолвливается лишь вскользь:

1. В краю Бурсы остались и гостили мы,

Согласившись, сейчас здесь наше место прибывания... [2, с.51].

После описания приезда *восхваляющего*, начинается “развёртывание” основной и самой объёмной *второй композиционной части* – непосредственно, *восхваления*. Этой характеристикой *хвалебный дастан* и близок к узбекской “*голой касыде*” (“*къасыда-йы муджаррада*”).

Ещё одной специфической и каноничной стороной композиционной структуры *хвалебных произведений* является обязательное наличие, после *основной части*, как правило, в первом туркуме последнего бента, *литературного псевдонима* автора:

...17. Ашык Омер, исполнение своего желания проси у Всевышнего,

Являющийся поэтом знает значение этих слов... [2, с.50].

Другой народной формой поэзии, в рамках которой можно обнаружить *восхваление* географических названий, является *кошма*. Относительно малый объём произведения вынуждает автора лаконично и по сути излагать свои мысли, что, обычно, удаётся делать поэту благодаря сравнительно простым правилам написания данного стихотворного произведения.

Традиционно, *двухсоставные образные системы* мы разделили на две классификации:

1. “Восхваляемая географическая местность – восхваляющий”;

2. “Восхваление местного населения – восхваляющий”.

В данной статье будет рассмотрен первый пункт – “Восхваляемая географическая местность – восхваляющий”.

Народный поэт, обычно, упоминает всевозможные названия наиболее примечательных мест восхваляемого города и его предместий, что придаёт произведению неописуемый колорит, отражающий специфику и своеобразие данной местности, а так же, современное поэту, историческое время.

“Восхваляемые предместья города – восхваляющий”. В “Дастане о Бурсе” Ашык Омер описывает плодородие предместий города и множество запомнившихся там событий.

В произведении характеристика прилегающих к городу территорий (гор, долин...), с их привлекательностью и недостатками, является неотъемлемой составной общей оценки восхваляемого города:

...2. Видели, Монашеская гора – источник фруктов,

Многokrатно поклонялись святым.

Узкую долину и яйлу перешли (преодолели), собрали сурьму,

Принесли друзьям в подарок (дар)... [2, с.51].

“Восхваляемый город – восхваляющий”. Вероятно, для ашыка главным предметом восхваления всегда был большой город – воплощение достижений цивилизации, как в области техники, так культуры и искусства.

Восхваление предместий (обычно, этому уделяются начальные строки произведения) выполняет роль, так называемого, пролога. Лишь после этого автор приступает к развёртыванию основной композиционной части.

Ашык называет большой город “любимым” (“Дастан о Стамбуле”), проводя параллели с образом “любимой девушки”, придавая ему метафорические внешние признаки, присущие красавице.

Так, к примеру, “облик Стамбула” неразрывен с “опавшими фисташковыми листьями, прикрепленными за ушами”. Это напоминает красавицу, закрепившую за ушами базилик или розу.

По всей вероятности, автор оказался в Стамбуле осенью, о чём свидетельствуют упомянутые “опавшие листья фисташки”:

...3. Я буду любить тебя до вечности,

Прикреплен, к голове твоей, сухой, палый лист фисташки... [2, с.48].

Отдельное внимание уделяется возвеличиванию въездных ворот того или иного города. Как известно, в Средние века, города (центральная их часть) были огорожены крепостными стенами и существовало множество ворот, символизирующих неприступность и величие.

Прибывший восхваляющий сталкивался с проблемой прохождения во внутреннюю часть города. У ворот часто стояла стража, а на ночь, как правило, они закрывались. В то же время, некоторые из ворот (Ворота Топкапу) были вооружены пушками – на случай нападения:

...6. Замок Топкапу никто не сможет открыть,

Останавливающийся в Эдирнекапы – не сможет никуда перебраться... [2, с.48].

В “Дастане о Стамбуле” Ашык Омер в подробностях описывает въездные ворота Стамбула и вкратце указывает на специфическую характеристику каждого из них, к примеру:

...5. ...На Силиврикапы горит лампада,

Еникапы – центр дервишей...

...6. ...Через Эгрикапу не сможет [одновременно – Т. У.] пройти три человека...

...9. ...Еникапу не сделает явной свою тайну...

...11. ...Узость Одункапу увидел [сам – Т. У.]... [2, с.48].

Не оставляет без внимания, восхваляющий, и новые городские постройки, поражающие очевидцев своей красотой. Одной из таких является пятничная мечеть – Яниджами:

...14. Нет на свете подобного Яниджами,

Да благословит Аллах мастера, построившего его... [2, с.49].

“Восхваляемая река – восхваляющий”. В творчестве Ашыка Омера была обнаружена хвалебная кошма, полностью посвящённая самой большой и протяжённой реке Западной Европы – Дунаю.

Поэт называет реку на венгерский манер – Туна (венг. Дуна). Это связано, на наш взгляд, с тем, что в Средние века, часть венгерских территорий была во владении османов, а так же с военными действиями между Османской империей и тогдашним государством австрийских Габсбургов. В частности, в 1529 и 1683 Вена безуспешно осаждалась османами, при активной поддержке крымского хана со своим войском.

Поэт-ашык восхваляет реку, придавая ей черты одушевлённого предмета, возможно, сравнивает с девушкой, преображающейся весной:

1. Во время, когда бурлит и усиливается весна,

В это время достигает возраста зрелости Туна... [2, с.16].

Воды реки чисты, прозрачны и сладки, подобно Райскому источнику:

...2. Воды Сельсебиля (Райского источника) смешиваются с тобой ... [2, с.16].

В завершении стихотворного произведения, автор, традиционно, упоминает свой псевдоним и вновь сравнивает Дунай с человеком, на этот раз с уважаемым, степенным, влиятельным высокопоставленным чиновником. Ашык Омер “одевает на голову реки бунчук (султан) из цветов”. К слову, символом высшего Паши Османской империи были три бунчука.

Всё окружение, выстроившееся в ряд и создав, так называемый, “корридор”, в уважении, сочтёт за честь поприветствовать Дунай, на голове которого “бунчук (султан), поддерживаемый цветами”:

...5. И справа, и слева будут стоять, готовы поприветствовать,

Цветы поддерживают бунчук [на голове – Т. У.], Туна... [2, с.16].

Выводы и перспектива. Завершая рассмотрение, достаточно ограниченного в количестве, текстологического материала, связанного с крымскотатарской письменной народной литературой и содержащего панегирик, мы пришли к следующим выводам:

– поэты-ашыки, традиционно, для восхваления географической местности, выбирают народные формы поэзии дастан (дестан) и кошма (кьошма). Они просты в написании и доступны, в понимании, для широкого народного слушателя;

– в композиционном отношении, эти произведения двухчастны;

– при написании народного хвалебного дастана (посвящённого географической местности), по нашему мнению, ашыки отталкивались от правил написания дворцовой арабской касыды, а при написании кошмы на газель.

Список литературы

1. Рустамов Э. Р. Узбекская поэзия в первой половине XV века. – М.: Изд-во вост. литературы, 1963. – 369 с.
2. Elçin Ş. Aşık Ömer. – Ankara: Kültür Bakanlığı, 1999. – 123 s.

Усеїнов Т. Б. Панегірик в рамках середньовічної кримськотатарської письмової силлабічної поезії. Вихваляння географічної місцевості / Т. Б. Усеїнов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 251-255.

У запропонованій статті розглядається вихваляння географічної місцевості в середньовічній кримськотатарській силлабічній поезії.

Ключові слова: панегірик, середньовічна кримськотатарська силлабічна поезія, образна система.

Useinov T. B. The panegyric within the framework of medieval crimean tatars written syllabic poetry. Eulogy of local population / T. B. Useinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 251-255.

In offered clause eulogy of local population in medieval crimean tatars syllabic poetry is considered.

Key words: the panegyric, medieval crimean tatars syllabic poetry, figurative system.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК. 811.512.162

**СЛОВЕСНЫЕ ПОВТОРЫ В ЛИРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ
1960-80-Х ГОДОВ)**

Гусейнов М. А.

*Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье рассматриваются словесные повторы в структуре стихотворения, на основе материалов Азербайджанской поэзии 1960-80-х годов. Словесные повторы как главное форменное преимущество стихотворения, являются основным способом художественного выражения для расширения масштабов плавности языка, для охватывания полного спектра художественной эмоции.

Ключевые слова: стихотворение, лирика, словесные повторы, поэзия

Постановка проблемы. Словесные повторы являются более гибкими, рациональными и эффективными способами выражения для стихотворного языка. Усилия словесных повторов поэта предусматривают выражения действительности в более разнообразных лирических формах. Для определения своеобразных сторон стихотворения с поэтической точки зрения, необходимо изучение роли словесных повторов в художественном тексте, а также выявление основных сторон этих повторов. При этом необходимо учитывать, что «различные виды словесных и синтаксических повторов повсеместно сопровождаются и поддерживаются музыкальной ритмикой» [1, 365]. По этим причинам, словесные повторы как главное форменное преимущество стихотворения, являются основным способом художественного выражения для расширения масштабов плавности языка, для охватывания полного спектра художественной эмоции.

Как известно, словесные повторы обладают решающей ролью в мелодическом озвучивании стихотворного языка. Такая практика для художественной формы является неиссякаемым источником ритмики и интонации. Модели выражения, созданные словесными повторами, с целью лирического воплощения воспеваемых чувств и волнений, являются тонкими деталями в лирической структуре стихотворения. Они, превращаясь в достояние поэзии, приобретают художественно-стилистические особенности, а для отображения лирического мышления и настроения они становятся его неотъемлемой частью и основным свойством. В классической поэзии повторы определенных слов во всех строках стихотворения и также во всех куплетах воспринимались как преднамеренно предусмотренные поэтом трудности и сложности и считалось, что словесный повтор является важной поэтической категорией, которая служит украшению мыслей. А это в свою очередь, воспринимается как критерий даровитости манипуляций поэтическим словом:

Çətin sınaqlardan bu əllərlə keç. Пройди через трудные испытания этими руками

Əllər, el eşqiylə alıšan əllər! Руки, любящие свой народ!
Görək bu əllərdən utanırmı heç, Разве не стыдиться этих рук
Müftəyə, harama alıšan əllər! [2, 22] Руки привыкшие к хараму
(приведен дословный перевод поэтических образцов)

В этом образце не составляет труда наблюдать воздействие поэтического слова, созданное при повторе одного слова во всех строках стихотворения, для изображения художественных табло, оставляя центре внимания разные стороны определенного и конкретного понятия, мотива и т.д. Также можно с легкостью наблюдать то, что словесные повторы выводят на ведущие позиции вокальные особенности языка и фонетическое богатство, на фоне гармоничной мелодики превращает объект воспевания в объект поэтического анализа.

Словесные повторы также обладают огромным значением в точном определении художественного направления мысли и являются самой полноценной формой стилистического проявления для попыток расширения границ художественного содержания. Плавность, лиризм и выразительность, созданные за счет словесных повторов определяют линию развития поэтической мысли и производят эффект привлекательности и оригинальности, за счет заслуженного права активного использования в поэтическом решении сюжета, и во время создания четких художественных картин.

Yağış damcı-damcı yağır, Дождь льет каплями
Göz yaşları da yapaqda слезы тоже по щекам
damcı-damcı axır. Льются каплями
Şeh dama-dama qonur yağrağa, Роса садится каплями на листья
Damcı-damcı olur Каплями- каплями
birinin ruzisi, одного пропитания
birinin qayğısı одного забота
Ləzzət verir qızmar gündəв жаркий день дает удовольствия
Bir damcı sərin su. Капля прохладной воды.
Yüz illik ömrə son qoyurкладет конец столетней жизни
Bir damcı ilan ağısı. Капля змеиного яда
Bir damcı oddur Капля огня
məşəyə yanğın salan-çırtıдақ. Способствует лесным пожарам
Damcı-damcı göyərir buludкаплями созревает облако
Damcılar, a damcılar! Капли, капли!
Bir damcı sözlə də sındırır qəlbi, Каплей слова ломает сердце,
ürəyi damcılar, insafi damcılar (3, 99) Люди с каплей сердца, с каплей совести

В стихотворении «Капли» поэт Расул Рза, как и очевидно, использовал повторы слова «капля», употребляя это слова в различных лексико-семантический значениях, морфологической структуре, синтаксической позиции. Этим он избавил стихотворение от сухого повествования, вместе с этим сконцентрировал все внимание, и тяжесть выраженной мысли на имени существительном, нумеративном слове, и т.д. Приведенный образец демонстрирует что, словесные повторы обладают широким потенциалом использования в языке стихотворения. Интересен тот факт, что в языке стихотворения в позиции повторных слов употребляются не только идентичные

слова, но и однокоренные слова с различными лексико-семантическими значениями, которые обладают чуткостью выражения в структуре текста. Совершенствование психологической семантики, воздействие стихотворения на наши мысли, и душевное состояние помогают более полному, и широкомасштабному пониманию художественного содержания.

Основной причиной обращения к поэтическим повторам в творчестве мастеров слова, которые привнесли в стихотворение чистоту и естественность народной речи, заключается в ловкости превращения поэтических образов. Пылкость лирической интонации также требует интенсивность словесных повторов, подготавливает навыки восприятия художественного замысла на максимальном уровне стилистическо-семантической стороны текста.

При повышении частоты повторов одного и того же слова, или же однокоренного слова, бросается в глаза эстетическая форма выражения жизненных фактов, модели высказываний за счет чувственности содержания и монументальности мыслей.

В речевой организации художественного текста, в построении стихотворения конструктивную роль играют словесные повторы (однокоренные слова, вместе с производными от этих слов). Эти словесные повторы, выступая в качестве номинаций основных образов-понятий, пронизывают весь текст, являются содержательными и композиционными скрепами художественного повествования.

Надо учитывать и тот факт, что благодаря словесным повторам в языке стихотворений раскрываются все основные качества и стилистические особенности разговорного языка, а также, национального литературного языка:

Zora zorun özüylə cavab verər bir anda!

Bu zora, bu nifrətə, bu nemətə mən əhsən!

Zorakılıq demərəm zoru uıxan zora mən! [4, 25]

В момент ответа насилию насилием!

Слава этому насилию, этой ненависти, этой благодати!

Нельзя назвать ответ насилию насилием.

Аналитический подход к вышеуказанным образцам, еще раз показывает, что не существуют словесные повторы с пассивной позицией. Эстетическая природа жанра сама обуславливает расширение повторяемости слов и круг общения или же использования. Поэтехническая речевая среда требует повтор одной и той же лексической единицы - однокоренных слова, вместе с производными от этих слов. Словесные повторы с ритмической функцией отличаются по традиционным формам и интенсивности использования. В большинстве случаев, гладкость повествования формируется за счет поэтических возможностей риторического повтора. Исследователи, рассматривающие повтор в рамках риторики, выделяют 4 вида повторов:

- 1) повтор - выражение (дословный повтор высказываний),
- 2) повтор - фокус (повтор какой-либо части высказывания, на котором автор фокусирует внимание),
- 3) повтор - акт (повтор, выраженный паралингвистическими средствами),
- 4) расширенный повтор (повтор с введением новой информации) [5, 1-25].

Hüseynin deyilməmiş sözü çox, Много слов осталось несказанных

Ana yurdun ocağı çox, közü çox Много очагов, много углей у Родины
Dərəsi çox, təpəsi çox, düzü çox Много ущелий, много гор, много степей
Hayıf olsun son zəfərə az qalıb [6, 67] Жаль что, до победы малость осталось

Риторические повторы, используемые в этом монологе поэта Гусейна Ариффа, являются повторами – фокусами, акцентирующими внимание читателей на ключевых для понимания замысла автора новозаветных темах: теме «конца жизни»- «старости» и теме любви к родине.

Риторический повтор усиливает чуткость выражения мыслей. Это, в свою очередь, связано с более широким проникновением стихотворения в мир поэтики, легким слиянием с иными стилистическими средствами, оригинальностью образности в поэтической природе текста, неповторимой ритмико-интонационной манерой. Как средство эмоционального повествования риторический повтор всегда выделяется в языке стихотворения. Нельзя забывать, то, что стилистические направления риторических повторов в поэтике стихотворения являются сложными по структуре и многослойными. Близость к бытовой-коммуникационной речи, создает стимул для утилизации различных оттенков ритмики, интонации и средств выражения. С помощью риторических повторов отдельные слова, выражения, строки скрепляются между собой по структурно-семантическим особенностям.

В Азербайджанской поэзии данного периода также встречаются повторы, осложнённые добавочными словесными компонентами. Такие словесные повторы выражают неповторимое единство лексико-грамматического материала в стихотворном языке:

Bizim içimizdə sükut yaşayır. В нас живет тишина
Bizi bu dünyaya gətirən sükut, Мы рождены из этой тишины
Gətirib səs-küyə ötürən sükut, Переходя из тишины в шум
Bizi tapan sükut, itirən sükut [7, 79] Тишина, нашедшая и потерявшая нас

Выводы и перспектива. Таким образом, словесные повторы представляют собой особое построение авторской речи, характеризующееся, наряду с глубинными явлениями парадигматической и синтагматической структуры художественного текста, с одной стороны тем, что словесные повторы вместе с автором становятся субъектами повествования. Это обстоятельство усиливает сжатость и динамизм художественного повествования при максимализации смыслового содержания и эмоционально-экспрессивной выразительности. С другой стороны, тем, что повторяемые слова, организующие и словесную ткань, и композицию повествования, получают особую конструктивную роль. Все это создает художественно-стилистическое своеобразие Азербайджанской поэзии 1960-80-х годов.

Список литературы

1. Джанджакова, Е.В. О сочетаемой речи [Текст] // Вопросы языка в современной русской литературе. – Москва, Наука, 1971. – стр. 401-415
2. Абиоглы, Р. Лицом к лицу с галактикой [Текст].- Баку, Язычи, 1983.- 233 стр. (на азерб. языке)
3. Рза, Р. Избранные произведения, том.1. - [Текст].- Баку, 1980.- 390 стр. (на азерб. языке)
4. Араз, М. Избранные произведения [Текст].- Баку, Азернешр, 1986.- 480 стр. (на азерб. языке)
5. Tomlin, R.S. Focal attention, voice, and word order: an experimental, cross-linguistic study [Text] // Word order in discourse / Ed. By Downing P., Noonan M. Amsterdam, 1994. – p. 1- 25.

6. Ариф, Г. Избранные произведения.- В 2-х томах: Т. 2. [Текст].- Баку, 1985.- 251 стр. (на азерб. языке)
7. Вагабзаде, Б. А земля ведь крутится [Текст].- Баку, 1987.- 208 стр. (на азерб. языке)

Гусейнов М. А. Словесні повтори в ліричній структурі вірші (на основі матеріалів Азербайджанської поезії 1960-80-х років) / М. А. Гусейнов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 256-260.

У статті розглядаються словесні повтори в структурі вірша, на основі матеріалів Азербайджанської поезії 1960-80-х років. Словесні повтори як головне формене перевагу вірші, є основним способом художнього висловлювання для розширення масштабів плавності мови, для охоплення повного спектру художньої емоції.

Ключові слова: вірш, лірика, словесні повтори, поезія

Huseynov M. A. Verbal repetitions in lyrical structure of a poem (on the basis of materials of the Azerbaijan poetry of 1960-80th years) / M. A. Huseynov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 256-260.

In article verbal repetitions in poem structure, on the basis of materials of the Azerbaijan poetry of 1960-80th years are considered. Verbal repetitions as the main uniform advantage of a poem are the basic way of art expression for expansion of scales of smoothness of language, for a wrapping of a full spectrum of art emotion.

Keywords: a poem, lyrics, verbal repetitions, poetry

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК. 82.512.145. «19»: (17+111.852)

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ГЮНЕР АКМОЛЛЫ «ТАТАРЫ»: ПРОБЛЕМАТИКА И ВОПРОСЫ СЮЖЕТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Юнусов Ш. Э.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua*

В статье рассматриваются проблемы национально-этнической картины мира и преемственности поколений, а также вопросы сюжетно-фабульной и структурной организации исторического романа Гюнер Акмоллы «Татары».

Ключевые слова: поэтика умолчания, лидеры, возрождение, прототип.

Постановка проблемы. Политическая эмансипация на постсоветском пространстве и, как следствие, сближение культур мировых сообществ начало способствовать восстановлению некогда утерянных связей с диаспорами. Гюнер Акмолла активно пропагандирует крымскотатарскую культуру в Румынии. Её исторический роман представляет большой интерес для литературоведения в плане анализа развития больших прозаических форм в литературе крымскотатарского зарубежья.

Цель – исследовать художественную ткань указанного произведения. В контексте этого предстоит решить следующие **задачи**: определить тип проблематики, специфику соотношения реального и художественного, а также выявить проблемы структурного построения романа.

Исследование проводится **на основе метода** социологического и теоретического анализа.

Основной материал. Поиск утраченной связи с исторической Родиной и культурными традициями своего народа, попытка возвращения отторгнутых официальной идеологией ценностей, адекватных духовной эволюции народа, стремление вернуть свой специфический национальный мир – вот далеко неполный перечень, характеризующий пробуждение национально-этнического самосознания у критически мыслящей части крымскотатарской диаспоры Румынии конца XX века. Их реальное воплощение стало возможным в результате ослабления политического влияния СССР на мировое сообщество. Как следствие, осознание реальной угрозы полной ассимиляции, особенно опасной для малочисленных народов, стимулировало поиск путей возрождения ментально-бытийных и литературно-художественных традиций.

Сегодняшняя крымскотатарская диаспора Румынии – потомки тех, кто начиная с середины XIX века из-за усиления социально-политических притеснений коренного народа полуострова вынуждены были покинуть свою Родину. Пережитые ими в разные исторические периоды ужасы репрессивных актов, целенаправленное внедрение чувства национальной неполноценности, активное копирование опыта других культур в условиях оторванности от собственной национально-культурной традиции предопределило стагнацию и литературно-художественного слова нашей ру-

мынской диаспоры. Начавшиеся же в 1948 году советскими карательными органами репрессии против румынского и крымскотатарского населения в подконтрольной Румынии привели к тому, что решать проблемы сохранения и развития родной культуры было чрезвычайно сложно и небезопасно. На фоне отмеченных перекосов появление исторического романа Гюнер Акмоллы «Татарлар» («Татары») явилось практическим шагом к художественному отображению исторических событий, связанных с массовым исходом в Румынию и обоснованием там части крымскотатарского народа, составлявшего, по некоторым сведениям, порядка миллиона человек.

Роман был написан в сжатые сроки – в 2007 – 2008 годах, хотя автор к произведению приступила в 2004 году. Однако, по информации Гюнер Акмоллы, по причине необходимости уточнения отдельных исторических фактов в архивах Румынии работу над ней пришлось отложить. Серьёзной информационной базой для создания художественного полотна послужили также очерки Неджипа Аджи Фазыла, Февзи Алтуга, Мустеджипа Улькусала, беседы с румынскими историками и воспоминания представителей старшего поколения. Поэтому специфика рассматриваемого романа связана с конкретным объектом изображения, с хронологической последовательностью, способами обработки документального материала.

Изображённые в произведении события создают большое эпическое полотно о жизни крымскотатарской диаспоры Румынии, и поэтому оно тяготеет к историческому роману, поскольку охватывает широкий хронологический диапазон - середину XIX - начало второй половины XX века. Жизнь диаспоры в романе «Татары», состоящего из двух томов и трёх глав, раскрыта в контексте событий, связанных с эмиграционными процессами, Балканскими войнами 1977–79 годов, Первой Мировой войной, периодом коллективизации в Румынии и т.д. Причём основной акцент романа сделан на ментально-бытийных и лексико-семантических аспектах произведения, другими словами – своеобразие изображаемой эпохи передано через обычаи, традиции, национальное мировоззрение диаспоры. Как полагает И. Горский, «объектом отражения в историческом романе... не обязательно должны быть только эпохальные события или жизнь всего общества в целостности. Частный быт или даже отдельные его порождения – нравы, мораль, психология и др. – тоже могут быть самостоятельными объектами произведений исторического жанра»(2). По своей специфике роман «Татары» является историко-биографическим. Благодаря приёмам типизации повествование о жизни и деятельности, характере и волевых качествах героя становится «художественной биографией». Однако эти качества определяются состоянием всего общественного уклада. Художественное изображение сознательной жизни и борьбы таких лидеров народа, как Неджип Аджи Фазыл, Мустеджип Улькусал, Абдулла Вели Шуайып определяют идейное содержание и сюжетно-композиционную структуру произведения. При его чтении создаётся впечатление, что основная масса эпизодов кажется незавершённой, а это, как известно, одна из основных черт жанра романа(1) - автор произведения сознательно оставляет определённый вакуум для читателя, который может самостоятельно домыслить отдельные моменты. Таким образом, поэтика умолчания как бы способствует соучастию в создании художественной картины и читателя.

В процессе работы над романом естественным образом встал вопрос о соотношении реальных личностей и вымышленных образов. Если жительница села Ташавул скромная Менджие – плод фантазии автора, то прототипами конкретных исторических лиц в романе выступают Наим (в действительности – Неджип Аджи Фазыл), Мотерем (Мустеджип Улькусал), Сафие (Недже Султан – супруга Неджеп Аджи Фазыла), Сенья (Салия). Вымышленные названия получили и отдельные географические названия. Так, например, село Топраксал в романе названо Кунькорер.

Особый колорит роману придают повествования о свадебных обрядах, бережно хранимых и соблюдаемых крымскотатарской диаспорой Румынии, где живо представлены картины «доброй старины»: читатель становится «свидетелем» таких национально-этнических обычаев, как «Киев кьонушмасы» («Речь жениха»), «Телли кьораз» («Золотой петушок») и др. Цель их художественного воссоздания продиктована непреодолимым желанием автора романа показать то типичное, которое позволяет говорить о своеобразии, о неповторимости конкретного народа, пусть даже волею судьбы оказавшегося за пределами Родины. Она искренне сожалеет по канувшей в Лету эпохе – эпохе духовного единства, непререкаемого уважения к традициям, неподдельной моральной чистоты как отдельного человека, так и социума. Строгим блюстителем вековых обычаев в произведении выступает Аджи Фазыл – умудрённый опытом жизни и справедливый человек преклонного возраста. Дома ли, на народном ли собрании, он всегда в центре внимания. Его, человека, чувствующего ответственность перед следующими поколениями, тяготят тяжёлые думы о будущем своего народа. Его мысли овеяны тоской по Родине. «Да, и воздух, и фрукты, и земля, и дождь, пыль, солнце – всё, всё – в каждой капле крови татарина, – размышляет он, сидя на повозке. – Ах, Аллах, отчего мы рассыпались по всему миру подобно зёрнам, отчего словно сироты блеем в стороне ото всех, боясь даже вслух произнести свои мысли?...»(3). Поэтому главную свою задачу он видит в сплочении народа и строгом соблюдении национальных традиций. Однако жизнь вносит свои коррективы, где под грузом социально-политических катаклизмов «стираются все грани жизни» (Л.Толстой). Как следствие, складывающаяся политическая обстановка в стране стимулирует появление национальных политических лидеров. Одним из таких ярких представителей крымскотатарской диаспоры становится Неджип Аджи Фазыл. Его лидерские качества проявляются в самые опасные и ответственные моменты. В отмеченном романе, например, довольно скрупулёзно описывается история передислокации из Одессы в Румынию деятелей крымскотатарской культуры и учёных, оказавшихся в тяжёлых условиях в период немецкой оккупации Крыма – подготовкой к отправке целого состава эшелона руководит лично Н.А. Фазыл (в романе – Наим). Его рациональные соображения консолидируют общество. Создание образов его отца (в начале романа) и самого национального лидера (во второй половине произведения) способствуют целостности основной сюжетно-фабульной линии романа, поскольку наставления старшего поколения, формирование в крымскотатарском обществе атмосферы поиска опоры в родной истории, блестящее по тем временам образование не могли не породить возрожденческих настроений в среде диаспоры. Эта преемственность поколений дала свои всходы: в результате самоотверженной деятельности лидеров пессимистические настроения диаспоры сменяют-

ся надеждой на лучшее переустройство мира. Однако они - национальные лидеры - становятся жертвами политических преследований и погибают от рук вездесущих ищек советских карательных органов.

Выводы и перспектива. Минувшее пленяет писателя. Как явствует, посредством романической и философской проблематики (по М.Бахтину) автор произведения пытается представить живые и противоречивые образы своего времени, которые обусловлены меняющейся реальностью. Структурно начало и конец романа «Татары» связаны прочным узлом, который условно можно назвать законом преемственности в отношениях отцов и детей.

Список литературы

1. Тюпа В.И. Категория таланта в свете исторической поэтики – Проблемы исторической поэтики в анализе литературного произведения. – Кемерово. – 1987. – С. 77
2. Горский И.К. Исторический роман Сенкевича. – М.: «Наука». – 1966. – С. 30
4. Akmolla Güner. Tatarlar. Dobruca. – Т.1. – 2009. – 303с.

Юнусов Ш. Е. Историчний роман Гюнєр Акмолли «Татари»: проблематика і питання сюжетної організації / Ш. Е. Юнусов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 261-264.

У статті розглядаються проблеми національно-етнічної картини світу і наступності поколінь, а також питання сюжетно-фабульної і структурної організації історичного роману Гюнєр Акмолли «Татари».

Ключові слова: поетика умовчання, лідери, відродження, прототип.

Yunusov S. E. The historical romance of Guner Akmolla "Tatars": a problematic and questions of the plot organization / S. E. Yunusov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 261-264.

In article problems of a national-ethnic picture of the world and continuity of generations, and also questions plot and the structural organization of the historical romance of Gjuner Akmolla "Tatars" are considered.

Key words: default poetics, the leaders, revival, a prototype.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК. 821.512.162

НАСЛЕДИЕ ФИЗУЛИ И ТВОРЧЕСТВО МИКАИЛА МУШФИКА

Юсифли А. Х.

*Гянджинский государственный университет Азербайджана, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

М. Мушфик занимает особое место в азербайджанской литературе нового периода. Отношение М.Мушфика к наследию Физули до сих пор является той стороной его творчества, которое еще не изучено в полной мере. В статье ведется попытка изучить эту сторону творчества поэта

Ключевые слова: Мушфиг, Физули, творчество

Постановка проблемы. М. Мушфик занимает особое место в азербайджанской литературе нового периода. Горести его трагической судьбы не смогли затмить оптимистический дух его поэзии. Горестная судьба, непоколебимый дух и полный вдохновения поэтический дар М. Мушфика глубоко запечатлены в людской памяти. Отношение М.Мушфика к наследию Физули до сих пор является той стороной его творчества, которое еще не изучено в полной мере. Какие творческие узы связывали поэта с великим Физули, первое стихотворение которого было напечатано в 1926-ом году, а в 1937-ом он был арестован и расстрелян как враг народа?

Целью данной статьи является исследование творчества Азербайджанского поэта начала XX века Микаила Мушфика в аспекте сравнительного анализа с поэзией азербайджанского поэта средневековья Физули. Для изучения этой проблемы были избраны сравнительно-сопоставительный метод и метод теоретического подхода.

Основной материал. Не могла ли дружба с видным азербайджанским литературоведом, знатоком творчества Физули А.Джафаром, их переписка, их споры на творческие темы способствовать возникновению пламенной любви к творчеству великого поэта. Правда, в его письме к А.Джафару говорится о Фаруке Нафизе и о других турецких поэтах, о новых стилях в поэзии и ни слова о Физули. Но хочется думать, что это момент, связан с конкретной ситуацией и темой. Правильнее всего думать, что главной причиной сближения М.Мушфика и А.Джафара является их пламенная любовь к творчеству Физули. М.Мушфик в стихотворении «Звезды» пишет:

Даже если мы вдали от сладких бесед
Даже если мы будем в разлуке долгие годы
Наши сердца будут биться едиными чувствами [1, 168]

(цитаты поэтических отрывков даются в подстрочных переводах)

Тема стихотворения написанного в жанре сонет, совершенно другая, но Мушфик сам признается в одинаковых чувствах с А.Джафаром. С полной уверенностью можно сказать, что М.Мушфик подчеркивает их отношения к творчеству Физули. А.Джафар так вспоминает М.Мушфика: «Нашими любимыми азербайджанскими поэтами были Физули, С.Азим, М.А.Сабир, А.Сиххат, М.Хади, А.Шаик, Дж.Джаббарлы» [6, 42]

Вспоминая М.Мушфика, Н.Рафибейли писала: «Поэтический дар М.Мушфика не знал конца и края. Он наизусть цитировал Физули, Тофика Фикрета, Сабира» [6, 53]

Поэтому Г.Гусейноглы, посвятивший всю свою жизнь исследованию и популяризации творчества М.Мушфика, подчеркивая следующие строки поэта

Физули возвысился
На вершину века.
Его гений не вмещался
В зори Багдада.

пишет: «Эти строки еще более выпукло отображают в нашем воображении и вызывают любовь к творчеству Физули и Сабира, которые прославили азербайджанскую культуру и помогли в частности развитию азербайджанского литературного языка» [7, 10]

За свою недолгую творческую жизнь М.Мушфик создал немало поэтических шедевров, которые свидетельствуют о его любви к наследию Физули.

Стихотворение «Белые степи» является в этом смысле показательным. В этом стихотворении, которое можно назвать маленькой поэмой говорится о плотине над Араксом, об орошении хлопковых полей, о преображении степей кишачих змеями. Стихотворение начинается прологом, в котором поэт давно не прикасавшийся к бумаге хочет пробудить свою музу стихами.

Давно не сочинял я стихов,
Давно не запел ни одну песню.
Давно я отлучился от мира стихов,
Не окунался головою в море фантазий.
Моя мысль как бурлящее море.
Давно не бурлит, как хотелось бы мне.
Моя душа как бескрайние фантазии
Не окутана нежными облаками [1, 88]

В стихотворении, написанном в 1931-ом году главным, является новая эпоха, ее сравнение с горьким прошлым. Воспевая свою эпоху, поэт сожалеет о трудном прошлом родины. Эта мысль поэта развивается в части стихотворения, которая называется «Древний караван».

Караван со звездным грузом на спине,
Пьет желтую воду, ест один хлеб.
Предводители сонные, верблюды уставшие.
Что за смехотворная игра в этом небытии.
Ноги в ранах от земли,
В зное весны, в снегах зимы.
В укутанных лицах упадочная скорбь.
В сердцах вечер осени,
Увиденное впереди море лишь мираж.
Надежды больные, деяния разрушенные,
Едет караван, не зная покоя [1, 90]

Поэт описывает трудную долю народа. Караван надежды и действий движется сквозь время, несмотря на лишения и трудности. Эта часть как будто проясняет цель поэта, который выбрал эпиграфом следующие строки Физули:

Когда ухватился за подол вод текущих, они сразу от меня отвернулись,
И если ожидал верности от зеркал, они исказили мои мысли [1, 88]

Физули говорит о людской неверности, равнодушии, о том, что никто не обращает внимание к призыву о помощи; даже такой правдивый предмет как зеркало изображает не правду, а лишь обратную сторону мечты. Физули посредством метафор создает монументальную картину своего времени. И как видно, Мушфик прекрасно знающий творчество Физули, отлично понимающий каждую его строку, каждую его мысль с высоты своего времени говорит Физули «Нет!» Он отвечает великому поэту его же слогом:

Нет, воды не уйдут вспять, природа под моей рукой,
Посмотрев в зеркало души, я увидел отражение друзей [1, 88]

Мушфик уверен, воды не уйдут от них, потому что люди его времени заключили природу в узды, подчинили ее себе. Люди эпохи Мушфика построили плотину над Араксом и дали новую жизнь безжизненным степям. Физули не видит правду даже в зеркале, а Мушфик в зеркале своего сердца видит отражение друга, и воспекает преданность и правдивость. Пока лишь 1931-ый год, 37-ой год, его трагедии, его ужасы, которые смогли бы удивит даже великого Физули еще впереди. Оставим в стороне рассуждения о том, что настолько обоснованна полемика Мушфика с Физули. Эпиграф, приведенный из творчества Физули и ответ на этот бейт Мушфика красноречиво свидетельствует о понимании и знании наследия великого поэта.

Мушфик прекрасно знал и глубоко понимал творчество Физули. Это неоспоримый факт, который подтверждается многочисленными напоминаниями в творчестве Мушфика. Характерен отрывок из стихотворения «Смерть поэта» посвященный Дж.Джаббарлы. Здесь Мушфик вспоминает Физули как единственного представителя средневековой поэзии, достойного сравнению с Дж.Джаббарлы.

Возвысь! Возвысь, моя славная страна!
Поэзией, поэтами богатая страна.
Есть у тебя крылья, которых не сломать!
История твоя славна делами, которые не умрут.
Народ, давший великому Физули дух,
Закончит свое дело вовремя,
Всегда создаст Джафара [4, 49]

Если С.Вургун говоря о поэтическом прошлом своего народа, вспоминает и Низами, и Физули, Мушфик довольствуется только именем Физули, считая его единственным достойным представителем культурного наследия азербайджанского народа.

В поэме «Баллада о свободе» Мушфик вспоминает Физули. Он говорит о египтянке по имени Лейла, которая участвует в освободительном движении. Мужество этой девушки воспевается как характерная черта нового времени.

Мысль моя обретает крылья, Лейла, с твоим голосом.
Когда ты добровольно уходишь на фронт.
Твой голос крепок, как звук выходящий из камня.

Это голос свободы и счастья.
О не увидевшая свидания вчерашняя Лейла!
Проснись на фронте сегодняшняя Лейла!
Она не хранит свое горе внутри,
Не плачет как черная туча.
Лейла дает нам весть о наступлении утра.
Пусть поднимет Физули голову с земли,
И взяв молнию как ручку, и из селевых потоков стиль,
Напишет эту Лейлу с воодушевлением [2, 258]

В этом сопоставлении образа Лейли разных эпох, чувствуется явное влияние большевистской пропаганды, хотя вера Мушфика в политические приоритеты своего времени жестоко рухнула в 1937-ом году. Тогда стало понятно, настолько отличается и превосходит по жестокости отношение к поэтам в 20-30-х годах XX столетия от эпохи Физули. Поэтому Мушфика можно считать правым, когда он воспекает освободительное движение в арабских странах и он не прав когда предлагает Физули не говорить о женщинах своего времени, а предлагает воспевать революционерок современности. Это неправильно только потому что, героиня Физули, бросившая вызов своему времени, ее вековым устоям, во многом более революционна и непреклонна.

Мушфик использовал простые, новые поэтические формы, не писал, подражая Физули. Но во многих стихотворениях Мушфика выдвинуты идеи, явно перекликающиеся с произведениями Физули. Например, насколько созвучно стихотворение «Был бы опять тот сад» Мушфика с известной газелю Физули «Моя радостная душа горит в огне печали». Можно рассмотреть также отрывок из известного стихотворения «Лепестки чувств»:

Стань композитором, или живописцем,
Стань поэтом, скульптором, художником.
То, что творишь, создавай любя!
Стань лучше всех, стань выше всех! [4, 101]

Смысл этого отрывка характерен для всего творчества Физули в целом. Достаточно вспомнить вступительную газель «Диван»а Физули на азербайджанском языке.

Только любовь освещает любящим дорогу истины,
Идущие по дороге истины подражают любви.
То совершенное наслаждение есть любовь, от которого всегда
В вине брожение жара, во флейте влияние звука.
Долина единения на самом деле это есть место любви,
Потому что на этом месте султан не отличается от нищего [5, 51]

И Физули, и Мушфик требуют от искусства, от человека любви. Но это требование у них выражается и решается по-разному. Главным является отношение обоих поэтов к любви.

Мушфик жил и творил в эпоху господства метода называемого социалистический реализм. Этот метод требовал от писателей и поэтов создавать «типические образы в типических ситуациях и изображать жизненную правду». Конечно, сейчас нетрудно понять, что тогда подразумевалось под выражением жизненная правда. И

Мушфик как и другие его современники старался следовать этим требованиям. По словам исследователя творчества Мушфика Г. Гусейноглы поэт ответил на эти требования стихотворением программного характера, начинающегося следующими строками.

Ты суть бытия, есть ли на это слово?
Ты его сердце, мозг, есть ли на это слово?
Вечером луна твоя, днем солнце, как мироздание!
Все краше жизнь, и ты стань красивей как эта жизнь! [1, 141]

Выводы и перспектива. Мушфик не всегда четко и точно выполнял политические требования, в его творчестве появлялись стихотворения вроде «Играй, тар». Несмотря на все старания, стремление Мушфика к жизненной правде несовместимой со временем, а также бунтарский дух уходящий корнями в поэзию Физули, неутомимо и верно приближали его к трагедии 37 года. Этот факт и определяет перспективность дальнейших исследований.

Список литературы

1. Мушфик, М. Избранные произведения [Текст]. - Баку, 2004
2. Мушфик, М. Произведения в 3-х томах, том 2-ой [Текст]. - Баку, 1970
3. Физули, М. Произведения в 5 томах, том 1-ый [Текст]. - Баку, 1958
4. Мушфик, М. Избранные произведения [Текст]. - Баку, 1983
5. Мушфик, М. Любовь к жизни [Текст]. - Баку, 1988
6. Фейзуллаева, В. Касыды Физули [Текст]. - Баку, 1985
7. Гусейноглы, Г. М. Мушфик. Фотоальбом [Текст]. - Баку, 1999

Юсіфлі А. Х. Спадщина Фізулі та творчість М. Мушфіка / А. Х. Юсіфлі // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 265-269.

М. Мушфік займає особливе місце в азербайджанській літературі нового періоду. Ставлення М. Мушфіка до спадщини Фізулі до цих пір є тією стороною його творчості, яке ще не вивчене в повній мірі. У статті ведеться спроба вивчити цю сторону творчості поета

Ключові слова: Мушфіг, Фізулі, творчість

Yusifli A. K. Fuzuli heritable and Mikhayl Mushvig / A. K. Yusifli // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 265-269.

Mushvig, innovator poet, has lived when in the time of regime of bloody soviet. But one of the basic craftman's which fed his poetry Fhuzuli. Author wrote that Fuzuli the influence of the heritable to the Mushvig creative works, Mushvig's love for Fuzuli, the different expression suitable times of this commented and values in this article.

Keywords: Mushvig, Fuzuli, heritable

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК. 821.512.162 + 39

МОТИВЫ ЭПОСА «КНИГА - ДЕДЕ КОРКУДА» В ТВОРЧЕСТВЕ МИКАИЛА РЗАКУЛИЗАДЕ

Исмаилова Е. Н.

*Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье исследуются мотивы эпоса «Деде Коркуд» в творчестве Микаила Рзакулизаде. Отмечается что, автор, используя темы эпоса, поддерживая основную идеологию и литературный жанр, воссоздал новые истории. Эти высокие гуманные идеи, которые благотворно влияют на воспитание молодежи и будущего поколения, отражены в сказках М.Рзакулизаде.

Ключевые слова: Эпос «Деде Коркуд», сказка, идея, литературный жанр

Постановка проблемы. Связь эпоса «Книга - Деде Коркуда» с современной Азербайджанской прозой следует изучать в контексте Азербайджанского фольклора. Ясно, что во многих азербайджанских дастанах, сказках и легендах можно встретить сюжеты и мотивы эпоса «КДК» («Книга- Деде Коркуда» - далее «КДК» - автор) Даже в любовно-романических дастанах с очевидностью можно наблюдать следы «КДК». Можно сказать, что путем переработки в качестве любовно-романических дастанов некоторых частей (боев) эпоса «КДК» возникли новые образцы. «Ашуг Гариб и Шахсенем» является одним из тех любовных дастанов, который обнаруживает сюжетную близость с «КДК». Этот дастан созвучен с боем «Песнь о Бамсы Бейреке, сыне Бай-буры». Что касается дастана «Шахзаде Бахрам», то он обнаруживает близость с боем «Песнь о Секреке, сыне Ушун-Коджи» выше-названного эпоса. Образ Тепегеза из «Песни, от том, как Басат убил Тепегеза» сыграл определенную роль в становлении любовного дастана «Новруз и Гяндаб».

Кроме того, любовные дастаны также тесно связаны с «КДК» с форменной и структурной точки зрения. Как правило, любовные дастаны начинаются с устаднаме и дуваггапма. Эти составные части дастанов схожи с предисловием «КДК» и йумами (концовками-благословениями) каждого дастана.

Безусловно, что в основе азербайджанской прозы стоят сказки и свойства, присущие сказкам. Основным фактором, сближающим азербайджанские сказки с дастанами «КДК», являются мифологические особенности. В общем, сказочные сюжеты и мотивы являлись плодотворной почвой для героических эпосов. Это особенность также присуща многочисленным героическим эпосам многих народов мира. В этом смысле, привлекает внимание мотив чудесного рождения героя.

Среди образцов современной прозы, которые написаны на основе «КДК», выделяются рассказы Микаила Рзакулизаде, как с точки зрения отражения исторической действительности, так и мастерства. «КДК» также являлся мощным источником для нашей письменной литературы. В 60-70-ых годах XX века заново усилилась обращение к героическому прошлому народа. Появление так называемой «литературы Деде

Коркуда» в Азербайджанской прозе началась ещё с 40-ых годов прошлого столетия. Также интересен тот факт, что обращение к литературе Деде Коркуда заказывалось со стороны высших государственных организаций. В «Предисловии» написанном издательством к книге рассказов по мотивам «Деде Коркуда» М.Рзагулизаде «Сила народа», говорилось: «Здесь автор, согласно заданию издательства, используя тему и содержание этого эпоса, написал рассказы, новые, как по основной идее, так и по литературному виду». Кроме того, «...в этих рассказах воспеваются и пропагандируются идеи любви к родине, любви к отцу и матери, беспощадность к врагам народа и родины (рассказ «Сердце матери-горный цветок»), опоры на силу народа, предпочтенье интересов родины и народа своим личным интересам, ведения совместной борьбы против общего врага, восприятие духом перед трудностями, быть стойким и сильным (рассказ «Сила народа»), верность и самоотверженность в любви и дружбе, ненависть к эксплуататорам, двуличию и подхалимству, борьба за интернациональную дружбу и братство, свободу и счастья (рассказ «Лихой озан»). Это очень важный фактор, необходимый для воспитания молодежи» [2].

Книга рассказов М.Рзагулизаде «Народная сила» была издана в 1948-ом году, а эпос «КДК» был запрещен в 1950-ом году, потому что эта книга, говоря «родина», прививала молодежи любовь к Азербайджану, она давала понять молодежи, что они являются азербайджанскими тюрками. Рассказы, входящие в книгу «Народная сила» являются отдельными, самостоятельными рассказами, которые написаны под воздействием вдохновения полученного от эпоса «КДК». Один из боев эпоса - «Песнь о Бугаче, сыне Дирсе хана» дал автору тему для семи рассказов. Первый рассказ, написанный под влиянием этого боя, называется «Имя храбреца». В рассказе повествуется о том, каким образом и за какие героические деяния Бугач получил свое имя. Другой рассказ, «Доносчик», назван не случайно. В рассказе говорится о ябедничестве в отношении Бугача вражеских сил и некоторой части вероломных людей. А в рассказе «Охота» повествуется о приключениях Бугача во время охоты.

Основную идею рассказа «Материнское сердце-горный цветок» составляют идеи отцовско-материнской любви, жестокости, непримиримости в отношении врагов родины. В рассказе говорится о том, как Анахатун с нетерпением ждет возвращения сына, о чувствах, которые она пережила, когда увидела, что ее муж возвращается один, без сына и о последующей судьбе Бугача после возвращения с охоты. Здесь чудотворное влияние материнского молока и горного цветка отражено яркими красками. В рассказе подстрекателем Дирсе хана на убийство сына является глава есаулов. Если в эпосе две охотничьи собаки охраняют Бугача от ворон и ястребов, то в рассказе писателя это его конь. То, что материнское молоко и горный цветок являются чудотворным снадобьем, означает единство матери и природы. В эпосе территория, где Бугач был ранен - эта гора Газлыг, а автор данную гору описывает как гора Аладжа. Если в эпосе к Будагу приходит пророк Хызыр, то в рассказе эту функцию исполняет Деде Коркуд. В рассказе Бугач говорит матери: «Не бойся матушка, это ранение для меня не смертельно. Когда я здесь лежал без сознания, мне показался тот самый беловолосый, белобородый, лучезарный старик...тот самый старый озан, который на площади дал мне имя. Он три раза погладил мою рану и сказал, что материнское молоко с горным цветком для тебя являются лекарством» [1].

В рассказе «Гонец» описываются страдания, пережитые ханом после охоты. «Отцовская любовь» повествует о любви, которую испытывал Дирсе хан по отношению к своему сыну, о детских воспоминаниях Бугача. В этом рассказе писатель хочет сказать, что ни один отец беспричинно не в состоянии посягать на жизнь своего ребенка, да сохранит Аллах людей от зла и клеветы предателей.

Одним из интересных рассказов является «Жизнь за жизнь, кровь за кровь». В этом рассказе Дирсе хан наконец, понимает что, он обманут предателями. Если собственноручное убийство сына потрясло его, то страшная правда, которую он сегодня понял, отрезвила его. Осознание правды для хана более тяжело, чем смерть сына. Затем Бугач говорит следующее: «Идите, повествуйте всему миру, что сказавшему жизнь будет жизнь, сказавшему кровь будет кровь». Это единственное предложение очень многое говорит об огузском народе, об огузских богатырях - храбрецах.

Одним из рассказов, входящих в цикл рассказов «Лихой озан» является «Охота на джейрана». В этом рассказе повествуется об охоте Бейрека с товарищами на джейрана и о его знакомстве с Банычичек. В рассказе Бейрек соревнуется с одним джигитом. Конь Бейрека обгоняет конь джигита, после они стреляют из лука. И стрела Бейрека обходит стрелу джигита. Затем они вступают в поединок. Когда Бейрек, в гневе хочет перевалить джигита через свое плечо, головной убор молодца, вместе с вуалью остается у него подмышкой, а сам он спасается. Банычичек из своих сапожек вынимает кинжал и хочет убить Бейрека. В это время Бейрек говорит: «Красавица, мою вину смой моей кровью! Вот ты, вот и моя грудь...ударяй! Но ясно знай, что тебе подходит не быть убитой или убивать, а жить и даровать жизнь...» [1]. После этих слов Банычичек смягчается и спрашивает у него кем он является, и они узнают друг друга. Бейрек с Банычичек подходят к джейрану, который стал причиной их встречи, и развязывают ему руки и ноги. Банычичек, обвязав горло джейрана своим шелковым платком, отпускает его. И Бейрек сняв с пальца свой перстень, дарит его Банычичек.

В рассказе «Старый волк», входящем в этот цикл, рассказывается о Шеклю Мелике и о его поступках. Под словосочетанием «старый волк» подразумевается Шеклю Мелик - человек неизвестного происхождения, который после долгих уговоров выпросил у Баяндыр хана для себя землю, построил замок и продолжает там жить. Здесь он себя ведет так, как будто занят богослужением, а в действительности он занят грабежами. Те, кто усыпляет и уводит спящего Бейрека вместе с товарищами в свадебную ночь, являются людьми Шеклю Мелика.

В начале рассказа «Два шатра», одного из самых интересных рассказов, написанных по мотивам «КДК», писатель повествует, что после исчезновения Бейрека, Банычичек устанавливает шатер напротив шатра Бейрека и вместе со своим братом Гочаром начинает там проживать. Брат и сестра ждут возвращения Бейрека, и каждую минуту надеются на его возвращение. Банычичек нравится одному голодному бекскому сыну-бездельнику, известному под кличкой Яланджыг. Брат Банычичек Гочар также уводится людьми Шеклю Мелика. Яланджыг, который, приносит ложную весть о смерти Бейрека изъясняет, о своем желании жениться на Банычичек. Даже после того как Банычичек приносит ей же сшитую искровавленную рубашку Бейрека, она сообщает Бурлахатун, что ни за кого не выйдет замуж. Но, несмотря на

это, среди людей ходит молва, о том, что якобы Банычичек собирается выйти замуж за Ялынджыга.

В рассказе под названием «На корабле», Бейрек, который 16 лет находился в заточении у Шеклю Мелика, и, освободившись от заточения с помощью дочери одного неверного бека, работает на корабле гребцом. Он в течение пяти лет подвергается пыткам. Все гребцы, которые являются представителями различных народов мира, в виду того, что в течение многих долгих лет подвергались одним и тем же пыткам, знают друг друга и любят друг друга как братья. Единственная сила, которая дает им жить - это надежда. Писатель в этом рассказе хочет сказать, что человек даже в самом безвыходном положении не должен терять надежду. Человек, потерявший надежду, теряет все.

«Надежда! Разве мог бы человек перенести нестерпимые тягости, если не было бы этой великой спасительной силы? Человек же является самым совершенным из созданий в мире, он благодаря своей надежде и вере, уму и воле способен выйти из самых трудных, безвыходных ситуаций» [1]. На корабле из беседы двух купцов Бейрек узнает о предстоящей свадьбе. Банычичек. Бейрек, сломав цепь напильником, выбрасывается в море и этим освобождается от плена. В рассказе «Лихой Озан» повествуется о приезде Бейрека к себе на Родину и о его встрече с сестрами. Одним из рассказов, продолжающих этот цикл, выступает рассказ «Колокольные звоны». В нем Бейрек раскрывает преступные деяния Шеклю Мелика и освобождает несчастных людей, и в том числе Гочара, которые в течение многих лет подвергались пыткам со стороны Шеклю Мелика.

В рассказе «Свадьба на море» повествуется о том, как Бейрек арендует корабль, где его товарищи являются гребцами, и заявляет о желании справить свадьбу на том же корабле в море Гузгун. Он освобождает гребцов, находящихся на корабле, а корабль сжигает. Все с надеждой на свободу и счастье приближаются к берегу. Так писатель М.Рзакулизаде завершает историю Бейрека, в отличии от дастана, на оптимистической ноте.

Выводы и перспектива. Эти рассказы, написанные писателем Азербайджана Микаила Рзакулизаде, на основе дастанов «Деде Коркуд» сохраняют свою актуальность для всех времен.

Список литературы

1. Журнал «Ингилаб ве меденийет» («Революция и культура») [Текст].- 1947, №4
2. *Гаджиев, Т.* Мотивы Деде Коркуд в нашей литературе [Текст] // журнал «Деде Коркуд», 2007, №3

Ісмаїлова Е. Н. Мотиви епосу «Книга - Деде Коркуда» у творчості Микаїл Рзакулізаде / **Е. Н. Ісмаїлова** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 270-274.

У статті досліджуються мотиви епосу «Деде Коркуд» у творчості Микаїл Рзакулізаде. Відзначається що, автор, використовуючи теми епосу, підтримуючи основну ідеологію і літературний жанр, відтворив нові історії. Ці високі гуманні ідеї, які благотворно впливають на виховання молоді і майбутнього покоління, відображені в казках М. Рзакулізаде.

Ключові слова: Епос «Деде Коркуд», казка, ідея, літературний жанр

Ismayilova Y. N. The motives of “Dada Gorgud” in the creativity of M.Rzakulizadeh / Y. N. Ismayilova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 270-274.

In the article the motives of “Dada Gorgud” are commented in the stories of M.Rzakulizadeh. There is noted that the author by using the theme and maintenance of the epos according to the both main ideology and the literary genre has written new stories. High humane ideas which are beneficial for the nurturing of youth generation are reflected in the tales.

Key words: epos, tale, theme, literary genre

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК. 82.512.145

А. ГИРАЙБАЙНЫНЪ БЕЛЛИ ОЛМАГЪАН СОНЕТЛЕРИ

Сулейманова Д.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: cemile-qirim@mail.ru*

Статья посвящена сонетам крымскотатарского поэта А.Гирайбая. Среди сонетов стоит особо отметить и цикл сонетов, что является не характерным для крымскотатарской литературы жанром. Цикл сонетов и ряд сонетов дают возможность по-новому взглянуть на талант и творчество крымскотатарского поэта.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, Амди Гирайбай, поэзия, сонеты

Меселенинъ котерилуви. Макъаледе кырымтатар шаири А.Гирайбайнынъ иджадында растлангъан сонет жанрына аит эсерлери акъкъында сѣз кете. Шаирнинъ сонетлери сырасында сонет циклы да ер алгъандыр. Умумен кырымтатар назмиетинде сийрек раст кельген жанр классигимизнинъ иджадыны янъы бир тарафынен ачмакъта.

Ишимизнинъ макъсады: XX асырнынъ 20-нджи сенелеринде иджат эткен ве кырымтатар шириетинде терен из къалдыргъан А.Гирайбайнынъ мирасында, заманымызгъа къадар огренильмеген, сонет жанрына аит эсерлери узеринде теткъикъатлар алып бармакъ.

Сонетлер джиан эдебиятында секиз асырдан берли яшап кельмекте. Бу жанр дургъун къаиделерге бойсунып, бир шекилни къабул эткен олса да, онда бир сыр бардыр ки, шаирлер ве шиир севдаларыны эзельден кендине джелъп эте. Сонет муреккеп жанр олмакънен берабер, пек уйгъун ве айдындыр. Акъыкий назмиетте олгъаны киби, сонет де шаирден истидат, ильхам ве джиддий фикирни талап этер.

Дюнъа назмиетинде шиирий эсерлернинъ бир сыра чешитлери беллидир. Сонет жанры энъ мукеммель назм жанрлардандыр. Сонет эр даим 14 мисрадан ибарет олып, мисралар abab abab cdc dcd (итальян), abba abba ccd eed(френк), abab cdcd ejej gg (инглиз)къафиелери шеклинде тизилир. Эсернинъ башында эки дѣрт мисралы кыгъта(катрен) тизилип, сонъунда эки учъ мисралы кыгъта(терцет) келир. Сонетнинъ катренлеринде эсернинъ мевзусы ачылып, терцетлеринде исе эсернинъ мана сына хуляса чыкъарылып.

Сонет жанрынынъ дегерликлеринден бири онынъ мусикъийлигидир. Бу жанрны темелли огренген алимлерден Л.Г.Гроссман бойле яза: "Самый термин, определивший этот стихотворный вид, указывает на высшее поэтическое качество, связанное с ним, - на звучание стиха. В Италии он произошел от sonare, в Германии его называли одно время Klinggedicht. Звуковое достоинство сонета, его ритмическая стройность, звон рифм и живая музыка строфических переходов - все это уже предписывалось первоначальным обозначением этой малой стихотворной системы".

Бу кыска, лирик-фельсефий шиирлер пейда олгъан заманындан башлап бугунге къадар сонетлер чокъ миллий эдебиятларда ер алгъаны киби, XX асырнынъ

башында рус эдебиятында буюк севги ве дикъкъат къазанып, рус шаирлернинъ иджадларында айры саифе ачтыргъандыр. Шу джумледен Брюсов, Ахматова, Иванов, Волошин кибилерни хатырлай билирмиз. Сонет къырымтатар эдебиятында да озюне хас дикъкъат къазангъандыр.

Къырымтатар эдебияты тарихында XX асырнынъ экиджи онйыллыгъы айры денъишмелернен бельгиленгендир ве бу девирде инкишаф эткен миллий эдебиятымыз рус эдебиятынынъ тесири алтында олгъаны да шубесиздир.

А.Гирайбайнынъ ижады 1920-инджи сенелернинъ биринджи ярысында пек кениш ве гуръ осюп башлагъан эди. Тамам шу йыллары онынъ шиирлери арасында ашагъыдаки еди сонет ер алгъандыр: "Сенми эдинъ", "Намуслы къызгъа"(1), "Намуслы къызгъа" (2), "Намуслы къызгъа" (3), "Анама", "Яш татаргъа", "Олюге". Бу эсерлер окъуйджыгъа чокътан белли олып, онынъ севги ве дикъкъатыны къазандылар. Марузамызда юкъарыда анъылып кечильген эсерлерге янъы нокътаи-назардан янашып, оларнынъ шимдигедже огренильмеген хусусиетлерини ачмагъа арекет этеджемиз.

Асырлар девамында муайен заманларда Авропа ве рус шаирлери сонет жанрына мураджат эткенлер. XX асырнынъ башларында исе сонетке айрыджа дикъкъат этильгенини эдебият тарихындан огренмек мумкюндир. Рус шаирлери В.И.Иванов, М.А.Волошин, И.Л.Сельвинский, В.Я.Брюсов ве дигерлерининъ адларыны анъгъанымызнынъ себеби оларнынъ иджадлары Къырымнен алякъалы олмасындадыр. Занымызджа, яш шаиримиз А.Гирайбай рус эдебиятынен меракъланып, янъы шиирий шекиллерде озюнинъ къалемини сынап бакъмагъа истегендир. Къалем сынавлары нафиле кечмегенининъ шаатлары бугунъ бизмиз - Гирайбайнынъ назмиетини севип окъугъан, эсерлеринден маневий гъыда ве эстетик зевкъ алгъан самимий мухлисleri.

Тереклер тюбюнде, ай ярыгъында,
Гуллернинъ ичинде мунълы корюнген,
Истекли гонъюльнинъ кенъ арыгъында,
Дертлерни тазертип къайгъыгъа бурюнген+

Сонетлерде автобиографиклик ве лиризм киби мундеридже аляметлерни къайд этмек керектир. Муэллифнинъ ве лирик къараманнынъ екпарелиги бу жанрда зиядесинен дуюлмакъта:

Танъда турып мезарынъа баргъанда
- "Джаткъан еринъ нур болсун" - деп айтаман,
Баш ташынъы бир опе де къайтаман.

Ольген куню акъ кефинге саргъанда
Ириттинъ де, джылатмагъа башладынь,
Ничюн мени ялнъыз этип ташладынь?..
"Олюге", 1921с.

Сонет жанры ичюн классик мевзу эсаплангъан севги, шиирий манифест, итъаф ве илх. киби мевзулар табиий сайылгъаны киби, А.Гирайбайнынъ сонетлери де айны мевзуларгъа багъышлангъандыр. Севги мевзусыны ифаделеген "Сенми эдинъ?" сонетини къайд эте билемиз. Яш шаир севгилисининъ образыны яратып, кендисининъ ашкътан янгъан къальбиндеки зияде къабаргъан севги дйгъуларыны акс эте:

Коксюмнинъ устюнде кызыл от якъкъан
Асретим къабарып джылап джургенде,
Мен гедже тюшюмде сени корьгенде,

"Севдалыкъ" бойнума такъкъанда,
Авзы кыбырдап чайнагъан сакъыз,
Къальбимни сызлаткъан сенми эдинъ, акъыз??!
"Сенми эдинъ?", окт. 1920с.

Мисаль алынган парча кысмен итальян шекилиндеки сонет олгъаныны козете билемиз: абаб абаб свв едд. Шуны да айтып кечмек керек ки, шаирлер асырлар девамында къабул этильген шекиллер узеринде экспериментлер кечирип, кенди къалемлерини сыналар. Гирайбай да сонетлерде бойле сынаваргъа ёл бергенини коремиз ве себебинни кырымтатар тилининъ синтактик къаиделерине якъынлашмакъ макъсады, я да сонетлерини инкишаф эттирип шекиллendirмек истегинен анълатмакъ мумкюндир.

А.Гирайбайнынъ назмиетинде деерли ер алган шаир ве шиир мевзусына кечейик. Шиирий манифест оларакъ "Янъы дефтерге" намындаки сонетни къайд этмек мумкюндир. Бу эсерде шаир иджадынынъ кредосыны, озюнинъ къанаатларыны ачыкълай:

Янъы дефтер!... Аркъадашсынъ къалемге,
Къалем сени кузгю этеджек алемге,
Акъ бетинъе сызгалагъан бейитлер,
Мельем олсун миллетимде элемге!

Эр бетине сырым язып толдырсам,
Хаял къувуп джувурсам да болдурсам,
Юксельгенин корьсем куньсюз татарнынъ,
Бу огърунда генчлигимни солдурсам.

Мундеридже джиэтинден бу сонет классик талаплагъа уя: онынъ катренлеринде эсас меселе ачыла, терцетлеринде исе хуляса чыкъарыла - шаирнинъ идракъинде, иджадий шахсиетнинъ табияты, рухий алеми бойледир:

Алдым ярыкъ - бир къазадан олмесем,
Мен бахытсыз, макъсадымны больмесем,
Джуйрюк атым онгъа-солгъа бургъанда.

Дефтер, сагъа ойларымны язайым,
Къайгъуларгъа къара мезар къазайым,
Мунълы гоньлюм, джылап - чынълап тургъанда!..
"Янъы дефтерге", март 1920с.

яни принципиаль ве оптимисттир(nikbin). Корьгенимиз киби, бу учъ сатырлы кыыталарнынъ кьурулышы пек меракълы - терцетлернинъ башында нетидже(следствие), сонъунда исе весиле(причина) бериле, бойле шекиль сонетнинъ тилини халкъ тилине якъынлата ве, шубесиз, окъуйджы эсерни окъугъанда, ана тилининъ сес олушывыны, аэнкини эшите.

Шиир севдалары тарафындан севилип окъулган ве эзберленген шиирлерден бири олган "Анама" эсерини анъсакъ, ерлидир. Ишбу эсер де уйгъун сонетлердендир. Гирайбайнынъ идракъинда ананынъ ери сарсылмаз ве текрарланмаздыр, инсан шахсиетининъ темелини асыл эткен, эвлядында ифтихар киби чизги тербиелеген - анадыр:

Меним менлигимде менлик тувдырган!..

Менликте менлигим, "ах, аначыгъым"!

А.Гирайбайнынъ аяты ве иджадынынъ джаны ве къаны олган Ватан, миллет, истикъбальнинъ азатлыгъы киби меселелер онынъ хитабий шиирлеринде озъ ифадесини тапа, мисаль оларакъ, "Джашлыкъкъа", "Окъугъан къызгъа" ве дигер шиирлерини хатырлайыкъ. Айны мевзуда сонети де олгъаны, эльбетте, табийдир. "Яш татаргъа" сонетинде, шаир англиз къафие шекилини къулланып, мундериджеде де мукеммеликке ирише. Жанрнынъ мундериджеге нисбетен олган талаплардан бири теза - антитеза - синтез олмасы козьде тутулса, "Яш татаргъа" эсеринде къайд этильген теркип мевджуттыр. Шаир теклиф этмей, асылында бу меселеде дигер ёл ёкътыр:

Къарт эмельге янъы темель къургъанда

Заман сени сыкъса, сыкъып ольдюрсе, Джанчыгъынны учке-дёртке больдирсе,

Кене чалыш! Тенде джанынъ тургъанда,

Макъсадынъа бир кунъ етерсинъ

Кене "акъ" деп, кокке учып кетерсинъ.

Муэллифте шекленюв ёкъ, тувган халкъынынъ "къарт эмели" денъишмеде ве макъсадкъа етмек ичюн екяне ёл - "Кене чалыш!" макътыр.

Сонет жанрынынъ теркибинде сонет чембери ве сонет циклы бардыр. Бу жанр чешитлери XIX ве XX асырларнынъ арасында рус эдебиятында гуръ инкишаф этти. Бальмонтнынъ "Медальоны", Брюсовнынъ, Ахматованынъ сонет цикллери рус эдебиятынынъ гъурурыны тешкиль этелер. Биз исе А.Гирайбайнынъ сонетлери сырасында "Намуслы къызгъа" сонет циклы олгъаныны косътермеге арекет этеджекмиз. "Намуслы къызгъа" циклы (1), (2), (3) учъ шиирден ибареттир, оларны бири-биринен багълагъан мевзуны козетейик: учъ сонетте де шаир замандаш къызларгъа "Эй, темиз къыз! Сен юксексинъ+" (1), "Ярыкълаткъан кунешсинъ сен+" (2), "Эй, намуслы, кинли къызлар" (3) деп мураджаат эте. Эр бир сонетте озъгюн мевзу ифаделене - лирик къараман севгилисине буюк мукъайтлыкънен даврана. Асылында къызнынъ образы умумийлештирилген, севильмеге ляйыкъ олган къырымтатар къызыдыр. Лирик къараман къырымтатар къызынен гъурурлана "Эр бейитке къошар эдим къалем язса тирельмей, Къызыл ал гуль авузынъдан балдай тамган сёзюнъни", къызнынъ табиятында ве потенциалинда инсанлыкъны юксеклетеджек кучюни коре ве бу фикир циклнинъ дигер сонетлерине шекилленип кире. "Намуслы къызгъа" (2) сонетинде къызнынъ образы янъы сыфатларда озъ аксини тапа, буль-бульнен, айнен, ярыкълаткъан кунешнен къыясланып, лирик къараман тарафындан къызнынъ кучюне даа зияде эминлик косътериле:

Бу миллетнинъ истикъбали сагъа, сенден туваджакъ!

Юрт душманын, джехалетни сенсинъ бугунъ къуваджакъ!

"Намуслы кыызгъа" (3) сонетинде биринджи эсерлерде котерильген мевзу девам эте, атта сонъкисинде кызынынъ образы кене де янъы ве даа кениш ве терен шекильде ифаделене:

Джорга джурип, секиргенде, козылерим сенде къала,
Тиз чёкип, кокюс чекип "Мен ана" - деп къурулсанъ.

Лирик къараман бу сонетлерде муэллифнинъ фикир-тюшонджелерини янсытканыны коремиз. Муэллиф земаневий кызыларнен миллетнинъ ярыкъ, бахытлы, азат келеджегини багълай. Учюнджи сонеттеки "намуслы кызынынъ" образы къадын-кызынынъ энъ буюк - аналыкъ вазифеси сыфатынен тамамлана. Миллетке баш оладжакъ, "алтын ярыгъы" оладжакъ шахсиетлерни "намуслы кыыз" туваджакъ ве тербиелейджегинде шек-шубе ёкъ.

Экинджи бир Челебиджихан бизге сенден туваджакъ,
Дамарымда къан къайнаткъан о бузулмаз ызлардыр.

Бир миллетни батыргъан да, тирильткен де кызылардыр!..

Миллетнинъ келеджек несилини тербиелейджек кызылар озьлери окъумышлы ве миллетпервер, джесюр инсанлар олмакъ кереклигини муэллиф сатырларында бойле акс эте:

"Эй намуслы" кинли кызылар, мектеплерге толунъыз,
Бир миллетчи буюк ана, бирер Джан Дарк олунъыз!

Гирайбай сонет жанрынынъ уникаль сонет цикл шекилинде иджат этип, аджайип, юксек бедиемли ве актуаллигини ич бир вакъыт джоймайджакъ маналы эсерлерни яратып, къырымтатар эдебиятынынъ хазинесини зенгинлештирди. "Намуслы кыызгъа" сонет циклы франсуз шекилинде язылгъаныны кайд этмекнен бирликте, циклнынъ ильк эсеринде кимер уйгунсызлыкъларны да растлай билемиз. Амма эдебият тарихындан белли олгъаны киби эдиплер кенди эсерлери узеринде къайта-къайта чалышалар, оларны джулялап, окъуйджынынъ дикъкъатына авале этелер. Бизим классик шаиримизнинъ эсерлерининъ такъдири халкъымызнынъ фаджиалы такъдирина текрарлайлар, демек, джуляламакъ ихтималы тек хаялымызда оладжакъ.

Илеридеки теткъикъатларнынъ инкишафы.

Бу киби ишимиз, илериде, А.Гирайбайнынъ иджады ве истидатына даа темелли ве дикъкъатлы янашмагъа имкянлар берир деген фикирдемиз.

Къулланылгъан эдебият:

1. Фазыл Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы :/Р.Фазыл, С.Нагаев. - Къырымдевокъув-педнешир, 2001.
2. Муратова К. Д. [редактор тома] История русской литературы. Т.4 / К.Д. Муратова, Д. С. Лихачев, Е. Н. Купреянова - М.: "Наука" 1983.
3. Совалина В. С.: /Русский сонет XVIII начала XX в. / Сост. В.С.Совалина - М.: 1986.
4. Урсу Д. Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944г.г.) : / Д. Урсу. - Республиканская библиотека имени И. Гаспринского: 1999.
5. Гирайбай А. Шиирлер: / А. Гирайбай - С.: "Таврия" 1997.
6. Ахматова А. "Ты выдумал меня..." [Электронный ресурс] / -Режим доступа: www.akhmatova.org/articles/fedotov.htm

Сулейманова Д. Невідомі сонети А. Гірайбая / Д. Сулейманова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 275-280.

Стаття присвячена сонетів кримськотатарського поета А. Гірайбая. Серед сонетів варто особливо відзначити і цикл сонетів, що є не характерним для кримськотатарської літератури жанром. Цикл сонетів і ряд сонетів дають можливість по-новому поглянути на талант і творчість кримськотатарського поета.

Ключові слова: кримськотатарська література, Амді Гірайбай, поезія, сонети

Suleymanova J. Unknown A. Giraybay's sonnets / J. Suleymanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 275-280.

The article is devoted to the sonnets of the Crimean Tatar Amdi Giraybay poetry. Among the sonnets should be noted, and the cycle of sonnets, which is not characteristic of Crimean Tatar literature genre. Sonnet cycle and a number of sonnets provide an opportunity for a fresh look at the talent and creativity of the Crimean Tatar poetry.

Keywords: Crimean Tatar literature, Amdi Giraybay, poetry, sonnets

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 821.111(73)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «АНГЛИЙСКИЙ ЧУДАК» В ПЬЕСЕ Т. СТОППАРДА «АРКАДИЯ»

Бондаренко Л. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

Лингвокультурный типаж «английский чудака» находит новую реализацию в современных авторских художественных текстах в образах чудаков-интеллектуалов

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, английский чудака, игровой абсурд, нонсенс

Постановка проблемы. Творчество Тома Стоппарда занимает особое место в современной английской драматургии и западноевропейской художественной литературе. Его произведения отличаются тонким интеллектуальным юмором, детализацией, смысловой открытостью и художественным своеобразием, что привлекает внимание не только литературоведов, но и представителей новых областей лингвистического знания – лингвокультурологии, лингвоконцептологии и лингвоперсонологии, в рамках которых определяется понятие «лингвокультурный типаж». Такая междисциплинарная направленность определяет актуальность данного исследования, целью которого является выявить особенности лингвокультурного типа «английский чудака» в пьесах Т. Стоппарда.

Будучи междисциплинарным понятием, «лингвокультурный типаж» имеет отношение к ключевым проблемам и понятиям лингвокультурологии и лингвоперсонологии. Наиболее значимой проблемой лингвокультурологии является соотношение универсального и специфического в лингвокультуре. «Лингвокультурный типаж» как понятие лингвоперсонологии соотносится с привычными понятиями литературоведения «персонаж», «роль», «стереотип», «речевой портрет», что позволяет проанализировать его особенности на материале художественных текстов, пользуясь традиционными и новыми методами литературоведческих исследований.

В рамках лингвокультурного концепта «английский чудака» рассматриваются персонажи, ведущие себя странно, эксцентрично, не следующие общепринятым правилам, но не нарушающие закон, не приносящие вреда обществу. Феномен чудака отражается как в фольклоре, так и в авторских художественных текстах, что представляет интерес для данного исследования. Причиной эксцентричного поведения часто бывает протест против жесткой упорядоченности жизни. Чудаков считают большими детьми, увлеченными своей игрой и не причиняющими вреда остальным людям. Чудаки – далеко не глупцы. Увлеченность своим занятием, каким бы странным оно не казалось окружающим, наполняет жизнь чудаков смыслом и делает их счастливыми, а насмешливое отношение к окружающим и себе самому помогает переживать сложные ситуации и справляться с трудностями.

Поскольку объектом настоящего исследования являются драматические тексты, интерес вызывают вопросы, связанные с личностью человека в языке, с позиций лингвоперсонологии. Объектом исследования в этой области знания выступает человек говорящий. Изучение языковой личности было впервые обосновано Ю. Н. Карауловым в 1987 году [1]. В дальнейшем фокус интереса лингвистов сместился с характеристик речи на личность субъекта, то есть «речевой портрет», например речевой портрет «русского интеллигента» или «английского чудака».

В зависимости от критериев, разработанных психологами, философами, психолингвистами, выделяют различные типы языковой личности. В литературоведении используются понятия «герой», «персонаж», «тип» для определения действующих лиц художественного произведения. Герой является центральной фигурой произведения, неординарной, обычно высокого происхождения, в то время как тип воплощает характеристики простого человека. По М. Бахтину, «тип – пассивная позиция коллективной личности» [2, с. 35]. Согласно концепции Н. Фрая, можно выделить пять типов героев, самые низкие из которых – герои миметического и иронического модусов [2]. Чудак как персонаж художественного произведения по своей сути может относиться либо к героям миметического модуса, либо к героям иронического модуса.

У англичан особое отношение к чужакам как в художественном, так и в реальном мире [3, 4]. Дж. Оруэл утверждает, что высшими ценностями англичан являются свобода, верность традициям и увлеченность игрой. Советский журналист В.В. Овчинников отмечает, что «Английский эксцентрик платит неизбежную дань общественному порядку, но в рамках его делает, что ему заблагорассудится. Таким образом, человек, который не хочет поступать как все, в условиях английского общества, чаще становится чужаком, чем ниспровергателем основ» [5].

Подробная характеристика английского менталитета дана в монографии И. А. Стернина, Т. В. Лариной и М. А. Стериной «Очерк английского коммуникативного поведения» [6]. По мнению авторов к числу доминант английского характера относятся умеренность, сдержанность, консерватизм в общественной жизни, законопослушность, «честная игра», вежливость, обходительность, готовность «принять вызов», спортивность, чувство английского превосходства, патриотизм и национальная гордость, отсутствие интереса к другим народам и странам и др. К доминантным чертам английского коммуникативного поведения отнесены некатегоричность, антиконфликтная ориентация общения, нелюбовь к спорам, эмоциональная сдержанность, невысокая громкость общения, немногословие, высокий уровень самоконтроля в общении, бытовая вежливость, коммуникативный оптимизм и др [6, с. 56].

Американский ученый Джеффри Горер исследовал современный английский характер с позиций социологии, уделяя особое внимание проблеме агрессивности во всех ее проявлениях – склонности к ссорам, зависти, жестокости, раздражительности и др. Ведь англичане в 20 веке – это цивилизованный миролюбивый и вежливый народ, в то время как в 17-18 веках лондонцы отличались крайней жестокостью и грубостью. Горер пришел к выводу, что агрессивность никуда не ушла, но стала сильнее контролироваться. Важным каналом снятия агрессии является спорт, внешним ее ограничителем выступает закон, существенным выходом этого качества яв-

ляется юмор, часто на грани с насмешкой. Англичанам свойственна насмешка над собой – self-deprecation, качество, которое почти совсем не могут понять иностранцы [7, с. 287 – 290]. Будучи реалистами до мозга костей, англичане любят абсурд в виде нонсенса.

Абсурд есть осознание нелепости, отсутствия смысла там, где смысл должен быть. В.И. Карасик выделяет несколько видов абсурда, в зависимости от типа восприятия реальности личностью [8]. Наибольший интерес в рамках данного исследования представляет «игровой абсурд». По Карасику, это «упражнение в интеллектуальной гибкости, как мягкая насмешка над привычным и скучным положением дел, над здравым смыслом [8, с. 15]». Под сомнение ставится само существование здравого смысла как такового. Игровой абсурд присутствует в произведениях многих английских драматургов, таких как Б. Шоу, Г. Пинтер, Т. Стоппард.

В стиле игрового абсурда написано большинство пьес современного английского драматурга и сценариста Т. Стоппарда. Среди наиболее известных – «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Аркадия», «Изобретение любви», «Настоящее», «Прыгуны», «Утопия». В «Аркадии» атмосфера абсурда задается уже в первой сцене пьесы, в диалоге юной Томасины и ее учителя, настоящего английского чудака Септимуса. Речь идет о карнальном объятии: «Thomasina: Septimus, what is carnal embrace? Septimus: Carnal embrace is the practice of throwing one's arms around a side of beef [9, с.2]». Тринадцатилетняя девочка с непосредственностью подростка спрашивает у своего учителя: «Септимус, что такое карнальное объятие?» На что тот отвечает с определенной степенью иронии английского чудака-интеллектуала: «Карнальное объятие это обхватывание руками коровьей туши» (здесь и далее перевод наш – Л. Б.). Эти две короткие реплики задают иронический тон дальнейшего диалога, в ходе которого развивается тема «карнального объятия»: “Thomasina: Is that all? Septimus: No... a shoulder of mutton, a haunch of venison, well hugged, an embrace of grouse...caro, carnis; feminine; flesh [9, с. 2]”. Томасину интересует более широкий смысл слова «карнальное». Септимус поясняет: «...это еще лопатка барашка, оленья ляжка, объятие куропатки ... caro, carnis; женское; плоть». В основе иронической игры слов лежит значение слова «карнальное», что означает «плотское» и употребляется осуждающе по отношению к плотским утехам. Именно об этом и пытается спросить у Септимуса Томасина. Однако, учитель, избегая прямого ответа, поясняет смысл прилагательного «карнальное», исходя из латинской этимологии этого слова. Кроме того, серьезный тон и научность пояснений учителя явно не соответствуют его отношению к предмету разговора, что создает ситуацию игрового абсурда.

По этому поводу В. И. Карасик отмечает, что говоря об игровом абсурде» более уместным представляется понятие «нонсенс» [9, с. 114], так как «нонсенс осознается как невозможное в позитивном, веселом ключе, абсурд – как невозможное в негативной, минорной тональности 9, с. 114)». Юмор нонсенса отличается от ситуативного юмора тем, что в первом случае мы заранее знаем – так быть не может, а во втором – допускаем реальность того, о чем идет речь. Юмор нонсенса часто имеет фольклорную основу. Так в поговорках о невозможности говорят: «когда рак на горе свиснет», «when pigs fly». В современной литературе юмор нонсенса развивается

в лимериках и многочисленных шуточных произведениях подобного типа, а также часто встречается в интеллектуальных жанрах, к которым относятся пьесы Т. Стоппарда, принимая форму игры слов и смыслов. Н. М. Демурова отмечает, что «нонсенс как таковой – это веселый и детский по своей сути протест против скучной действительности [10, с. 12]». Нонсенс представляет собой игру с прописными истинами и традициями. Наверное, есть нечто в английском характере, как справедливо замечает Н. М. Демурова, что «как бы подталкивает к подобной игре – игре звуками и словами, объектами и субъектами действия, логическими и всякими прочими связями [10, с. 3]».

По этому поводу вернемся к первой сцене «Аркадии» Стоппарда: неожиданно открывается дверь и в комнату в гневе врывается мистер Четер. Септимус отсылает Томасину и Четер вызывает Септимуса на дуэль за то, что тот совратил его жену в садовом домике: «You insulted my wife in the gazebo yesterday evening!» – «Вчера вечером в садовом домике вы оскорбили мою жену», заявляет Четер. На что Септимус с присущей чудачу невинностью отвечает: «You are mistaken. I made love to your wife in the gazebo. She asked me to meet her there, I have a note somewhere, I dare say I could find it for you, and if someone is putting it about that I did not turn up, by God, sir, it is a slander [9, с. 8]». – «Вы ошибаетесь. Я занимался любовью с вашей женой в садовом домике. Она попросила меня о встрече, у меня даже записка ее где-то имеется. Осмелюсь сказать, что я мог бы даже поискать ее специально для вас. А если кто-то утверждает, что я не откликнулся на просьбу вашей супруги и не пришел, Бог свидетель, сэр, это настоящая клевета». Двадцати-двух летний Септимус Ходж по-детски невинно и дерзко насмехается над недалеким, но амбициозным и тщеславным Эзрой Четером, для которого, как это выясняется из дальнейшего диалога, важнее защитить репутацию жены, чем ее честь. Септимуса забавляет глупость и явная беспомощность Четера, который в порыве гнева вызывает на дуэль молодого соперника: «I demand satisfaction! [9, с. 9]». – «Я требую удовлетворения!» Ситуация накаляется до предела. Четер решительно настроен и готов отомстить за оскорбление жены и свое собственное, но ответная реплика Септимуса мгновенно нивелирует напряжение, демонстрируя комичность положения Четера: “Mrs Chater demanded satisfaction and now you are demanding satisfaction. I cannot spend my time day and night satisfying the demands of the Chater family... [9, с. 9]. – «Позвольте, миссис Четер требовала удовлетворения, теперь вы требуете удовлетворения. Я не могу заниматься днем и ночью только тем, что удовлетворять семью Четеров...». Игра в нонсенс построена на многозначности значения слова “satisfaction”: с одной стороны имеется в виду «удовлетворение» - вызов на дуэль, что вполне серьезно и даже опасно, с другой – удовлетворение сексуальное. Таким образом возникает игра нонсенса, основанная на юморе и иронии ситуации, она инициируется чудачком Септимусом, адресуется зрителю и абсолютно не понимается собеседником Четером.

Итак, английский нонсенс органически вытекает из английского видения мира, в основе которого лежит способность весело с юмором смотреть на жизнь, на недостатки других и свои собственные, умение смеяться над собой, а также протест против «взрослого Порядка, в котором нет смысла».

Выводы и перспектива. Таким образом, лингвокультурный типаж «английский чудак» проявляется в современных художественных текстах преимущественно в лице чудачков-интеллектуалов, сочетающих в себе традиционные и новые, характерные для эпохи постмодернизма черты «английского характера». В данной статье определены основные направления комплексного исследования лингвокультурного концепта «английский чудак» в современной английской художественной литературе.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 200 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 15- с.
3. Оруэл Дж. Англичане / Джордж Оруэл // Эссе, статьи, рецензии. – Пермь : КАПИК, 1992 – С. 24 – 67
4. Пристли Дж. Б. Заметки на полях: Художественная публицистика / Дж. Б. Пристли [пер. с англ.] – М. : Прогресс, 1988. – 340 с.
5. Овчинников В. В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах / В. В. Овчинников. – М. : Прогресс, 1979. – <http://vivosvoco>
6. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2003. – 300 с.
7. Gorer G. Exploring English Character / G. Gorer. – NY. : Criterion Books, 1995. – 250 p.
8. Карасик В. И. Типы абсурда / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2003. – 380 с.
9. Stoppard T. Plays : Arcadia. The Real Thing. Night and Day. Indian Ink. Hapgood / T. Stoppard. – L. : F & F, 1999. – 593 p.
10. Демурова Н. М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса / Н. М. Демурова // «Мир вверх тормашками». – М. : Прогресс, 1974. – 240 с.

Бондаренко Л. Лингвокультурный типаж "Английский дивак" в п'єсі Т. Стоппарда "Аркадия" / Л. Бондаренко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 281-285.

Лінгвокультурний тип «англійський чудак» знаходе нову реалізацію у сучасних авторських художніх текстах у образах чудаків-інтелектуалів

Ключові слова: лінгвокультурний тип, англійський чудак, ігровий абсурд, нонсенс

Bondarenko L. Linguacultural type “English eccentric” in “Arcadia” by T. Stoppard / L. Bondarenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 281-285.

A lingua-cultural type of “the English Eccentric” finds its realization in contemporary fiction in the characters of “eccentric intellectuals”

Key words: lingua-cultural type, English Eccentric, absurd play, nonsense.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

УДК 82

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В РОМАНАХ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ

Кравцова М. А.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: marinakravtsova2008@yandex.ru

В статье утверждается, что бинарные оппозиции, представленные в романах Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» на интонационном и композиционном уровнях, на уровне хронотопической и образной организации, а также на универсальном идейном уровне, служат формированию диалогизма произведений.

Ключевые слова: Бинарная оппозиция, диалогизм, равноправие, нерешенность.

Постановка проблемы. В. Руднев трактует бинарные оппозиции как «универсальное средство познания мира», которое давно и активно использовалось, но «было осознано как таковое» только в XX веке [9, с. 38]. Действительно, в европейской культурной традиции жизнь привычно исследуется в бинарных оппозициях, когда противопоставляются жизнь и смерть, душа и тело, форма и содержание, счастье и горе и т.д. Причем это касается не только философских исследований, но и литературных произведений. В частности, Ю.М. Лотман пишет по этому поводу: «Если взять не телефонную книгу, а какой-либо художественный или мифологический текст, то нетрудно доказать, что в основе внутренней организации элементов текста, как правило, лежит принцип бинарной семантической оппозиции: мир будет делиться на богатых и бедных, своих и чужих, правоверных и еретиков, просвещенных и непросвещенных, людей Природы и людей Общества, врагов и друзей» [8, с. 227]. Таким образом, литературные сюжеты строятся на бинарных оппозициях, в которых чаще всего противопоставляются человек и общество, сталкивающиеся с противостоянием добра и зла.

Диалогические произведения также основаны на бинарных оппозициях, хотя для их обозначения М.М. Бахтин использует музыкальный термин «контрапункт»: «Между всеми элементами романной структуры существуют диалогические отношения, то есть они контрапунктически противопоставлены» [1, с. 56]. Но в таких произведениях оба компонента бинарной оппозиции представлены, во-первых, *равноправными*, поскольку они обладают одновременно положительными и отрицательными чертами. Бахтин характеризовал равноправие таким образом: «Рядом с самосознанием героя, вобравшим в себя весь предметный мир, в той же плоскости может быть лишь другое сознание, рядом с его кругозором – другой кругозор, рядом с его точкой зрения на мир – другая точка зрения на мир. Всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных с ним сознаний» [1, с. 69]. Во-вторых, идейный конфликт равноправных компонентов бинарной оппозиции *не решается*, и развязка сюжета отсутствует. Бахтин писал только о «незавершенности» героев, но в соответствии с «персонализацией идей», основным принципом его диалогической теории, герои не

отказываются от своих идей, и конфликт, следовательно, остается нерешенным. Следовательно, как писал Бахтин, «ни одна из идей героев – ни героев «отрицательных», ни «положительных» - не становится принципом авторского изображения и не конституирует романного мира в его целом» [1, с. 36].

Основные структуры диалогизма описал В.В. Силин на примере комедии Мольера «Мизантроп» (1666) [10, с. 216-217]. В этом произведении Мольер представляет в бинарной оппозиции два *равноправных* подхода к решению проблемы, которую выражают два антагониста. Альцест - правдолюб, и это его характеризует положительно. Но он лишается ореола положительного героя, так как своим правдолюбием вызывает ненависть окружающих и попадает в нелепые смешные ситуации. Его оппонент, Филинт, обладает одной отрицательной чертой – он говорит окружающим приятные лстивые речи, хотя за глаза осуждает их. Но благодаря такому поведению у него нет неприятностей, как у Альцеста, а это положительный аспект его поведения. Конфликт двух поведенческих модусов в комедии *не решается*, так как герои расстаются, но не отказываются от своих идейных позиций.

Цель исследования. Целью данного исследования является определение бинарных оппозиций на различных структурных уровнях диалогических произведений. Исследование проводится на **материале** двух романов английской писательницы Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» (1925) и «На маяк» (1927), которые являются яркими примерами диалогического романа XX века.

Анализ публикаций. Большинство литературоведческих работ, анализирующих романы писательницы, если и упоминают различные оппозиции, то освещают лишь факт их присутствия или их взаимодействия, но не касаются их диалогического эффекта. Тори Харинг-Смит, Лиса Уильямс [15, с. 79, с. 129] (так же как Х.М. Далески и Б. Блэкстоун) только отметили в романах Вульф «оппозицию внешнего мира и мира сознания» [12, с. 143]. Харинг-Смит также разделила изображенную в произведениях «деятельность сознания на общественное сознание ... и частное сознание» [12, с. 143]. Однако исследователи, указав на бинарные оппозиции в романах Вульф, не охарактеризовали их диалогических функций.

Что касается образов героев, то исследователи по-разному трактуют имеющиеся оппозиции. Г.М. Далески и С.А. Хенке, равно как и Дж. Р. Мейз, Б. Блэкстоун, Д. Дейчес, Д. Сэйл и Р. Пул, характеризуют образы Клариссы и миссис Рэмзи в их противопоставлении, соответственно, «трагическим, смертоносным силам» Смита [13, с. 125, 148] и «сочетающему и любовь, и злобу» мистеру Рэмзи [14, с. 85]. Образ миссис Рэмзи мыслится этими исследователями однозначно положительным, а ее мужа – двойственным, в зависимости от того, кто из персонажей высказывает о нем свое мнение. Другие исследователи, такие как Н.Ю. Жлуктенко и Б.Г. Гелфанд, считают двуплановость образа Клариссы ее многоликостью и видят в нем прежде всего эволюцию характера [4, с. 111; 11, с. 86]. Кеннет Мун и Патриция Мэтсон отмечали некие два плана в образе Клариссы («самой Клариссы и миссис (Ричард) Дэллоуэй» [11, с. 147]), но эти замечания более походили на трактовку их как раздвоения личности, хотя в романах Вульф двойственность является нормальным состоянием человека.

Актуальность и новизна темы. Бинарность структур романов английской писательницы в работах ученых не была изучена полностью, поэтому исследование диалогической функции бинарных оппозиций в ее произведениях является новым и актуальным, так как позволит по-новому интерпретировать произведения Вульф.

Основной материал. В романах Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» можно выявить бинарные оппозиции на разных структурных уровнях. Прежде всего, на *интонационном* и *композиционном* уровнях, для усовершенствования которых Вульф ввела элементы музыкальных форм¹. Бинарные оппозиции, которые просматриваются в этих музыкальных формах на интонационных контрастах, она привнесла в свои романы, чтобы выразить противоречивость душевного состояния героев и их идейных устремлений. В романе «Миссис Дэллоуэй» это музыкальный *контрапункт* (буквально «нота против ноты»), представляющий собой технику сочетания двух или более мелодических линий, противопоставляет душевный мир Клариссы и Смита, светской героини и погибающего героя. Это также вокальный *квартет*, в котором оппозиционно соотнесены голоса супругов Дэллоуэй – Клариссы и Ричарда, и Септимуса Уоррен-Смита и его жены Лукреции, и двойной *мотет*, в котором четыре упомянутых главных голоса контрастируют не только между собой, но и парами. В романе «На маяк» голоса мистера Рэмзи и членов его семьи контрастно соотнесены по аналогии с правилами построения *концерта*. Интонационная контрастность голосов героев романов вполне очевидна, так как ни один из них не является ведущим, и не «заглушает» другие.

В романе «На маяк» отмечается также композиционное противопоставление глав по принципу музыкальной *сонаты* – двух длинных крайних, описывающих небольшие промежутки времени, и короткой средней, содержащей сведения о событиях десятилетия из жизни персонажей. Средняя глава имеет структурное сходство с музыкальной *инвенцией*, кратко передающей большой объем информации. Бинарные оппозиции, следовательно, формируются между средней главой, которая в романе сводит воссоздание реальности к простой констатации событий, характерной для сжатости музыкальной инвенции, и крайними, в которых воссоздаются в основном субъективные эмоциональные переживания. Иначе говоря, краткость и масштабность объективных описаний реальности контрастируют с подробным описанием мельчайших эмоциональных состояний.

Таким образом, в романах Вирджинии Вульф бинарные оппозиции отмечаются на интонационном и композиционном уровнях, они созданы посредством стилевой имитации структур некоторых жанров классической музыки и построены по принципу контраста.

Бинарные оппозиции обнаруживаются также на уровне пространственно-временной организации романов Вульф в виде противопоставления двух хронотопов – *определенного* хронотопа внешних событий и *неопределенного* хронотопа потоков сознания персонажей². Текстуально неопределенность хронотопа выражается

¹ Данной теме посвящены мои статьи «Функция музыкальных форм в романах Вирджинии Вульф» [6] и «Музыкальные вариации в романах Вирджинии Вульф “Миссис Дэллоуэй” и “На маяк”» [5].

² Данной теме посвящена моя статья «Функция хронотопа в романах Вирджинии Вульф» [7].

быстрой сменой времени и места событий, которая не позволяет их зафиксировать. Так, в мыслях героини романа «Миссис Дэллоуэй» постоянно всплывают картины прошлого, временные пласты пересекаются, наплывают один на другой, в едином мгновении прошлое смыкается с настоящим. «А помнишь озеро?» - спрашивает Кларисса у друга своей юности Питера Уолша, - Ибо – сразу – она, девчонкой, бросала уткам хлебные крошки, стоя рядом с родителями, и взрослой женщиной шла к ним по берегу, шла и шла и несла на руках свою жизнь, и чем ближе к ним, эта жизнь разрасталась в руках, разбухала, пока не стала всей жизнью, и тогда она ее сложила к их ногам и сказала: «Вот что я из нее сделала, вот!» А что она сделала? В самом деле, что? Сидит и шьет сегодня рядом с Питером» [2, с. 54].

Неопределенному хронотопу потоков сознания Вульф противопоставила определенный хронотоп внешних событий, происходящих в жизни рефлексирующего героя. В романе «Миссис Дэллоуэй» это один день и Лондон, в романе «На маяк» - три дня, разделенные между собой значительными промежутками времени, и один дом. Такая двойная пространственно-временная организация текста у Вульф подразумевает бинарную оппозицию хронотопов, которая проявляется в двойной реальности романов, заключающей в себе, помимо внешних событий, события, упоминающиеся в хаотических потоках сознания героев. Хронотопы у Вульф равноправны, так как в определенном ничего важного не происходит и герои не совершают серьезных поступков, и в неопределенном представлены лишь неясные противоречивые обрывки мыслей, в которых также не принимаются никакие важные решения, а если и принимаются, то все равно не осуществляются. Иными словами, невозможно выяснить, какой хронотоп важнее в романах Вульф – внешний определенный или внутренний неопределенный. Их бинарную оппозицию А.Б. Есин представил как «своего рода «игру» со временем и пространством, смысл которой, по видимому, состоит в том, чтобы, сопоставляя разные времена и пространства, выявить как характерные свойства, так и общие, универсальные законы бытия, осмыслить мир в его единстве» [3, с. 53, 58].

Таким образом, пространственно-временная организация текста романов Вульф построена в виде бинарной оппозиции, в которой неопределенный, фрагментированный хронотоп субъективных потоков сознания героев равноправно противопоставлен в диалогической «игре» определенному хронотопу внешней действительности.

Бинарные оппозиции характерны также для системы персонажей романов «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» ввиду двуплановости образов. В романе «Миссис Дэллоуэй» двуплановость образа главной героини проявляется в том, что она предстает в двух ипостасях. *Внешне*, в объективном плане, на фоне июньского дня 1923 года, то есть в условиях определенного хронотопа, Кларисса Дэллоуэй являет собой «прелестную женщину, похожую на птичку, на сойку, сине-зеленую, легонькую, живую, хоть ей уже за 50, и после болезни она почти совсем поседела» [2, с. 25]. Субъективный, *внутренний* план образа Клариссы проявляется в ее потоках сознания с характерным для них неопределенным хронотопом. И тогда героиня кажется сомневающейся, противоречивой, потому что «чувствует себя бесконечно юной и невыразимо древней» [2, с. 29]. Она до конца не понимает, что чувствует, сожаление или равнодушие, по отношению к тому, что не вышла замуж за Питера Уолша в молодости.

Тогда она не сделала этого из-за его слишком придирчивого характера, но теперь иногда думает, что бы сказал Питер, если бы был рядом. В душе она также самокритична, когда думает, что «ей не хватало не красоты и не ума, а глубинного тепла, что пробивается на поверхность и рябит гладь холодных встреч мужчины и женщины. Или женщин между собою» [2, с. 46]. Она явно мнительна, когда расстраивается по поводу того, что «Милисент Брун, славившаяся своими увлекательными ленчами, ее не пригласила» [2, с. 45] и теперь она сомневается в своей авторитетности.

В романе «На маяк» двуплановость образа главной героини, миссис Рэмзи, проявляется следующим образом: во *внешнем* плане, она – верная и добрая жена, заботливая мать, хозяйка дома, в котором ей предначертано сохранять мир и спокойствие, особенно в условиях непростых отношений с эгоистичным мужем и с детьми с их непредсказуемыми реакциями. *Внутренний* план представляет миссис Рэмзи чувствительной и легко ранимой, страдающей от несправедливого отношения мужа, но чтившей его несмотря на то, что он был «узкий, как нож, острый, как лезвие, и саркастически усмехался, не только довольный тем, что огорчил сына и выставил в глупом свете жену, которая в сто тысяч его во всех отношениях лучше (думал Джеймс), но и тайно гордясь непогрешимостью своих умозаключений» [2, с. 169 - 170].

Двуплановым является и образ мистера Рэмзи. С первых страниц романа *внешне* он предстает эгоистичным отцом, не желавшим совершить долгожданную поездку и доставить радость детям, и черствым мужем, унижавшим жену. Только после смерти миссис Рэмзи, когда единение членов семьи становится сомнительным, в нем проявляется другой мистер Рэмзи, который *внутренне* осознал, «что на маяк его влечет неспроста» [2, с. 273]. Он организовал поездку на маяк, хотя дети уже не были в прежнем восторге, он и тут проявил свой характер, «он взял их [детей] с собой насильно. Принудил» [2, с. 281]. Так мистер Рэмзи пытался искупить, в некоторой степени, свою вину перед женой за несбывшуюся мечту, за то, что когда-то давно он так же «без единого слова прошел мимо, хоть ему было грустно, что она сейчас так далеко, не добрать, и нельзя ей помочь ... Ведь он хотел, она знала, ее защитить» [2, с. 213].

Таким образом, бинарные оппозиции отмечаются в двуплановости образов героев романов Вульф, так как в них внешняя, «видимая» сторона – уверенность в себе Клариссы Дэллоуэй, спокойствие миссис Рэмзи, эгоизм мистера Рэмзи, контрастно противопоставлена их внутренней, скрытой стороне – мнительность Клариссы, обидчивость миссис Рэмзи и любовь мистера Рэмзи.

Бинарные оппозиции в романах Вульф очевидны не только на уровне их интонационной, композиционной, хронологической и образной организации, но и на универсальном идейном уровне, на котором противопоставляются две равноправные идеи – идея *разобщенности* людей и идея их *общности*. Именно эта проблема поставлена в романах Вирджинии Вульф, в которых идея разобщенности выражена в субъективных потоках сознания героев, а идея общности выражена *имплицитно* объективным значением объединяющих символов. Символы романов Вульф названы «объединяющими», так как всегда выражают то общее, что объективно роднит героев, несмотря на их различия. Эти идеи равноправны, так как каждая из них обладает как положительными, так и отрицательными чертами: разобщенность людей

может свидетельствовать как о независимости и самостоятельности личности, так и о ее эгоизме и одиночестве; общность людей – как о их коллективизме и взаимопонимании, так и о конформизме и тоталитаризме.

В романе «Миссис Дэллоуэй» символических образов несколько. Их объединяющее значение выражается тем, что они одновременно привлекают внимание Клариссы и всех людей, находящихся на улицах Лондона. Это автомобиль с короной и аэроплан в небе, за продвижением которых следят многие, в едином порыве повернув головы, забыв на миг о своих делах и воссоединившись на пути в общей цели, это и звон курантов Биг Бена, заставляющий всех обратить внимание на время. Так проявляется общность человеческих чувств и устремлений вопреки всевозможным разногласиям и раздорам. В романе «На маяк», помимо маяка как символа всеобщего стремления к счастью и свету, сама героиня, миссис Рэмзи, является символическим образом, объединяющим всех героев, так как она олицетворяет собой Женщину во всех ипостасях – мать большого семейства, жену крупного ученого и хозяйку дома, полного гостей, «чей талант – выделять элементы вещей и соединять их, создавать единое» [2, с. 302]. Заметнее всего ее значение для семьи становится после ее смерти, когда дом пуст и «ничто, казалось, не выживет ... замерло все» [2, с. 256]. Этот символический образ выражает всеобщее желание обрести и сохранить семейное счастье и домашнее тепло.

Между тем, герои совершенно не задумываются над проблемой, обсуждаемой в романах, и сконцентрированы только на своих собственных мелких заботах. Именно так Вульф выражает идею разобщенности людей, именно для этого писательница избрала поток сознания как форму воплощения субъективности мнений героев. Например, Кларисса Дэллоуэй думает только о светском приеме, о цветах, которые она должна купить, вспоминает о многих эпизодах своей жизни и о людях окружавших ее. Ее муж, член парламента, думает только о политике и собственном авторитете. Септимус Смит живет воспоминаниями о своем суровом военном прошлом, а его жена Реция делает шляпки и мечтает о ребенке от любимого мужа. В семье Рэмзи мать отдает все силы ради сохранения тепла и уюта в доме, мечтает, как и маленький Джеймс, совершить поездку на остров Скай, а мистер Рэмзи грубо опровергает всякую возможность это осуществить и вообще при детях унижает жену. Художница Лили Бриско, в свою очередь, думает лишь о своей будущей картине.

Таким образом, идейное содержание романов Вульф представлено в бинарной оппозиции идей на уровне универсального обобщения. Идея разобщенности людей выражена в субъективных потоках сознания героев, а идея общности имплицитно присутствует в иносказательном значении символических образов. Это противопоставление равноправно, так как каждая из идей имеет как положительные аспекты, так и отрицательные. И данный идейный конфликт не решается, создавая прагматический эффект, который вынуждает читателя размышлять над поставленной проблемой: чего у людей больше – того, что их объединяет, или того, что разъединяет.

Выводы. Романы Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» отличаются большой структурной сложностью, так как на нескольких уровнях этих произведений просматриваются бинарные оппозиции. Оппозиции представлены на интонационном и композиционном уровнях, на уровне хронотопической и образной ор-

ганизации, а также на универсальном идейном уровне. Наличие бинарных оппозиций на разных структурных уровнях свидетельствует о том, что все они служат формированию диалогизма в соответствии с тезисом М.М. Бахтина о том, что в диалогических романах «между всеми элементами романной структуры существуют диалогические отношения, то есть они контрапунктически противопоставлены» [1, с. 56].

Перспективы исследования. Исследование бинарных структур романов Вульф позволяет выявить всю сложность их поэтики и усовершенствовать интерпретацию их идейного содержания, а также определить художественное своеобразие иных диалогических романов.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Советский писатель, 1963. – 364 с.
2. Вульф, Вирджиния. Избранное [Текст] / Вирджиния Вульф. – М. : Художественная литература, 1989. – 558 с.
3. Есин, А. Б. Время и пространство [Текст] / А. Б. Есин // Чернец, Л. В. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины [Текст] / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман : Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа ; Издательский центр «Академия», 2000. – С. 51–60.
4. Жлуктенко, Н. Ю. Английский психологический роман XX века [Текст] / Н. Ю. Жлуктенко. – К. : Вища школа, 1988. – 160 с.
5. Кравцова, М. А. Музыкальные вариации в романах Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» [Текст] / М. А. Кравцова // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2010. – № 40. – С. 246-253.
6. Кравцова, М. А. Функция музыкальных форм в романах Вирджинии Вульф [Текст] / М. А. Кравцова // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 156. – С. 127-129. – ISSN 1562-0808
7. Кравцова, М. А. Функция хронотопа в романах Вирджинии Вульф [Текст] / М. А. Кравцова // Вестник СевНТУ. Вып. 102 : Филология : сб. науч. тр. / Редкол. : А.С. Козлов (отв. ред.) и др. ; Севастоп. нац. техн. ун-т. – Севастополь : Изд-во СевНТУ, 2010. – 196 с. : ил.
8. Лотман, Ю. М. Об искусстве [Текст] / Ю. М. Жлуктенко. – Санкт-Петербург : Искусство. – СПб, 1998. – 704 с., ил. – ISBN 5-210-01523-8.
9. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
10. Силин, В. В. Моральная неопределенность персонажа и структурная незавершенность сюжета [Текст] / В. В. Силин // Культура народов Причерноморья. – Симферополь. – № 39. – 2003. – С. 214–219.
11. Bloom, Harold. Clarissa Dalloway [Text] / Harold Bloom. – NY : Chelsea House, 1990. – 207 p.
12. Haring-Smith, Tori. Private and Public Consciousness in *Mrs. Dalloway* and *To The Lighthouse* [Text] / Tori Haring-Smith // Ginsberg, Elaine K. Virginia Woolf: Centennial Essays [Text] / Elaine K. Ginsberg, Laura Moss Gottlieb. – Troy, NY : Whitston Publishing, 1983. – P. 143–160.
13. Marcus, Jane. New Feminist Essays on Virginia Woolf [Text] / Jane Marcus. – Lincoln, NE : University of Nebraska Press, 1981. – 272 p.
14. Maze, John R. Virginia Woolf: Feminism, Creativity, and the Unconscious [Text] / John R. Maze. – Westport, Connecticut – London : Greenwood Press, 1997. – 220 p.
15. Williams, Lisa. The Artist as Outsider in the Novels of Toni Morrison and Virginia Woolf [Text] / Lisa Williams. – Westport, CT : Greenwood Press, 2000. – 198 p.

Кравцова М. А. Бінарні опозиції в романах Вірджинії Вульф / М. А. Кравцова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 286-293.

У статті зтверджується, що бінарні опозиції, представлені у романах Вірджинії Вульф «Місіс Деллоуей» та «На маяк», на інтонаційному та композиційному рівнях, на рівні хронотопічної та образної організації, а також на універсальному ідейному рівні служать формуванню діалогізму творів.

Ключові слова: Бінарна опозиція, діалогізм, рівноправність, невирішеність.

Kravcova M. A. Binary oppositions in novels of Virginia Woolf / M. A. Kravcova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 286-293.

It is stated in the article that binary oppositions found in Virginia Woolf's novels "Mrs. Dalloway" and "To The Lighthouse" on the intonational and compositional levels, on the level of chronotopical and image organization, and also on the universal ideological level, serve the formation of dialogism of the novels.

Key-words: Binary opposition, dialogism, equality, pendency.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 82

АДАПТАЦИЯ ЕВРЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В АМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Калужина О. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: kaluzhina-olga@list.ru*

В статье рассматривается проблема адаптации еврейских писателей в американском литературном процессе, описываются три этапа становления еврейских писателей, называются основные темы их творчества. Отдельно рассматривается тематика творчества Ф.Рота, его желание бунтовать против общественных устоев.

Ключевые слова: идентичность, литературный процесс, еврейский, национальный

Постановка проблемы. В статье рассматривается проблема адаптации еврейских писателей в американском литературном процессе, описываются три этапа становления еврейских писателей, называются основные темы их творчества.

Проблема национальной идентичности – одна из наиболее часто дискутирующихся проблем в исследованиях современной американской прозы. А вопрос о «еврейской идентичности» («Jewish Identity») поднимается практически в каждой работе о писателях-евреях, в том числе и о творчестве Ф. Рота.

Если коснуться общегуманитарных оснований для исследования национальной культурной идентичности, то следует рассмотреть несколько ключевых аспектов.

«Современная теория культуры, отвечая на вызовы глобализации, в число основных проблем современности выводит вопрос о соотношении общечеловеческого и национального в культуре, - пишет исследовательница Т.И. Суслова. - Процессы интеграции, культурного влияния и проникновения элементов одной культуры в другую осуществляется при созревании культурно-цивилизационных особенностей или культурно-исторических типов внутри себя. Формирование самостоятельных культурных целостностей, таким образом, является необходимым условием интеграционных процессов в культуре»[1].

Таким образом, изучение локальных традиций, например, иудаизма или, шире, еврейской американской литературы (еврейской австрийской, еврейской российской литературы и др.) неизбежно влечет за собой рассмотрение как исторического фона, так и универсальных тенденций современной мировой культуры. Соотнесение принципа локальности и универсальности чрезвычайно важно для исследования проблем адаптации еврейских писателей в мультикультурную американскую среду.

Мировые достижения отдельных культур, несомненно, интересны миру именно как конкретно-национальные явления, отличающиеся собственной уникальностью, подлинной идентичностью. Итогом глобализации, как признают сегодня ученые различных направлений и дисциплин, должна стать некая глобальная культура, глобальное общество.

В современном мире можно говорить об уже сложившихся глобальных элементах культуры – это мода, образование, туризм, масс-медиа, интернет. На этом фоне

формирующихся глобальных культур существование национальных традиций в литературе позволяет осмыслить те локальные традиции, которые интегрируются в глобальное пространство, а также критически пересмотреть ряд идей глобализации, обезличивающей индивида, лишаящей его этнической и религиозной идентичности или, по крайней мере, делающей их нерелевантными в новой системе ценностей.

Нельзя не отметить существенного смещения исторических акцентов в современной американской еврейской литературе в сравнении с первым и вторым поколением писателей евреев (рубеж XIX-XX вв. и первая половина XX в.). Так, американский критик И. Хоу уже в 1970-х гг. писал о закате еврейской американской литературы в связи с истощением духовно-содержательного ее ресурса, то есть специфического пласта тем, рожденных первой и второй волной иммиграции в США.

В американском литературоведении появилось даже понятие «доктрина Хоу». Начало ей было положено во введении в его антологию 1977 года еврейских американских рассказов. По его мнению, еврейское мироощущение в США сохранилось лишь в книгах прошлого и в переживаниях отдельных представителей этой культуры, однако «звездный час» еврейской американской беллетристики миновал, ибо тематика ее больше не базируется в конкретно-исторической действительности [2].

Однако, по мнению Д.П. Ройяла, этот литературный прогноз нельзя назвать исторически прозорливым. И. Хоу словно одновременно оплакивает смерть еврейской беллетристики в США и празднует ее торжество, ибо само содержание антологии подтверждает непреходящую связь поколений еврейских американских писателей. Это одновременно музей, «кладбище искусства» и подтверждение жизненности традиции.

Еще более строгий приговор современной еврейской прозе в США выносит в конце 1980-х Л. Фидлер примерно десять лет спустя, возвещая о смерти еврейско-американского романа, его принадлежности прошлому, а не настоящему американской литературы: «The Jewish-American novel is over and done with, a part of history rather than a living literature» [3].

И, тем не менее, активно развивающиеся Jewish Studies свидетельствуют о противном.

Существующий специальный выпуск «Shofar» является лишь одним из многих в этом продолжающемся признании жизнеспособности еврейско-американской литературы. На множестве примеров и на различном материале авторы этого гуманитарного альманаха подтверждают актуальность еврейско-американского пласта современной литературы.

Они обнаруживают в таких авторах, таких как Аллегра Гудмен, Майкл Чэбон, Ребекка Голдстейн, Перл Абрахам, Джонатан Розен, Нейтан Энглендр, Мельвин Жюль Букит, Рейх Тovy, Джонатан Сэфрэн Фоер яркий аргумент против «посмертных» диагнозов, принадлежащих И. Хоу, Л. Фидлер и др. Как иронизирует Д.П. Ройял, слухи о смерти еврейской американской беллетристики сильно преувеличены («The fact that reports of the death of Jewish American fiction are greatly exaggerated») [4].

Говоря об адаптации еврейских писателей (С. Беллоу, Ф. Рота, Б. Маламуда) в литературном процессе второй половины XX века, О. Гудхерт пишет и о специфичности исторического момента – а именно о послевоенной ситуации в США, и о военной тематике еврейской американской прозы 1950-1960-х гг.: «Один из самых экстраординарных фактов нашей демократии – то, что вооруженные силы могут

быть в социальном смысле наиболее демократическим институтом. Это место, где мужчины и женщины различных религиозных, расовых и этнических основ смешиваются в условиях равенства, иногда под огнем, несмотря на иерархическую структуру вооруженных сил. Кроме того, Вторая мировая война была войной против самого пагубного расизма и антисемитизма в истории. Во время послевоенного периода Америка стала все более и более гостеприимной, хотя не без сопротивления требованиям его национальных меньшинств к полной культурной, социальной и политической адаптации, предоставления избирательных прав. Война служила своеобразным обрядом перехода («passage») для евреев, так же как для других этнических групп. Беллоу был пионером в литературе; Бернард Маламуд, Филип Рот и другие скоро последовали за ним» [5].

Если проанализировать американскую еврейскую литературу 1960-х, то, по мнению О. Гудхерта, ее «прорыв» можно истолковать не как феномен «еврей догнал Америку», а, напротив, как явление «Америка, в конце концов, догнала еврея».

Поиск идентичности героем этой части американской словесности оказался в определенном смысле поиском социальной, духовной идентичности самой Америкой. Маламуд, например, словно демонстрирует, что все мужчины – в иносказательном смысле «евреи». А рассказчик в романе Уокера Перси «Кинозритель» («The Moviegoer») декларирует свою «еврейскость» инстинктивно, толкует тему «исхода» как всеобще-американскую.

Однако, продолжает рассуждать О. Гудхерт, нельзя сказать, что «американская литература наконец догнала еврейского автора», не игнорируя при этом творческие и исторические факты. Ведь еврейский писатель должен был учиться говорить на английском языке, и говорить мастерски. Он также должен был преодолеть свою иммигрантскую незащищенность, страх перед новой страной. Еврейская литература США начала XX века отличается нарочитой сентиментальностью, жалостью к себе, а также отсутствием острого взгляда на жизнь за пределами «гетто» - и именно это препятствовало адаптации еврейских авторов, выходу их в «большой мир американской литературы» [6].

Мы разделяем точку зрения О. Гудхерта, считающего, что еврейские темы первого и второго поколения иммигрантов – страх, жалоба, замкнутость диаспоры, религиозная ортодоксальность и сложности с конфессиональной адаптацией – уже менее слабо звучат у третьего поколения писателей-евреев: С. Беллоу, Б. Маламуда, Д. Шварца, А. Кэзина.

Мемуары А. Кэзина «A Walker in the City» еще укоренены в традиционном еврейском мире, но, в отличие от еврейских авторов начала XX столетия, он рожден американцами, он носитель английской речи по рождению, а потому его кругозор гораздо шире границ Браунсвиллского дома его родителей, он вливается в космополитическую Америку Манхэттена. Кэзин и его современники замыкают поколение мигрантов-родителей, вступая в господствующую тенденцию американской жизни. И все же и Беллоу, и Кэзин сохраняют внутреннюю, интимную «еврейскость» своего детства («the Yiddishkeit of their childhood») [7].

Действительно, как свидетельствуют тексты перечисленных писателей, избыть, зачеркнуть, преодолеть *полностью* свои национальные корни, не удастся никому из

авторов. И если А. Кэзин и намеревался в своих мемуарах продемонстрировать выход за пределы родного традиционного круга, словно бы пространственно преодолевая территорию родительского дома, а во временном аспекте – устремляясь в будущее, то в итоге исповедальный жанр привел его к осмыслению прошлого, а в сущности, погрузил рассказчика в его переживание и частичное слияние с ним. Однако прошлое уже маркируется для автора такими оттенками чувства, как страх, трепет, нежность, отчаяние, свидетельствуя о потаенной драме разрыва с прошлым, а следовательно – национальной идентичностью.

Самоощущение писателя С. Беллоу и его отдельных героев колеблется между памятью, еврейскостью, усвоенной с молоком матери, и заботой о его *американской* идентичности. В его романах, таких как «Augie March», «Henderson the Rain King», «Herzog» характерным типом героя является саморефлективный, самоироничный герой-жертва, который снова и снова возвращается к осмыслению своего интимно-личного прошлого.

Мотив бремени прошлого звучит и в рассказе С. Беллоу «Something to Remember Me By». А в его романе «Ravelstein» рассказчик Чик (сокращенное от «boychick») довольно прозрачно эксплицирует автобиографические настроения самого писателя:

«Well, I had a Jewish life to lead in the American language, and that's not a language that's helpful with dark thoughts» [8]. По свидетельствам биографов С. Беллоу, идиш на протяжении всей жизни сохранял для него статус языка детства, крови, рода, языка комфорта, в старости он все чаще и чаще прибегал к нему в разговоре с друзьями-евреями.

Таким образом, в еврейской американской литературе XX столетия особенно остро обозначились две проблемы – это сохранение родной национальной идентичности и обретение американской идентичности.

К 1960-1990 гг. становится очевидной успешная ассимиляция писателей евреев в мультикультурный социум Америки. Постепенная утрата связи с еврейскими корнями – религиозно-конфессиональными, традиционно-бытовыми, ментальными – с одной стороны, принесла писателям-евреям ряд карьерных, профессиональных преимуществ, а также преимуществ более универсального осмысления места человека в мире, не ограниченного рамками канонов прошлого.

Хорошо это или плохо, но процессы глобализации, инициированные именно культурой и политикой США, особенно отчетливо сказались на творчестве авторов, принадлежащих к национальным и конфессиональным меньшинствам в социо-политической структуре американской нации.

Существует определенная аналогия между постепенно ассимилирующимися авторами-евреями второй половины XX столетия и американскими авторами-южанами – У. Фолкнером («Шум и ярость» и другие романы), Ф. О'Коннором, У. Стайроном, остро переживавшими и отобразившими в своем творчестве трагический разрыв с традицией.

Серьезным шагом вперед стало обретение авторами-евреями определенной внутренней свободы от собственного еврейства, а именно способность открыто говорить о проблемах своего этноса, занимая более дистанцированную позицию, чем автор первого и второго поколения иммиграции в США.

Когда известный еврейский общественный деятель, активистка движения исторического осмысления трагедии Холокоста Ханна Арендт подчеркивала маргинальность образа еврея в западной культуре, она подводила под это не только национально-историческую судьбу еврейской культуры, но и философскую основу.

Еврей как пария – это своего рода *Посторонний, Чужой, Другой* [9] Исторически он посторонний и по отношению к миру язычников, и по отношению к христианству, но он может также стать посторонним внутри собственного социального и этнического микромира. Типичный пример такого отчуждения среди своих – биография и история героев («альтер эго» автора) Ф. Кафки.

Тема маргинального героя, чужого, постороннего, столь ярко разработанная в литературе австрийского модернизма авторами-евреями, нередко – эмигрантами (Ф. Кафка, Э. Канетти, М. Брод, Ф. Верфель, Й. Рот, П. Целан и др.), на наш взгляд, типологически максимально близка художественному миру исследуемого нами творчества Ф. Рота.

Остановимся подробнее на вопросе адаптации писателя и героя-еврея в американском мультикультурном пространстве, а философски шире – в социуме мире как таковом.

Типологическая близость художественному мироощущению Ф. Кафки Ф. Рот ощущал с самого начала своей писательской карьеры. Особенно импонирует ему образ героя-маргинала, отверженного парии.

Свою отстраненную, ироническую позицию Чужого он выразил уже в ранней повести «До свидания, Колумбус», где традиционно-еврейская семейная жизнь предстала в сатирическом свете. Сатирико-ироническое начало звучит и в романе «Случай портного», где самозванные представители гласа еврейского народа берутся обличать героя как предателя исконно-национальных основ.

Эта отчужденная позиция не всеми соплеменниками писателя была принята с одинаковым пониманием. Воображение Ф. Рота может быть рассмотрено как воплощение свободы художника идти дальше, чем это позволяют религиозные и прочие каноны. «Sabbath Theatre» Ф. Рота – роман, написанный под влиянием французского писателя-антисемита Л.-Ф. Селина, – пожалуй, наиболее яркий тому пример.

Ф. Рот занял продвинутую социальную, идеологическую и философскую позицию, дерзнув критически взглянуть на собственное этническое сообщество. И его свобода мысли – в некотором смысле и есть успешная американизация в третьем поколении. Ибо что это, как не провозглашенное в США право на свободу слова и мысли?

Право евреев или афроамериканцев шутить о своей культуре, критиковать ее публично есть высшая форма свободы и одновременно заботы о будущем и настоящем своего этноса. Такую парадоксальную, а отнюдь не ортодоксальную позицию и занимает Ф. Рот наряду с писателями Б. Маламудом и С. Беллоу.

Несмотря на то, что творчество Ф. Рота часто ставят в один ряд с писателями-евреями третьего поколения, он имеет явные специфические черты в своей литературной культуре, рознящей его со старшими современниками (Ф. Рот на 18 лет младше С. Беллоу, например). Так, в он рожден родителями-американцами, достаточно адаптированными в социуме США. Следствием этого является то, что Рот не владел идишем столь же органично, как владели им Беллоу, Кэзин, Айзек Розенфельд, Д. Шварц, Озик, Маламуд.

Пожалуй, главный мотив творчества Ф. Рота – это бунт, причем бунт, возвращенный в относительно консервативной (иудаистской) атмосфере. Такая закономерность весьма типична для многих писателей XX столетия, детство и юность которых сформировались в ортодоксальной семейной или образовательной среде, а творчество тем не менее свидетельствует о самых радикальных формах дестабилизации, десакрализации всего и вся [10].

Ф. Рот реализует свой бунт в самых различных вариантах. Это и ироническая профанация эротической темы, призванной косвенно свидетельствовать о прорыве личности сквозь границы суперэго (в фрейдистском понимании), как, например в романе «Случай портного».

Ф. Рот словно пытается преодолеть власть национальной идентичности, вывести своего героя в пространство, где он становится подлинно свободным – однако каждая из таких попыток оказывается более или менее карикатурной, гротескной, а то и трагической, что лишь подчеркивает прочность архетипических связей с еврейским прошлым.

В романах «Counterlife» и «Operation Shylock» писатель драматизирует противоречивые требования атеизма и религиозной ортодоксальности, жизни в диаспоре и жизни в Израиле, вступающие, в свою очередь, в парадоксальное противостояние со свободой художника, романиста, который должен сохранять отстраненную, созерцательно-созидательную духовную позицию.

Итак, творчество американских евреев последних двух-трех десятилетий характеризуются беспрецедентным разнообразием интонаций, мотивов, тем. Вступившая в силу постмодернистская техника письма, придающая многим произведениям фрагментарную, дисконтинуальную структуру, как нельзя лучше соответствует сложной тематике мозаичных поисков личной и национальной идентичности современным героем-евреем, а в частности – героем, являющимся писателем, то есть в сущности онтологическим двойником автора-еврея.

Наиболее значительная часть этой прозы была посвящена проблемам ассимиляции, как обозначает его критик Сильвия Б. Фишман, «поочередно болезненным и веселым процессом ассимиляции» [11].

Особенной силы и выразительности в репрезентации этого процесса достигли авторы так называемой «большой тройки» – Сол Беллоу, Бернард Маламуд, Филип Рот. В творчестве Рота своеобразие «нас» (евреев) и «их» (христиан, которым принадлежала Америка), то противопоставлялись, то вступали в сложные психологические игры, но в итоге, тем не менее, могли быть легко противопоставлены, так как каждая идентичность занимала свое строгое место в картине мира американца.

Выводы и перспектива. По замечанию С.Б. Фишман, главная специфическая черта прозы современного поколения евреев-писателей – это одновременное присутствие в двух мирах, исконно-еврейском и собственно американском, то есть, иными словами, почти состоявшаяся ассимиляция.

Это явление, на наш взгляд, во многом спровоцировано, усилено всеобщим процессом глобализации, который нивелирует человека национального в человека экономического, радикально меняя сам способ мироощущения человека в постмодерном мире потребления, всеобщем «обществе рынка-спектакля» (Э. Ги Дебор).

Но именно на этом все более нивелирующем фоне, где историческая ситуация сегодняшнего мира предстает уже не как мультикультурная, полифоническая, как это было в мире модерна, а как монокультурная – а именно экономическая *par excellence* – сохраняют свою актуальность поиски еврейскими писателями США своих истоков, попытки соотнести вопросы традиции и свободы, прошлого и будущего, этнического, национального и глобального.

Список литературы

1. Суслова Т.И. Общечеловеческое и национальное в культуре, вызов глобализации // Общечеловеческое и национальное в философии. Кантовские чтения в КРСУ. – Бишкек, 2004. – С. 177.
2. Royal D.P. Unfinalized Moments in Jewish American Narrative // *Shofar: An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies* 22.3 (2004). – P. 1-11.
3. Цит. по: Royal D.P. Unfinalized Moments in Jewish American Narrative // *Shofar: An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies* 22.3 (2004). – P. 2.
4. Там же. – P. 3.
5. E. Goodheart. The Jewish Writer in America // *Sewanee Review*. No. 116.1. 2007. – P. 93-107. – P. 93.
6. Там же. – P. 94.
7. Там же. – P. 95.
8. Цит. по: E. Goodheart. The Jewish Writer in America // *Sewanee Review*. No. 116.1. 2007. – P. 93-107. – P. 96.
9. Эту тему в творчестве Б. Маламуда исследует, в частности, И.А. Бельцер.
10. См. в этой связи интересные наблюдения У. Эко над католическими корнями бунтарства Дж. Джойса в кн.: У. Эко. Поэтики Джойса. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 496 с.
11. Fishman S.B. Reading and Analyzing the New Jewish Writing // *The Way Into Varieties of Jewishness*/ Jewish Lights Publishing, 2006.

Калужина О. В. Адаптація єврейських письменників у американському літературному процесі / О. В. Калужина // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 294-300.

В цій статті розглядається проблема адаптації єврейських письменників у американському літературному процесі, названі три основні етапи становлення єврейських письменників, описані найважливіші теми їх творчості. Окремо розглядається тематика творчості Ф.Рота, його бажання бунтувати проти соціальних устоїв.

Ключові слова: ідентичність, літературний процес, єврейській, національний

Kalujina O. V. Adaptation of jewish writers is in american literary process / O. V. Kalujina // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University*. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 294-300.

This article deals with the problem of adaptation of Jewish writers in American literary process, three main stages of their view formation are described, the most important subjects of their works are enumerated. Apart from that, the main ideas of Ph. Roth's novels are considered.

Key words: identity, literary process, Jewish, national

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.

УДК 821.111(73)

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА И СОЦИУМА В УНИВЕРСИТЕТСКОМ РОМАНЕ ТОМА ВУЛФА «Я – ШАРЛОТТА СИММОНС»

Сердюк Е. Н.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: vol6662007@rambler.ru

Попав в число интеллектуальных хитов последних десятилетий, университетская проза стала одним из ярчайших литературных явлений рубежа XX-XXI веков, где доминируют бытоописательная сторона, постановка и обсуждение насущных нравственных и социальных проблем. В статье рассматривается проблематика университетского романа Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс».

Ключевые слова: университетский роман, академическая среда, человек и социум.

Постановка проблемы. «Университетский роман» является жанровой разновидностью современной литературы, где в последнее время наблюдается настоящий ренессанс реалистического романа – бытоописательного, социально-критического, психологического.

Само явление университетской прозы связывается прежде всего с англо-американским культурным пространством. Это объясняется особым значением высшей школы для общественной жизни этих стран, где университет играет одну из центральных ролей не только в экономике, но и в стратификационной системе современного общества, отождествляется с цитаделью культурных и нравственных ценностей, с фундаментом гражданского воспитания [1, 57].

Литературный критик Вильям Дересевич утверждает следующее: университетская жизнь перестала быть чем-то профессионально замкнутым, но переместилась в центр общественного внимания – вот главное, что определяет особенности университетской прозы на современном этапе [2]. Это объясняет обращение многих серьезных авторов к университетской прозе, а также появление новых произведений этого жанра, наполненных одновременно социальной злободневностью и осмыслением глубоких общечеловеческих проблем.

Среди британских писателей, отдавших дань университетскому роману, следует отметить Дэвида Лоджа с его «Тесным миром» (*Small World*, 1984) и «Хорошей работой» (*Nice Work*, 1988), Кингсли Эмиса, написавшего «Счастливчика Джима» (*Lucky Jim*, 1954), Хоуэрда Джекобсона, начавшего свою писательскую карьеру с университетского романа «Пришедший из прошлого» (*Coming from Behind*, 1983). Интересен тот факт, что Д. Лодж остается, пожалуй, единственным среди писателей, кто сохраняет верность университетскому роману в начале XXI века, поскольку в Великобритании последних десятилетий интересующий нас жанр, по мнению многих литературных критиков, скудеет [3].

В США дело обстоит иначе: жанр университетского романа все более набирает вес и популярность. Об академической среде повествуют Дон Делилло в его «Белом

шуме» (*White Noise*, 1985), Майкл Шейбон в «Вундеркиндах» (*Wonder Boys*, 1995), Ричард Руссо в «Прямом человеке» (*Straight Man*, 1997), Франсин Проуз в «Голубом ангеле», Филип Рот в «Людском клейме», и конечно же Том Вулф в его 700-страничном романе «Я — Шарлотта Симмонс» (*I am Charlotte Simmons*, 2004).

В начале XXI века на пространстве университетского романа с новой остротой заявил о себе присутствующий еще у В. Набокова конфликт героя и среды. Напомним, что в книге данного автора под названием «Пнин» (1956) отображены основные черты университетской прозы, которые получают мощное развитие в наше время, на рубеже XX-XXI веков. Это, прежде всего, особый тип главного героя-интеллектуала, не вписывающегося в университетскую среду и чуждого ей. О том, что именно конфликт человека и среды стал важнейшим жанрообразующим признаком современного университетского романа и вдохнул в старый жанр новую жизнь, свидетельствует роман Тома Вулфа «Я — Шарлотта Симмонс».

Актуальность данной работы обусловлена направленностью современных литературных исследований на изучение университетской прозы, а также тенденцией к глубокому анализу особенностей этого жанра.

Основной **целью** предпринятого исследования является рассмотрение проблематики университетского романа Тома Вулфа «Я — Шарлотта Симмонс».

Научная новизна публикации объясняется отсутствием на сегодняшний день в отечественном литературоведении монографических и значительных критических работ по творчеству Тома Вулфа.

Том Вулф создал себе имя в середине 1960-х как основатель школы «новой журналистики» и как автор острых очерков о различных аспектах американской культуры, которые в свое время наделали немало шума. Работая на стыке журналистики и художественной прозы, Вулф исходил из того, что главными своими достижениями литература обязана мелким жизненным фактам, которые придают произведению достоверность и делают его чтение захватывающе интересным. Будущее американского романа он видел в «скрупулезном реализме, основанном на репортаже», считая, что увлеченность авангардистов поисками новых приемов чревата тем, что литература безнадежно отстанет от современности [4].

Примером подобного сочетания беллетристики и документалистики стал роман Тома Вулфа «Я — Шарлотта Симмонс». Критика весьма бурно отреагировала на новинку, правда, благожелательных откликов оказалось не так уж много. Большинство рецензентов, сдержанно похвалив сатирический талант автора, сошлись на том, что Вулф не сумел облечь «жизненный материал» в должную форму и создать психологически убедительные образы, и потому его труд — не более чем добротная журналистская работа, которая не может претендовать на художественность.

Стремясь воссоздать собирательный портрет нового поколения, Том Вулф провел наблюдателем около четырех лет в университетских кампусах Гэйнсвилла, Нью-Йорка, а также в высокогорных местностях Северной Каролины, чтобы журналистским методом погрузиться в сознание восемнадцати-двадцатилетнего молодого человека, а также понять, что творится за стенами этих храмов науки и образования.

Досконально изучив детали кампусной Америки конца 90-х и осознав, что главная угроза стране исходит не от мусульманских террористов, а от подрастаю-

щей интеллектуальной элиты, Том Вулф решил прибегнуть к «архаичному» литературному жанру и написать своего рода роман-воспитание, содержанием которого является психологическое, нравственное и социальное формирование главного героя. Размышляя об университетских романах воспитания, А.М. Люксембург заявляет, что особое место здесь занимает окружающая героев среда, влияние которой они испытывают и на которую так или иначе воздействуют. Важны также и традиции, формирующие личность героя, регулирующие его поведение в вузе и во многом позволяющие прогнозировать развитие его человеческих качеств [5].

«Я – Шарлотта Симмонс» иллюстрирует все жанровые особенности университетской прозы с ее принципом «сжатого пространства» (пространство сжато в том смысле, что все (или почти все) события происходят в пределах кампуса, университета, колледжа, факультета и т.д.), с ограниченностью времени действия рамками учебного года или семестра. А.М. Люксембург утверждает, что один учебный год является достаточно четким этапом в жизни каждого вуза. Для автора, стремящегося вывести характерные для функционирования университета закономерности, данный этап (ввиду его завершенности и замкнутости) очень привлекателен, так как позволяет проследить динамику Академии. За год учебный процесс проходит все свои фазы, за год не меняется состав профессорско-преподавательского и студенческого коллективов, в полной мере определяются взаимоотношения между ними и внутри них [5].

Итак, действие романа «Я – Шарлотта Симмонс» разворачивается в некоем вымышленном учебном заведении Дьюпонт (в городе Честер, штат Пенсильвания) для отпрысков богатых и знаменитых семей. В этот элитный университет попадает провинциалка из горной части Южной Каролины Шарлотта Симмонс, которая благодаря способностям и отменному трудолюбию получает возможность учиться бесплатно.

Для того чтобы найти нужный тон разговора о нравах студенческой среды начала XXI века, Вулф прибегает к известному еще с эпохи Просвещения приему «наивного наблюдателя», которым в данном случае является цельная, жаждущая духовной, а не плотской близости Шарлотта Симмонс.

Дьюпонтский кампус — настоящий вертеп, элитой которого считаются не интеллектуалы, наделенные даром критической мысли (автор называет их «ботаниками», «мутантами миллениума»), а атлеты с накачанными мышцами. Несмотря на элитный статус Дьюпонтского университета, его студенты обременены лишь мыслями о сексе, алкоголе и социальном статусе. Интересы и желания студентов сфокусированы на приобретении материального богатства, физического удовольствия и высокого положения в обществе, а само обучение в университете важно лишь потому, что помогает достичь этих целей. В прямом смысле спустившись с гор на землю и оказавшись в незнакомой атмосфере университетского содома, Шарлотта поставлена перед простым выбором: соответствовать или нет.

Изображение кампусной действительности в романе «Я – Шарлотта Симмонс» сопровождается гиперболизированной демонстрацией социального расслоения. Через весь роман Том Вулф навязчиво проводит параллель между средневековым городом-монастырем и Дьюпонтским университетом начала XXI века. Архитектурная псевдоготика кампуса («...the walls of the Gothic buildings ... were built to withstand

any threat ... O trefoil tracery! O ye buildings such as will never be built again! O ye fortress of language...» [6, 394]) иронически оттеняет главное сходство – кастовость общества и иерархичные, зависящие исключительно от количества тестостерона у самцов, отношения внутри каст.

«In the early Middle Ages ... there were only three classes of men in the world: warriors, clergy, and slaves» [6, 107]. Таким образом, повествуя об устройстве университетской жизни, Том Вулф, устами одного из главных героев, Хойта Торпа, формулирует свою теорию: подобно тому, как в средневековье наблюдалось социальное расслоение на воинов, духовенство и рабов, обитатели современного кампуса делятся на членов братства, спортсменов и молодых интеллектуалов. Каждая из этих общественных групп значительно изолирована от остальных, однако их объединяет невозмутимая уверенность в том, что только их представители олицетворяют славу и популярность Дьюпонта и заслуживают уважения всего студенческого сообщества.

Одной из ключевых тем романа «Я – Шарлотта Симмонс» является проблема социально-классового неравенства. Это становится заметно уже с первых страниц произведения, а именно с того момента, как главная героиня впервые встречается со своей богатой, злобной и стервозной по натуре соседкой по комнате Беверли. Шарлотту поражает то количество чемоданов с вещами, коробок с электрическими приборами, с которыми приехала девушка. Семья Беверли, только что сошедшая с трапа частного самолета, предлагает родителям Шарлотты отметить встречу в дорогом ресторане. Однако осозная, что затея подобного рода может вылиться в копеечку, отец Шарлотты, мужчина с мозолистыми от работы руками, настаивает на недорогом кафе.

В ходе прочтения романа станет известно, что практически все соседи Шарлотты по общежитию и аудитории являются представителями «золотой молодежи», утопающей в роскоши. Иллюстрируя социальные противоречия, Том Вулф развивает свою излюбленную тему о крайней важности социального статуса для любого американцев.

Если на первых страницах романа мы сталкиваемся только с социальным унижением главной героини, то дальше дела обстоят намного хуже. Шарлотта – героиня романтическая. Не удивительно, что в борьбу за ее сердце включаются сразу три «принца», каждый из которых олицетворяет определенный социальный типаж: обедневший аристократ Хойт Торп (юноша из еврейской семьи, сумевшей сколотить, а затем потерять огромное состояние, но воспитавшей единственного отпрыска в духе американской мечты), твердолобый спортсмен Джордж Йохансен (образец здорового, не отягощенного интеллектуальной жизнью спортсмена-красавца, легенды университетской команды и стопроцентного американца) и независимый интеллектуал Эдам Геллин (тоже выходец из еврейской семьи и будущий *selfmade man*, однако с обостренным национальным чувством, которое Вулф постоянно подчеркивает, вкладывая в уста этого героя далеко не отроческие реплики по поводу «избранности» еврейского народа и его высшего по сравнению с другими народами предназначения – особенно в чужой стране).

Неиспорченная и искренне увлеченная учебной вчерашняя провинциальная школьница Шарлотта, жаждущая духовной, а не плотской близости, с ужасом для себя понимает, что практически все студенты Дьюпонта одержимы сексом:

«Sex! Sex! It was in the air along with the nitrogen and the oxygen! The whole campus was humid with it! tumid with it! lubricated with it! gorged with it! tingling with it! in a state of around-the-clock arousal with it! *Rutrutrutrutrutrutrutrutrutrut* – » [6, 127].

Конфликт главной героини со студенческой средой мотивируется неприятием текущего положения вещей. Долгое время она не может вписаться в университетскую жизнь, в которой выглядишь «жалкой маленькой пай-девочкой, если ты ни с кем не занимаешься сексом». «Я – Шарлотта Симмонс», – повторяет девушка в качестве заклинания, не позволяющего ей опуститься ниже чувства собственного достоинства.

Из всех поклонников Шарлотты повезет Хойту: на одной из вечеринок, когда девушка забудет о принципах нравственности и впервые в жизни напьется, он ее изнасиловывает. Автор, как преданный представитель школы «нового журнализма», любитель подробности и детали, посвящает этому грубому эпизоду целых семь страниц. Свою страсть к детализации автор объясняет тем, что упоминание мельчайших деталей так же важно как и само описание сцены или героя. Отметим, что Вулф даже стал обладателем ежегодной премии британского журнала *Literary Review* за худшую сексуальную сцену в литературном произведении, присваиваемой с целью «привлечь внимание к грубому и безвкусному описанию сексуальных сцен в современной литературе». Присуждавшее премию жюри назвало сексуальные сцены книги «отвратительными и нагоняющими скуку» [7]. Вдогонку представители *Literary Review* раструбили всему свету, что Вулф стал первым автором в истории премии, который постеснялся получить награду.

Вулф обходится со своей героиней весьма жестоко: в первых же эпизодах она подвергается мощному идеологическому прессингу, а к середине романа ее розовые очки окончательно слетают с носа. Вулф намеренно выбрал своей героиней давно вымерший литературный тип – девственно наивную умницу с принципами, чтобы читателю было максимально неловко наблюдать за тем, как уродует действительность это нежное создание. Положительный главный герой явно призван подчеркнуть и усилить критикуемое автором университетское окружение, при этом сам он повисает в опасной пустоте, грозя разрушить хрупкое ощущение подлинности. Конечно, гордая и честная провинциалка Шарлота Симмонс, сгорающая на «кострах собственных амбиций», подобно птице феникс, сумеет возродиться из пепла и обрести свое прежнее «Я». В изменяющихся исторических обстоятельствах Том Вулф утверждает и защищает вечные ценности, он повествует о пути человека к себе, о ясности самоотчета, о том, как важно жить выпрямившись в полный рост и не кланяться подонкам, о том, что нет никакой пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет.

В романе «Я – Шарлотта Симмонс» также отчетливо прослеживается тема доминирования мужчин (что опять же позволяет провести параллель между современным миром и Средневековьем), внимание которой уделялось и в более ранних произведениях автора «Костры амбиций» (*The Bonfire of the Vanities*) и «Мужчина в полный рост» (*A Man in Full*). Герои-мужчины в этих романах властны, их собственное «Я» возвышается над всем миром, они стремятся самоутвердиться посредством обладания женщинами и/или капиталом. Том Вулф неоднократно привлекает внимание читателей к мужественности своих героев и неустанно называет их великанами, гигантами с

крепкими мышцами. С таинственной настойчивостью автор перечисляет в своем произведении виды мышц, наиболее предпочтительными среди которых являются «*the pecs, the delts, the lats, the trapezius, the sternocleidomastoid*». Даже худосочный Эдам, находясь в спортзале, увлеченно рассматривает в зеркале свои мускулы (интересен тот факт, что всем персонажам Вулфа свойствен нарциссизм):

«He was enjoying that temporary high the male feels when his muscles, no matter what size they may be, are gorged with blood. He feels ... *more of a man!*» [6, 249].

Вдобавок ко всему этому, автор утверждает, что мужчина – это зверь. Словами Шарлотты это – «*human beast*», движимый жалкими порывами и витальными потребностями.

Не остается без внимания, затронутая Томом Вулфом еще в романе «Мужчина в полный рост», тема двустороннего расизма. Доведенное до абсурда американское равенство ставит под угрозу здравый смысл: каждый студент университета заложник толерантности, которая должна бы служить свободе, но, тем не менее, сковывает. Пытаясь изжить расизм по отношению к афроамериканцам, был порожден расизм к белым. Черные тоже расисты, однако, система политкорректного поведения делает белый расизм в романе только более утонченным и изощренным, но никак не нейтрализует его. На эти моменты Вулф раскрывает нам глаза с особенным, пристрастным тщанием и усердием. Белые ненавидят цветных не в последнюю очередь благодаря тому, что не смеют даже об этом заикнуться.

Кстати, прилежная девочка Шарлотта, случайно попав на «Кач-Френч» («французский для качков», т.е. баскетболистов, которым нужно набрать требуемое количество баллов, чтобы не отчислили из университета), обнажает перед читателем систему обучения черных спортсменов – разумеется, насквозь незаконную, основанную на списывании, подлоге и приписках баллов. Преподаватели становятся заложниками этой системы: поступаясь своими принципами, они ставят галочки заведомо необучаемым двухметровым баскетболистам, лишь за то, что они представляют честь университета (где фактически не учатся).

Пытаясь воссоздать панорамную картину духовной и нравственной деградации кампусного мира, Том Вулф прибегает к использованию таких свойственных университетской прозе средств как ирония и гипербола. Иронический эффект с элементами преувеличения наблюдается уже хотя бы в том, что мир университетской науки изображен автором как нечто абсолютно неакадемическое, где заглавный интерес представляют спорт, секс и алкоголь, а не учеба. «Мутанты миллениума», «ботаники в очках», представители интеллигенции университета Дьюпонт, на своих еженедельных собраниях, помимо прочих вопросов, обсуждают значение слова «круто», а белый спортсмен Джоджо Йоханссен, который в силу своих умственных способностей не в состоянии выполнить самостоятельно домашние задания и прибегающий на помощь к вышеупомянутым «ботаникам», пытается познать себя. Он берется за чтение греческой литературы (особенно ему интересен Сократ) и начинает посещать курс по философии повышенной сложности. Все это, несомненно, захватывает воображение читателя и придает произведению неповторимый колорит, сообщая ему динамизм и увлекательность.

Выводы и перспектива. Изначально присущие университетской действительности особенности в романе «Я – Шарлотта Симмонс» доведены до крайности, до

точки кипения и обретают плакатную наглядность. Органичное соединение, казалось бы, исконно американского и всеобщего, злобы дня и вечного придает университетскому роману Тома Вулфа особую значимость и весомость. Огромное интеллектуальное, психологическое и социальное напряжение, которым насыщена художественно воссозданная атмосфера университетского кампуса, наделяет данное произведение интеллектуально-философским потенциалом, который открывает новые перспективы решения проблемы «человек и социум» и дает новые импульсы для осмысления собственного места в мире.

В следующей работе будет предпринята попытка осуществить стилистический анализ университетского романа Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс».

Список литературы

1. Георгиева Т.С. Высшая школа в США на современном этапе / Т.С. Георгиева. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 57.
2. Deresiewicz W. Love on Campus [электронный ресурс]. – Режим доступа к источнику: <http://www.theamericanscholar.org/su07/love-deresiewicz.html>
3. Edemariam A. Who's afraid of the campus novel? [электронный ресурс]. – Режим доступа к источнику: <http://books.guardian.co.uk/review/story/0,12084,1317066,00.html>
4. Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики / Том Вулф. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – 574с.
5. Люксембург А. М. Англо-американская университетская проза. История, эволюция, проблематика, типология / А.М. Люксембург. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского гос. ун-та, 1988.
6. Wolfe T. I am Charlotte Simmons / Tom Wolfe. – New York: Farrar Straus Giroux, – 2004.
7. Literary Review [электронный ресурс]. – Режим доступа к источнику: <http://www.lrb.co.uk/v27/n01/theo-tait>

Сердюк О. Н. Проблема людини і соціуму в університетському романі Тома Вулфа "Я - Шарлота Симмонс" / О. Н. Сердюк // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 301-307.

Увійшовши до складу інтелектуальних хітів останніх десятиліть, університетська проза стала одним із найяскравіших літературних явищ на зламі XX-XXI століть, де домінують побутові писання, обговорення нагальних моральних та соціальних проблем. В статті розглядається проблематика університетського роману Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс».

Ключові слова: університетський роман, академічне середовище, людина та соціум.

Serdyuk H. N. The problem of man and society in Tom Wolfe's campus novel "I am Charlotte Simmons" / H. N. Serdyuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 301-307.

Having become a part of intellectual best-sellers of the last decades, campus novel appeared to be one of the most striking literary phenomena at the turn of the XX-XXI centuries. Here prevails writing of everyday life, consideration of urgent moral and social issues. The article deals with the range of problems raised by Tom Wolfe in his campus novel "I am Charlotte Simmons".

Key words: campus novel, academic environment, man and society.

Поступила в редакцию 01.09.2010 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Аджімуратова Заре-
ма Наріманівна**

старший викладач кафедри кримськотатарського мовознавства факультету кримськотатарської та східної філології ТНУ ім. В.І.Вернадського, e-mail: zarema@crimea.edu

**Алиев Ядигар Вели
оглы**

кандидат филологических наук, доцент, Гянджинский Государственный Университет Азербайджана, e-mail: azfolklor@yahoo.com

**Алиева
Васфие Николаевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, г. Симферополь, e-mail: flassy2002@ukr.net

**Байрамова Айтен
Магомед кызы**

старший преподаватель Азербайджанского Университета Языков, e-mail: azfolklor@yahoo.com

**Бекиров
Рустем
Александрович**

асистент кафедры восточной филологии, факультета крымскотатарского и восточного языкознания, Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, тел. моб. 066 4038015, E-mail: rbekirov@mail.ru

**Бекирова
Левиза Исмаиловна**

к. ф. н., старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания, факультета крымскотатарской и восточной филологии, ТНУ им. В. И. Вернадского, тел. моб. 0509894467, E-mail: bekirova.79@mail.ru

**Гафарова
Ранетта Исметовна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», e-mail: ranetta@bk.ru

**Гусейнов Магеррам
Аббасели оглы**

кандидат филологических наук, докторант Азербайджанского Государственного Педагогического Университета, e-mail: azfolklor@yahoo.com

**Гусейнова
Махира Наги кызы**

диссертант Азербайджанского Государственного Педагогического Университета, e-mail: azfolklor@yahoo.com

**Джелилов
Ахтем Алиевич**

аспирант кафедры крымскотатарского та турецкого языкознания РВУЗ “Крымский инженерно-педагогический университет”, e-mail: pikas@front.ru

**Живцова Ольга
Александровна**

старший преподаватель кафедры английского языка факультета политологии Ташкентского государственного института востоковедения (Узбекистан), e-mail: j.valera@mail.ru

Исмаилова Егана Нематулла кызы	кандидат филологических наук, доцент Бакинского Государственного Университета, тел. 050 395 24 00, e-mail: azfolklor@yahoo.com
Калужина Ольга Владимировна	преподаватель кафедры иностранных языков факультетов естественно-научного профиля Таврического национально-го университета им. В.И. Вернадского, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, e-mail: kaluzhina-olga@list.ru
Кафарова Саман- гюль Гусу кызы	кандидат филологических наук, Бакинский Славянский Университет, e-mail: azfolklor@yahoo.com
Кая М.	кафедра мови та літератури Егейського університету, Ізмір, Республіка Туреччина, e-mail: moner@edebiyat.ege.edu.tr
Кравцова Марина Александровна	аспирантка кафедры романской и классической филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, marinakravtsova2008@yandex.ru
Кривонос Екатерина Александровна	доцент, Белорусский государственный университет, телефон + 375 17 200 71 13, e-mail kerris@inbox.ru
Меметов Искандер Айдерович	филолог-тюрколог, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, тел. 0505814050, Isken25@mail.ru
Меметова Эдие Шевкетовна	к.филол.н., доцент, зав. кафедрой крымскотатарского языко-знания, e-mail: edie70@mail.ru
Миниахметова Эльвира Хафизовна	старший преподаватель турецкого языка кафедры междуна-родных отношений института социальных наук Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, тел. моб. 097 913 46 43, e-mail: Melvira@ukr.net
Мурахас Мумине Садыковна	ассистент кафедры крымскотатарского языкознания, факультета крымскотатарской и восточной филологии, e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com
Мухамади Куралай	кандидат филологических наук, доцент, Университет имени Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Казахстан, e-mail: mirzoeva@list.ru
Озшахін М.	кафедра мови та літератури Егейського університету, Ізмір, Республіка Туреччина, e-mail: moner@edebiyat.ege.edu.tr
Онер М.	кафедра мови та літератури Егейського університету, Ізмір,

	Республика Туреччина, e-mail: moner@edebiyat.ege.edu.tr
Плотникова Лариса Ивановна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, e-mail: Plotnikova@bsu.edu.ru
Садыгова Усния Гусейнали кызы	сотрудник Бакинского Славянского Университета, диссертант Института Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана, e-mail: azfolklor@yahoo.com
Селендили Лемара Сергеевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарского языкознания, Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, тел. раб. 516-006, тел. моб. 8 050 6345851, E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com
Сердюк Е. Н.	аспирант кафедры английской филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, e-mail: vol6662007@rambler.ru
Сеферова Фера Асановна	кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской и турецкой литературы РВУЗ “Крымский инженерно-педагогический университет”, e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com
Силин Владимир Васильевич	кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии ТНУ, e-mail: marinakravtsova2008@yandex.ru
Сулейманова Джемиле	ассистент кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: cemile-qirim@mail.ru
Сухоруков Алексей Николаевич	преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, тел. моб. +38095 9095325, E-mail: sankafd2004@mail.ru
Таптыгов Адил Семендер оглы	диссертант Института Языкознания Национальной Академии Наук Азербайджана, e-mail: azfolklor@yahoo.com
Усеинов Тимур Бекирович	к.ф.н., доцент кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета ТНУ, Украина, Крым, 8-0501070749, e-mail: useinovtb@mail.ru
Чернявская Олеся Григорьевна	Аспирантка кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянских языков и журналистики Таврического национального университета им.

	В.И.Вернадского. e-mail: olesyablack@list.ru
Шахбанова Патимат Гаджиевна	соискатель кафедры дагестанских языков ДГПУ, e-mail: patimat_1971@mail.ru
Шеремет Виталий Владимирович	магистр факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, специальность арабский язык и литература, 4 курс. моб. тел. 099 950 70 92, e-mail: sheremetvitaliy@gmail.com
Шеремет О.В.	Республиканское высшее учебное заведение «КИПУ», Студенческое научное общество «Полиглот», e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com
Щербина Світлана Миколаївна	викладач НПУ ім. М.П. Драгоманова, м. Київ, тел. 559-33-72, 0989168277 E-mail: sveta.sh@i.ua
Эфендиева Чичек Абид кызы	к.ф.н. доцент, НАНА Институт Фольклора, e-mail: azfolklor@yahoo.com
Юнусов Шевкет Эльвисович	канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой крымскотатарской литературы ТНУ им. В.И.Вернадского. Тел.: 516016(107), e-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua
Юсифли Афаг Халил гызы	Гянджинский Государственный Университет Азербайджана, e-mail: azfolklor@yahoo.com
Юсупова А.Ш.	Россия, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доктор филологических наук, профессор, e-mail: alyusupova@yandex.ru
Яяева Н.М.	преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания РВУЗ «КИПУ», e-mail: akay99@aol.com

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Просим вас придерживаться правил подготовки и оформления рукописей для журнала «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского». Авторские рукописи должны быть оформленными в соответствии с государственными стандартами и отвечать требованиям Постановления ВАК Украины №7-05/1 от 15.01.2003 г.: «...принимать к печати... только научные статьи, которые имеют такие необходимые элементы: постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными актуальными научными или практическими заданиями; анализ последних исследований и публикаций, положивших начало исследованию данной проблемы и на которые опирается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается отмеченная статья; формулировка целей статьи (постановка задания); изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из данного исследования и перспективы последующих разведок в данном направлении» (Бюллетень ВАК Украины, № 1, 2003).

1. Текст рукописи принимается на украинском или русском языке с указанием даты ее написания, личной подписью автора, аннотациями и ключевыми словами на русском, украинском и английском языках (300-500 зн.), сведениями об авторе (имя, отчество полностью, фамилия, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, служебный и домашний телефоны, E-mail).

Для аспирантов, адъюнктов и соискателей необходимо представить рекомендацию научного руководителя или рецензию ученого, имеющего научную степень по специальности, отвечающей предмету исследования, и (или) выписку из протокола заседания соответствующей кафедры (отдела) с рекомендацией статьи к печати.

При направлении рецензии на издание — один экземпляр рецензируемого издания.

К тексту добавляются: дискета (диск) с рукописью (Microsoft Word), рецензия-рекомендация.

2. Требования к оформлению текста рукописи.

2.1. Бумага формата А4 (размер 210 x 297 мм); параметры страницы: верхнее и нижнее поля - 20 мм, левое - 30 мм, правое - 15 мм; шрифт – Times New Roman 14 pt; интервал между строками-1,5.

2.2. Ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках с указанием номеров страниц соответствующего источника, а сами названия источников приводятся в конце текста статьи в порядке упоминания. Каждый источник с новой строки.

- Библиографические описания источников должны обязательно содержать фамилию и инициалы авторов, названия их трудов, город и год издания (издательство указывать не обязательно).

- Авторские примечания оформляются в конце страниц с использованием символа * как знака сноски.

3. Объем авторских рукописей. Объем статьи - не более 10, а рецензии - не более 3 печатных страниц до 0,5 усл. п. л. (до 20 тыс. зн. с пробелами); рецензий и тому подобное - до 0,2 усл. п. л.

Рукописи, которые не отвечают требованиям, отмеченным в п. 1-3, редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.

Консультации: ответственный секретарь Селендили Лемара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, тел. +380506345851, E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ

ТЮРКОЛОГИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Юсупова А. Ш.	
Лексика двуязычных словарей татарского языка XIX века.....	3
Öner M., Kaya M. Y., Özşahin M.	
Lehçe-i Tatarî'nin Söz Varlığı Üzerine Bir Deneme	9
Мухамади К.	
Аналитическое склонение в системе способов словоизменения	20
Меметова Э. Ш.	
Юсуф Болатнын эсерлеринде эмоциональ-экспрессив лексиканын күүланылувы.....	27
Аджимуратова З. Н.	
Сравнительно-типологический анализ подражаний свистящим и жужжащим звукам в крымскотатарском языке	32
Таптыгов А. С.	
Мифологические топонимы, сформировавшиеся на основе культов дерева и горы на территории Азербайджана	37
Пішеніна М. В.	
Універсальне та національно-специфічне турецької ботанічної номенклатури (ономасіологічний та семасіологічний аспекти)	43
Бекиров Р. А.	
Грамматические особенности глагольных фразеологизмов арабского языка	49
Яяева Н.	
Диалог мунасебетинин шартлары	54
Берберова Р. А.	
Къырымтатар тилинин элифбеси ве имлясыны латин графикасына кечирюв курешинде атылган адымлар	59
Бекирова Л. И	
Глагол прошедшего времени изъявительного наклонения на имя + эди в современном крымскотатарском языке	64
Мурахас М. С.	
Некоторые грамматические особенности ускутского говора.....	69
Гусейнова М. Н.	
Об исследованиях проф. Гасана Мирзоева, посвященных категории переходности и непереходности глагола	74

Сухоруков А. Н.	
Анализ лексики газеты «Иран» как показателя пуристических тенденций в современном персидском языке.....	79
Алиев Я. В.	
К чтению эпиграфических памятников Кавказской Албании (Азербайджана) (Памятники из Мингечаура)	85
Джелилов А. А.	
Фразеосемантическое микрополе “восприятие” в крымскотатарском и английском языках.....	93
Селендили Л. С.	
Обращение: семантика, структура и функции в крымскотатарском предложении.....	99
Миниахметова Э. Х.	
Арготическая лексика в турецком языке.....	107

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Бук С.	
Статистична структура роману Івана Франка “Борислав сміється”	114
Ачилова В.	
Труднощі під час вивчення односкладних речень у вищій та середній школі	119
Гафарова Р. И.	
Продуктивные и непродуктивные суффиксы универбов русского языка	127
Чернобай С. Е.	
Концепт «Дом» в английской фразеологической картине мира	136
Шахбанова П. Г.	
Категория числа имени существительного карбачимахинского говора даргинского языка.....	141
Байрамова А. М.	
Стилистический потенциал употребления вида и времени в английском и русском языках	145
Живцова О. А.	
Сопоставительно-типологический аспект исследования категории отрицания (на примере английского и узбекского языков)	150
Дьякова Н. А.	
Фразеологические единицы с компонентами «cat» и «dog» в английском и русском языках в свете языковой картины мира	157

Гауриладжук О.

Гендерный аспект лексико-семантического выражения
образу святого у молитви..... 161

Шеремет О.В.

Формирование произносительных навыков английской речи учащихся
начальных классов в условиях украинско-русского билингвизма..... 168

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Плотникова Л. И.

Язык средств массовой информации: инновационные тенденции 174

Щербина С. М.

Метафорична репрезентація образного складника концептів
success<>failure в англійській картині світу..... 178

Дробышева Н. Л.

Повторные номинации в текстах научно-технической периодики 185

Алиева В. Н.

Заимствованные экономические термины
в лексической системе современного русского языка 191

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА; НОВЕЙШИЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИЛОЛОГИИ

Кривонос Е. А.

Составление тезауруса по экономике на базе корпуса
учебных текстов по специальности 196

Сеферова Ф. А.

Поэтический перевод и национальная специфика 203

Меметов И. А.

Некоторые особенности перевода с турецкого языка 208

Садыгова У. Г.

Принципы восприятия эпического текста
(на основе перевода «Бхагавадгиты» на Азербайджанский язык) 215

Эфендиева Ч. А.

Способы передачи временного кода русской культуры
в иностранном языке (фразеологический аспект)..... 220

Шеремет В. В.

Расширенный поиск моделей эквивалентного перевода грамматической
категории падежа (на уровне лингвистических соответствий русского,
украинского, турецкого и арабского языков)..... 226

Чернявская О. Г.

Синтаксические особенности представления юридической информации
на русскоязычных web-сайтах Украины.....232

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

Силин В. В.

Диалогические романы Чингиза Айтматова
«Буранный полустанок» и «Плаха»238

Кафарова С. Г.

Азербайджанская детская литература: общие вопросы.....247

Усеинов Т. Б.

Панегирик в рамках средневековой крымскотатарской письменной
силлабической поэзии. Восхваление географической местности251

Гусейнов М. А.

Словесные повторы в лирической структуре стихотворения
(на основе материалов Азербайджанской поэзии 1960-80-х годов).....256

Юнусов Ш. Э.

Исторический роман Гюнер Акмоллы «Татары»:
проблематика и вопросы сюжетной организации.....261

Юсифли А. Х.

Наследие Физули и творчество Микаила Мушфика.....265

Исмаилова Е. Н.

Мотивы эпоса «Книга - Деде Коркуда»
в творчестве Микаила Рзакулизаде.....270

Сулейманова Д.

А. Гиравбайнынъ белли олмагъан сонетлери275

Бондаренко Л. В.

Лингвокультурный типаж «Английский чудак»
в пьесе т. Стоппарда «Аркадия»281

Кравцова М. А.

Бинарные оппозиции в романах Вирджинии Вульф286

Калужина О. В.

Адаптация еврейских писателей в американском литературном процессе 294

Сердюк Е. Н.

Проблема человека и социума в университетском романе
Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс»301

Сведения об авторах308

К сведению авторов.....312